

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE d'HISTOIRE ANCIENNE

4 (187)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1988

Редакционная коллегия:

чл. корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин* (главный редактор),
д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*, д. и. н. *Е. С. Голубцова*,
д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*,
д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
д. и. н. *В. И. Кузищин*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
д. и. н. *Л. П. Маринович*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный
секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Шгаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

*О награждении
Ленинской и Государственными премиями СССР
советских ученых*

Группа советских ученых награждена Ленинской и Государственными премиями СССР за выдающиеся труды в области филологии, лингвистики, истории античности и древнего Востока.

Ленинская премия в 1988 г. в области науки и техники присуждена академику Гамкрелидзе Тамазу Валериановичу, директору Института востоковедения им. Г. В. Церетели АН Грузинской ССР, и доктору филологических наук Иванову Вячеславу Всеволодовичу, зав. сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР, за монографию «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (в 2-х томах, Тбилиси, 1984).

Государственных премий СССР 1987 г. в области науки и техники удостоены: доктор исторических наук Штаерман Елена Михайловна, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, за участие в создании «Всемирной истории», опубликованной в 1955—1983 гг., и доктор исторических наук Дандамаев Магомед Абдул-Кадырович, зав. сектором древнего Востока ЛО Института востоковедения АН СССР, за цикл работ «Социально-экономическая и политическая история Ирана и Месопотамии», опубликованных в 1963—1985 гг.

Присуждение почетных премий известным ученым — не только признание их вклада в развитие советской и мировой науки, но и высокая оценка достижений нашей науки о древности.

Редколлегия и редакция журнала сердечно поздравляют лауреатов — своих коллег и постоянных авторов ВДИ — с высокими наградами, желают им доброго здоровья и новых плодотворных исследований, которые приумножат успехи в изучении истории и культуры античности и древнего Востока.

И. М. Дьяконов, Е. В. Зеймаль

ПРАВИТЕЛЬ ПАРФИИ АНДРАГОР И ЕГО МОНЕТЫ

Амударьинский клад, обнаруженный в 1878—1879 гг. на городище Тахти Кобад в Кобадянском бекстве (ныне — Шаартузский р-н Курган-Тюбинской обл. Таджикской ССР) ¹, поставил перед исследователями немало вопросов; на некоторые из них и сегодня — спустя сто с лишним лет после этой находки — нельзя ответить с уверенностью. К их числу относится и историческая атрибуция золотых и серебряных монет с именем Андратора, а также тесно с ними связанных золотых монет «Вахшувара», хотя после первых публикаций ² к этим монетам неоднократно обращалось несколько поколений исследователей и в специально посвященных им работах ³, и в связи с публикацией новых экземпляров ⁴, и в исследованиях о других нумизматических группах ⁵, и в разного рода каталогах и сводных изданиях ⁶. Расхождения в определении места

¹ *Cunningham A.* Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // *The Journal of the Asiatic Society of Bengal.* 1881. P. 151—188. Pl. XI—XIX; 1883. P. 64—67. Pl. V, VI; 1883. P. 258—260. Pl. XXI (далее — Relics. I, II, III); *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus with Other Objects from Ancient Persia and India Bequeathed to the Trustees of the British Museum by Sir Augustus Wollaston Franks. L., 1905 [2nd ed.—1926, 3d ed.—1964]; *Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В.* Еще раз о месте находки Амударьинского клада // *Известия АН ТаджССР. Отд. обществ. наук.* Душанбе, 1962. Вып. 1 (28). С. 40—45; *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.

² *Gardner P.* New Coins from Bactria // *NC.* New ser. 1879. V. XIX. P. 1—12. Pl. I; *Idem.* The Coins from Central Asia // *NC.* 3d ser. 1881. V. I. P. 8—12. Pl. II; *Cunningham.* Relics. I. P. 171—173.

³ *Howorth H. H.* The Initial Coinage of Parthia // *NC.* 3d ser. 1890. V. X. P. 33—41; *Idem.* Some Notes on Coins Attributed to Parthia // *NC.* 4th ser. 1905. V. V. P. 205—224; *Hill G. F.* Andragora // *Atti e Memorie dell'Istituto Italiano di Numismatica.* Rome, 1919. V. III. P. 23—33; *Wolski J.* Le problème d'Andragoras // *Известия на Българския археологически институт.* Кн. XVI, част първа (Сборник Гаврил Кацаров). София, 1950. С. 111—114; *Ghirshman R.* Un tétradrachme d'Andragoras de la collection de M. Foroughi // *Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History.* Studies in Honor of G. C. Milles. Beirut, 1974. P. 1—8.

⁴ *Марков А. К.* Неизданные Арсакидские монеты // *ЗВОРАО.* 1891. Т. VI. СПб., 1892. С. 266—269; *Rapson E. J.* Markoff's Unpublished Coins of the Arsacidae // *NC.* 3d ser. 1893. V. XIII. P. 204—206; *Dressel H.* Erwerbungen des Königlichen Münzcabinet in den Jahren 1890—1897 (antike Münzen) // *Zeitschrift für Numismatik.* В., 1898. Bd XXI. S. 231.

⁵ *Allote de la Fuje.* Étude sur la numismatique de la Perside // *Corolla Numismatica.* Numismatic Essays in Honour of Barclay V. Head. Oxf., 1906. P. 76—77; *idem.* Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines // *RN.* 4me sér. 1910. T. XIV. P. 281—292. Pl. I, 6, 7; *RN.* 4me sér. 1925. T. XXVIII. P. 31; *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville (Mémoires de la Mission archeologique en Iran. T. XXXVIII). P., 1965. P. 298—299, 312—316.

⁶ *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. L., 1886. P. XIX, 1. Pl. I, 1, 2; *Wroth W.* Catalogue of the Coins of Parthia [in the British Museum]. L., 1903. P. XXX; *Head B. V.* *Historia Numorum.*

и времени выпуска этих монет продолжают существовать и сегодня ⁷, хотя — в дополнение к двум упоминаниям Андрагора у Юстина (XII.4,12 и XLI.4,7) — теперь стала известна еще и надпись из района Гургана, в которой фигурирует селевкидский чиновник по имени Андрагор ⁸.

МОНЕТЫ *

Эмиссия I. Статеры Андрагора

Л. ст.: бюст бородатого мужчины вправо ⁹ (волосы на голове и борода изображены идеально ровно лежащими прядями) с повязкой-лентой на волосах (концы, обычно завязываемые на затылке, не видны) ¹⁰; снизу виден край одеяния, лежащего четырьмя горизонтальными изогнутыми складками; слева в поле (за головой) — монограмма ¹¹.

Об. ст.: мужская фигура в доспехе ¹², едущая в двухколесной повозке (колесо с утолщенным ободом, четырьмя спицами и шаровидными шипами-выступами на внешней поверхности обода), запряженной четырьмя рогатыми конями в галопе (задние ноги опираются на землю, передние подняты) и управляемой крылатым персонажем ¹³ со стрелалом в правой руке. Под изображением легенда — ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ.

Два таких статера, чеканенных разными штемпелями, хранятся в Бригнском музее ¹⁴ (один из коллекции А. Гранта, другой — А. Каннингэма), один — в Берлинском музее (также из коллекции А. Гранта) ¹⁵. В собрании А. Каннингэма имелся еще один экземпляр ¹⁶, но в Британ-

A manual of Greek Numismatics. Oxf., 1911. P. 824—825; Hill G. F. Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia [in the British Museum]. L., 1922. P. cxlviii-clx, 193—194. Pl. XVIII, 1—6; Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. V. I. The Early Indo-Greeks and their Antecedents: Alexander the Great, the satraps of Egypt, Babylon, Ecbatana, Bactra and Kapisa: the Seleucids: circa 330 to 150 B. C. L., 1975. P. 19; Göbl R. Antike Numismatik. Bd 2. München, 1978. № 2110—2113.

⁷ Так, М. Митчинер (op. cit.) определяет дату Андрагора «около 315 г. до н. э.»; Р. Гёбль (op. cit.) датирует монеты Вахшувара широко (III в. до н. э.) и относит их к Западному Ирану (Персиде), а монеты Андрагора связывает с Северо-Западным Ираном и помещает в середину III в. до н. э. Ср. также Bivar A. D. H. The Political History of Iran under the Arsacids // CHI. V. 3. Pt 1. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambr., 1983. P. 28 f.; idem. The History of Eastern Iran // CHI. V. 3. Pt 1. P. 186.

⁸ Robert L. Inscription hellenistique d'Iran // Hellenica. 1960. V. XI—XII. P. 85—91.

* Монеты, эмиссии I—IV, см. вклейку.

⁹ П. Гарднер (New Coins... P. 1—2) полагал, хотя и без уверенности, что это Зевс. «Зевсоподобным божеством» называл его и Дж. Хилл (Op. cit. P. 193). Г. Ховорс (The Initial Coinage... P. 38 f.) видел в нем портрет правителя-негрека.

¹⁰ Само изображение этой ленты не позволяет решать, была ли это *ταυρία* (если считать, что изображено божество) или *δαδύρα* (если изображен правитель).

¹¹ А. Каннингэм (Relics. I. P. 173), никак не обосновывая, «раскрывал» эту монограмму как АТРОПАТН.

¹² Дж. Хилл (Op. cit. P. cl) отмечал, что это скорее всего изображение самого Андрагора и нет оснований видеть в этом персонаже «Марса».

¹³ Все исследователи, кроме Г. Ховорса (The Initial Coinage... P. 34), считали, что колесницей правит крылатая богиня Победы.

¹⁴ Их вес — 8,52 и 8,55 г (Hill. Op. cit. P. 193. Pl. XXVIII, 1).

¹⁵ Вес — 8,45 г (Dressel. Op. cit. S. 234).

¹⁶ Cunningham. Relics. I. P. 173.

ский музей он не поступил, и о его местонахождении сейчас нет сведений. Известны и подделки таких статов, изготовленные, видимо, в Равалпинди. Еще в 1881 г. А. Каннингэм сообщил о виденных им семи экземплярах поддельных статов Андрагора¹⁷, — писал о них и Дж. Хилл¹⁸. Следует отметить, что все подлинные статы Андрагора принадлежат к числу монет, относимых к Амударьинскому кладу.

Эмиссия II. Т е т р а д р а х м ы А н д р а г о р а

Л. ст.: голова богини, увенчанная изображением крепостных башен

(сogona muralis), вправо; в поле слева (за головой) монограмма ;

точечный ободок.

Об. ст.: стоящая Афина влево; на голове — характерный шлем с длинным гребнем (ἀφρος), одеяние — хитон и плащ-гиматия¹⁹; на вытянутой вперед правой руке богини — сидящая сова²⁰; опущенная вниз левая рука — на стоящем вертикально у ноги щите с умбон-горгонеионом; за богиней — изображенное наклонно длинное копьё. Легенда (справа, сверху вниз) — ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ; точечный ободок.

Всего известно три такие тетрадрахмы — две в Британском музее²¹, одна — в Государственном Эрмитаже²². Все три экземпляра были приобретены у торговца древностями из Равалпинди Чанда Малла, через руки которого прошло большинство вещей и монет, причисляемых к «сокровищу Окса». Известны и поддельные тетрадрахмы Андрагора²³.

Эмиссия III. С т а т е р В а х ш у в а р а

Л. ст.: бюст правителя в кирбасии, поверх которого повязана широкая лента-диадема (концы ее, обычно завязываемые на затылке, не видны)²⁴, вправо; за головой (слева, снизу вверх) арамейская легенда из пяти знаков.

Об. ст.: правитель в кирбасии и со стрекалом в правой руке, едущий на двухколесной повозке (как на статерах Андрагора — эмиссия I), запряженной четверкой коней в галопе (задние ноги на земле, передние подняты), вправо; под задними ногами коней арамейская легенда из четырех знаков.

Единственный такой статер, который известен, принадлежит Британскому музею и также (в числе других монет из Амударьинского клада) был приобретен А. Грантом в Равалпинди у Чанда Малла²⁵.

Эмиссия IV. С т а т е р В а х ш у в а р а, с л е д у ю щ и й с т а т е р а м А л е к с а н д р а

Л. ст.: голова Афины в шлеме вправо (изображение огрубленное и со

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Hill. Op. cit. P. cli.

¹⁹ П. Гарднер отмечал необычность плаща-гиматия для изображений Афины на монетах (The Coins from Central Asia. P. 8).

²⁰ А. К. Марков (Ук. соч. С. 266, 268) полагал, что это не сова, а ворона; ср. возражения Э. Рэпсона (Op. cit. P. 205).

²¹ Их вес — 16,56 и 16,36 г (Hill. Op. cit. P. 193. № 3, 4).

²² Марков. Ук. соч. С. 266; вес — 16,32 г. Этот экземпляр чеканен теми же штемпелями, что и один из экземпляров Британского музея (Hill. Op. cit. P. 193. № 3), а высказывавшиеся сомнения в его подлинности (Rapson. Op. cit. P. 205—206) нельзя признать убедительными.

²³ В частности, экземпляр из коллекции Азизбеглу (Ghirshman. Op. cit.).

²⁴ П. Гарднер (New Coins... P. 4) явно не понял, что это кирбасий. Ср. Hill. Op. cit. P. clix, 194.

²⁵ Вес — 8,79 г. Gardner. New Coins... P. 4; Hill. Op. cit. P. 194.

значительными отклонениями от прототипа ²⁶); в поле (под подборком) — ПГ ²⁷.

Об. ст.: стоящая крылатая богиня влево, с железом и венком в вытянутой на уровне локтя правой руке и с кадуцеем (?) — в левой; справа (снизу вверх) арамейская легенда из шести знаков, слева (у руки) — один знак (начертан горизонтально, а не снизу вверх, как знаки справа).

Этот статер — единственный из рассматриваемых здесь монет, который определенно не связан с Амударьинским кладом. Он поступил в Британский музей в 1824 г. из коллекции Р. Пейн-Найта ²⁸.

Эмиссия V: Двойной золотой статер Вахшувара

Л. ст.: голова Александра в слоновьем скальпе-шлеме вправо; точечный ободок.

Об. ст.: стоящая крылатая богиня влево (как на об. ст. эмиссии IV) и арамейская легенда из шести (?) знаков, как на об. ст. эмиссии IV (или эм. III?).

Эта эмиссия выделяется предположительно, поскольку о существовании такой монеты известно только по сообщению А. Каннингэма, видевшего ее карандашную протирку ²⁹. О местонахождении монеты сведений не имеется, но сам факт ее существования вряд ли может вызывать сомнения. Золотые двойные статеры (вес их колеблется от 16,00 до 16,60 г) с такими типами выпускались при Александре и после его смерти вплоть до 90-х гг. III в. ³⁰ и вполне могли быть использованы (как это было и с эмиссией IV) в качестве прототипа для монет Вахшувара ³¹.

²⁶ Следует отметить, что прототипом для этого статера послужили скорее не статеры самого Александра, а статеры с типами Александра, выпускавшиеся в селевкидское время. Так, они чеканились на протяжении всего правления Селевка I в Селевкии-на-Тигре (около 305—304 гг. до н. э. — *Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. N. Y., 1938. P. 12. Pl. I, 1—4; около 304—303 гг. — Ibid. P. 14. Pl. III, 7—8; около 296—295 гг. — Ibid. P. 25. Pl. VII, 6, 10; около 290—289 гг. — Ibid. P. 29. Pl. IX, 2; около 285—284 гг. — Ibid. P. 35. Pl. XI, 5), в Сузах (около 310—300 гг. — Ibid. P. 108. Pl. XXII, 3. XXIII, 1; около 300—298 гг. — Ibid. P. 113. Pl. XXIII, 10; около 298—280 гг. — Ibid. P. 149. Pl. XXV, 8, 9; P. 120. Pl. XXV, 15), в Экбатане (около 311—303 гг. — Ibid. P. 163—164. Pl. XXXIII, 1, 7, 14; P. 165. XXXIV, 1—2; около 303—293 гг. — Ibid. P. 171. Pl. XXXV, 10). На некоторых статерах с типами Александра в легенде обозначено и его имя, а имя Селевка в таких случаях отсутствует (*Ibid. P. 14. Pl. III, 7, 8; P. 108. Pl. XXII, 3; XXIII, 1; P. 163—165. Pl. XXXIII, 1, 7, 14; XXXIV, 1, 2; P. 171. Pl. XXXV, 10*). Известны, хотя и более редки, статеры с типами Александра, чеканившиеся при Антлохе I и от его имени (*Ibid. P. 128. № 347; P. 129. Pl. XXV, 14*).*

²⁷ Видимо, несколько неуверенное начертание этих букв (по сравнению с арамейской легендой) побудило Дж. Хилла усомниться в присутствии верхней черты в букве П и отказаться видеть в этих знаках греческие буквы (Ор. cit. P. 194. № 1). Но и П. Гарднер (*New Coins... P. 4*), и А. Каннингэм (*Relics. I. P. 172*) отмечают присутствие греческих букв ПГ на этой монете без каких-либо колебаний.

²⁸ *Hill. Op. cit. P. 149. № 1. Pl. XXVIII, 4 (= Gardner. New Coins... P. 4. Pl. I, 3 = Cunningham. Relics. I. P. 171—172. Pl. XVII, 8)*.

²⁹ *Cunningham. Relics. I. P. 172. № 23*.

³⁰ В частности, о двойных статерах Селевка, чеканившихся в Экбатане около 303—293 гг., см. *Newell. Op. cit. P. 171. № 460. Pl. XXXV, 6, 7*. Такой двойной статер Селевка (но без арамейской легенды) имелся среди монет, относимых к Амударьинскому кладу (*Cunningham. Relics. I. P. 172. № 24. Pl. XVII, 9; Bellinger A. R. The Coins from the Treasure of the Oxus // ANS MN. 1962. V. X. P. 67; Зеймаль. Амударьинский клад. С. 77. № 0358, 0359*).

³¹ Ср. *Hill. Op. cit. P. clix — clx*. Однако использование двойных статеров с типами Александра в качестве прототипа не может служить основанием для датировки следующих им монет Вахшувара концом IV — началом III в. до н. э. и совершенно исключает для них даты более ранние, чем даты прототипа.

Несмотря на недвусмысленные данные источников, помещающих Андрагора в Парфии³², его монеты сперва были включены в каталог Британского музея, посвященный монетам «греческих и скифских царей Бактрии и Индии»³³. Вероятно, это произошло потому, что все подлинные монеты Андрагора и Вахшувара (кроме одной) происходили или из Амударьинского клада, или, по крайней мере, из Равалпинди, куда попало большинство вещей и монет из этой находки. Вскоре после выхода этого каталога вполне справедливо отмечалось, что Андрагор и Вахшувар не имеют к Бактрии никакого отношения³⁴. Пожалуй, только В. Тарн высказывал (да и то не в печати, а в частном письме к Й. Вольскому от 30 июня 1939 г.) мнение, что Андрагор, чеканивший монеты, — небольшой греческий владетель, сидевший на берегах Окса³⁵.

Но в каталог парфянских монет Британского музея выпуски Андрагора и Вахшувара не вошли. В. Рос, его составитель, допуская, что Андрагор, «возможно, был сатрапом Парфии, назначенным Александром Великим около 331 г. до н. э.», полагал, однако, что наиболее подходящее место для его чеканки — среди монет Персии и ее сатрапий³⁶. Такая точка зрения (как и определение П. Гарднером Вахшувара как «персеполитанского царя»³⁷) отразилась и в последующих нумизматических³⁸ и нунумизматических³⁹ публикациях, затрагивавших монеты Андрагора и особенно Вахшувара.

Дж. Хилл не только включил монеты Андрагора и Вахшувара в раздел своего каталога монет Британского музея, посвященный Персии⁴⁰, но и подробно рассмотрел все связанные с ними вопросы (и, в частности, показал беспочвенность утверждения, что все монеты Андрагора и Вахшувара — подделки, изготовленные антикварами Равалпинди⁴¹). По поводу места чеканки этих монет Дж. Хилл отмечал, что гораздо больше оснований относить монеты Андрагора (в полном соответствии со сведениями Юстина) к Парфии, а монеты Вахшувара — «скорее к Северной, чем к Южной или Юго-Западной Персии»⁴², поскольку единственный (и весьма «поверхностный») повод причислять их к «персеполитанским сериям» — характерный не только для Персиды, но и для всей подвластной Ахеменидам территории кирбасий, в котором изображен правитель на лиц. и об. сторонах эмиссии III.

Кирбасий, восходящий к облачению ахеменидских сатрапов, как головной убор правителя был хорошо известен и в Парфии. Об этом теперь вполне определенно свидетельствуют раннеаршакидские монеты, о кото-

³² См. выше и ниже.

³³ Gardner. The Coins of the Greek and Scythic Kings. P. xix.

³⁴ Howorth. The Initial Coinage... P. 31.

³⁵ Wolski. La problème... P. 114. Ср. также Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1951. P. 100 f., где В. Тарн (вслед за Аллотом де ля Фюй) рассматривает Вахшувара как представителя династии, якобы основанной Оксартом, тестем Александра (отцом Роксаны), бактрийцем.

³⁶ Wroth. Catalogue. P. xxx, note.

³⁷ Gardner. New Coins... P. 4—8.

³⁸ Head. Historia... P. 824 f.

³⁹ Henning W. B. Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. 4. Bd: Iranistik, 1. Abschnitt: Linguistik. Leiden — Köln, 1958. S. 24.

⁴⁰ Hill. Op. cit. P. cxlviii — clx.

⁴¹ Howorth. Some Notes.... P. 209—217.

⁴² Hill. Op. cit. P. clix.

рых ничего (или почти ничего) не было известно Дж. Хиллу и его предшественникам⁴³.

Другой аргумент против отнесения монет Вахшувара к Парфии выдвинул Э. Друэн. Он полагал, что надписи раннеарамейским письмом («финикийско-арамейским») были неизвестны «к востоку от Тигра»⁴⁴. Однако после открытия документов из Нисы, существенно изменивших наши представления о судьбах арамейского письма в восточных провинциях Ахеменидской державы⁴⁵, несостоятельность этого довода также совершенно очевидна.

Таким образом, в полном соответствии со сведениями Юстина и данными надписи из района Гургана монеты Андрагора следует считать чеканкой доаршакидской Парфии, как и тесно с ними связанные монеты Вахшувара. Ни сами монеты, ни какие-либо другие данные этому не препятствуют. Точное определение города, в котором осуществлялся их выпуск, пока вряд ли возможно. Э. Т. Ньюэлл выделил чеканку одного из восточных селевкидских монетных дворов, работавшего при Антиохе I, Антиохе II и Селевке II, и высказал предположение, что этот двор находился в Гекатомпиде или в Александрии-Артакаене в Арии⁴⁶. Но независимо от конкретной локализации монетного двора, чеканившего эмиссии Андрагора и Вахшувара, необходимо отметить отсутствие какой-либо преемственности по отношению к селевкидской чеканке не только в содержании (сюжеты изображений, легенды), но и в манере исполнения, в оформлении и в технических особенностях чеканки. Если монеты Андрагора и Вахшувара и были чеканены в одном из центров, выпускавших ранее селевкидские монеты, то их изготовлением, видимо, занимались какие-то новые мастера, не владевшие традициями селевкидского монетного дела⁴⁷. В этих условиях особенности монетной чеканки не могут служить доводами за или против отнесения выпусков Андрагора и Вахшувара к тому или иному монетному двору.

В р е м я в ы п у с к а

Когда были обнаружены монеты Андрагора, для определения времени их чеканки в распоряжении исследователей были сведения Юстина о двух правителях с таким именем: один упоминался в связи с событиями 20-х гг.

⁴³ О раннеаршакидских сериях — *Abgariants M., Sellwood D. A Hoard of Parthian Drachms // NC. 7th ser. 1971. V. V. P. 103—119; Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1971. P. 17—27.* К ахеменидской изобразительности восходят, видимо, и другие символы царской власти в Парфии — *Зеймаль Е. В. Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLVII. Л., 1982. С. 46—49.*

⁴⁴ *Droin E. Rez.: A.-K. Markoff. Monnaies Arsacides inédites (en russe) // RN. 3me sér. T. XI. P., 1893. P. 120.*

⁴⁵ Так, об арахосийском происхождении каменных предметов с раннеарамейскими надписями, найденных в Персеполе, см. *Лившиц В. А., Шифман И. Ш.* К истолкованию новых арамейских надписей Ашоки // ВДИ. 1977. № 2. С. 22. Прим. 77.

⁴⁶ *Newell. The Coinage...* P. 250—259. По мнению Ж. Ле Ридера (Op. cit. P. 313), выделенные Э. Т. Ньюэллом серии (733—745) скорее были чеканены не в Гекатомпиде, а в Александрии-Артакаене.

⁴⁷ Возможно, в изготовлении монет Андрагора и Вахшувара принимали участие мастера, связанные каким-то образом с монетным двором в Бактрах. Как уже отмечал Ж. Ле Ридер (Op. cit. P. 313—315), соотношение осей лиц, и об. ст. тетрадрахм и статов Андрагора такое же (лиц. ст. — XII часов, об. ст. — VI часов), как у монет, выпускавшихся в Бактрах (на остальных селевкидских монетных дворах соотношение осей не было фиксированным). Если Андрагор и Диодот, вышедшие из-под власти селевкидского царя примерно в одно время, поддерживали союзнические отношения, то и бактрийские мастера могли работать на Андрагора в его владениях, и даже монеты Андрагора могли быть отчеканены в Бактрах.

IV в. до н. э., другой — примерно на 80 лет позднее (40-е или 30-е гг. III в. до н. э.). О раннем Андрагоре Юстин сообщает, что, «покорив парфян, Александр поставил над ними сатрапом (praefectus) Андрагора, из персидской знати; от него произошли позднейшие парфянские цари» (XII.4,12). Андрагор, живший в III в. до н. э., упоминается в связи с приходом к власти в Парфии Арсака. «Получив известие, что Селевк потерпел поражение в Азии, он [Арсак], не боясь более царя, с шайкой разбойников напал на парфян, победил их правителя Андрагора, и, убив его, захватил власть над [парфянским] народом» (XLI. 4,7).

Поскольку сами монеты не содержат прямых данных о времени их выпуска, для датировки были использованы главным образом иконографические аналогии. Сомнения в результативности такого подхода, высказанные А. К. Марковым, вполне точно отражают ситуацию, существовавшую не только в 80—90-х гг. XIX в., но и много позднее: «Оба Андрагора жили на расстоянии нескольких десятков лет, а потому художественное исполнение типа не может дать нам никаких указаний. В столь короткое время искусство в Парфии не могло так измениться, чтобы можно было по фабрикации сказать, к концу ли IV в. до Р. Х. или к середине III в. до Р. Х. относится монета»⁴⁸. При этом не могла не сказаться неразработанность детальной хронологии для монетной чеканки эллинистического Востока в целом (и Селевкидского царства, в частности⁴⁹). Так, сопоставление л. ст. тетрадрахм Андрагора с широким кругом изображений Тихи на монетах Смирны, Селевкии, Арада и других центров не могло — уже по самому характеру подбора аналогий, без детального типологического анализа — иметь датировочного значения⁵⁰, как и возведение Афины на об. ст. тетрадрахм [эм. II] к изображениям этой богини на монетах города Сиде IV в. до н. э.⁵¹ Еще более расплывчаты в хронологическом отношении аналогии изображению на л. ст. статеров Андрагора [эм. I]⁵², а тип об. ст. статеров Андрагора [эм. I] и Вахшувара [эм. III] сопоставлялся и с изображениями ахеменидского царя в колеснице на монетах Сидона⁵³, и со слоновьей квадригой на монетах Селевка I и Антиохов I и II⁵⁴, и с бигой на золотых статерах Филиппа II⁵⁵, и даже с изображениями колесницы на римских республиканских денариях⁵⁶. Столь же неопределенны в датировочном отношении сопоставления рогатых коней [об. ст. эм. I] с многочисленными изображениями не только рогатых коней, но и слонов⁵⁷. В подавляющем большинстве приводившиеся аналогии и со-

⁴⁸ Марков. Ук. соч. С. 267. Он не исключал, что статеры Андрагора могли быть отчеканены в IV в., а тетрадрахмы — в середине III в. до н. э.

⁴⁹ Достаточно сравнить, например, каталог селевкидских монет П. Гарднера (*Gardner P. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Seleucid Kings of Syria. L., 1878*) с детальным исследованием селевкидских монет III в. до н. э. у Э. Т. Ньюэлла (*Newell. Op. cit.; idem. The Coinage of the Western Seleucid Mints. N. Y., 1941*).

⁵⁰ Gardner. The Coins from Central Asia. P. 9; Hill. Op. cit. P. cliii.

⁵¹ Gardner. The Coins from Central Asia. P. 9—10; ср. Марков. Ук. соч. С. 269.

⁵² Gardner. New Coins... P. 2. Более точная аналогия — сопоставление этой головы с изображениями Зевса на монетах Антиоха I (*Howorth. Some Notes... P. 211*), но приведена она была в пылу «разоблачения» всех монет Андрагора и Вахшувара как подделок — как предполагаемый прототип, которым пользовался поддельватель штемпеля. Несостоятельность этих подозрений убедительно показал Дж. Хилл (Op. cit. P. cxlix — clx).

⁵³ Gardner. New Coins... P. 8.

⁵⁴ Ibid. P. 2.

⁵⁵ Head. Op. cit. P. 284.

⁵⁶ Howorth. Some Notes... P. 211; Hill. Op. cit. P. cl — cli.

⁵⁷ Gardner. New Coins... P. 2, 11—12.

поставления (даже если не принимать во внимание неизбежную при таком подходе субъективность оценок) позволяли определить, в лучшем случае, *terminus post quem*, не обеспечивали жесткой датировки и оставляли слишком большой «простор» для выводов, т. е., не будучи действительно аргументами в пользу той или иной даты, скорее использовались как иллюстрации к хронологическим заключениям, основанным на нумизматических данных. Именно поэтому Э. Рэпсон настаивал на том, что все монеты Андрагора должны быть отнесены «к первому из сатрапов с таким именем, а их наиболее ранняя возможная дата определена как 331 г. до н. э.»⁵⁸. П. Гарднер, при всех своих колебаниях, склонился к тому, что монеты были выпущены современником «Селевка или его преемников Антиоха I и II»⁵⁹, т. е. вообще не теми Андрагорами, которые упомянуты Юстином⁶⁰. Видимо, близкой точки зрения придерживался и Дж. Хилл, полагавший, что монеты Андрагора следует помещать в конец IV — начало III в. до н. э.⁶¹ Уже сама разноречивость высказывавшихся мнений показывает, что такая методика использования нумизматических данных не позволяет определить время чеканки монет Андрагора и Вахшувара, не позволяет надежно соотнести монеты с иными сведениями об Андрагоре. Все попытки уточнения хронологии этих монет, осуществленные в последние годы, опирались на нумизматические данные⁶², а вопрос о прототипах изображений на монетах Андрагора и Вахшувара продолжает оставаться открытым⁶³.

Все это вынуждает снова обратиться к приведенным выше местам из Юстина: его эпитома — источник со сложной «стратиграфией» текста, избилующий не только несообразностями и неточностями, но и явными ошибками и искажениями⁶⁴.

Наибольшие сомнения вызывает достоверность сведений о том Андрагоре, который был, по Юстину, современником Александра. Прежде всего необходимо отметить явное расхождение со сведениями Арриана⁶⁵.

⁵⁸ Rapson. Op. cit. P. 204.

⁵⁹ Gardner. New Coins... P. 2.

⁶⁰ П. Гарднер предложил для этого такое объяснение: «в промежутке между 330 и 250 гг. до н. э. правители (princes), носившие имя Андрагор, правили (were supreme) в Парфии. Один из них и должен был выпускать» эти монеты (Gardner. New Coins... P. 4). Такая реконструкция «династии Андрагоров» вызвана к жизни лишь расхождением между сведениями Юстина и датировкой монет П. Гарднером и не может быть принята даже как гипотеза.

⁶¹ Hill. Op. cit. P. clx.

⁶² Например, Wolski. Op. cit.; ср. также Le Rider. Op. cit. P. 299.

⁶³ В связи с изображениями квадриги на об. ст. статеров Андрагора [эм. I] и Вахшувара [эм. III] заслуживает упоминания тип об. ст. одной тетрадрахмы (из Вавилонскогоклада, хранится в нумизматическом кабинете Национальной библиотеки в Париже), недавно отнесенной (вместе с другими монетами) к эмиссиям Эвдама (Bernard P. Le monnayage d'Eudamos, satrap grec du Panjab, et «maître des éléphants» // Orientalia Josephi Tucci memoriae dicata [Serie Orientale Roma. V. LVI, 1]. Roma, 1985. P. 75—76. Pl. I, 4). На этой монете изображен стреляющий из лука персонаж, стоящий в запряженной четверкой галопирующих коней двухколесной повозке. К сожалению, сохранность этой, видимо, уникальной монеты такова, что многие детали на ней различить невозможно. «Тетрадрахма Эвдама» вряд ли была прямым прототипом для квадриги на монетах Андрагора и Вахшувара, но, пожалуй, это пока наиболее объяснимая — и исторически, и территориально — аналогия к ним, которая, однако, не может служить для точного определения времени чеканки монет Андрагора и Вахшувара.

⁶⁴ Некоторые из них (но далеко не все) отмечены в русском переводе А. А. Деконского и М. И. Рижского (ВДИ. 1954. № 2. С. 203—252; № 3. С. 193—251; № 4. С. 187—239; 1955. № 1. С. 199—243). См. также Зельвин К. К. Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae» // ВДИ. 1954. № 2. С. 183—202.

⁶⁵ Полной ясности нет и в сведениях Арриана, который сперва сообщает (Anab.

Настораживает, что Андрагор, несмотря на свое греческое имя, якобы происходит «из персидской знати». И, наконец, у самого Юстина есть сведения о последующих правителях Парфии⁶⁶, с которыми невозможно согласовать утверждение, что от этого Андрагора «произошли позднейшие парфянские цари». В целом же эта фраза (XII. 4.12), никак не связанная с общим ходом повествования в гл. 4 и 5 кн. XII Юстина, производит впечатление позднейшей вставки, для которой, к тому же, неудачно выбрали место. Ненадежность этого сообщения Юстина отмечал — еще до того, как стали известны монеты Андрагора, — Й. Дройзен⁶⁷. Не принимал его во внимание и А. Гутшмид⁶⁸. Й. Вольский, полагая, что упомянутый в этом отрывке Андрагор в действительности не существовал, высказывал предположение, что это не ошибка Юстина (или его предшественников), а отражение фиктивных претензий парфянских царей на «данную Александром» власть⁶⁹, однако при этом остается непонятным, почему сведения об Андрагоре как бы выпадают из общего контекста кн. XII.

Достоверность второго упоминания Андрагора у Юстина — в связи с приходом к власти Арсака (XLI.4,7) — в целом не вызывает сомнений, хотя и в данном случае имеются расхождения между сведениями Юстина и других источников⁷⁰. Если во времена Александра не существовало

III. 22.1), что после смерти Дария — но еще до завоевания Парфии — «сатрапом парфией и гирканою он [Александр] назначил парфия Атминапа, одного из тех, кто вместе с Мазакон, сдал ему Египет», и при этом «Тлептолема, сына Пифофана, одного из „друзей“, он поставил наблюдать за тем, что делается в Парфии и Гиркании». Но затем (Anab. III. 23 и 28; V. 20; VII.6) в роли сатрапа Гиркании и Парфии выступает Фратаферн, видимо, занимавший эту должность и при Дарии (Anab. III. 23. 3). Попытка Г. Ховорса (The Initial Coinage...) отождествить с этим Фратаферном упоминаемого у Юстина Андрагора — современника Александра и обосновать это отождествление чтением арамейской легенды на монетах Вахшувара не может быть признана состоятельной, равно как и его последующая попытка (Howorth. Some Notes...) объявить все монеты Андрагора и Вахшувара подделками новейшего времени, изготовленными в Равалпинди.

⁶⁶ В комментариях к русскому переводу (ВДИ. 1955. № 1. С. 220) справедливо отмечалось, что сообщение Юстина о том, что после смерти Александра «никто из македонян не пожелал низойти до управления парфянами, и парфянская держава была передана союзнику — иноземцу Стаганору» (XLI. 4. 1), явно расходится с другими сведениями Юстина (XIII. 4. 23): в 323 г. до н.э., во время раздела при Пердикке, «Аминта получает по жребию бактрианов, парфян — Филипп, гирканов — Фратаферн, карманов — Тлептолем, персов — Певкест, вавилоян — Архонт из Пеллы, Месопотамию — Аркесилай». По другим сведениям (Diod. XVIII. 3. 3), Пердикка передал Парфию и Гирканию Фратаферну, управляющему ими и ранее — при Дарии и Александре, а Филипп получил Согдиану и Бактриану. Но Юстин ничего не сообщает о еще одном разделе — в 321 г. до н.э., при Антипатре, когда Парфия была отдана Филиппу, а Стаганору (а не Стаганору, как у Юстина, — XLI. 4.1) достались Согдиана и Бактриана. Нет у Юстина сведений и о перераспределении власти в 316 г. до н.э., после смерти Эвмена. Но при всех расхождениях и противоречиях и у самого Юстина, и между разными источниками, среди лиц, управлявших Парфией и Гирканией в последней четверти IV в. до н.э., Андрагор нигде, кроме приведенного выше места из Юстина (XII. 4.12), не упоминается, и ни о какой преемственности власти, видимо, нет оснований даже предполагать. Да и о «парфянских царях» Юстин во всех случаях (ср. XLI. 2. 1) говорит, когда речь идет о времени после отпадения парфян от «Македонской державы».

⁶⁷ Droysen J. Geschichte des Hellenismus. Bd III. 1878. S. 360.

⁶⁸ Gutschmid A. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 31, Abm.

⁶⁹ Wolski. Op. cit. P. 113.

⁷⁰ В частности, в отрывке у Фотия, восходящем к не дошедшему до нас сочинению Арриана по парфянской истории, упоминается Ферекл, поставленный Антигоном сатрапом страны парфиев (Arr. Parthic. 1). Однако прямого противоречия сведениям Юстина, возможно, здесь нет, поскольку неясно, как Ферекл и Андрагор соотносятся хронологически. Ср. Марков. Ук. соч. С. 266. Еще более неопределенны (Бикерман Э.

правителя Парфии по имени Андрагор, то живший в III в. до н. э. Андрагор, побежденный и убитый Арсаком, и должен быть тем реальным историческим лицом, от имени которого чеканились рассмотренные выше статеры и тетрадрахмы [эм. I и II].

Со сведениями Юстина необходимо сопоставить также упоминание Андрагора в надписи из района Гургана, составленной в связи с освобождением раба Гермая⁷¹. От имени некоего Эвандра надпись обращена к Андрагору и Аполлодоту — явно должностным лицам селевкидской администрации, ранг которых не указан. В надписи нет точной даты, но она была составлена в правление «царя Антиоха и царицы Стратоники», т. е. в период царствования Антиоха I (281—261 гг. до н. э.), женатого на Стратонике, которая до этого была женой Селевка I. Андрагор упомянут в этой надписи раньше Аполлодота и, видимо, занимал более высокое положение в администрации этого района, входившего в состав Гиркании, — возможно, был сатрапом-наместником (Гиркания и Парфия составляли одну сатрапию). Если Андрагор стал сатрапом при жизни Антиоха I (до 261 г.), этот же пост мог оставаться за ним и при Антиохе II, и позднее — вплоть до прихода к власти Арсака: пребывание у власти Андрагора, упоминаемого у Юстина (XLI.4.7) и в этой надписи, не превышает обычных сроков человеческой жизни. Надпись из района Гургана, видимо, не знакомит нас с новым историческим персонажем, а скорее дает дополнительные сведения о карьере Андрагора, которая, таким образом, должна была начаться в 70-х или 60-х гг. III в. до н. э.

Главный вопрос, который весьма существен для определения времени чеканки монет Андрагора, — это вопрос о его политическом статусе. К сожалению, с этой точки зрения монеты Андрагора не были в полной мере осмыслены, хотя неоднократно отмечалась необычность золотой и серебряной чеканки у правителя, не носившего царского титула⁷².

В Селевкидском царстве (и в III в. до н. э., и позднее), как и вообще на эллинистическом Востоке, право выпуска и золотой, и серебряной монеты целиком принадлежало царю, было одним из важных проявлений его полновластности, а любое посягательство на это право, любая попытка чеканить золото и серебро была равносильна открытому неповиновению, отложению, мятежу. Эти общие принципы и безукоснительность их соблюдения надежно документированы всем составом монетных эмиссий Селевкидского царства, как они сейчас известны⁷³, и сведениями, которые можно найти в письменных источниках и надписях⁷⁴. И именно поэтому монеты Андрагора не могли быть выпущены, пока Селевкиды прочно владели восточными провинциями своей державы. Юстин, хотя и не совсем внятно, говорит об отложении парфян от Селевкидов «впервые» еще до прихода к власти в Парфии Арсака (XLI.4, 3—5) и сообщает, что «тогда

Государство Селевкидов. М., 1985. С. 187. Прим. 542) сведения об «Агафокле, македонском эпархе Персидской сатрапии», при котором якобы «некий Аршак и Теридат» были сатрапами Бактрии.

⁷¹ *Robert. Op. cit. P. 85—91; Welles C. B. The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria // Historia. 1962. Bd XI. P. 290—293.*

⁷² Например, см. *Gardner. New Coins...* P. 4.

⁷³ См. работы Э. Т. Ньюэлла (прим. 49).

⁷⁴ Э. Бикерман рассмотрел их в специальной главе, посвященной селевкидской монетной чеканке (Ук. соч. С. 197—220), однако собственно нумизматический материал, привлекаемый в этой работе, написанной до появления трудов Э. Т. Ньюэлла, требует теперь существенных исправлений (распределение эмиссий по монетным дворам, хронология эмиссий и т. д.), которые, к сожалению, не были сделаны при переводе книги на русский язык.

же отложился [от македонян] и Диодот, правитель тысячи бактрийских городов, и приказал именовать себя царем; следуя этому примеру, от македонян отпали народы всего Востока». Если считать, что отложение Парфии от Селевкидов произошло одновременно с отпадением Диодота (или даже несколько раньше), то, опираясь на заключения Э. Т. Ньюэлла о работе селевкидского монетного двора в Бактрах ⁷⁵, можно с уверенностью отнести это событие ко времени царствования Антиоха II (261—247 г. до н. э.). Поскольку его эмиссии на Востоке немногочисленны и явно не охватывают весь период его правления, можно предполагать, что Бактрия и другие восточные владения вышли из подчинения Антиоху II где-то между 256 и 250 г. до н. э. Характерно, что Диодот в монетной чеканке сперва «провозгласил» свое отложение заменой типа об. ст. на золотых и серебряных монетах (его «говорящий» тип — *шагающий Зевс*), но сохранил при этом в легенде имя Антиоха и его титул. Следующий шаг Диодота, уже означавший его окончательный разрыв даже с номинальной зависимостью от Селевкидов, — помещение им на монетах своего имени и принятие царского титула — связан, вероятно, со смертью Антиоха II (247 г. до н. э.) ⁷⁶. Если считать, что отложение Бактрии, Парфии и других восточных провинций Селевкидской державы было результатом в первую очередь ослабления центральной власти и происходило примерно в одно время, то и провозглашение независимости Парфии при Андрагоре следует связывать со смертью Антиоха II. Не исключено, что, как и в Бактрии, открытому разрыву с Селевкидами предшествовал период фактической независимости Андрагора от селевкидского царя.

Именно акт открытого неподчинения Андрагора Селевкидам и провозглашения независимости Парфии и мог стать исходной датой, от которой отсчитывалась так называемая аршакидская эра (1 нисана 247 г. до н. э.). Следует отметить, что поиски события в парфянской истории, от которого могла бы отсчитываться эта дата, не завершились и сегодня, а неоднократные попытки связать эту дату непременно с историей династии Аршакидов, как правило, приводили к неоправданному удревнению прихода к власти Аршакидов (по сравнению со сведениями Юстина). Если Арсак действительно пришел к власти в Парфии в 30-х гг. III в. до н. э. ⁷⁷, то 247 г. до н. э. оказывается слишком далеко отстоящим от реального появления Арсака I на исторической арене, а саму эту эру вряд ли следует именовать «аршакидской» ⁷⁸.

Таким образом, если 247 г. до н. э. — это дата отложения Парфии от Селевкидов при Андрагоре, то золотые и серебряные монеты Андрагора должны были чеканиться не р а н е е этой даты.

АНДРАГОР И «ВАХШУВАР»

Несмотря на очевидные различия между монетами Андрагора и Вахшувара и в легенде, и в содержании и характере изображений, большинство исследователей, обращавшихся к этим эмиссиям, рассматривали мо-

⁷⁵ Newell. The Coinage of the Eastern Mints. P. 243—249.

⁷⁶ Ibid. P. 249.

⁷⁷ Арсак начал действовать, «получив известие, что Селевк потерпел поражение в Азии». Э. Бикерман, Й. Вольский (*Wolski J. The Decay of the Iranian Empire of the Seleucids and the Chronology of the Parthian Beginnings // Berytus. 1957. V. XII. P. 35—52*) и другие (*Le Rider. Op. cit. P. 298*) независимыми путями пришли к заключению, что речь у Юстина идет о поражении Селевка II при Анкире, и помещают это событие между 239 и 234 гг. до н. э.

⁷⁸ Не останавливаясь на этом подробно, следует отметить, что слишком большой разрыв в датах не позволяет связывать 247 г. ни с коронацией Тиридата I (*Tarn W. W.*

неты Андрагора и Вахшувара вместе или, как было показано выше, сопоставляли их между собой. Главным основанием для этого послужило разительное сходство оборотных сторон статов Андрагора [эм. I] и Вахшувара [эм. III] с одинаковым сюжетом — изображением двухколесной повозки, запряженной четверкой галоширующих коней. Их близость не ограничивается композицией в целом, позой коней, конструкцией повозки и тому подобными особенностями, которые можно было бы отнести за счет заимствований или воздействия сходного прототипа. Явное сходство прослеживается и в передаче деталей, и в манере изображения, позволяя считать, что они были скорее всего изготовлены одним и тем же мастером.

Такая непосредственная связь между монетами Андрагора и Вахшувара, их прямое смыкание требуют объяснения, ключ для которого дает обращение к арамейским легендам на монетах Вахшувара.

Как уже отмечалось выше, арамейские легенды на статорах эмиссий III и IV различны (эм. III: на л. ст. пять знаков — **𐤇𐤌𐤅𐤍**, на об. ст.

четыре знака **𐤇𐤌𐤅**; эм. IV: на об. ст. шесть знаков справа от изобра-

жения — **𐤇𐤌𐤅𐤍𐤅** один знак слева — **𐤅**), а на л. ст. эм. IV, кроме

того, присутствуют две греческие буквы — ПГ.

За сто с лишним лет, прошедших со времени обнаружения и первой публикации монет Вахшувара, предлагалось несколько различных чтений этих арамейских легенд⁷⁹. Для легенды на об. ст. эм. III и IV наиболее убедительным следует признать чтение, предложенное Й. Марквартом⁸⁰ (с учетом и надписи на перстне № 105 из Амударьинского клада⁸¹): эм. III (об. ст.) — WḤSW, эм. IV — WḤSWWR⁸². Й. Маркварт понимал WḤSWWR как теофорное имя со значением «обладающий возрастаньем» (*qui possède la croissance*)⁸³.

Легенда из пяти знаков на л. ст. эмиссии III не получила до сих пор сколько-нибудь надежного истолкования. Однако же большинство знаков читается легко и однозначно, и только знак **𐤅** (второй и пятый знак в этом

Parthia // САН. V. IX. P. 176), ни с воцарением Арсака I (*Bivar. The History of Eastern Iran. P. 187, но ср. Wolski. Le problème... P. 113—114*). Слишком сложным и умозрительным выглядит и предположение, что Арсак I стал — после свержения Андрагора — задним числом отсчитывать эту эру от последнего года «законного» правления Селевкидов в Парфии (*Bivar. The Political History... P. 28*).

⁷⁹ Ныне явно устаревшие попытки чтения этих легенд, предлагавшиеся П. Гарднером (*New Coins... P. 5—7*), А. Каннингэмом (*Relics. I. P. 171*), Г. Ховорсом (*The Initial Coinage... P. 40 f.*) и другими, здесь не рассматриваются. Ср. их сводку — *Hill. Op. cit. P. clv — clvi*.

⁸⁰ К сожалению, точка зрения Й. Маркварта не нашла развернутого отражения в его работах. Наиболее полные сведения о ней приведены в некрологе Я. Сикса, в переписке с которым Й. Маркварт это чтение изложил (*Holwerda A. E. J. Jan Pieter Six // Jaarboek van de Koninklijke Akademie van Wetenschappen. 1902. Amsterdam, 1903. P. 66—67*). См. также *Alloite de la Fuife. Étude... P. 77*.

⁸¹ *Dalton. The Treasure. 1905. P. 105 (1964. P. 287); Зеймаль. Амударьинский клад. С. 61*.

⁸² Ср. *Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., Массон М. Е. Налоговые парфянские документы II века до н.э. из Нисы // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 2. М.—Л., 1951. С. 26; Henning. Mitteliranisch... S. 24*.

⁸³ *Droin E. Notice sur trois monnaies de la Perside // Bulletin de numismatique. P., 1900. V. VII. P. 95—96*.

слове) может иметь два равноправных чтения — D или R. Однако если подставлять значение D, то никакого осмысленного чтения получить не удастся. При чтении же этого знака как R уверенно читаем NRGWR. Это, бесспорно, арамейское написание имени Андрагор. Усеченная форма окончания имени соответствует вокативу — обычной форме при иноязычной передаче греческих имен на Ближнем Востоке, в языках, не имевших индоевропейской номинативной флексии⁸⁴, а фонетическое сочетание [-ndr-] по нормам арамейской фонетики и орфографии вообще нельзя передать иначе, как только через -NR-. Смущает, правда, отсутствие начального 'алефа — ожидаемое написание должно было бы быть *'NRGWR. Это явление может иметь одно из двух объяснений. Во-первых, греческое слово, начинаясь с гласного á-, не содержало фонемы, сходной с семитским взрывным [']; начальный гласный, не защищенный начальным согласным, мог рассматриваться как протетический и не воспроизводиться на письме. Следует заметить, что фонетическое сочетание ndr, nr в начальной позиции без протетического гласного произнести нельзя. В графике, однако, среди многочисленных арамейских заимствований из греческого как будто такому написанию нет аналогий. Во-вторых, поскольку нет полной уверенности в безукоризненной грамотности резчиков монетных штемпелей (тем более на такой окраине эллинистического мира), вполне вероятно, что данный резчик просто не учел имевшегося в его оригинале 'алефа, поскольку он мог иметь вид крошечного треугольника, который легко можно принять за не имеющую значения точку. Такая форма 'алефа засвидетельствована в некоторых почерках ахеменидского времени⁸⁵. Это объяснение также нельзя исключить. Так или иначе, чтение NRGWR = Андрагор можно считать бесспорным, а монеты «Вахшувара» столь же бесспорно определяются как чеканка доаршакидской Парфии.

Однако предлагаемое здесь отнесение эмиссии III к чеканке Андрагора не означает, что одновременно получены ответы на все вопросы, связанные с монетами Вахшувара (и, в частности, с интерпретацией арамейских легенд на них). Легенда на об. ст. эмиссии III (на л. ст. — NRGWR) читается WḤŠW и может быть понята (равно как и надпись на перстне № 105 из Амударьинского клада) как имя иранского божества вод Вахшу⁸⁶. WḤŠWWR (на об. ст. эмиссии IV), как полагает В. А. Лившиц, любезно познакомивший нас со своим мнением, можно читать по-ирански waḥšūwar со значением «избравший [бога] Вахшу» (или «верящий в бога Вах-

⁸⁴ Саркисян Г. Х. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 148.

⁸⁵ Delaunay J. A. L'araméen d'empire et les debuts de l'écriture en Asie Centrale // Acta Iranica. V. 2. Leiden, 1974. Pl. 1.

⁸⁶ Помимо персонафицированного антропоморфного изображения бога Вахшу

ОАХРО на уникальной золотой монете кушанского царя Хувипки (*Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kūšanreiches*. Wien, 1984. Taf. 18, 241; *Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley — Los Angeles, 1967. Pl. VIII, 155) культ этого божества для II в. до н. э. засвидетельствован в греческой надписи из раскопок храма на городище Тахти Сангин в Южном Таджикистане (*Древности Таджикистана. Каталог выставки*. Душанбе, 1985. С. 93. № 213, илл. с. 79). Ю. Г. Виноградов, отмечая кажущуюся необычность написания имени этого божества через начальный омикрон, убедительно показывает, что «первоначальной, исконной формой греческой транскрипции слова „Окс“ было *Ὠξος, а не *ῶξος» (*Лившицкий В. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии* // ВДИ. 1985. № 4. С. 95). Теоним Waḥšū хорошо известен в бактрийской ономастике

пу», «охраняемый богом Вахшу»). Сочетание имени Андрагора (на л. ст. эмиссии III) с именем бога Вахшу (на об. ст. той же монеты) показывает, что и легенда WHŠWWR (на об. ст. эмиссии IV), если рассматривать ее как эпитет, вполне могла бы относиться к Андрагору, почитание которым бога Вахшу вполне определенно засвидетельствовано эмиссией III. Если же допустить, что WHŠWWR — теофорное имя (такое истолкование, хотя оно и менее вероятно, также полностью исключить нельзя), то скорее его следует понимать как иранское (парфянское или, может быть, бактрийское?) имя, принятое Андрагором, чем как имя какого-то другого лица, выпустившего эту монету.

Само божество Вахшу связано и «этимологически», и исторически, и теми прямыми и косвенными свидетельствами, которые имеются, с бассейном реки Вахша = Окса = Амударьи. Конечно, оно могло быть известно и в Парфии, но пока нет ни ономастических, ни каких-либо иных данных, которые указывали бы на распространение в Парфии культа Вахшу. Возможно, присутствие арамейских легенд WHŠW и WHŠWWR на этих монетах как-то связано с той реальной исторической обстановкой, в которой осуществлялось отложение Парфии от Селевкидского царства при Андрагоре, и, вполне конкретной расстановкой сил во время его краткого независимого правления (до прихода к власти Арсака), о которой (во всяком случае, пока) слишком мало известно.

Можно только догадываться, что Парфия и Бактрия — в момент отложения и непосредственно после него — оказались в сходном политическом положении и, возможно, составили нечто вроде союза, основой для которого должна была стать их антиселевкидская направленность. Если Диодот был «старшим» партнером в этой коалиции и оказывал какую-то помощь Андрагору, то это отчасти объясняло бы и упоминание бога Вахшу на его монетах (эм. III, IV), и техническую близость монет Андрагора к продукции монетного двора Бактр (о сходном соотношении осей уже было сказано выше)⁸⁷, и, наконец, происхождение почти всех монет Андрагора и «Вахшувара», которые известны, из Амударьинского клада.

Уже отмечалось, что для вещей и монет V — первой четверти III в. до н. э., представленных в этой находке, характерна очень широкая «география» их происхождения, но начиная со времени правления Антиоха II (261—247 гг. до н. э.) в кладе представлены монеты и вещи только бактрийского происхождения⁸⁸. Такая «эндемичность» может быть объяснена в первую очередь политической ситуацией, возникшей после отпадения Диодота и резко ограничившей связи Бактрии с остальным эллинистическим миром. Монеты Андрагора и «Вахшувара» — единственное исключение, которое, однако, хорошо согласуется и с тезисом о «географической»

(Grenet F. Onomastique iranienne à Ai-Khanoum // Bulletin de correspondance hellénique. T. CVII. P., 1983, I — Etudes. P. 373—381), а также, как указал нам В. А. Лившиц, в хорезмийской (например, Whšwdtk = Waxšudātak — «созданный Вахшу» на острлке III—II вв. до н. э. из раскопок Б. И. Вайнберг). Согдийские имена с wxš-, wxšw- засвидетельствованы в наскальных надписях из долины верхнего Инда в Пакистане, относящихся к V—VII вв. (Humbach H. Die sogdischen Inschriftenfunde vom oberen Indus [Pakistan] // Allgemeine und Vergleichende Archäologie. Beiträge [Deutsches Archäologisches Institut. Bonn]. Bd 2. München, 1980. S. 201—228).

⁸⁷ См. прим. 47. Если окажется, что не просто бактрийские мастера участвовали в изготовлении штемпелей для монет Андрагора и «Вахшувара», но что и сами монеты

для Парфии были отчеканены в Бактрах, то знак **У** на об. ст. эм. IV (слева от изображения) можно было понимать как начальную букву названия монетного двора Бактры (пока для этого знака никакого объяснения предложить нельзя).

⁸⁸ Зеймаль. Амударьинский клад. С. 29.

замкнутости клада начиная со второй четверти III в. до н. э., и с тем объяснением, которое для этого факта было предложено.

Остается не вполне ясным хронологическое соотношение грекоязычных (эм. I и II) и арамейско-парфянских (эм. III, IV и, возможно, V) выпусков Андрагора. Если греческие буквы ΠΓ (л. ст. эм. IV) рассматривать как обозначение даты⁸⁹, то 83 г. селевкидской эры должен соответствовать 230 г. до н. э. Это на несколько лет позже самых поздних дат, предлагавшихся для воцарения Арсака Й. Вольским, Э. Бикерманом и другими исследователями. Поскольку нет твердой уверенности, что буквы ΠΓ на л. ст. эмиссии IV заключают в себе дату⁹⁰, а год воцарения Арсака не может пока считаться твердо установленным, нет оснований считать, что чеканка Андрагора (и его правление) продолжалась до 230 г. до н. э., но и категорически отказываться от этой даты тоже нельзя. Но в любом случае монеты Андрагора = «Вахшувара» должны датироваться 40—30-ми гг. III в. до н. э., а грекоязычные эмиссии I—II, видимо, предшествовали эмиссиям III—V.

* * *

Предложенная нами хронологическая и историческая атрибуция монет Андрагора и «Вахшувара» позволяет рассматривать их как важный источник по истории доаршакидской Парфии. Упомянутый у Юстина (XLI.4.7) Андрагор, чеканивший эти монеты, стал наместником (сатрапом) Парфии (и Гиркании) еще при Антиохе I (т. е. до 261 г. до н. э.), а в 247 г. до н. э. отложился от Селевкидов (примерно в одно время с отложением бактрийского наместника Диодота). 40-ми гг. III в. до н. э. должны быть датированы грекоязычные монеты Андрагора (эм. I и II), а монеты с арамейскими легендами (эм. III, IV и, возможно, V) скорее относятся к 30-м гг. III в. до н. э. — до убийства Андрагора Арсаком (точная дата этого события еще требует уточнения). Видимо, в своем выступлении против Селевкидов Андрагор действовал заодно с правителем (а затем — и царем) Бактрии Диодотом, но, судя по монетам, сам Андрагор царского титула не принял, хотя факт выпуска им золотых статеров и серебряных тетрадрахм свидетельствует о его полной независимости после 247 г. до н. э. Можно предполагать, что от обретения Парфией независимости при Андрагоре и отсчитывалась так называемая аршакидская эра, которую, если это так, было бы правильнее называть парфянской.

LE POTENTAT PARTHE ANDRAGORE ET SES MONNAIES

I. M. Diakonoff, Je. V. Zejmal

L'attribution historique des monnaies portant le nom d'Andragore (émmissions I, II — légende grecque) et celui de Vaxšavar (émmissions III, IV, V — légende araméenne) a pen-

⁸⁹ На такую возможность указывал еще А. Каннинггэм (*Relics*. I. P. 172), хотя и датировал эту монету близко ко времени правления Александра. Возможно, слишком ранняя датировка монет «Вахшувара» — концом IV — началом III в. до н. э. — помешала и другим исследователям видеть в буквах ΠΓ обозначение даты. Так, Дж. Хилл, взяв под сомнение присутствие верхней черты в букве Π, тем самым вообще отказался видеть в этих знаках греческие буквы (*Hill*. Op. cit. P. 194. № 1).

⁹⁰ В селевкидской и парфянской практике (монеты, надписи) обычно существовал несколько иной порядок написания дат: слева ставились буквы, обозначающие единицы, затем — десятки и сотни. Но такой порядок (в том числе и на монетах) соблюдался не слишком строго: при передаче чисел буквами греческого алфавита последовательность знаков менее важна, чем при цифровой системе записи. Да и в целом монеты Андрагора не обнаруживают строгого следования селевкидским традициям и нормам.

dant plus d'un siècle posé de grands problèmes. La lecture de la légende sur l'avers de l'émission III comme transcription du nom d'Andragore en araméen (*NRGWR*) permet d'attribuer également les monnaies de «Vaxšuvār» à Andragore, devenu satrape de Parthie (et d'Hyrkanie) sous Antioche Ier (c'est-à-dire avant 261 av. n. è.). Comme la frappe de monnaies d'or et d'argent était dans le monde hellénistique la prérogative exclusive du roi, l'émission de statères et de tétradrachmes par Andragore équivalait à une proclamation de son indépendance vis-à-vis des Séleucides (bien que le titre de roi ne figurât par sur les monnaies d'Andragore). La date la plus probable de cette sécession (et du début de la frappe de monnaies par Andragore) est 247 av. n. è. (date de la mort d'Antioche II). Justin (XLI.4.7) nous apprend qu'Andragore fut renversé et tué par Arsakès. Les historiens datent cet événement des années 30 du IIIe s. av. n. è. et, par conséquent, les monnaies d'Andragore doivent être datées entre 247 et les années 30 du IIIe s. av. n. è. Il est possible que dans sa rébellion contre les Séleucides, Andragore ait agi de concert avec le potentat de la Bactriane, Diodote. Il est à supposer que c'est justement de la conquête par la Parthie de son indépendance que date l'ère dite arsacide qu'il serait en ce cas plus correct d'appeler ère parthe.

Ю. К. Колосовская

РИМСКИЙ НАМЕСТНИК И ЕГО РОЛЬ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДАКИИ

Римский наместник, как известно, играл немалую роль в жизни вверенной ему провинции. Как лицо, облеченное большой властью, наместник был ответствен за внутреннее положение в провинции, а также за внешнеполитические дела. Его служебная карьера оказывалась часто связанной с общей ситуацией в империи в тот или иной период ее истории. Дакия здесь не была исключением: ее внутренняя история, связи наместника с Римом, отношения, складывавшиеся между дунайскими провинциями, — все это сказывалось и на характере деятельности ее наместников.

Дакия вошла в систему Римской империи в правление Траяна в качестве провинции императорской, когда административный аппарат на своей верхней ступени уже сформировался. Назначение наместника в провинцию всецело зависело от императора, а сроки наместничества в период империи бывали различными. В то время как в сенатских провинциях срок наместничества был ограничен одним годом, в провинциях императорских наместник мог находиться на своем посту сколь угодно долго; пока поставивший его император оставался у власти. Более того, биограф Антонина Пия сообщает, что он, став императором, не сместил никого из назначенных Адрианом наместников, а хорошо зарекомендовавших себя людей оставил в этой должности на срок от семи до девяти лет (SHA. V. 3). В среднем же деятельность наместника в императорских провинциях продолжалась три-пять лет. Этот срок оказывался достаточным и для упрочения его власти в провинции. Эти годы были важны и для дальнейшей карьеры самого наместника — после успешного наместничества в Дакии могли последовать высокие посты на Рейне, в Британии и на Востоке, а также в самом Риме.

В ведении наместника находились, в сущности, все гражданские и военные дела. Он имел высшую после императора власть надо всеми провинциалами (Dig. I.18.4). Ему надлежало строго и тщательно заботиться о том, чтобы провинция, которой он управляет, была мирной и спокойной (Dig. I.18.6). Плиний Младший, вступив в свою провинцию, Вифинию, писал Траяну, что он нашел в ней такую преданность и верность императору, какую тот «заслужил от всего рода человеческого» (Plin. Ep. X. 17 B). Вместе с наместником провинциалы должны были приносить торжественные обеты о здравии императора и молить богов о его благополучии, а также о благополучии членов его семьи, праздновать день его провозглашения императором (dies imperii). Наместник принимал также присягу воинов и гражданского населения провинции на верность императору (Plin. Ep. X. 35, 36, 52, 53). Он должен был быть информирован обо всем важном и значительном, что происходило в провин-

ции. Свою власть, влияние и связи с провинцией наместник осуществлял через посредство штата служащих. Этот штат наместника не оставался неизменным. Менялись и его численность и функции входивших в него служащих.

Штат «службы наместника» (*officium consulare*) начал формироваться уже в I в. ¹ Выделение солдат, занятых штабной и канцелярской работой, из массы рядовых легионеров пришлось, видимо, на правление Адриана. В III в. значение должностей в канцелярии наместника выросло вследствие расширявшегося со времени Северов объема их административной и судебной деятельности. К этому времени относится и большая часть материала из Дакии.

Персонал «службы наместника» был достаточно велик и имел различные обязанности. Он состоял примерно из 200 человек. Возглавлял его *princeps praetorii* в ранге старшего центуриона. К нему был прикомандирован помощник, именованный *optio praetorii*. Комплектовалась «служба наместника» из младших офицеров и легионеров; в ее состав не входила личная гвардия наместника — его конная и пешая охрана. Обязанности заведующих отдельными канцеляриями исполняли «корникулярии» (обычно трое). В их ведении находились ординарцы и писари. *Commentarienses*, которых было также трое, отвечали за ведение протоколов и книг, связанных с набором в армию. Уголовные преступления в армии расследовали «спекуляторы». При наместнике имелось 10 таких *speculatores Augusti*. Одной из их обязанностей было рассмотрение дел легионеров, нарушивших присягу или виновных в каком-либо нарушении воинского долга. В обязанности *quaestiones* входили допрос и пытки обвиняемых. По роду своей службы все они принадлежали к принципалам и, подобно центурионам, входили в штат наместника. Службу безопасности в провинции несли *beneficiarii*. Их посты были расположены на дорогах внутри провинции, в местах их пересечения и на рынках, открытых для торговли с варварами. В числе 20 человек они входили в *officium consulare*. *Beneficiarius consularis* и *beneficiarius procuratoris* имели право командования военными частями дорожной службы. В ведении наместника находились и особо ответственные курьеры-*stratores*, которые управляли дорожными станциями на важных стратегических дорогах империи, обеспечивая быстрый проезд проезжавшим по государственным делам. Секретную службу безопасности несли *frumentarii*, имевшие различного рода поручения военной связи. Фрументарии, состоявшие под командованием центуриона, тоже принадлежали к числу принципалов. Количество принципалов в *officium* наместника зависело от того, стоял ли в управляемой им провинции один легион, или же большее их число (как то бывало в периоды военных осложнений на границе). В правление Северов фрументарии и спекуляторы делают своего рода органом тайной полиции; принципалы в армии и в *officium consulare* приобретают все большее значение, а должности, занимаемые ими, становятся чисто канцелярскими ².

В штат наместника входили также *exceptores* (в Дакии их было шесть). *Exceptor consularis* был при наместнике личным секретарем, умевшим быстро записывать сказанное и затем переносить записанное в протокол ³.

¹ О развитии имперской канцелярии в армии в эпоху принципата подробнее см. Смышляев А. Л. Об эволюции канцелярского персонала римской армии в III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 3. С. 60 слл.

² Смышляев. Ук. соч. С. 73.

³ *Vercui I., Pora A.* *Exceptores consularis in Dacia* // *Latomus*. 1964. XXIII. 2. S. 302 ff.

В службе наместника были также простые секретари — *librarii*, *exacti* (счетоводы), а также лица, занятые в его архиве (*actarii*), в интендантской службе (*actuarii*). В канцелярии имелись также переводчики для сношений с варварскими племенами: *interpretes Sarmatarum, Germanorum, Dacorum* ⁴. Все эти категории младших офицеров и простых легионеров, занятых в службе наместника, освобождались от черной работы в военном лагере.

Под контролем наместника находилась и почтовая служба, во главе которой стояло лицо, назначаемое из всадников. Из единственной надписи из Паннонии известен такой *praefectus vehiculationis* с окладом 60 тыс. сестерциев в год, ведавший почтовой службой в обеих Паннониях, в Норике и Верхней Мезии ⁵. В почтовой службе были заняты *frumentarii* (не входившие в штат наместника) и *stationarii*, ответственные за почтовые станции (*statio*). В обязанности стационариев входила смена лошадей, осуществлявшаяся в специальных пунктах — *mansiones*, расстояние между которыми составляло от 8 до 10 км. Государственная почтовая служба функционировала и в ночные часы.

Все эти должности военного и полувоенного характера показывают, сколь высокой организации достигла их деятельность при Империи и сколь быстро и сравнительно легко одна провинция в случае необходимости оказывалась связана с другой. Служба безопасности и тайные осведомители при наместнике Дакии обеспечивали в провинции такой мир и порядок, какие должны были поддерживаться во всех римских областях и какие олицетворял собой наместник. Находившийся на его службе штат младших офицеров и рядовых легионеров в той или иной мере был связан и с гражданским населением провинции и прежде всего с городами.

Должность наместника провинции была тем более значительна, что основание новых городов в провинции и предоставление городского права местному населению производилось наместником, который действовал как доверенное лицо императора, по чьей рекомендации основывали в провинции город. Для этого выбиралась какая-то памятная дата — день рождения императора или кого-либо из членов его семьи, религиозный праздник или событие, связанное с победой римского оружия.

Первым наместником Дакии был консул Децим Теренций Скавриан (106—110 гг.) ⁶. В его руках сосредоточивалось командование тремя стоявшими в то время в провинции легионами: XIII *Gemina*, I *Adiutrix* и IIII *Flavia Felix*. Им по распоряжению Траяна была основана (с соблюдением римских обрядов) колония [ex] *au[ct]oritate Imp(eratoris) Caes[ar]is divi Ner[vae] f(ili) Nervae] Traiani Augusti condita colonia Daciae per-[D(ecimum) Terentium Scavrianum [leg(atum) eius] pr(o) pr(aetore)* ⁷. Из надписи следует, что ее основателем (*conditor coloniae*) считался император Траян, по чьему повелению она и была основана посредством выведения поселенцев из числа ветеранов, участников Дакийских войн Траяна. Ее название — Сармизегетуза (в честь прежней столицы даков) было даровано городу позднее, при Адриане, в 118 г. ⁸

Дальнейшее строительство в Сармизегетузе (со всеми особенностями внутреннего устройства и облика римского города) происходило при

⁴ The Archaeology of Roman Pannonia. Budapest, 1980. P. 127 f.

⁵ Ibid. P. 128.

⁶ Stein A. Die Reichsbeamten von Dazien. Budapest, 1944. S. 9—10.

⁷ CIL. III. 1443 = IDR. III/2. № 1; *Daicovicu C. Sarmizegetusa* // RE. 1974. Spbd. XIV. Sp. 612; см. также: Колосовская Ю. К. Паннония в I—III вв. М., 1973. С. 79—83.

⁸ *Daicovicu. Sarmizegetusa*. Sp. 614.

последующих наместниках Дакии. При Гнее Папирии Элиане в 132 г. в Сармизегетузе был сооружен водопровод⁹. Устройство водопровода в городе было одной из настоятельных забот наместника (Траян советовал Плинию Младшему позаботиться о проведении воды в Никоанию — Plin. Ep. X. 38). Наместник провинции был одновременно и патроном ее столицы. Его обязанности, как патрона столицы и соответственно всего населения провинции, имеют свои основы в древнеримском институте патроната — клиентелы¹⁰. На этом институте покоились в известной мере отношения провинций с центральным императорским правительством, когда каждая провинция имела в Риме своего постоянного представителя и своего патрона в лице влиятельного сенатора, чьею обязанностью была поддержка представляемой им провинции в судебных делах и в других подобных случаях. В III в. обязанности представителя провинции могли выполнять курульные эдилы в Риме, которые одновременно были и патронами провинциальных общин¹¹.

По-видимому, патронат бывшего наместника не прекращался с отъездом из провинции и, более того, оставался в его фамилии. Сын первого наместника Дакии, Децима Теренция Скавриана, Децим Теренций Гентиан также был патроном Сармизегетузы. В провинции он служил военным трибуном XIII Сдвоенного легиона, очевидно, в наместничество своего отца, как то было принято в Риме для карьеры детей сенаторов. Он был народным трибуном в Риме, квестором и понтификом и в 117 г. стал консулом. В 119—120 гг. производил ценз в провинции Македонии. Почетная надпись в честь Децима Теренция Гентиана поставлена городской общиной Сармизегетузы после 119/120 гг.¹²

Одним из наместников Дакии при Антонине Пии, а также патроном столицы провинции был Гай Курций Юст¹³. Его сын Гай Курций Руфин как трибун латиклавий (первая военная должность в сенаторской карьере) также служил в XIII легионе. Городская община Сармизегетузы поставила почетные мраморные стелы и в его честь, и в честь его отца¹⁴. Столица Дакии поставила три статуи в честь наместника Гая Аррия Антонина, погибшего при Коммодe, а также в честь его сына Гая Аррия Квадрата¹⁵.

Посвятительные надписи и алтари в честь наместников показывают зависимость гражданского населения от наместника как лица, чья власть в провинции была высшей и представляла императорскую. Относительно времени Августа нам, правда, известно, что провинциалы не имели права оказывать почести наместникам провинции во время срока их службы, а также в первые два месяца после того, как наместник оставит провинцию. Но, очевидно, это не соблюдалось во II и III вв., о чем наглядно свидетельствует посвятительная надпись, поставленная от имени всей провинции в честь наместника Публия Фурия Сатурнина, который получил консулат, уже находясь в провинции Дакии при исполнении своих служебных обязанностей¹⁶. Весь стиль надписи и подобострастно выраженные в ней чувства свидетельствуют о зависимости городов провин-

⁹ CIL. III. 1446 = IDR. III/2. № 8; *Stein. Op. cit.* S. 21—22.

¹⁰ *Swóbody E. Carnuntum. Seine Geschichte und seine Denkmäler. Graz — Köln. 1964. S. 127.*

¹¹ *Alföldi G. Noricum. London — Boston, 1974. P. 102, 314. № 121, 122.*

¹² CIL. III. 1463 = IDR. III/2. № 99.

¹³ *Stein. Op. cit.* S. 23—24; *Daicoviciu. Sarmizegetusa. Sp. 653.*

¹⁴ CIL. III. 1458. 1459 = IDR. III/2. № 91. 110.

¹⁵ IDR. III/2. № 85—87; SHA. *Commod. VII.1; Pert. III.7; Stein. Op. cit.* S. 46—47.

¹⁶ *Stein. Op. cit.* S. 35.

ции от императорской власти, олицетворявшейся наместником. В надписи сказано, что она обращена к богам благоволящим (*Dis Faventibus*), что провинцию «осенило согласие императоров», а сам Сатурнин, наместник двух августов — Марка Аврелия и Луция Вера, «с момента своего прибытия и до того времени, как он оставил провинцию, так расположил к себе всех и каждого в отдельности своей благожелательностью (*benignitate sua tractaverit*) и даже облегчил повинности (*oneribus etiam relevavit*), что счастливейшая и обязанная его доблестям, а также всецело преданная ему провинция охотно поставила этот памятник»¹⁷.

Наиболее известной фигурой среди наместников Дакии был Квинт Марций Турбон Фронтон Публиций Север, уроженец Далмации из города Эпидавра¹⁸. Возвышение Турбона — один из наиболее известных примеров того, как личное знакомство с императором способствовало быстрой карьере. Назначение Турбона на пост наместника Дакии было чрезвычайным, так как должность наместника провинции принадлежала к сенаторским, Турбон же был всадником¹⁹. Знакомство Квинта Марция Турбона с будущим императором Адрианом произошло в Паннонии, где Турбон в 103/107 гг. был старшим центурионом (*primus pilus*) во Втором Вспомогательном легионе в Аквинке, а Адриан был в этом легионе трибуном латиклавием. При Траяне Турбон командовал в 114 г. Мизенским флотом, участвовал в подавлении восстания иудеев в Египте и Кирене, был прокуратором в Мавретании Цезарейской²⁰. При Адриане Турбон получил титул префекта Египта, но исполнял эти обязанности номинально, а в 118/119 г. Адриан поручил Турбону одновременное наместничество в двух провинциях — в Дакии и в Нижней Паннонии — назначение экстраординарное, вызванное нападением сарматских племен.

В наместничество Турбона произошла военно-административная и территориальная реорганизация провинции: Дакия была разделена на два округа — Верхнюю Дакию, охватывавшую центральные и северные районы провинции, и Нижнюю Дакию, в которую входили юго-восточные области Трансильвании и Олтения. С этого времени Верхняя Дакия, где в Агуле стоял легион XIII Сдвоенный, управлялась наместником из числа сенаторов в ранге пропретора (всадник Турбон — исключение). Во главе Нижней Дакии стоял прокуратор всаднического ранга²¹. Тогда же были оставлены далеко выдвинутые на восток области провинции за р. Олт, принадлежавшие во времена Траяна Нижней Мезии. Успешное наместничество Турбона в Дакии принесло ему в 119 г. пост префекта претория. Однако в последние годы правления Адриана он, подобно многим другим друзьям императора, подвергся опале (*SHA. Hadr. XV. 7*). Квинт Марций Турбон был патроном столицы Дакии, Сармизегетузы. Надпись в Дакии (*CIL. III. 1462*) поставлена была, когда сам он был в Риме префектом претория, посвятила ее колония Траянова Ульпия

¹⁷ *CIL. III. 7902 (= 1412) = IDR. III/2. № 93; CIL. III. 1460 = IDR. III/2-№ 92.*

¹⁸ *Wilkes J. J. Dalmatia. London — Boston, 1969. P. 253, 299, 327—328; Stein. Op. cit. S. 14—16.*

¹⁹ *SHA. Hadr. II.2; IV.2; VI.7; Stein. Op. cit. S. 14—18.*

²⁰ О карьере Марция Турбона см. *Syme R. The Wrong Marcius Turbo // Roman Papers. II, Oxf., 1979. P. 541—556.* Другой порядок следования военных должностей Турбона в самом городе Риме дан И. Фитцем: *Fitz J. Data to the Career of Q. Marcius Turbo // Alba Regia. 1966. VI—VII. P. 201—202.*

²¹ *Gerov B. Zwei neugefundene Militärdiplome aus Nordbulgarien // Klio. 1959. 37. S. 210.*

Дакийская Сармизегетуза, как она называлась вначале. Подобная же надпись была поставлена в Тибиске ²².

Связь Турбона с Дакией, урбанизация которой только начиналась, существовала скорее всего на уровне высшей администрации городов. О таких связях Турбона может свидетельствовать то, что здесь он усыновил двух сыновей Тита Флавия Лонгина, вероятно, отпущеннического происхождения. Тит Флавий Лонгин служил в качестве декуриона во Второй Паннонской але, стоявшей на севере провинции. После выхода в отставку он удостоился высших городских магистратур и стал декурионом в столице провинции, Сармизегетузе, и в Напоке. Он был также декурионом канавы XIII Сдвоенного легиона в Апуле (CIL. III. 1100) ²³. Сыновья Тита Флавия Лонгина, усыновленные Квинтом Марцием Турбоном, известны как наместники и прокураторы провинций при Адриане и Антонине Пии: всадник Тит Флавий, сын Тита, из трибы Палатины Приск Галлоний Фронтон Квинт Марций Турбон, прокуратор Нижней Дакии и Мавретаний Цезарейской, и сенатор Тит Флавий, сын Тита, из трибы Палатины Лонгин Квинт Марций Турбон, известный в 137 г. в качестве квестора при соправителе Адриана Элии Цезаре. Как назначенный на ближайший год консулом (консул-суффект), он известен в 145 г. при Антонине Пии, когда был куратором общественных работ и сооружений в Риме; позднее, в 154—156 гг. он был наместником Нижней Мезии ²⁴.

По литературным источникам известен наместник Верхней Дакии в 152—153 г. Марк Седаций Севериан Юлий Акр Метиллий Непот Руфин Тиберий Ругилян Цензор ²⁵. Это длиннейшее имя свидетельствует о его усыновлении несколькими семьями и включает в себя помен его матери. Наместник этот известен также по надписям из Дакии. Он удостоился внимания Лукиана и Диона Кассия. Севериан также был патроном Сармизегетузы и после наместничества в Дакии получил в 153 г. консулат в Риме ²⁶.

Чтобы приветствовать его при вступлении в эту должность в Рим из провинции была отправлена депутация из пяти граждан: Ульпий Секундин, Марий Валент, Помпоний Гем, Юлий Кар, Валерий Валент. Посольство было отправлено на средства городов. Для его снаряжения требовались деньги, транспортные средства, подобающая одежда. В свиту таких посольств входили также рабы и вольноотпущенники, занятые в административной службе городов. Личность посла считалась неприкосновенной. Поднесение даров, допущение к жертвоприношениям Юпитеру на Капитолии, разрешение пользоваться почетными местами на зрелищах, врачебной помощью в случае болезни — все это входило в привилегии посольств из провинции. Посольство могло быть принято в Риме консулом, претором и самим императором. Целью таких посольств было произнесение похвальной речи в честь наместника или императора, освобождение провинции от обременявших ее налогов, улучшение положения ее городов. Подобные посольства были очень обременительны для провинциального населения. Веспасиан ограничил состав посольств в Рим тремя лицами (Dig. 50. 7. 5. 6). Отправление одного посла из Византия в Рим во времена Траяна для произнесения приветственной речи перед императором стоило

²² CIL. III. 1551 = IDR. III/4. № 131; CIL. III. 1575 = IDR. III/2. № 70.

²³ Macrea M. Viața în Dacia Romană. București. 1969. P. 44—45.

²⁴ Stein. Die Legaten von Moesien. Budapest, 1940. S. 70—71; Fitz J. Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior. Weimar, 1966. S. 16—17, 47.

²⁵ Stein. Die Reichsbeamten ... S. 24—26.

²⁶ CIL. III. 1562; 1575; IDR. III/2. № 56, 70, 97, 98.

городу 12 тыс. сестерциев (Plin. Ep. X. 43. 44). Здесь можно вспомнить и известные суждения Плутарха, который, сам будучи участником подобного посольства к проконсулу провинции Ахайи, писал: «При нынешнем положении наших полисов не представляется больше возможным отличиться в качестве полководца, тираноубийцы или устроителя союзов. Остаются только открытые суды или руководство посольствами к императору, так как эти дела нуждаются в человеке, соединяющем присутствие духа и сноровку» (10. 805 A)²⁷. Известно, что в правление Севера в Риме разбирались множество судебных дел из провинций (SHA. Sev. VIII. 4).

Депутация от провинции могла Рима и не достигнуть, а достигнув, и не попасть на прием к императору. Алтарь, поставленный по обету Dis et Numinibus Aquarum, свидетельствует об успехе посольства (legati Romam ad consulatum Severiani clarissimi viri missi incolumes reversi ex voto — CIL. III. 1562 = IDR. III/2. № 56).

Самого Севериана в 161 г. мы находим наместником Каппадокии. Здесь застала его Парфянская война (161—165 гг.). Эта война, высшее командование в которой было поручено Марком Аврелием Луцию Вера, находившемуся со своим штабом в Антиохии, началась для Рима неудачно. Она привлекла внимание многих тогдашних историков, как находившихся в окружении Луция Вера (ср. SHA. Ver. II. 8), так и писавших об этой войне понаслышке. Появившиеся позднее фантастические ее описания вызвали критику и раздражение Лукиана, который тогда был в Антиохии и оказался очевидцем многих событий войны²⁸. Позднее, живя в Афинах, он использовал сюжет этой войны для изложения своего понимания предмета — как следует писать историческое сочинение и чем именно оно должно отличаться от сочинения риторического²⁹.

Война между Парфией и Римом началась из-за Армении нападением парфян на римские войска, стоявшие на Евфрате. В трехдневном сражении у Элегии был разбит римский легион, вероятно, XXII Deiotariana, а наместник, уже известный нам Севериан, покончил жизнь самоубийством³⁰. Лукиан назвал его «глухим кельтом, поверившим предсказаниям лжепророка Александра из Абонотиха», который обещал Севериану победу, а после разгрома римлян изменил текст своего предсказания (Alex. 27). Парфянскую войну вели полководцы Луция Вера — Марк Стаций Приск Лициний Италик, Марк Клавдий Фронтон и Публий Фурий Сатурнин; все они в разное время были наместниками Дакии. Война окончилась лишь в 165 г., а в 167 г. началась Маркоманнская война на Дунае, занявшая несколько лет (167—180 гг.).

Возвратимся к Дакии. В правление Антонина Пия, когда наместники провинций вели войны с германцами и «свободными даками», наиболее известной фигурой был наместник Верхней Дакии в 157—158 гг. Марк Стаций Приск Лициний Италик. В биографии императора Антонина Пия глухо сообщается о конфликтах, которые были улажены наместниками провинции (Germanos et Dacos et multas gentes... contudit per praesides ac legatos —

²⁷ Plut. Praecepta gerendi reipublicae. 20. 816 D. Перевод Л. А. Ельницкого (Плутарх. Наставления по управлению государством // ВДИ. 1978. № 3. С. 244).

²⁸ Войну вели полководцы Луция Вера. Сам он, влюбившись в красавицу из Смирны Пантею, предавался удовольствиям и наслаждениям в Антиохии. Увидев знаменитую гетеру, Лукиан был поражен ее красотой и воспел ее в двух своих произведениях. «Изображения» и «В защиту изображений» (Лукиан. Сочинения. Т. I. М., 1915. С. XXXIX—XL).

²⁹ Lucian. Quomodo histor. conscrib. 14—27; SHA. Ver. VIII. 4; Cass. I. 2.

³⁰ Dio Cass. LXXI. 2. 1; Lucian. Quomodo histor. conscrib. 21, 25—26.

SHA. Pii. V. 5). Марк Стаций Приск оставил в провинции посвящения во многих городах: Ампеле, Апуле, Сармизегетузе³¹. Они поставлены за благополучие Антонина Пия и всей Римской империи — значит, легион Дакии вел тогда военные действия. В Апуле, где он стоял, Марк Стаций Приск поставил алтарь «Юпитеру Наилучшему, Величайшему и совету богов и богинь за благополучие Римской империи и за доблесть XIII легиона» (CIL. III. 1061). Алтарь Victoriae Augustae был посвящен также Антонину Пию и связан с военными событиями в Дакии (CIL. III. 1416). Известны посвящения Стация Приска Диане Августе, Юпитеру за благополучие Антонина Пия, а также посвящения Нимфам из Гермисары. В Верхней Дакии тогда появились воинские подразделения из Африки и Мавретании Цезарейской, набранные из мавров (CIL. XVI. 108). В 159 г., когда еще не истек срок наместничества Марка Стация Приска в Дакии, ему был определен консулат, и связано это было с большими военными успехами в провинции. В надписях Дакии он называется praeses dignissimus. В 161 г. он был наместником Верхней Мезии, затем Британии и в 163 г. стал наместником Каппадокии. Сменив на этом посту погибшего Севериана, он отличился во время Парфянской войны Луция Вера³².

В его же наместничество или вскоре после того произошло разделение Дакии на три провинции — фактически три военно-административных округа: Dacia Porolissensis на севере с центром в Поролиссе; Dacia Aroulensis, в которую вошла основная часть Верхней Дакии, где стоял XIII легион и находилась столица провинции Сармизегетуза; третий округ — Dacia Malvensis — был образован из Нижней Дакии с главным городом Ромулой³³. Во главе всех трех Дакий стояли прокураторы всаднического ранга. Они имели самостоятельность в области гражданского управления и осуществляли военное командование над вспомогательными войсками своих провинций. Но Дакия Апулийская, которая, помимо вспомогательных войск, имела легион, оказалась на особом положении. Здесь было местопребывание наместника из сенаторов, занимавших ранее должность претора в городе Риме (legatus Augusti pro praetore). Этот наместник обладал высшей военной и гражданской властью — ему были подчинены все три всадника-прокуратора трех Дакий. В 166 г. в Дакию был переведен из Нижней Мезии Пятый Македонский легион и поставлен в Потаиссе. С этого времени во главе трех Дакий стоял наместник консульского ранга, так как ему были подчинены два легиона; отныне он стал именоваться *legatus Augusti pro consule trium Daciae*³⁴. Особое положение Дакии Апулийской и ее наместника-сенатора, в чьем распоряжении находились два легиона провинции, сказалось в дальнейшем на истории Дакии в период узурпаций императорской власти.

С событиями Маркоманских войн, длительных и чрезвычайно сложных для Рима, связано наместничество в Дакии Марка Клавдия Фронтоня, сподвижника Марка Аврелия. Марк Клавдий Фронтон, бывший уже консулом, стал первым наместником трех Дакий в ранге проконсула. Его наместничество приходится на 169—170 гг., когда он был наместником одновременно трех Дакий и Верхней Мезии³⁵. Это объединенное намест-

³¹ CIL. III. 940, 1061, 1299, 1416, 7882.

³² Stein. Die Reichsbeamten... S. 28.

³³ Ibid. S. 28, 37—39.

³⁴ Ibid. S. 32 f., 40 ff.

³⁵ О карьере Фронтоня см. Birley A. Marcus Aurelius. L., 1966; Daicoviciu C., Daicoviciu H. M. Claudius Fronto et Dacia Malvensis // Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Camb., 1967; Oxf., 1971. P. 343—347; Balla L. Prosopographia Dacica. I. DME. 1968. Debrecen, 1970. P. 143—144 (франц. реэ.).

ничество в двух провинциях было вызвано событиями Маркоманнских войн, когда в борьбе против сарматских и германских племен потребовалось объединение войск обеих провинций³⁶. На этом посту Марк Клавдий Фронтон и погиб в 170 г. в сражении с германцами и сарматами. Как написано на педестале поставленной ему в Риме статуи, «после нескольких счастливых сражений против германцев и сарматов он пал за республику, храбро сражаясь до последнего». Эта статуя была поставлена на форуме Траяна, декретированная сенатом по предложению Марка Аврелия. В надписи под ней (Dobó. 819 b) были перечислены должности его военной и гражданской карьеры. В надписи из Сармизегетызы Марк Клавдий Фронтон назван «храбрейшим полководцем и величайшим наместником» (*dux fortissimus* и *praeses amplissimus* — CIL. III. 1457 = IDR. III/2. № 90).

В связи с гибелью наместника на поле битвы и осложнением положения в Дакии в провинцию прибыл с экспедиционной армией Марк Аврелий³⁷. Здесь, в столице провинции в честь императора была поставлена почетная надпись (CIL. III. 7969), свидетельствующая о тяжелом положении провинции и самой столицы, которая, «избегнув двойной опасности, была восстановлена благодаря доблести»³⁸. В чем именно состояла эта двойная опасность, неизвестно. Возможно, что это были события войны, вызванные нападением языгов, конфликтами с вандалами и движением костобоков. Считают, что в это время Марком Аврелием могла быть высказана мысль об оставлении провинции Дакии³⁹. В присутствии императора вступил в свои обязанности новый наместник, Секст Корнелий Клемент — *consularis et dux trium Daciae*⁴⁰. Ему пришлось вести сражения с вандалами и костобоками, вторжение которых произошло в 170 или в 171 г.

Присутствие Марка Аврелия в Дакии было вызвано и какими-то событиями, связанными с Публием Гельвием Пертинаксом, будущим императором⁴¹. В наместничество Фронтона он занимал пост прокуратора Дакии Апулийской. В 170 г. Пертинакс был освобожден Марком Аврелием от обязанностей прокуратора Дакии. В биографии Пертинакса сохранилось довольно неясное упоминание о недовольстве, которое Марк Аврелий выразил Пертинаксу лично: причина этого недовольства могла крыться в военных событиях. Как выяснилось потом, обвинение оказалось напрасным, и вскоре последовало оправдание Пертинакса и повышение его в должности. Как командующий I Вспомогательным легионом, стоявшим в Паннонии, Пертинакс был введен в сенат самим императором. Вместе с Тиберием Клавдием Помпеяном, зятем Марка Аврелия, Пертинакс провел несколько лет на дунайском фронте, командуя войсками в Реции, Норике, Паннонии и Дакии. В 175 г. он стал наместником обеих Мезий и после этого получил пост наместника Дакии. Пертинакс управлял всеми тремя округами Дакии в качестве наместника консульского ранга (SHA. Pert. II. 10).

Провинциальное общество было несомненно чутким к смене намест-

³⁶ Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. London—Boston, 1974. P. 187—188.

³⁷ Balla L. *Factio in Pertinacem* // *Acta Classica Univ. Scient. Debrecen*. 1974. VII. P. 74—75.

³⁸ CIL. III. 7969; Birley A. *The Invasion of Italy in the Reign of M. Aurelius* // *Provincialia. Festschrift für R. Laur-Belart*. Basel — Stuttgart, 1968. P. 222.

³⁹ Balla L. *Recusantes provinciales in Dacia* // *Oikumene*. I. Budapest, 1976. S. 189. Anm. 37.

⁴⁰ Stein. *Die Reichsbeamten...* S. 44; Balla. *Factio in Pertinacem*. P. 75.

⁴¹ Balla. *Factio in Pertinacem*. P. 73—76.

ника, так как всякий раз ожидалась возможная смена ориентации и политической линии правительства. Каждый наместник ехал со штатом своей канцелярии, хотя, конечно, она не могла меняться во всех своих звеньях, но скорее — на высших административных постах. Известен интересный эпиграфический памятник из дакийской Ромулы: на черепице по мокрой глине нанесена курсивная греческая надпись, сообщающая об отъезде из Дакии одного наместника, Гая Аррия Антонина (176—177 гг.) и приезде другого наместника, Публия Гельвия Пертинакса. Эта черепица вышла скорее всего из мастерской воинской части, и она передает важное событие в жизни провинции (IDR. II. № 391).

Что положение наместника во время гражданских междоусобиц и узурпаций императорской власти и даже в случае простой смены императоров могло быть весьма опасным, это несомненно. История Римской империи полна примеров крушения всаднических и сенаторских карьер при смене императоров. Так, наместник Дакии при Каракалле Гай Юлий Септимий Кастин, личный друг императора и, возможно, родственник Септимия Севера⁴², которому Каракалла поручил Дакию в 213 г., отправляясь на войну с Парфией был смещен с поста Макрином и затем погиб при Элагабале (Dio Cass. LXXVIII. 13. 2)⁴³.

В правление Септимия Севера наместником трех Дакий был брат императора Публий Септимий Гета (SHA. Sev. VIII. 10; XIV. 10). Он упомянут в надписи из Потаиссы 195 г., поставленной в его честь легатом V Македонского легиона Тиберием Клавдием Кандидом (CIL. III. 903). В другой надписи из Апула сообщается, что Публий Септимий Гета был почтен статуей от младших офицеров его канцелярии — *cornicularii et commentarienses et speculatores* (CIL. III. 7794).

В истории Дакии были и такие наместники, относительно которых можно сказать, что сами они и вверенная им провинция были не лояльны к центральной императорской власти. Одним из таких был Квинт Аксий Элиан, оставивший несколько памятников в столице провинции⁴⁴. Будучи всадником и прокуратором одной из трех Дакий — *Dacia Aroulensis*, он дважды был одновременно наместником всей Дакии. Сословие декурионов Сармизегетузы поставило ему почетную надпись, из которой известна его карьера. Квинт Аксий Элиан был жрецом в Лавренте и Лавинии — италийских городах, образовавших сакральный союз, куратором общественных дорог в Италии — Траяновой, Аврелиевой и куратором общины Экланезийцев (в Самнии), прокуратором по управлению алиментарным фондом в четырех областях Италии (Апулии, Калабрии, Лукании и Бруттии), прокуратором императорского имущества в Мавретании Цезарейской (этот пост он занимал при Александре Севере), в Бельгике и двух Германиях, затем стал прокуратором Дакии Апулийской и дважды исполнял обязанности наместника всей провинции — *bis vice praesidis*. В двух надписях из Дакии в титулатуре Квинта Аксия Элиана сказано, что он был прокуратором двух августов: *v(ir) e(gregius) proc(urator) Augg(ustorum)*. Но в то время как в одной из надписей с этим текстом

⁴² CIL. III. 7638; *Stein*. Die Reichsbeamten... S. 66; *Birley A.* Septimius Severus. The African Emperor. L., 1971. P. 251.

⁴³ *Daicovicu C.* Einige Probleme der Provinz Dazien während des 3. Jahrhunderts// *Studii Clasice*. 1965. 7. S. 235 ff. Другая датировка — 214 г. — предложена И. Фитцем: *Fitz J.* When was Caracalla in Pannonia and Dacia? // *Alba Regia*. 1966. VI—VII. P. 202—205.

⁴⁴ CIL. III. 1422, 1423, 1456 = IDR. III/2. № 89, 157, 158, 191, 206. 244; *Stein*. Die Reichsbeamten... S. 71—72; *Pflaum H.-G.* Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire Romain. II. P., 1961. P. 851—854.

(CIL. III. 1422) в слове *proc(urator) Augg(ustorum)* второе *g* было сколото с камня и осталось *proc(urator) Aug[g](ustorum)*, в другой надписи (CIL. III. 1423) это второе *g* осталось — *proc(urator) Augg(ustorum)*. Это обстоятельство, давно обратившее на себя внимание исследователей, находит свое объяснение в том, что прокуратором Апулийской Дакии и одновременно наместником всей провинции Дакии Квинт Аксий Элиан был в совместное правление каких-то двух августов и остался на этом посту в правление одного августа⁴⁵. Если известно, что при Александре Севере Квинт Аксий Элиан управлял его личным имуществом в Мавретании Цезарейской (CIL. III. 1456), то прокуратором двух следующих августов в Дакии он мог быть или в правление Максимиана Фракийца и его сына, или в правление сенатских императоров — Пупиена и Бальбина, или обоих старших Гордианов. За короткий срок, когда Квинт Аксий Элиан, будучи прокуратором, дважды был наместником Дакии, в Риме сменилось шесть императоров и все они умерли насильственной смертью. Следовательно, всадник Квинт Аксий Элиан оставался на своем посту со времени Максимиана Фракийца до времени правления одного августа, Гордиана III. Следовало ожидать, что Квинт Аксий Элиан будет смещен с этого поста, так как постановлением сената Максимиан Фракиец был объявлен врагом сената и народа Римского и в провинции была послана комиссия из 20 сенаторов с требованием отпасть от Максимиана⁴⁶. Но в Дакии этого не случилось. Наместник, провинциальная аристократия и легионы держали сторону Максимиана, и Квинт Аксий Элиан находился на посту наместника Дакии все это смутное время вплоть до единоличного правления Гордиана III. Сколотое второе *g* в слове *proc. Aug[g]*. указывает на то, что он остался в этой должности и при Гордиане III.

Что Дакия и ее наместник долее других провинций могли держать сторону Максимиана Фракийца, а потому Квинт Аксий Элиан мог опасаться немилости со стороны Гордиана III, на это указывает также характер посвящений, поставленных его сыном. Квинт Аксий Элиан младший поставил с благодарностью алтари по обету (*votum pro patris incolumitate susceptum cum gratulatione*) с латинским посвящением Эскулапу и Гигии, богом-хранителям (*dis conservatoribus*), а также с греческой надписью с тем же посвящением Эскулапу и Гигии и богам-человеколюбцам⁴⁷. Эти посвящения дают основания считать, что Квинт Аксий Элиан благополучно избежал какой-то грозившей ему опасности, скорее всего происшедшей от того, что он и войска провинции продолжали сохранять верность Максимиану и при сенатских императорах.

При такой нестабильности императорской власти смена провинциальной администрации вряд ли могла происходить так, чтобы каждый император имел реальную возможность послать своего ставленника в Дакию, сместив на этом посту его предшественника. Обстановку неуверенности, неустойчивости и нестабильности центральной власти и просто чувство страха, испытываемого наместником в подобных ситуациях, отражает, по-видимому, текст вотивного алтаря, поставленного Публием Элием Гаммонием Младшим, прокуратором Апулийской Дакии. В его титулатуре — *v(ir) e(gregius) proc. Aug[g]*. — также было счищено второе *g*: обстоятельство, указывающее на то, что свою службу в Дакии Гаммоний начал в качестве прокуратора двух августов и затем остался на этом посту

⁴⁵ Seeck O. Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung und andere populäre Schriften. B., 1898. S. 219 f.; Stein. Die Reichsbeamten... S. 71.

⁴⁶ SHA. Max. duo XV. 14; Herodian. VII. 7. 7.

⁴⁷ CIL. III. 7899 = IDR. III/2. № 157. 158; Dessau. 3849 a.

в качестве прокуратора одного августа⁴⁸. Вся его карьера типична для всадника: он был префектом V Испанской когорты, воинским трибуном в Iервой когорте Германцев, препозитом вспомогательных войск в Каппадокии, отправленных в Армению во время Персидской войны Александра Севера, префектом Первой алы Гетулов, препозитом вспомогательных войск Нижней Мезии, при Гордиане III он был префектом флота Нижней Мезии и затем был им же назначен на пост прокуратора этой провинции. Его должность прокуратора двух августов в Дакии приходится на время правления либо Филиппа Араба и его сына (244—249 гг.), либо Деция и его сына Этруска (249—251 гг.), а может быть, и на время правления Требониана Галла и его сына Волусиана (251—253) или даже Валериана и Галлиена (253—260). Затем он стал прокуратором одного августа, а таким ближайшим по времени единоличным августом на короткое время стал узурпатор Эмилиан, провозглашенный императором в 252 г. в Египте, поддержанный в 253 г. нижнедунайскими провинциями и признанный потом римским сенатом⁴⁹. Вряд ли за столь малый срок своего правления (после того как Эмилиан был признан сенатом, он правил только три месяца и затем был убит) Эмилиан успел подтвердить оставление на посту прокуратора Апулийской Дакии Публия Элия Гаммония Младшего. Гаммоний остался прокуратором *de facto* и, очевидно, сам распорядился сколоть с камня второе *g* в своей титулатуре, когда он стал прокуратором одного императора, вероятно Галлиена.

В Сармизегете он посвятил алтарь всем богам римского пантеона: Юпитеру Наилучшему Величайшему, Юноне, Минерве, богам-советчикам (*diis consentibus*), Здоровью, Фортуне Возвращающейся, Аполлону, Диане-Победительнице, Немезиде, Меркурию, Гераклу Непобедимому, Солнцу, Эскулапу, Гигии, бессмертным богам и богиням⁵⁰. Этот алтарь свидетельствует отнюдь не о синкретизме верований этого прокуратора, но о чувстве неуверенности и страха. Если этот Публий Элий Гаммоний Младший, будучи действительно назначен прокуратором одной из трех Дакий при Филиппе Арабе, пережив затем гибель стольких императоров (Филиппа Араба и его сына, Деция и его сына, Требониана Галла и его сына), уцелел, став прокуратором Эмилиана, вскоре также убитого, то он действительно имел все основания почтить всех богов римского пантеона.

Вручение прокуратору Апулийской Дакии обязанностей наместника трех Дакий, очевидно, имело место только в случае узурпации императорской власти или гибели прежнего наместника на поле битвы, когда новый император не успевал назначить своего ставленника. Поручая пост наместника прокуратору, он тем самым повышал его в должности, так как теперь наместнику вверялись и оба легиона провинции, и высшая власть, гражданская и военная, а сам этот пост был сенаторским. Имелась в виду и некая гарантия преданности такого наместника, поскольку своим назначением и своим социальным возвышением такой наместник был всецело обязан новому императору. В правление Элагабала Ульпий Виктор, прокуратор Апулийской Дакии, исполнял обязанности наместника всей Дакии (*agenti vice praesidis* — CIL. III. 1464). Ранее он был прокуратором Поролисской Дакии. Его военная карьера протекала

⁴⁸ Stein. Die Reichsbeamten... S. 81—82; по мнению К. Дайковичу, второе *g* в слове Aug[gl]. не счищено с камня, а случайно стерлось (*Daicovicu. Sarmizegetusa. Sp.* 652 f.).

⁴⁹ Eutr. IX. 5; Aur. Vict. De Caes. 29; Epit. de Caes. 31; Oros. VII. 21. 6; Mattingly H. The Reign of Aemilian // JRS. 1935. XXV. P. 55—58.

⁵⁰ IDR. III/2. P. 216—217. № 246.

при Каракалле и Элагабале на Дунае, а гражданская — в Италии ⁵¹ Ульпий Виктор был префектом VII когорты бревков, командовал вексилляциями вспомогательных войск Нижней Паннии, отправленными на Парфянскую войну при Каракалле, а также вексилляциями VII Клавдиева легиона, был трибуном Второго Парфянского легиона, набранного Септимием Севером в дунайских провинциях и поставленного им после окончания гражданских войн под Римом. Он был субпрефектом анноны, управлял императорскими имениями в Этрурии и в Пицене, а также имениями Плавциана, близкого друга императора, на дочери которого Север женил своего сына Каракалла и которого убил в 205 г. (SHA. Sev. XIV. 5—8).

Смерть императора, изменения ориентации в Риме, перемена в сфере провинциальной администрации — все это оказало влияние на общественную жизнь в провинции и повлекло за собой изменения в верхних слоях власти. После Септимия Севера его сыновья жили, ненавидя друг друга, и каждый из них имел свой двор, своих приближенных и друзей среди которых были и сенаторы и бывшие консулы. Обстановка неуверенности распространялась и на провинции. После того как Каракалла убил своего брата Гету, в Риме погибло много его приверженцев и сторонников (SHA. Caracal. II—IV; Geta. VI—VII), а из слов Геродиана явствует, что командовавшие в некоторых провинциях сторонники Геты, консулы и прокураторы (IV.6.4), после убийства Геты были уничтожены Каракаллой. В их числе был проконсул Нарбоннской Галлии (SHA. Caracal. V. 1).

Дунайские легионы и, в частности, легионы Дакии, а также гражданское население провинции поддержали ряд узурпаций на Дунае в правление Галлиена. Недовольство в дунайской армии было вызвано стремлением Галлиена уменьшить влияние соединений, некогда сформированных на Дунае и получивших потом название иллирийских. В 256 г. (самое позднее — в 257 г.) он назначил своего старшего сына, Корнелия Валериана, командующим войсками в Иллирике ⁵². В руках Галлиена оказалась власть над всеми дунайскими провинциями. Это имело целью обезопасить центральное правительство от узурпаций дунайских легионов ⁵³. Но во второй половине 258 г., когда Валериан Младший умер, последовала узурпация Ингенуя, который объединил под своей властью армии Иллирика. Это была первая серьезная попытка дунайской армии выдвинуть своего ставленника на императорский трон. В руках Ингенуя были легионы Реции, Норика, Паннии, Верхней Мезии и Дакии. Движение иллирийской армии было подавлено войсками, прибывшими с Рейна и из Британии; Ингенуй был разбит в Паннии ⁵⁴.

В 260 г. войсками Верхней Мезии был провозглашен императором Регаллиан ⁵⁵. В его руках находилась власть в нескольких дунайских провинциях. Авторы «Биографий августов» определяют его как *Illyrici dux* и как *in Illyrico ducatum gerens* (SHA. Trig. tyr. 10. 1; 9). Регаллиан командовал войсками в обеих Панниях, в Верхней Мезии и, очевидно,

⁵¹ Pflaum. Les carrières... II. P. 692—693; Stein. Die Reichsbeamten... S. 63.

⁵² Fitz J. Ingenuus et Régalien // Collection Latomus. LXXXI. Bruxelles — Berchem, 1966. К сожалению, эта работа осталась мне неизвестной, я знакома с ней по ссылкам в других исследованиях (см., например, Мбссу А. Pannonien und die Soldatenkaiser // ANRW. Principat 6. В. — N.Y., 1977. S. 564 f.).

⁵³ Колосовская Паннония... С. 238 сл.

⁵⁴ Sašel J. Bellum Serdicense // Situla. 1961. 4. S. 27 ff., Мбссу. Pannonia and the Upper Moesia. P. 208 f.; Колосовская. Паннония... С. 238 сл.

⁵⁵ SHA. Trig. tyr. 10; Aur. Vict. 33.2; Epit. de Caes. 32. 3.

в Дакии. На монетах Галлиена, чеканенных в 261 г., отсутствуют названия легионов этих провинций⁵⁶. Успешные действия Регаллиана против сарматов (SHA. Trig. turg. 10. 2), от чьих нападений обычно страдали Нижняя Паннония и Дакия, косвенным образом указывают на то, что Дакия могла быть в числе провинций, поддерживавших Регаллиана. Происходил же Регаллиан якобы из Дакии и даже из рода самого Децебала (SHA. Trig. turg. 10. 8). Главной опорой Регаллиана была Паннония. Наскоро основанный им монетный двор в Карнунте чеканил монеты с его именем и именем его жены (или матери) Сульпиции Дриантиллы. Монеты представляли собой надчеканку монет Каракаллы и Александра Севера, Юлии Домны и Юлии Мезы⁵⁷. Правление Регаллиана на Дунае было недолгим. Он был разбит в том же 260 г. легионами, пришедшими из Германии, и конницей мавров, во главе которых стоял Авреол, командовавший конницей Галлиена⁵⁸.

Узурпации императорской власти не оставляли безучастным население провинциальных городов. Муниципальная знать неизбежно оказывалась втянутой в гражданские междоусобия. Население провинции Мезии, поддержавшее узурпатора Ингенуя, подверглось жестоким репрессиям со стороны Галлиена (SHA. Trig. tir. 9. 3; 10. 2). Провинциалы испытывали страх перед каждой новой узурпацией. И если верить биографу Регаллиана, то именно страх провинциалов, боявшихся жестоких репрессий со стороны императора, и нерешительность войска (SHA. Trig. tir. 10. 2), а также вмешательство во внутренние распри роксоланов (разместившихся к тому времени в междуречье Дуная и Тисы и частично поселенных в пределах Паннонии) привели к падению Регаллиана⁵⁹.

Деятельность наместника распространялась и на строительство больших общественных сооружений. От имени наместника и при его попечительстве происходило сооружение и торжественное открытие общественных зданий. Так, в Поролиссе, крупном военном лагере на севере Дакии, благодаря инициативе прокуратора Дакии Поролиссовой Тиберия Клавдия Квинтилиана и под его наблюдением был восстановлен в 157 г. амфитеатр, построенный ранее из дерева. Вся постройка была осуществлена от имени императора Антонина Пия⁶⁰. В наместничество Ульпия Виктора при посредстве центуриона Пятого Македонского легиона Тита Флавия Сатурнина воинским отрядом пальмирских лучников в Поролиссе в связи с прибытием Каракаллы в Дакию в 213 г. был восстановлен сгоревший храм пальмирского бога Бела⁶¹. От имени императора Септимия Севера при наместнике трех Дакий Оле Теренции Пуденте Уттедиане, были восстановлены бани для Второй Флавиевой когорты. Работы происходили под наблюдением префекта когорты Секста Бебия Скрибона (CIL. III. 1374). При наместнике Луции Помпонии Либерале в правление Септимия Севера торжественно было начато строительство здания для коллегии центонариев⁶². В наместничество уже называвшегося Марка Стация

⁵⁶ Ritterling E. Legio // RE. XII. Sp. 1341—1342.

⁵⁷ Elmer G. Der römische Geldverkehr in Karnuntum // NZ. 1933. S. 59 ff.; Mócsy A. Pannonia // RE. 1962. IX Hlbd. Sp. 569; *idem*. Pannonia and Upper Moesia. P. 209.

⁵⁸ Saria B. Zur Geschichte des Kaisers Regalianus // Klio. 1937. 30. S. 352 ff., Šašel. Bellum Serdicense. S. 27—30.

⁵⁹ Mócsy. Pannonia and Upper Moesia. P. 208 f.

⁶⁰ CIL. III. 836; Stein. Die Reichsbeamten... S. 29.

⁶¹ Tudor D. Les constructions publiques de la Dacie romaine d'après les inscriptions // Latomus. 1964. XXIII. 2. P. 277, 280.

⁶² CIL. III. 1174; Stein. Die Reichsbeamten... S. 59.

Приска Лициния Италика в Апуле производились работы, связанные с водопроводом. Попечительство о работах взял на себя некий Луций Аврелий Трофим (CIL. III. 1064). От имени префекта Пятого Македонского легиона в Потаиссе при Галлиене был построен храм восточному божеству, богу Азизию (CIL. III. 875). Легат XIII Сдвоенного легиона Гай Цереллий Сабин распорядился в 182—185 гг. восстановить митреум в Апуле (CIL. III. 1114).

Упоминание в надписи о наместнике, от чьего имени здание было восстановлено или реставрировано, не означает, что это здание было построено целиком на его средства, но свидетельствует об уважении к представителю высшей императорской власти, по инициативе которой могло быть начато строительство. Строительные работы могли производиться руками военных и могли быть осуществлены на средства казны (*sumptu fisci*), как это известно для построенной в Ампеле канцелярии прокуратора золотых рудников. Наместник провинции мог побуждать к строительной деятельности военных, особенно младших офицеров из штата своей канцелярии, где должности хорошо оплачивались. Известно о сооружении общественного фонтана в Апуле спекулятором XIII легиона (CIL. III. 990). В 193 г. легионер XIII легиона Марк Ульпий Муциан построил *horologiarium templum* (CIL. III. 1070). Это был небольшой храм, на внешних сторонах которого были устроены солнечные часы — *horologia*.

От наместника провинции зависело общественное и социальное возвышение различных категорий населения провинции, как это известно, например, из писем Плиния Младшего Траяну (Plin. Ep. X. 5, 6, 7, 11). В Дакии случаи предоставления римского гражданства относятся главным образом к ветеранам вспомогательных войск, во множестве стоявших в Дакии. От имени императора, но несомненно по рекомендации наместника ветерану, лицу peregrinского права, по выходе в отставку предоставлялось римское гражданство, а с ним и членам его семьи — жене, детям, иногда родителям, а если ветеран не был женат, то это право даровалось его будущей жене и его потомству. Данные военных дипломов особенно выразительны. Они довольно многочисленны и происходят обычно из городов и поселков близ тех крепостей и лагерей, где несли службу, а после отставки селились такие ветераны. Так, в наместничество Децима Теренция Скавриана в числе воинов, получивших римское гражданство, был воин Дарнифий, которого по его имени считают даком⁶³. Этот воин служил в Первой Ульпиевой тысячной когорте Бриттонов, которая в полном составе получила римское гражданство, воинские награды и почетный эпитет *Pia Fidelis* за храбрость, проявленную в первой Дакийской войне. Римское гражданство было даровано солдатам уже во время службы, до выхода в почетную отставку.

Известен и другой воин этой же когорты, получивший римское гражданство: Марк Ульпий Новатикон, сын Адкобровата, кельт из Британии⁶⁴. Военный диплом от 17 февраля 110 г. фиксирует предоставление Траяном права римского гражданства Фему, сыну Гората, уроженцу Итурии и его сыновьям — Налу, Марку и Антонину⁶⁵. Отсутствие имени жены в дипломе этого ветерана указывает, очевидно, на то, что ко времени выхода в отставку он был вдов или римское гражданство было дано только мужскому поколению семьи этого воина. В наместничество Квинта Марция Турбона римское гражданство было дано воинам, ушедшим в почетную

⁶³ *Russu I. I. Die Sprache der Thraco-Daker. București, 1969. S. 119.*

⁶⁴ *IDR. I. P. 70—71. DM I.*

⁶⁵ *IDR. I. P. 72—74. DM II.*

отставку, которые служили в конном отряде Бриттонов, а в их числе — рядовому Главу, сыну Новата, происходившему из Сирмия, и его жене Юбене, дочери Белагента, — из племени эрависков⁶⁶. В военном дипломе от 22 марта 129 г. сказано, что Адриан предоставил римское гражданство рядовому Евпатору, сыну Евмена, уроженцу Себастополя (в провинции Понт), и его сыновьям — Евпатору, Евмену и Фразону, а также дочери Филопатре⁶⁷. Евпатор, сын Евмена, служил в конной части, набранной в Иллирике. Эта воинская часть входила в 129 г. в состав войска Нижней Дакии. Военный диплом от 29 июня 120 г. из Верхней Дакии удостоверяет, что в наместничество Юлия Севера Адрианом было дано римское гражданство воинам из отряда пальмирских лучников: Гамасею, сыну Алапафа, пальмирецю, и Барицию, сыну Мала, из Пальмиры⁶⁸. При Антонине Пии 27 сентября 159 г. были отпущены в отставку воины Первой Ульпиевой когорты Бриттонов, в их числе Ивонерк, сын Малаца, из племени бриттов⁶⁹. Эта когорта входила в число войск Поролиссской Дакии. Римское гражданство было даровано в 158 г. также рядовым Первой алы Галлов и Боспорцев, в их числе Гептапору, сыну Изия, из племени бессов. Эта ала входила в число войск Верхней Дакии⁷⁰.

Эти примеры — не единственные. Они показывают, что этнический состав римских граждан, происходивших из военной среды, в провинции был весьма пестрым: во II в. получают римское гражданство Гептатор, сын Изия, босс; Бит, сын Солы, босс; Ивонерк, сын Малация, бритт; Перхев, сын Афенатана, пальмирец; Бариций, сын Мала, пальмирец; Гамасей, сын Алапафа, пальмирец; Сепенест, сын Рива, паннонец; Фем, сын Гората, уроженец Итурии. Для этих и подобных им римских граждан социальное возвышение ассоциировалось с личностью императора и наместника. Диплом делал римлянином кельта, иллирийца, ориентала. Они входили теперь в число римских граждан той провинции, где оставались жить после отставки.

Став римлянином, такой ветеран получал доступ к городским магистратам и жреческим должностям, он мог вести торговые и иные дела с римскими гражданами, получал право наследования и заключения сделок по римскому праву, а также возможность приобретать в частную собственность землю, право жениться на римской гражданке; его дети носили полное имя римских граждан (*tria nomina*) и могли указывать в поставленных ими памятниках *nomem* императора и одну с ним трибу. Следует заметить, что сама формула римского военного диплома о даровании гражданства звучала весьма торжественно; диплом гравировался на медной доске; его оригинал хранился в Риме, будучи прибитым к стене храма Минервы на римском Форуме; копия диплома выдавалась наместником ветерану на руки при отпуске его в почетную отставку.

В условиях военной обстановки, так сказать на поле боя, наместник имел право сам предоставить отличившемуся воину римское гражданство. Публий Гельвий Пертинакс, наместник Дакии в 177—179 гг., дал римское гражданство Публию Гельвию Приману, легионеру XIII легиона (CIL. III. 1318). Очевидно, речь идет о воине, переведенном из вспомогательной воинской части в легион, где, как известно, могли служить только лица с правом римского гражданства. Группа таких воинов, пере-

⁶⁶ IDR. I. P. 88—92. DM VII.

⁶⁷ IDR. I. P. 99—103. DM X.

⁶⁸ IDR. I. P. 81—86. DM V, VI.

⁶⁹ IDR. I. P. 126. DM XVII.

⁷⁰ IDR. I. P. 118—121. DM XVI.

веденных в XIII легион (*translati in legionem*) наместником Дакии Тиберием Юлием Флакцином, поставила алтарь в Сармизегетузе Юпитеру Наилучшему Величайшему и Марсу Августу⁷¹. Наместник имел право возвести в жреческий сан достойное, по его мнению, лицо. Посвятительную надпись Гераклу Августу оставил некий Регин, *sacerdos institutus ab Helvio Pertinace consulari* (CIL. III. 7754).

Посвятительные алтари и надписи показывают, что наместники олицетворяли в провинции единство и постоянство римской власти. Большинство таких памятников происходит из Апула, где, как мы уже упоминали, стоял один из легионов Дакии. Так, наместник трех Дакий Луций Эмилий Кар в 172—175 гг. в период Маркоманнской войны посвятил алтарь Серапису, Юпитеру, Солнцу, Изиде, Луне, Диане, богам и богиням — охранителям (CIL. III. 7771), а также Святому Сильвану и Аполлону Августу (CIL. III. 1153). За здоровьем трех августов — Септимия Севера, Каракаллы и Геты Цезаря, которые названы «нашими непобедимейшими господами», поставлены наместниками алтари Фортуне Возвращающейся и Гераклу (CIL. III. 1393, 1564, 14479). Уже известный Квинт Аксий Элиан сделал посвящение Фортуне Возвращающейся, дорожному Лару, Вечному Риму, Юпитеру Наилучшему Величайшему, Царице-Юноне, Минерве, всем бессмертным богам (CIL. III. 1422, 1423). Наместник Гай Аврелий Атилиан почтил Фортуну Августу (CIL. III. 853). Обращение к Фортуне Возвращающейся говорит о переменчивости счастья и судьбы наместника, очень часто связанной и с военными событиями в Дакии, и с неустойчивостью его собственного положения при особе императора.

Из немногих дошедших до нас свидетельств все же очевидны черты, типичные для характеристики самого наместника и его деятельности в провинции. Наместник должен был обладать гражданскими и военными доблестями. Он *praeses dignissimus*, как Публий Фурий Сатурнин, и *praeses amplissimus et fortissimus dux*, как Марк Клавдий Фронтон. Он олицетворяет в провинции стабильность и прочность императорской власти, а также согласие всех ее сословий. Его благорасположение распространяется на всех провинциалов. Находясь под управлением такого наместника, провинция должна была считать себя счастливейшей и обласканной его милостями, как сказано в уже упоминавшейся надписи в честь Публия Фурия Сатурнина. Эти свидетельства показывают, сколь велика была роль наместника в политической и общественной жизни вверенной ему провинции. Его личность и деятельность несомненно влияли и на культурную жизнь провинции. Все сферы провинциальной жизни: ее гражданская и военная власть, деятельность общин городов, их религиозная деятельность, — словом, вся провинция, находившаяся под его властью, должна была быть «мирной и спокойной».

Но сам наместник как лицо, зависимое от императора, был в известной мере бесправен и подвержен различным переменам, происходившим в императорском доме. Находясь на вершине служебной лестницы, наместник часто оказывался уязвимым для императорского гнева. Тем не менее, хотя императорская власть, назначая наместника, и рассчитывала, что мир будет сохранен им внутри империи и на ее границах, это оказывалось не всегда возможным; наместник, преследуя свои собственные политические цели, часто оказывался неверен императорской власти.

⁷¹ CIL. III. 7768 = IDR. III/2. № 95.

LE LÉGAT DE ROME ET SON RÔLE DANS LA POLITIQUE EXTÉRIEURE DE LA DACIE

Ju. K. Kolosovskaja

L'article étudie le rôle du légat (*legatus Augusti pro praetora* ou *legatus Augusti pro consule*) dans la vie sociale et politique de la société provinciale de Dacie. Des témoignages très incomplets de nos sources on peut quand même déduire les traits caractéristiques de l'activité et de la personne du légat. Il possédait, ou devait posséder, des vertus civiles et militaires. Il est *praeses dignissimus* comme Publius Furius Saturninus et *praeses amplissimus et fortissimus dux* comme Marcus Claudius Fronto. Le légat contrôlait toutes les sphères de la vie provinciale: le pouvoir civil et militaire, l'activité des communautés urbaines, leur activité culturelle et religieuse. Le légat incarnait dans la province la stabilité et la solidité du pouvoir impérial et la concorde entre toutes les couches de la société. Mais, tout en modelant la société provinciale romaine et en étant responsable de sa tranquillité et de sa sécurité, le légat lui-même, en tant qu'individu dépendant de l'empereur, était relativement privé de droits et sensible aux divers changements qui intervenaient dans la famille impériale. Bien qu'il occupât le sommet de la hiérarchie, le légat était souvent vulnérable et à la portée de la main du pouvoir impérial. Néanmoins le pouvoir impérial central qui nommait le légat dans sa province, voulait être sûr que la paix serait sauvegardée à l'intérieur de l'empire et à ses frontières. Ce n'était pas toujours le cas: le légat était souvent infidèle au pouvoir impérial et poursuivait ses propres fins politiques.

Из истории отечественной науки

Вяч. Вс. Иванов

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И ИСТОРИЯ ДРЕВНОСТИ

Отмечаемый в нашей стране 125-летний юбилей акад. В. И. Вернадского (1863—1945) приведет к осмыслению его достижений не только во всем цикле естественных наук, которыми он занимался, но и в его исследовании исторических закономерностей развития ноосферы — сферы разума, в которую благодаря человеку переходит биосфера¹. История научной мысли, научного знания, его исторического хода проявляется с новой стороны, которая до сих пор не была достаточно осознана. Ее нельзя рассматривать только как историю одной из гуманитарных наук. Эта история есть одновременно история создания в биосфере новой геологической силы — научной мысли, раньше в биосфере отсутствовавшей. Это история проявления нового геологического фактора, нового выражения организованности биосферы, сложившегося стихийно, как природное явление, в последние несколько десятков тысяч лет². С этой единой точки зрения Вернадский осмысляет и все факты истории древней культуры, приходя к новым и весьма важным выводам.

В соответствии с присущим ему самому динамическим подходом представляется целесообразным рассмотреть постепенное формирование воззрений Вернадского на древнюю историю.

1.

Описывая свой круг чтений (очень разносторонних) в раннем детстве, среди первых книг Вернадский называет исторические. Его «поражали образы „Ветхого завета“», он вспоминал много десятилетий спустя «то наслаждение, с каким... читал историю Саула, Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялся Авель и Каин и т. д. Эти образы вызывали... бесконечный ряд вопросов»³. По его словам, перед поступлением в классическую гимназию (в 1873 г., когда ему было 10 лет) он «зачитывался историей, главным образом, греческой» (с. 18). Однако сама гимназия (где в кругу его исторических чтений добавились сочинения по исто-

¹ См. в особенности: *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере (Вместо не-написанной автором главы) // *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1965 (далее — Биосфера). С. 223—331.

² *Он же.* Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977 (далее — Мысль). С. 22.

³ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 16 (далее ссылки на страницы этой книги даются в тексте в скобках).

рии церкви) дала ему мало: «главным несчастьем являлся мертвый дух преподавания», который искажил «прекрасный великий мир Эллады, ее науку, литературу, искусство», разрушил «те стороны истории Рима, которые до сих пор жили в нашей жизни» (с. 24). По его словам, латинский и греческий он усвоил недостаточно (хотя потом и читал в подлинниках античных авторов) по вине гимназии, но и потому также, что его меньше занимали языки сами по себе, чем история и история литературы. Вспоминая о начале своих университетских занятий (в Петербургский университет Вернадский поступил в 1881 г.), он писал: «Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой, — философская сторона математических наук. И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественноисторическую и потом перейти на историю» (с. 28). Как мы увидим, синтеза естественноисторического подхода с культурно-историческим Вернадский позднее достигнет сначала в специальных работах по истории металлов и других элементов, потом — в синтетических трудах по истории науки и техники. Начало синтезу было положено уже занятиями на первом курсе, когда Вернадский, учась на естественном отделении физико-математического факультета, с первых недель посещал лекции на других факультетах — «исторические, филологические, юридические» (с. 31). Созданное в 1882 г. студенческое научно-литературное общество, в работе которого Вернадский, избранный в его Научный отдел (руководящий научный совет), с самого начала активно участвует, объединяло «множество всем известных имен ученых, историков, натуралистов, юристов, медиков» (с. 32). История с самого начала представлялась ему наукой прикладной. Описание «Влияния войн», по его замыслу, «может хоть несколько помочь прекращению этого регрессивного явления» (с. 33). Напомним, что 40 лет спустя это неослабевавшее стремление охранить человечество от последствий войн приведет его к опубликованному в 1922 г. пророческому предостережению по поводу «самоуничтожения», которым человеку грозит овладение атомной энергией⁴. Но начинать он хотел с истории войн; исследуя позднее ранние этапы развития человечества, он снова и снова возвращается к тем тормозящим факторам, которыми «были взаимные истребления людей»⁵; особенно рельефно «элементы разрушения и разложения», возникающие при использовании убийства и насилия в качестве «средств достижения великой идеи», были им рассмотрены на примере крестовых походов⁶.

В 1883 г. формируется «Братство» — кружок студентов, близких друзей Вернадского, которые были дружны с ним с первого курса до конца жизни каждого из них. Среди них были такие видные историки, как крупнейший востоковед, историк культуры Центральной Азии и Индии С. Ф. Ольденбург, близкая дружба и позднее совместная работа с которым многое

⁴ См. акад. *Соколов Б.* Великий натуралист и мыслитель // *Правда*. 1983. № 171. С. 3; *Вернадский*. Биосфера. С. 362 (впервые напечатано в кн.: *Вернадский В. И.* Очерки и речи. Вып. 2. Пг., 1922); *Иванов В. В.* Категория времени в искусстве и культуре XX века // *Ритм, пространство и время в литературе и в искусстве*. Л.: Наука, 1974. С. 51—52; к числу имевших естественнонаучное образование деятелей нашей культуры, одновременно с Вернадским сделавшим это предостережение, кроме *Андрея Белого* (строки об «атомной, лопнувшей бомбе» в поэме «Первое свидание») надо отнести также *В. Хлебникова*, чье замечание о взрыве атомной бомбы относится к августу 1920 или 1921 г. (*Иванов Вяч. Вс.* Хлебников и наука // *Пути в неизвестное*. М.: Сов. писатель, 1986. С. 390).

⁵ *Вернадский*. Мысль. С. 30.

⁶ *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981 (далее — Наука). С. 117.

определила в жизни и мыслях Вернадского (в том числе и в глубине знаний последнего, относящихся к древней Индии).

В 1888 г. Вернадский с семьей на два года уезжает в научную командировку за границу. Здесь он впервые встречается с манившей его с детства древностью Италии, видит «Помпею, музеи; особенно поразила древняя скульптура» (с. 60).

Посетив в Берлине в декабре 1889 г. выставку вещей, найденных в Пергаме Хуманом в 1978—1886 гг., Вернадский писал, говоря о «тоске», вызываемой при осмотре музеев мыслью о личном уничтожении, об отсутствии личного бессмертия: «Пергамские остатки произвели на меня чарующее впечатление. Мне кажется, я чувствую на себе влияние этих великих греков, этих неведомых мыслителей-художников больше двух тысяч лет тому назад, точно что-то меня живо, тесно связывает с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени (или это одно из проявлений „Тоски“ — шепчет мне скепсис?). У меня возродилось то же чувство, какое давно в детстве произвело на меня воззвание Лайеля раскапывать Геркуланум, так как там могут сохраниться библиотеки (и вот уже 30 лет почти ничего для этого не делается!), ведь сколько еще может быть спасено от прежней мысли и жизни, такой чудной и высокой, как лучшее из теперешнего» (с. 73). Характерно, что по поводу мысли о восстановлении самых ранних пластов культуры, важной для всех его позднейших работ по истории, Вернадский, которому столько предстояло сделать в области геохимической эволюции, ссылается на великого Лайеля, одного из создателей эволюционной геологии, поддержавшего Дарвина. Продолжая эту мысль, Вернадский соединил впечатления из слышанного им о только что открытых древностях Олимпии, фаюмских портретах, беотийских терракотах: «Ведь вот недавно открыты удивительные, по рассказам, остатки в Олимпии, эти пергамские горельефы, недавние греческие портреты в Египте, статуэтки из Танагры и т. п. А у нас в Закавказье сколько еще может быть найдено...». Последнее предсказание, сбывшееся много десятилетий спустя, когда ученым открылись эллинистические памятники Грузии и Армении, более ранние урартская, куро-аракская и другие археологические культуры, — одно из первых в ряду тех интуитивных опережений археологических открытий, которых так много в последующих работах Вернадского. Среди его товарищей студенческой поры, позднее внесших вклад в археологию Закавказья, можно назвать Н. Я. Марра, который с 1904 г. вел раскопки Ани. До изучения соответствующих архивных материалов можно только предполагать, в какой мере личные контакты двух ученых могли содействовать началу раскопок (или формулировке цитированного предсказания).

Осмысляя увиденные им древности Пергама, Вернадский пробует дать им собственное объяснение, опирающееся на сложившееся у него к тому времени понимание античности: «Одна уже группа, собранная в главной пока ротонде, удивительна. Эта группа, представляющая борьбу титанов, детей Земли, с богами... Я не думаю, чтобы авторы хотели представить гигантов проявлением животности, мне видится в них сочувствие к побежденным, мне мнится тайное желание показать, что не все с титанами кончено. Это показывает и могучая фигура Матери Земли — Геи и чудные типы юношей гигантов, например, Отос. Виден здесь миф Прометей и то же самое гордое чувство свободной человеческой души, выразившееся хотя бы в иных мечтах и стремлениях греческих философов... А это было как раз то время. Мне противен сделался немецкий филистерский текст объяснения группы, где проводится „ортодоксальное“ мнение (борьба духа

богов с животностью титанами). Здесь видно другое, здесь видна свободная, гордая мысль, мысль, гонимая Тоску, рвущаяся вперед, далеко — так далеко, как прорвались и в науке греческие философские учения! Не то ли это самое, что заставило их на основании немногих данных построить такие синтезы, которые не раз удивляли нас своей справедливостью? Титаны не уничтожены богами, так как не могла быть ими тронута их мать. Первоисточник остался, и победа богов должна была быть поверхностной. Как поверхностной была победа богов над Прометеем. Среди созданий греческого искусства это одно из самых замечательных проявлений этого направления» (с. 73—74). В этом первом пластическом наброске своего понимания античности, с детства боготворимой им, Вернадский по поводу мифа о Прометее в своем толковании ссылается на «известное, часто упоминаемое место Лукреция Карра»⁷.

Лукреций оставался одним из любимых авторов на всем протяжении жизни Вернадского. В одной из последних своих статей по истории науки Вернадский упоминает поэму Лукреция среди классических произведений, переходящих «из поколения в поколение» и принадлежащих к числу «произведений натуралистов, избравших поэтическую форму для изложения своего понимания природы и ее явлений. Блестящим примером такой формы художественно-научного творчества является Лукреций (99/95—55/51 гг. до н. э.), больше философ, чем ученый, живущий в эпоху, когда наука только что отделялась от философии (сейчас, мы видим, временно). Эта форма художественного, научного творчества всегда связана с философской интуицией»⁸. В те же годы, к которым относится только что цитированная характеристика Лукреция, Вернадский упоминает встречающийся уже у Лукреция⁹ образ двух листьев, которые никогда не бывают вполне тождественными, в качестве яркого выражения характерной черты биосферы¹⁰. Деятельный характер Вернадского сказался в немедленном практическом проявлении возникших у него мыслей о необходимости археологического изучения отечества.

Вернувшись в 1890 г. в Россию, Вернадский в соответствии с общим планом всестороннего описания губерний, задуманного Докучаевым, занялся Кременчугским уездом. Особенность проведенной им геологической работы, вскоре опубликованной¹¹, определялась сложившимися к тому времени у Вернадского археологическими интересами. Как вспоминал он сам спустя полвека, в 1943 г.: «Так как я работал два года и второй год на свои средства, то я, воспользовавшись этим, нанес не только те точки, откуда взяты образцы, но также все курганы, бабы и археологические остатки. В. В. Докучаев мне говорил, что если бы он знал об этом раньше, то сделал бы это обязательным для своих работающих» (с. 75).

Вернадского волнует проблема обследования археологических памятников Юга России и восстановления скрытых в них исторических реалий. В 1893 г. он записывает в дневнике: «Читаю теперь много по старой жизни Юга России — древности России Толстого и Кондакова...»¹² Как-то больно

⁷ Лукреций Кар. О природе вещей. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 254—256.

⁸ Вернадский. Наука. С. 248.

⁹ Лукреций Кар. Ук. соч. Т. II. С. 54. В нашей науке XX в. этот образ не раз использовался биологом Н. А. Бернштейном, а вслед за ним математиком И. М. Гельфандом.

¹⁰ Вернадский. Мысль. С. 15.

¹¹ Кременчугский уезд. СПб., 1892.

¹² Имеется в виду: Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1—6. СПб., 1889—1899. В цитируемом издании дневников Вернадского эта библиографическая справка отсутствует.

щемит сердце, когда вдумываешься в эти остатки старого быта, старой жизни, которая открывается нам в могилах. Куда все это исчезло? Совершенно ли пропала вся эта жизнь, от которой нам остались одни темные памятники» (с. 131). В том же году он пишет жене: «Меня влечет в Крым в сильной степени моя любовь к греческой древности. К той эпохе, когда человеческая — и физическая и духовная — личность достигала такой красоты» (с. 132).

Начавшиеся лекции Вернадского по минералогии в Московском университете не мешают продолжению его занятий античностью: в сентябре-октябре 1890 г. он читает «с глубоким интересом Гиббона — Историю падения Римской империи» (с. 84, 87, 88), незадолго до того вышедшую в русском переводе. Чтения, относящиеся к древности, вновь и вновь приводят его (в то относительно внешне спокойное время, когда до начала первой мировой войны оставалось четверть века) к сомнениям в надежности будущего европейской цивилизации. 7 октября 1890 г. он записывает в дневнике: «Читая Фукидида, поражаешься нередко встречаемым у древних авторов мнениям о том, что скажут их потомки. То же самое и в древних памятниках. Служило ли это утешением? Верно то, что меня так или иначе заставляет задуматься при чтении Фукидида, заставляло задумываться и других, Бог знает сколько поколений. Когда он говорит вначале о том, какое бы впечатление произвели разрушенные Афины (по сравнению с Микенами), теперь мы это видим. Сделалось избитым указание на возможность того же для теперешних центров мысли, хотя никто как-то об этом и не думает» (с. 90).

В 1892 г. умер в возрасте 29 лет друг Вернадского И. А. Клейбер — автор пионерской диссертации, посвященной приложению теории вероятностей к статистике общественной жизни¹³. Собираясь писать статью памяти друга, Вернадский хотел подчеркнуть в ней синтезирующую роль университета в отличие от остальных «специальных заведений» и изложить биографию астронома (исследователя метеоритов), математика и социолога Клейбера «в связи с тем течением, в котором готовилась значительная часть нашего поколения, только теперь вступившего в жизнь; сперва строгая научная работа. Студенческое общество как род self-government и связь молодых сил, работающих в разных отделах, вследствие этого расширение кругозора и интереса вне формальных делений наук. Для Клейбера это вызвало интерес к приложению математического метода в других областях; в связи с общественными явлениями, психологией etc.» (с. 103—104). Постоянно занимавшая Вернадского мысль о синтезе знаний объединяла его с покойным другом. Особенно настаивал на этом подходе Вернадский в связи с образованием: «Мне кажется, должно быть аксиомой: воспитание человека может быть основано только в связи с изучением жизни, идей, истории человека же. Я не отрицаю значения естественных наук и не говорю, что им не надо учиться, сам занимаюсь тем, что учу им, но думаю, что на них не может быть основано воспитание» (с. 113). Вернадский писал, что «медленной смертью» кажется ему жизнь «вдали от вечных, глубоких, мучительных, но прекрасных вопросов, поставленных человеческой историей» (с. 166). В апреле 1900 г. он записывает в дневнике: «Невольно ставятся вопросы, связанные с ходом истории. Есть ли в ней смысл, что дает ей содержание? Прочел на днях 3-й том Дройзена: История эллинизма¹⁴. В нем чувствуется ясное сознание государ-

¹³ Клейбер И. А. О сглаживании рядов наблюдений. СПб., 1889.

¹⁴ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 3. М., 1893.

ственного смысла коллективной работы. Он также необходим для человека, как и полнота прав гражданских» (с. 171).

Особенно существенным для него было посещение Греции летом 1909 г.: «Афины и Олимпия дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения — в скульптуре и архитектуре стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений. Нужно было пройти 50—60 годам и от этих первых грубых, но глубоко сильных исканий, и греки поднялись до того совершенства, какого только достигало человеческое творчество. Станным образом при осмотре музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах передо мной стали как живые далекие впечатления виденного в том же направлении раньше, и я от скульптуры переходил к общим мыслям о законах человеческого творчества. В общем, они всюду одни же — в религии, науке, искусстве. Быстрое достижение предела — а затем такая же возможность быстрого упадка. Неужели это неизбежно? Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение всего нового интереса, бросание всех старых путей, искание новых? Есть ли упадок — результат, причина психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?» (с. 232). Развалины Греции (кроме Парфенона) были ему тяжелы своей «красотой разрушения» (с. 232). На обратном пути из Греции с парохода он пишет: «Станным образом чтение все более и более отвлекает к тем же вопросам упадка и роста человеческого сознания. Ведь если упадок есть неизбежное средство достижения наибольшего совершенства, то все человеческое мирозерцание должно строиться на сознании имени или возможности имени абсолютного» (с. 233).

В лекциях по истории науки, написанных в 1902—1903 гг., Вернадский, подробно освещавший историю открытия Америки¹⁵ (начиная с известного места у Сенеки в «Медее»¹⁶), десятью годами спустя, во время путешествия в Америку, возвращается к общим контурам истории Нового Света. Он пишет об Америке: «Читай о ней и ее истории, знаешь о ней — и здесь, на новой земле, едешь все в тех же условиях, все пропитано кровью, полно человеческих страданий, жесткостей. Среди них пробиваются отдельные жизни, отдельные великие идеи — ростки будущего, неуклонно ведущие куда-то в неизвестное грядущее. Я сейчас весь проникнут чувством силы и значения научного мышления, ибо все здесь ярко кричит, что им приобретено и им держится. Новый свет принесен культурному человечеству фактически силой знания — но какой жестокой ценой и как много прошло времени, пока были ограничены духи разрушения и истребления, жадности и грабежа, которые были одарены силой благодаря научной работе лиц, не того искавших в научном знании. Прежние расы стерты, и новый Свет занят потомками Старого» (с. 257). Ощущение пульса исторического процесса — основное, что было вынесено Вернадским из многотрудных испытаний его кипучей жизни; оно придает особую остроту всем его суждениям об истории, в том числе и так его занимавшей всю жизнь древней истории.

2.

Из данного выше краткого очерка развития исторических интересов Вернадского (преимущественно по отношению к древности) в первые 50 лет его жизни сознательно исключена одна тема, для него настолько важная

¹⁵ Вернадский. Наука. С. 161—180.

¹⁶ Там же. С. 109 сл.

и вместе с тем настолько выделявшая его среди современников, что о ней — и ее преломлении на материале античной литературы — нужно сказать особо.

Во время первой заграничной командировки в 90-е годы у Вернадского начинают формироваться те представления о народной жизни и культуре, которые во многом определили и оригинальность его восприятия античной литературы и культуры. Отсюда напряженный интерес Вернадского к комедиям, в частности, Плавта. Вернадский пишет: «Комедии нравов, обычной текущей жизни разных времен, народов, эпох очень сильно действуют, указывая на постоянное однообразие самой сути сутей жизни. Они именно в таких по необходимости сжатых очерках, как комедии, дают всюду чувствовать самое главное, что направляет жизнь человека теперь, что направляло эту жизнь в XVI—XVII вв. или в V в. до Р. Х.» (с. 91). У Плавта Вернадского интересуют прежде всего рабы: «...поражает, бьет ключом, даже при чтении Плавта, страстное желание рабов быть свободными. Рисуетя их тяжелое положение, и выход из этого положения является величайшей целью и стремлением рабов. Как живо комедия переносит в древнюю жизнь. Как чувствуется, что не было перерыва — не было hiatus'a в развитии Европы. Иногда одновременно при чтении Плавта и при чтении истории Средней Азии... трепетно бьется сердце от чувства единства умственной жизни человечества. Хочется штрихами воссоздать эту цивилизацию» (с. 94).

Можно думать, что по сходным причинам Вернадский в 1892 г. читал «Сатирикон» и отрывки из других сочинений Петрония, о котором писал: «Несмотря на массу цинических сцен и мест, это сочинение удивительно живо и сильно рисует среду, когда было написано (времена Нерона), и читается с большим и глубоким интересом. Гораздо больше дают подлинные памятники, чем всякие изложения» (с. 106). Вернадский записывает: «Грубая жизнь с ее грубыми радостями, как семья английского извозчика¹⁷, и в то же время всюду, всюду сквозит более глубокое, красивое — то, что дает жить. И так всюду — в такой среде особенно ясно. Так у Плавта, Аристофана¹⁸, Сервантеса — в „народных“ произведениях. Это, пожалуй, наиболее сильное доказательство неизбежности прогресса...» (с. 120—121). Год спустя Вернадский записывает в своем дневнике: «В мелочах жизни проявляется идея, которой живет масса. В эпохи религиозных волнений или широко развитой демократии идея гармонической красоты своеобразно проявляется во всей обстановке (Возрождение в Западной Европе, готический стиль, греческая жизнь). В меньшей степени это происходит всегда. Это вполне аналогично созданию народной песни, музыки, сказки» (с. 143—144).

Снова и снова в письмах апреля 1894 г. Вернадский возвращается к значению комедии (в том числе античной) и сказки для восстановления прошлого: «Вчера моя мысль перенеслась в далекое прошлое — иногда передо мной необычайно ярко и сильно проходит какое-то сознание единства и неподвижности, если могу так выразиться, исторического процесса. В этом смысле мне всегда много дает комедия, так как это — вместе со сказкой — единственная форма, которая дает тебе понятие о духовной жизни человечества при самых разнообразных исторических условиях,

¹⁷ Предлагаю чтение неразобранного издателями слова по смыслу: в этом месте дневника Вернадского речь должна идти о Сэме Уэллере из «Посмертных записок Пиквикского клуба».

¹⁸ Аристофана Вернадский в Париже купил в дешевом издании Одеона и читал во время экспериментов в 1889 г. (с. 70).

в разных климатах и местах за последние 2000—2500 лет. И она дает чувство единства и чувство того, что исторический „прогресс“ в значительной степени иллюзия, то есть что-то более общее, глубокое, которое не порождается, а постоянно всюду неизменно проходит во всем разнообразии кажущихся явлений» (с. 157). Как ученого-натуралиста его волнует проблема инварианта, сохраняющегося при исторических преобразованиях.

В завершающих своих трудах по истории науки и по эволюции биосферы, написанных в конце 30-х годов, Вернадский идею роли научного знания для народных масс положил в основу общей своей концепции ноосферы, говоря о становлении того, что вслед за Ясперсом теперь называют «осевым временем»: «Примерно за две с половиной тысячи лет назад „одновременно“ (в порядке веков) произошло глубокое движение мысли в области религиозной, художественной и философской в разных культурных центрах: в Иране, в Китае, в арийской Индии, в эллиническом Средиземноморье (теперешней Италии). Появились творцы религиозных систем — Зороастр, Пифагор, Конфуций, Будда, Лао-цзы, Махавира, которые охватили своим влиянием, живым до сих пор, миллионы людей. Впервые идея единства всего человечества, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей, к ней подходивших в своих интуициях или вдохновениях, стала двигателем жизни и быта народных масс и задачей государственных образований»¹⁹.

Понимание античной (как и всемирной) истории и античной культуры на всем ее протяжении в связи с нуждами и чаяниями народных масс представляется одной из замечательных черт Вернадского, роднящих его труды с работой большой плеяды деятелей нашей науки и культуры 20—40-х годов XX века (М. М. Бахтин, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп, П. Г. Богатырев, С. М. Эйзенштейн и ряд других), которых (при всех отличиях между их трудами) объединяет понимание народной («неофициальной» или «карнавальной» в терминах М. М. Бахтина, ставших весьма популярными) культуры античности и средневековья как основного арсенала творческих возможностей, из которого черпали и которым вдохновлялись все крупнейшие писатели. Вернадский в работах конца XIX — начала XX в. и здесь оказывается впереди своего времени.

3.

Обширные (и все увеличиваемые непрерывным чтением и поездками по местам археологических раскопок) знания Вернадского в античной (и в целом древней, включая древневосточную) истории с начала 90-х годов направлялись им сознательно для построения задуманного им синтеза истории человеческой мысли. Уже в 1890 г. чтения античных авторов подчиняются, по его словам в письме жене, «задуманной мной истории научных идей, и теперь я все более и более знакомлюсь с древним миром, для тебя выбираю для чтения только то, что считаю возможным при невозможности меньшей трате времени (Софокл, иные диалоги Платона), а теперь просил тебя прочесть летопись Тацита» (с. 93).

Постепенно вырисовываются контуры той будущей истории научной мысли, которой Вернадский будет заниматься на протяжении следующего полувека: «Читал и думал много по историческим вопросам... Мысль постоянно направляется к ясному сознанию чувства общей преемственности в истории человеческой мысли, в истории развития человечества. Возмож-

¹⁹ Вернадский. Мысль. С. 31.

но, кажется мне, найти прямую преемственность между древними греческими философскими и другими школами (юридической, медицинской и т. п.) и возникновением университетов. Университеты выделились как необходимое дальнейшее развитие этих школ и т. п. при изменившихся условиях времени и места. Через юридические и медицинские школы можно проследить прямую причинную преемственность — непрерывную — к первым древним университетам (Салерно, Болонья и др.). Таким образом, все это развитие одного общего непрерывного явления» (с. 99). Но его постоянно занимает как установление единой линии преемственности, так и выяснение причин перерывов в развитии, катастроф, исторически закономерных. По мысли, записанной Вернадским в дневнике 1891 г., «погибель древней литературы являлась логическим следствием, частью психологических причин, частью причин, всегда существующих вне зависимости от каких бы то ни было политических условий. Эта гибель происходила все время и в течение существования Римского царства» (с. 99).

Во время первой поездки за границу после чтения Марка Аврелия²⁰ Вернадский задумывается над изучением истории этики и социологии: «Как можно изучать этику, и что такое этика? Можно изучать историю этических воззрений, можно понять разные существующие или существовавшие этические системы, но все это целый ряд отдельных, запутанных вопросов, в которых надо разобраться по первоисточникам — разбираться с сочинениями философов, их комментариями, биографиями и т. п. Еще в более запутанном состоянии находится вопрос о социологии. Это или все или ничего — это такая вещь, которая понимается всеми различно и меняется с каждым работником на этом, как будто бы ясном, поле...» (с. 69). Вернадский заключал: «Я глубоко убеждаюсь в единстве человеческой истории и в непрерывности процесса развития человеческой личности: менялась одна форма и изменялась лишь глубина человеческого интереса. Для меня с этой точки зрения очень интересна история таких народов (каковы персы), где несомненно развитие при сохранении силы живучести народной личности среди разнообразных веков. Нет, думаю, ничего сильнее, чем сила идеи: она всем движет, потому что всегда для массы неискренних является выгодным пользоваться экстазом для увлечения искренних людей» (с. 107). Но вместе с тем именно идею Вернадский ценил выше всего. В июне 1892 г. он пишет жене: «Одна сила и одна мощь — идея. Я теперь читаю Платона. Пир (или о любви) непременно прочту, я привезу» (с. 115)²¹.

Вернадский непрерывно занят исследованием проблемы значения личности в истории (с. 118—119), к чему он обратится позднее и на примере ряда отдельных личностей (Петр, Гете, Ньютон²² и его предшественники

²⁰ В августе 1888 г. в Цюрихе Вернадский «с наслаждением» читает Марка Аврелия и вспоминает время, когда ему «стоицизм казался... самым чистым и высоким идеалом». (с. 63).

²¹ Все 12 томов Платона в дешевом издании Одеона Вернадский, купив в 1889 г., тогда же прочитал (как и часть сочинений Плотина и Аристофана) во время, оставшееся при постановке экспериментов (с. 70), следовательно, в 1892 г. он его перечитывал. Чтения античных авторов занимают постоянное место в дневниках и письмах Вернадского. В 1892 г. он читает трагедии Эсхила (с. 119). Глубокая начитанность в сочинениях Лукреция, Страбона, Сенеки видна в многочисленных местах из курсов и трудов В. И. Вернадского по истории науки, лишь отчасти изданных (и, разумеется, в еще меньшей степени использованных в тексте настоящей статьи, где для краткости приходилось ограничиваться лишь показательными цитатами).

²² Следует заметить, что Ньютон (как это видно из большого числа архивных материалов, опубликованных до сих пор лишь частично и исследованных в значительной мере уже после смерти Вернадского) был одним из немногих великих натуралистов

и современники, Ломоносов). Уже в 90-е годы намечаются те идеи, которые позже приведут к понятию ноосферы: «Законообразный характер (сознательной работы) народной жизни приводил многих к отрицанию влияния личности в истории, хотя в сущности мы видим во всей истории постоянную борьбу сознательных (т. е. неестественных) укладов жизни против бессознательного строя мертвых законов природы, и в этом напряжении сознания вся красота исторических явлений, их оригинальное положение среди остальных природных процессов. Этим напряжением сознания может оцениваться историческая эпоха... Каждая личность в своей жизни является отдельным борцом проникновения сознания в мировые процессы, она своей волей становится одним из создателей и строителей общего закона, общего изменения, изменения сознательного, тех или иных процессов и этим путем участвует в глубоком процессе переработки мировых явлений в целях, выработанных Сознанием. Силы личности и влияние ее, понимание ею жизни (а тут работа над пониманием есть сама по себе общественное дело великой важности для всякой личности, не живущей на необитаемом острове) увеличиваются по мере вдумывания в процессы будничной жизни... Общество тем сильнее, чем оно более сознательно, чем более в нем места сознательной работе по сравнению с другим обществом» (с. 119).

В 1893 г. Вернадский формулирует и тот основной принцип развития ноосферы, который он потом назовет «принципом Дана»²³ (по имени геолога и антрополога, сформулировавшего в середине XIX в. эту закономерность по отношению к эволюции мозга; в свое время это открытие не было замечено, и Вернадский сделал его снова за много лет до того, как познакомился с работами Дана): «Есть один факт развития Земли — это усиление сознания, хотя я допускаю, что, может быть, через миллионы лет пойдет обратный процесс» (с. 135).

В июле 1893 г. Вернадский говорит о желании «посвятить свои силы работе над историей развития науки...», «о возможности некоторых обобщений в этой области и о возможности этим историческим путем глубже проникнуть в понимание основ нашего мировоззрения, чем это достигается путем ли философского анализа или другими отвлеченными способами. Вначале некоторые отдельные вопросы, которые сами по себе важны, — таковы вопросы о наследственности, о значении личности и уровня общества (политической жизни) для развития науки, о самих способах открытия научных истин» (с. 136).

до Вернадского, пытавшихся добиться синтеза естественных наук и истории, в особенности древней (античной) и фактов, описанных в Ветхом Завете). См. *Manuel F. E. Isaac Newton Historian*. Gамbr. 1963 (в этой книге отмечено выдающееся значение работы: *Лурье С. Я.* Ньютон — историк древности // Исаак Ньютон. 1643—1727. Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения. Под ред. акад. С. И. Вавилова. М. — Л., 1943. С. 271—311, где, в частности, подробно разобраны хронологические изыскания Ньютона, сохраняющие до сих пор значение); *Розенфельд Л.* Ньютон и закон тяготения. У истоков классической науки. М.: Наука, 1968. С. 64, 90—92 (о реконструкции истории человечества у Ньютона см. *Дайсон Ф.* Будущее воли и будущее судьбы // *Природа*. 1982. № 8. С. 64—66).

²³ *Вернадский*. Биосфера. С. 52, 193, 271—272. Представляется вероятным предположение, по которому с той же закономерностью связан «антропологический» (anthropic) принцип, широко обсуждаемый в новейших исследованиях по астрофизике и космогонии; согласно «слабому» варианту этого принципа, начальные условия возникновения и развития Вселенной были такими, что они сделали возможным появление жизни и мыслящих существ, см. *Hawking S. W.* A Brief History of Time. New York — Berlin — Amsterdam, 1988.

В 1902 г. Вернадский работает над курсом лекций по истории науки, которая «есть история мысли: человеческая мысль развивалась и есть законы ее развития, так же как есть законы всякого другого естественного явления. Задачей истории наук должно явиться: найти законы развития мысли, условия открытий, появление „гениев“, внутреннего развития методов как научного мышления, так опытов и наблюдений. Тут много любопытных вопросов: почему истина обыкновенно не понимается сразу, каков будет вероятный ход дальнейшего развития мысли, есть ли несколько или только один цикл развития человеческой мысли. Удивительны с этой точки зрения одинаковые приемы работы и научных открытий, которые появляются — например, астрономические открытия древних американцев и европейцев, азиатов, хирургические аппараты японцев и европейцев и т. д.» (с. 192)²⁴. Здесь интересы Вернадского более чем на полвека опережают его время: только во второй половине XX в. ставятся (и решаются посредством расчетов на электронно-вычислительных машинах) проблемы интерпретации мегалитических сооружений Европы V—II тыс. до н. э. как астрономических обсерваторий, исследуются возможные следы наблюдения вспышки сверхновой в пиктографических символах индейцев пуэбло, всерьез начинает изучаться древняя медицина Востока.

В 1903—1912 гг. Вернадский публикует серию статей по истории науки²⁵, в том числе и первые три лекции из курса «Очерки по истории современного научного мировоззрения», лишь недавно полностью опубликованного. Курс был доведен им до 12 лекций (открытие Америки и влияние великих морских открытий на развитие картографии)²⁶.

Говоря о достижениях древнекитайской, а под влиянием Китая — и других азиатских технологий письма (в частности на бумаге)²⁷ и книгопечатания, Вернадский отмечает, что и в античные времена в Европе известно печатание штампов, которое приближалось к открытию Гутенберга: «Мы встречаем еще у древних римлян и греков штемпели на разных предметах обихода, и известны давным-давно сохранившиеся штемпели греческих эскулапов, с помощью которых они печатали на глине или на другом мягком веществе свои имена, свойства и названия своих лекарств, целые рецепты. Есть даже (этруссские) надписи на глине, полученные таким способом»²⁸.

²⁴ Более детально те же мысли развиты в кн.: *Вернадский*. Наука. С. 71. Относительно астрономии древних американцев ср. теперь *Brandt J. C. Pictographs and Petroglyphs of the Southwest Indians // Astronomy of the Ancients. Cambr. Mass., 1980. P. 25—38.*

²⁵ См. библиографические данные как об этих статьях, так и о работах, посвященных Вернадскому как историку науки: *Микулинский С. Р.* В. И. Вернадский как историк науки // *Вернадский*. Наука. С. 8 сл.

²⁶ *Вернадский*. Наука. С. 32—185.

²⁷ Поскольку Вернадский в своих историко-культурных (особенно металлографических) работах широко пользовался лингвистической аргументацией, следует отметить, что сделанное им в начале века наблюдение об истории письма и бумаги (*Вернадский*. Наука. С. 90 слл.) полностью подтвердилось последующими исследованиями, касающимися истории терминов; см. *Поливанов Е. Д.* Дальневосточные термины орудий письма // *Сборник Туркестанского Восточного Института в честь проф. А. Э. Шмидта*. Ташкент, 1923. С. 116—119.

²⁸ *Вернадский*. Наука. С. 92. Из деятелей нашей культуры, занимавшихся позднее этой проблематикой, следует выделить С. М. Эйзенштейна, исследовавшего древнюю технику отпечатков в связи с предисторией кино; см. о его архивных материалах: *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.

Глубина интуиции Вернадского подтвердилась, когда через несколько лет после того, как он написал цитируемые строки, на Крите был найден Фестский диск, на двух сторонах которого содержатся полученные именно таким образом надписи на глине, сделанные около XVI в. до н. э. По-видимому, этот диск (независимо от того, что дадут ежегодно повторяющиеся опыты его дешифровки) по технологии своего изготовления уходит корнями в древнебалканскую (точнее, древнеюго-восточноевропейскую — включая территорию Венгрии) металлургическую культуру V—IV тыс. до н. э.²⁹ и служит одним из многих промежуточных звеньев между этой последней и малоазиатскими и эгейскими культурами, возможно, связанными с культурой этрусков — переселенцев из Малой Азии.

Говоря о римских надписях, которые, скорее всего, объясняются этрусским влиянием, Вернадский замечает: «Слова и фразы на таких надписях составлялись из разрозненных отдельных металлических букв; следовательно, были в это время разрозненные металлические буквы, позволявшие печатать. На это сохранились указания и римских писателей. Вскоре после открытия книгопечатания гуманисты обратили внимание на некоторые места из Цицерона и Квинтилиана, в которых описывается употребление металлических букв для обучения детей азбуке. После прочтения этих мест казалось, что римлянам оставалось сделать один шаг, одно простое соображение для того, чтобы открыть книгопечатание. Ими употреблялись для обучения детей азбуке отдельные формы букв, из которых складывались различные слова. Вырезались таблицы, как и в типографии — буквы вырезаны в обратном порядке и дают отпечатки слов и фраз на мягком веществе, воске или глине. Один шаг был отсюда до книгопечатания»³⁰; данный в этом месте курса Вернадского анализ представляет существенный общеисторический интерес: римляне обладали всем необходимым для изобретения, ими тем не менее не сделанного, и сами места в их сочинениях, где идет об этом речь, приобрели другой смысл, когда книгопечатание было изобретено (следует отметить, что аналогичные «задержки» обнаружены недавними работами Д. Шмандт-Бессера и в истории клинописного письма).

Другим вопросом, на примере которого Вернадский в своем курсе изучал соотношение античных взглядов с современными, была возможность открытия новых континентов, следовавшая из шарообразности Земли. Как подчеркивает Вернадский, у пифагорейцев «идея о шарообразной форме земли не была связана ни с какими географическими или астрономическими данными, она зародилась и доказывалась соображениями чисто геометрического характера, теми идеями гармонии и математической эстетики, которые являются столь характерными для всех учений пифагорейцев, этих прародителей всех основ нашего научного мировоззрения»³¹. Проблема формы планеты представлялась Вернадскому особенно важной потому, что ею определено и строение биосферы³². После рассмотрения развития идеи шарообразности Земли от Платона и Аристотеля до римлян, размах морской торговли и дальность плаваний

²⁹ Судя по лингвистическим данным, эта древнебалканская культура, создавшая древнейшую в мире (но до сих пор еще не расшифрованную) письменность, может быть связана и с другими раннеписьменными культурами Западной и Восточной Азии.

³⁰ Вернадский. Наука. С. 107.

³¹ Там же. С. 107.

³² Вернадский. Биосфера. С. 104; ср. С. 303 о форме геоида и его отличии от трехосного эллипсоида.

которых Вернадский верно оценивал, он обращает особое внимание на тексты Страбона и Сенеки. «Страбон, приводя мнение Эратосфена о возможности на основании шарообразной формы земли, плывя из Испании, попасть в Индию, высказал замечательное мнение, что в неизвестном нам океане, лежащем между западной оконечностью Европы и Восточной Азии, вероятно, лежат несколько континентов — οἰκονόμενη — и островов. Исходя из формы европейского материка, он даже предсказывал, что их надо ждать на параллели Тины, т. е. в направлении наибольшего протяжения Европы. Это было, несомненно, строго научное предсказание, которое блистательно подтвердилось через 1500 лет после его смерти»³³. В приведенных словах Вернадского следует особенно заметить мысль о значимости формы континентов: ведь это написано задолго до первых работ Вегенера, после которых (хотя и с большим опозданием) геометрия материков в связи с их дрейфом стала предметом серьезных исследований.

По поводу Сенеки Вернадский отмечает сбивчивость его указаний в естественнонаучных сочинениях, помешавших Колумбу, и продолжает: «Гораздо большее значение получил другой текст Сенеки, выдвинутый сейчас же гуманистами при начале эпохи открытий и не раз приводившийся Колумбом как пророчество о его подвиге. Это одно место из хора трагедии Сенеки “Медея” (Акт II):

Nil qua fuerat sede reliquit Pervins orbis,
Indus gelidum potat Araxem,
Albin Persae, Rhenumque bibunt.
Venient annis secula seris,
Quibus Oceanus vincula rerum
Laxet, et ingens pateat tellus,
Typhysquae nouos detegat orbes,
Nec sit terris ultima Thule³⁴.

«(Нигде никаких нет больше границ,
на новой встают земле города,
ничто на своих не оставил местах
мир, открытый путям.
Индийцев поит студень Аракс,
из Рейна перс и Альбиса пьет,
пролетят века, и наступит срок,
когда мира предел разомкнет Океан,
широко простор распахнется земной
И Тефия нам явит новый свет,
и не Фула тогда будет краем земли».

(Пер. С. А. Ошерова // Луций
А. Сенека. Трагедии.
М., 1983)

Текст Сенеки, и после Вернадского продолжавший занимать умы исследователей, приобретает (как и проанализированное Вернадским

³³ *Он же.* Наука. С. 109.

³⁴ Там же. С. 111 сл. Характерно, что Вернадский приводит текст по использованному им изданию середины XVI в. Ср. удачный комментарий к этому тексту: *Тренский И. М.* История античной литературы. Л.: Уч. пед. изд., 1957. С. 427 сл. Мысль Вернадского о значении Сенеки для последующей традиции подтверждается многими доводами; см. *Покровский М. М.* История римской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 298 сл.

предсказание Страбона) особый интерес в свете все большего числа эпиграфических и археологических данных, подтверждающих (при острой дискуссионности проблемы) вероятность финикийских (шире — хананейских, судя по характеру текстов) и позднейших римских плаваний к Америке, особенно Южной (Бразилия), как и еще более поздних плаваний и поселений викингов в Винланде. Последнее слово в этой области еще не сказано, но, видимо, Вернадский был близок к истине, когда подчеркивал значение этих римских текстов для Колумба.

Из других специальных вопросов истории античного знания Вернадский в своем курсе подробно разбирает историческую судьбу системы Птолемея³⁵. Значительный интерес представляют его общие суждения о бесконечных возможностях понимания старых философских систем (как и античного искусства), таких, как системы Платона, Аристотеля или Плотина при их явной ошибочности³⁶; он поясняет: «та новая эпоха скульптуры, зарождение которой мы, вероятно, теперь переживаем, никогда не уничтожит впечатления и влияния, какое оказывает и будет оказывать вечно юная древняя греческая пластика». Из проблем, касающихся истории восточной науки, Вернадский говорит мимоходом об индийских системах счисления и роли введения нуля для истории человеческой мысли³⁷. Оригинальны и заслуживают самого пристального изучения его замечания о том, что в древнекитайской культуре, как и в «Ригведе» и у пифагорейцев, искание «простых числовых отношений проникло в науку из самого древнего искусства — из музыки»³⁸; по отношению к древнекитайской мысли сходный тезис 30 лет спустя был раскрыт М. Гране³⁹, чей труд лежит в основе всех современных исследований древнекитайской картины мира, как и нумерология в целом.

Согласно Вернадскому, «совершенно непредвиденно, благодаря такому расширению области приложения и с т о р и и, совершился перелом в европейском обществе в понимании значения в р е м е н и. Немногие тысячелетия, с которыми под влиянием Библии и летописных преданий политической истории привыкли считаться образованные люди того времени, поблекли и отошли на второй план перед десятками или сотнями тысяч лет, в которые неизбежно должны были укладываться те явления, результаты которых открывались в окружающей нас природе реконструкциями или неизбежными послылками бюффоновой естественной истории»⁴⁰. Подчеркнем, что в работах самого Вернадского не только по биосфере, но и по истории древней культуры, непрерывно нарастает идея подобного ра движения временных масштабов.

В своей общей статье по истории науки, относящейся к 1912 г., Вернадский отмечал, что зарождение научной мысли совершилось «за шесть столетий до н. э. в культурных городских общинах Малой Азии»⁴¹. Через 30 с лишним лет в своем завершающем труде по истории науки он удревинит эту дату на целый порядок: «не шесть столетий, а шесть тысячелетий отделяют нас от начала научного знания»⁴²; эта мысль Вернадского была подтверждена данными, открытыми уже после его смерти. Пафос последних его работ — в утверждении огромности общей временной перспек-

³⁵ Вернадский. Наука. С. 144—156.

³⁶ Там же. С. 56; ср. замечания о сохранности Гомерово́й поэмы на с. 69, 70.

³⁷ Там же. С. 103.

³⁸ Там же. С. 44 слл.; ср. о восточной музыке с. 57, 58.

³⁹ Гране М. La pensée chinoise. P., 1934.

⁴⁰ Вернадский. Наука. С. 205.

⁴¹ Там же. С. 216.

⁴² Вернадский. Мысль. С. 22—23.

тивы развития человеческой мысли. Пафос статьи 1912 г. (как и предшествующего курса лекций) — в том, чтобы показать, как в XVII в. от Аристотеля шли к новой науке. «Изучение древних и в области естествознания, и в области истории сказалось одинаковым образом: от них, от старых изложений Фукидида и Тацита восходили к изучению новых исторических явлений — к истории событий, неведомых древним, и неизвестных им форм исторической жизни»⁴³.

5.

В то же самое время, когда Вернадский пробует описать историю синтеза естественных наук с историческими на примере естествознания XVIII в., он сам дает образцы такого синтеза в культурно-исторических разделах своего «Опыта описательной минералогии», законченного в основном к 1908 г., но потом дополнявшегося автором в 1912—1922 гг. К сожалению, многочисленные экскурсии Вернадского в историю древней культуры остались почти незамеченными специалистами по древней истории, археологии и истории металлов. Поэтому, не имея возможности из-за размеров статьи даже перечислить содержание этих экскурсов, попытаюсь дать представление об их научной значимости на нескольких примерах.

Говоря о добыче свинца и серебра из галенита в средиземноморских центрах, Вернадский, сводя вместе археологические и лингвистические аргументы, известные тогда, приходил к выводу, что эти металлы добывались «из галенита уже 2000—3000 лет до нашей эры»⁴⁴. Здесь, как и во многих других случаях, приходится удивляться его проницательности. Новейшие исследования показали, что добыча свинца и серебра в Эгейском мире (на Кикладских островах, откуда серебро и свинец ввозились в другие центры) осуществлялось около 3000 лет до н.э. (радиоуглеродные даты 2970 ± 180 , 2610 ± 150)⁴⁵. В разделе того же труда, посвященном сурьме, Вернадский отмечает, что вопреки распространенной точке зрения «возможно предположить знакомство с ней до (оловянистой) бронзы и рассматривать ее как переходный металл ... центром древнего металла, богатого сурьмой, является Кавказ и Закавказье»⁴⁶. Этот вывод подтвержден многочисленными металлографическими и археологическими исследованиями последних десятилетий.

О тщательности изучения Вернадским соответствующих лингвистических и археологических данных по кавказскому ареалу свидетельствует, например, вывод: «Осетины явились на Кавказ со словами для свинца и серебра, заимствованными от урало-алтайских языков, и по мнению Миллера... ознакомились с этими металлами где-нибудь вблизи Уральских гор, т. е. принесли знакомство со свинцом из восточного центра. В то же время и из изучения металлической культуры древних жителей Кавказа ясно, что они явились владеющими металлической

⁴³ *Он же*. Наука. С. 224 сл.

⁴⁴ *Вернадский В. И.* Избранные сочинения. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (далее — Избр. соч.). С. 247.

⁴⁵ *Gale N. H., Stos-Gale Z.* Lead and Silver in the Ancient Aegean // *Scientific American*. 1981. V. 244. № 6, p. 16—19. См. также *Иванов Вяч. Вс.* История названий металлов в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1983. Гл. I (там же новейшая литература по истории металлов); в послесловии к книге детально обсуждается ряд идей Вернадского; здесь соответствующий раздел опущен.

⁴⁶ *Вернадский*. Избр. соч. Т. III. С. 206.

техникой (бронзой), приобретенной ими раньше»⁴⁷. По отношению к осет. *aevzist* 'серебро', соответствующему финно-угорскому термину (венг. *ezüst* 'серебро', удмуртск. *azveš*, коми *ezyś*) эта гипотеза продолжает обсуждаться⁴⁸. Богатством данных, относящихся к Китаю, древней Индии, Центральной Азии, античной Европе (в связи с религиозными обрядами, алхимией и медициной) отличается раздел об истории кино-вари⁴⁹.

Следующий по времени последнего прижизненного издания (1925—1927 гг.) обобщающий труд Вернадского «История минералов земной коры» (над которым он работал с конца XIX в.) содержит более сжатые, но не менее существенные культурно-исторические экскурсы. Значительный интерес представляют замечания о соотношении метеоритного железа, содержащего никель, и железа, добываемого человеком — по датировке Вернадского (и здесь блзкого к новейшим научным данным) — «не более 6—7 тысяч лет назад»⁵⁰. Древнейшие малоазиатские (судя по лингвистическим данным, хаттские) изделия из выплавленного железа согласно пересмотренной хронологии⁵¹ датируются началом III тыс. до н. э. (т. е. ок. 5000 лет назад).

На основании выясненных в последнее время соотношений между температурой плавления и временем использования того или иного элемента в материальной культуре неоспорима гипотеза Вернадского о том, что «в небольших количествах человек всюду использовал самородную серу для медицинских и ветеринарных целей, для химических опытов и для зажигательных и взрывчатых смесей, употребление которых в некоторых культурных центрах (например Средиземного моря) скрывается в глубокой древности»⁵². Весьма интересен раздел книги, посвященный культурной роли золота, согласно идее А. Гумбольдта, вырабатывающегося всегда на границах культурного мира. «Мы можем в очень многих случаях исторически проследить этот непрерывный ход человеческой работы. В странах древней культуры — в Европе и в культурных частях Азии — давно нет сколько-нибудь богатых золотых россыпей. В области нашей средиземноморской культуры мы видим, как постепенно вырабатывались золотые россыпи, находившиеся на границе тогдашнего культурного мира. За несколько столетий до нашей эры выработались россыпи Малой Азии и Франции. Малая Азия в это время играла для этих народов роль Калифорнии (П. Чихачев). Ближе к нашему летоисчислению истощились россыпи более диких тогда стран, Франции (*Gallia aurata*) и Испании, Восточных Альп»⁵³. Эти наблюдения Вернадского получили особую значимость благодаря археологическим открытиям последних лет: обнаруженный в 1974—1976 гг. громадный клинописный архив Эблы содержит множество указаний на торговлю в середине III тыс. до н. э. в больших размерах золотом и другими металлами с теми центрами (в частности малоазиатскими), которые должны были «играть роль Калифорнии»; для более позднего времени (рубеж III—II тыс. до н. э.) аналогичные све-

⁴⁷ Там же. С. 249. Прим. 1.

⁴⁸ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А — К. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 213.

⁴⁹ *Вернадский.* Избр. соч. Т. III. С. 277 (§ 225).

⁵⁰ Там же. Т. IV. Кн. 1. С. 499.

⁵¹ *Mellaart J.* Egyptian and Near Eastern Chronology: a Dilemma? // *Antiquity*, 1979. V. 53. № 207. P. 6—18.

⁵² *Вернадский.* Избр. соч. Т. IV. Кн. 1. С. 578 (§ 417).

⁵³ Там же. С. 533 (§ 319). Вернадский имел в виду работу: *Чихачев П. А.* Страница о Востоке. М.: Наука, 1982. С. 73 слл.

дения о торговле металлами (серебром, оловом и др.) извлекаются из старо-ассирийских табличек. Вернадский в этих образцах приложений своих методов геологического подхода к истории культуры открывал перспективы, постепенно уясняемые наукой новейшего времени.

6.

За 15 лет, отделяющих основные труды Вернадского по истории науки, законченные перед первой мировой войной, от последующих его публикаций, где уже содержатся основные мысли его последних синтезирующих работ, многое в его понимании истории науки решительно изменилось или окончательно определилось. Ощущение революционности происходящего в науке привело к более органичному пониманию им связи современной науки с античной. Соответственно и дату минералогии в 1927 г. Вернадский исчисляет от Феофраста (371—286 гг. до н. э.), в чьих фрагментах книги, «в этих дошедших до нас обрывках, имеющих более чем 2000-летнюю давность, мы ясно чувствуем теснейшую генетическую связь с современной минералогией. Несомненно, многие вопросы, затронутые этой книгой, и сейчас составляют объект современной минералогии. И вместе с тем из нее ясно, что Феофраст не был первым творцом новой науки — он продолжал старую традицию»⁵⁴. Тот же ход мысли — сходство переживавшегося наукой первой четверти XX в. подъема с эллинской наукой и предположение отдаленных истоков последней — изложено в 1926 г. в программной статье Вернадского «Мысли о современном значении истории науки». В ней он писал: «Может быть, переживаемый поворот научного мышления более подобен древнему кризису духовной жизни, тому, который имел место две с половиной тысячи лет назад, в VI и ближайших столетиях до н. э., когда создавалась великая эллинская наука, расцвела техника и впервые приняла знакомые и близкие нам формы в средиземноморском культурном центре философская мысль, а в религиозных исканиях, в мистериях творилась глубочайшая интуиция, искание смысла бытия. Расцвет, внезапный и яркий, эллинского гения представлялся не раз в XIX и в более ранних веках великим чудом, пока не было выявлено движение мысли предшествующего времени»⁵⁵. Происходящая в XX в. научная революция рассматривается Вернадским как величайший эксперимент для историка науки, который может наблюдать уникальное явление, аналогичное зарождению античной науки. Вместе с тем для последней обнаруживаются возможности изучения истоков, уходящих вглубь на многие тысячелетия.

Одна из эмпирических закономерностей, индуктивно выводимых Вернадским, заключается в том, что «всюду и всегда в истории всех наук мы видим, как на протяжении одного, двух, трех поколений одновременно появляются талантливые люди, поднимают на огромную высоту данную область духовной жизни человечества и затем не имеют себе заместителей. Иногда надо долго ждать, чтобы вновь появились равные им умы или равные им таланты; иногда они не появляются. Мы видим это, например, в древней Греции в истории искусства, литературы, философии, где на пространстве немногих десятков лет были сосредоточены величайшие гении всей исторической эллинской жизни»⁵⁶. Подобные повторяющиеся явления, согласно Вернадскому, должны быть изучены.

⁵⁴ Вернадский. Избр. соч. Т. IV. Кн. 1. С. 306 (§ 1); ср. с. 307 (§ 2).

⁵⁵ Он же. Наука. С. 230.

⁵⁶ Там же. С. 234.

объективными научными методами. «Появление пачками и сосредоточение в определенных поколениях умов, могущих создавать переворот в научных исканиях человечества, следовательно и в энергетике биосферы, не является случайностью и, вероятно, связано с глубочайшими биологическими особенностями *Homo sapiens*»⁵⁷.

Вернадский считал особенно значимыми два события в исследовании истории древней культуры в XX в.: во-первых, обнаружение (не только по материальным остаткам, но и по следам в языке, преданиях и т. п.) «чрезвычайной древности человеческой культуры»⁵⁸, во-вторых, слияние «в единое целое» разных цивилизаций: «Раньше концепции и представления о прошлом человечества сосредоточивались в истории европейской, тесно связанной со средиземноморским центром культуры. Эта европейская история казалась всемирной. Уже в течение всего XIX столетия шла неуклонная работа по перестройке этих не отвечающих реальному явлению представлений. Сейчас можно считать, что это ограниченное изучение прошлого кончилось. Исторический процесс сознается как единый для всего *Homo sapiens*, и в связи с этим укореняется связь исторических знаний со знаниями биологическими, а с другой — в ходе исторических знаний идет перелом, небывалый по силе и последствиям в их прошлом бытии»⁵⁹. С особой яркостью эта мысль развита Вернадским в написанной тогда же «Записке о необходимости возобновления работ по истории науки». В ней Вернадский подчеркивает: «Вместо истории средиземноморского центра культуры перед нами восстает история роста и развития *Homo sapiens* нашей планеты. Приносит свои плоды, входит в общее сознание давно начавшееся выявление творческой — философской, художественной, научной и государственной — работы великих народов Азии, и вместе с этим получает новое освещение, приобретает новое значение невидная раньше роль „неисторических“ народностей... Роль Востока представляется по существу иной, и чудо эллинской науки — ее зарождение — вырисовывается в новом свете»⁶⁰.

Через 12 лет Вернадский подробно развивает этот круг мыслей в своем завершающем труде об истории научной мысли как планетарного явления и в примыкающих к нему разделах книги о геосфере Земли. Он дает новые, для того времени революционные, существенно удревненные датировки всех основных явлений, которые за одним важным исключением подтверждены самыми новыми данными. Размеры статьи не позволяют останавливаться на намеченных им и вновь выдвинутых в последнее время предположениях об исключительной древности земной жизни и ее космических истоках. В точности согласуется с новейшей датировкой рамапитека — древнейшего общего предка человека и орангутана указанная в его последней прижизненной статье о ноосфере, опубликованной в 1944 г., верхняя граница предка человека — 15 млн. лет назад⁶¹, а также гипотеза о древности позднейших предков человека, живших миллионы лет назад в Африке. Палеоневрологические исследования, устанавливающие исключительную древность ряда основных характеристик мозга *Homo sapiens*, подтверждает глубину биосоциологического вывода Вернадского: «разум есть сложная социальная структура, построенная для человека нашего времени, как и для человека палеолита, на том же

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 240.

⁶⁰ Там же. С. 293.

⁶¹ Вернадский. Биосфера. С. 329; ср. с. 274.

самом нервном субстрате, но при разной социальной обстановке, слагающейся во времени (пространстве-времени по существу)»⁶². Подтверждаются новейшими открытиями и гипотезы Вернадского о проявлениях разумной деятельности предков человека за сотни тысяч лет до *Homo sapiens*.

При совпадении с удивительной точностью большинства датировок Вернадского (и его пространственно-временных гипотез, касающихся прошлого человечества), с тем, что установлено современной археологией, данная им в последних его трудах хронология развития земледелия, экстраполированная им из работ акад. Н. И. Вавилова⁶³, существенно древнее той, которая признается в настоящее время. Однако верность хронологической интуиции Вернадского, многократно подтвержденная в других случаях, заставляет думать о возможности экспериментальной проверки его гипотезы (в частности при исследовании всех аридных пустынных областей типа сахарской, самое происхождение которых могло быть связано с наличием позднее погибших центров земледелия).

Бесспорным предсказанием будущих археологических открытий последних десятилетий было утверждение Вернадского, согласно которому «семь-восемь тысяч лет тому назад мы имеем первые мощные государства земледельческого характера и первые большие города... в пределах 5—4 тыс. лет до н.э. существовала городская культура в Индии, Месопотамии, Малой Азии с такой техникой жизни, о которой мы еще несколько лет назад не подозревали, и охватывавшая население, исчислявшееся, может быть, миллионами»⁶⁴. Особенно поразителен прогноз, касающийся Малой Азии, где городские культуры Чатал-Хююка и Хаджилара VII—V тыс. до н. э. были открыты через 20 с лишним лет после завершения работы Вернадского. Определение численности населения древних городов у Вернадского также оказывается реалистическим благодаря открытию Эблы с населением порядка четверти миллиона. Можно было бы думать, что Вернадский уже знал о раскопках в Эбле, когда (после раскопок древнемесопотамских городов) он писал: «Последние археологические открытия вскрывают перед нами неожиданный факт, что городская цивилизованная жизнь, обычные для нашего быта условия культурной городской жизни, мирный торговый обмен и техника жизни, раньше не допускавшиеся ее достижения позже забыты и через десятилетия снова найдены. Они позволяют думать, что сложный городской цивилизованный быт существовал задолго — может быть, за тысячелетия — шесть тысяч лет назад»⁶⁵.

Вернадский, вероятно, был прав, полагая, что «в неолите, видимо, вопрос идет о десятках миллионов на всей поверхности Земли»⁶⁶. Особое значение (как для исследования недавно реконструированной мореходной цивилизации (или цивилизаций?) V—II тыс. до н. э., создавшей мегалитические обсерватории на побережье Западной Европы от Оркнейских островов Южной Скандинавии до Пиренейского полуострова, в Средиземном и Черном морях, так и для решения проблем миграций носителей

⁶² Там же. С. 274; *Вернадский*. Мысль. С. 29, 96.

⁶³ Там же. С. 44, 103 (существенно то, что Вернадский ссылался на доклады Вавилова, излагавшие тот последний вариант его теории центров происхождения земледелия, письменное изложение которого было уничтожено допрашивавшим его следователем, что огражено в сохранившемся тексте следственного дела Н. И. Вавилова).

⁶⁴ Там же. С. 108 сл. Ср. о пророческом характере этих гипотез Вернадского: *Иванов В. В.* Чатал-Хююк и Балканы. М.: Наука, 1979.

⁶⁵ *Вернадский*. Мысль. С. 30.

⁶⁶ Там же. С. 99.

индоевропейских, северокавказских и семитских языков) представляет идея Вернадского о роли миграций в древности: «все указывает на то, что 6000—7000 лет назад миграции-передвижения людей тогдашних социальных образований (и связанное с этим знание — мореходство), их подвижность были ббльшими, чем это наблюдалось в последующее историческое время. В это время количество населения не могло быть велико. Небольшие группы людей или семьи могли быстро перемещаться»⁶⁷. В этой связи Вернадский обращает внимание на роль средств передвижения; в другом месте работы, описывая ранние городские культуры Передней Азии, Вернадский (в согласии с современными миграционными теориями) пишет: «К концу этого времени, за 3 тыс. лет до нашей эры началось передвижение на животных, и в течение полутора тыс. лет оно получило широкое развитие и охватило быков, верблюдов, лошадей»⁶⁸. Для современной теории распространения языков и культур из сравнительно ограниченного ареала весьма важно также наблюдение Вернадского о компактности исходной территории распространения древней цивилизации: «История научного знания, даже как история одной из гуманитарных наук, еще не осознана и не написана... Только за последние годы она едва начинает выходить для нас за пределы „библейского“ времени, начинает выясняться существование единого центра ее зарождения где-то в пределах будущей средиземноморской культуры, восемь-десять тысяч лет назад»⁶⁹. Это утверждение, сделанное в 1938 г., без преувеличения можно назвать гениальным, так как оно было подтверждено всей многочисленной серией открытий 40—80-х годов в пространственно-временных пределах, очерченных Вернадским. Развивая ту же мысль и определяя в другом месте этой книги более конкретно те основные переднеазиатские центры от Месопотамии до Северной Индии и Египта, которые, как утверждал Вернадский (и как только теперь можно доказать данными археологии и свидетельствами письменных памятников), «находились в многотысячелетнем контакте», он отмечает одновременно и роль восточноазиатского центра в районе Вьетнама, говоря, что «здесь возможны большие открытия»⁷⁰. Здесь Вернадский формулирует ту идею двух центров (западноазиатского и восточноазиатского) неолитической революции, к которой мировая и отечественная наука приходят лишь в наше время (в частности, благодаря новейшим археологическим открытиям в Юго-Восточной Азии).

Давая общую характеристику древнемесопотамской культуры IV—III тыс. до н. э., Вернадский подчеркивает важность обнаружения ее связи с культурой долины Инда⁷¹, что опять же окончательно подтверждено серией исследований последних лет, относящихся к стране, по-шумерски называвшейся Meluhha (согласно идее Парполы, последнее санскритское

⁶⁷ Там же. С. 45.

⁶⁸ Там же. С. 109.

⁶⁹ Там же. С. 23.

⁷⁰ Там же. С. 30. См. также: *Вернадский*. Биосфера. С. 275, прим. Ср. о результатах этих больших открытий, ставших реальностью: *Early East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography* / Ed. by R. B. Smith, W. Watson. New-York — Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1979.

⁷¹ *Вернадский*. Мысль. С. 47. Любопытно, что, как бы предвосхищая позднейшие открытия наших и финских ученых, дешифрующих протоиндийскую письменность, Вернадский (там же. С. 49) говорит о дравидском характере населения долины Инда этого времени. Соответствующее место в другой, несколько более поздней книге Вернадского, отредактированной уже не им, содержит опечатки: нужно читать «арийских и дравидских народов» (Биосфера. С. 276; исправление предлагаю на основании сличения с указанными местами второй параллельно писавшейся книги).

mlcscha как обозначение доиндоарийского населения Индии). Под влиянием тогда только что опубликованных работ Нейгебауэра Вернадский обращает внимание на очень высокий уровень вавилонской математики и ее раннего влияния на греков⁷²; как он писал, доля вавилонской «науки окажется в науке эллинской, вероятно, гораздо большей, чем мы это думаем»⁷³. В свете новейших успехов в прочтении древнейших протошумерских (в работах А. А. Ваймана и М. Грин), протоэламских и других ранних текстов следует согласиться с выводами Вернадского о том, что уже «5—6 тыс. лет назад» «из потребностей сложного быта больших государств — торговли, военных и фискальных нужд — развились основы арифметики. В это время уже ясно были созданы представления о порядковом исчислении, о значении места в обозначении цифр. Скрытым образом понятие нуля было уже здесь заложено, хотя оно появилось только при полном расцвете научного знания»⁷⁴; следует в этой связи заметить, что согласно новейшим данным удастся проследить непосредственную связь римской системы исчисления и обозначения цифр через этрусскую и малоазиатские (ликийскую) с клинописной (древнемесопотамской). Современные исследования подтверждают и заключение Вернадского о том, что «около 3000 лет до н. э. ноль и десятичный счет были известны в доарийской цивилизации Мохенджо-Даро в бассейне Инда, находившейся в контакте с Месопотамией. В эпоху Хаммурапи (2000 лет до н. э.) в Вавилоне алгебраические знания достигли такого состояния, которое не может быть объяснено без допущения работы научной теоретической мысли. Очевидно, потребовались многие столетия, если не десятилетия, чтобы этого добиться»⁷⁵. Математический текст из архива Эблы, упоминавший специалиста по математике из Киша, позволяет отнести математические изыскания в Месопотамии и сопредельных странах во всяком случае к середине III тыс. до н. э., что согласуется с этой мыслью Вернадского. Вернадский подчеркивал, что наукой занимался не абстрактный персонаж «не от мира сего», а «связанный тысячью нитей с жизнью жрец древнего Египта или Вавилона»⁷⁶.

Особенно занимала Вернадского, как и многих современных исследователей, проблема зависимости древнегреческой науки от древневосточной — малоазиатской, месопотамской, египетской. Согласно Вернадскому, «эллинская научная мысль» VII—V вв. до н. э. использовала научный опыт «многотысячелетней истории Крита», Вавилона, Египта, «малоазиатских государственных образований и, возможно, индийского центра культуры»⁷⁷. Эту мысль нельзя не считать гениальным предвидением

⁷² Вернадский. Мысль. С. 47—48, 78. Более позднее влияние относится к эллинистическому времени (см. ниже).

⁷³ Там же. С. 89. Ср. ван дер Ванден Б. Л. Пробуждающаяся наука // Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. М.: Изд-во физ.-мат. лит., 1959. С. 114—119 слл.; Выгодский М. Я. Арифметика и алгебра в древнем мире. М.: Наука, 1967. С. 278—282.

⁷⁴ Вернадский. Мысль. С. 45—47. Вавилоняне стали использовать ноль только в последние века до н. э., но предпосылки для этого сложились раньше: Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М.: Иностран. лит., 1963. С. 61—62 (там же о майя и индийской математике); Выгодский. Ук. соч. С. 95—98, 288; он же. Происхождение знака нуля в вавилонской математике // Историко-математические исследования. Вып. 12. М.: Гостехиздат. 1959. С. 393—420.

⁷⁵ Вернадский. Мысль. С. 45. Исправляю опечатку, вкравшуюся в написание названия Мохенджо-Даро в этом посмертном издании. О доказательствах существования десятичного счета в Мохенджо-Даро см. Володарский А. М. Очерки истории средневековой индийской математики. М.: Наука, 1977. С. 12—13. Рис. 1.

⁷⁶ Вернадский. Мысль. С. 38.

⁷⁷ Там же. С. 50, ср. с. 52—53.

открытия той длинной эстафеты передачи идей и символов, которая лишь теперь постепенно выясняется благодаря сравнению письменных систем (в том числе и систем исчисления и обозначения чисел и действий над ними) древнего Крита (иероглифического, линейного А и микенского греческого линейного В) и Кипра, сопоставлению сведений, дающих возможность восстановить цепь греческо-малоазийских (хетто-хурритских) и греческо-месопотамских (часто через хурритское или угаритское посредничество) и греческо-египетских культурных связей⁷⁸. В то время, когда Вернадский пришел к этому заключению, большинство фактов, которыми теперь можно подкрепить его мысль, еще не было известно или только еще становились предметом научной дискуссии (как вопрос об Аххияве, ахейцах и их связях с Малой Азией).

Исключительную проницаемость Вернадского, его умение по относительно небольшому числу тогда известных фактов воссоздать убедительную картину, обрастающую деталями лишь в наше время, можно видеть, в частности, по тому, к какому времени он относит переписывание старых записей и установление особо интенсивного культурного обмена: «Примерно, за 16—15 столетий до н. э. в Новой Азии среди семитов открыта буквенная азбука. Можно сказать, что за 1½ тыс. лет до н. э. мы уже имели ясное проявление научной мысли, а за 2 тыс. лет в Месопотамии — открытие десятичной системы. В это время старые, —несколько столетий перед тем сделанные записи переписывались, и сохранялись библиотеки. Между XV и XIV вв. до н. э. мы видим широкий обмен в тогдашнем культурном мире ученых, философов, врачей»⁷⁹. Каждое из приведенных положений теперь можно подтвердить новыми открытиями: датировку семитского алфавита — обнаружением общего происхождения угаритского алфавита XIV в. до н. э. и других семитских алфавитов, древность которых подтверждается новыми эпиграфическими данными, наличие научной мысли в середине III тыс. до н. э. — текстами Эблы; переписывание старых записей и хранение библиотек — открытием структуры таких образцовых библиотек, как сохранившиеся в царских архивах Эблы и Хаттусы (Богазкея), где переписывание старых записей особо отмечалось писцами, следившими за сохранностью библиотечного фонда; обмен врачами — посылкой египетских врачей ко двору хеттского царя, засвидетельствованный серией специальных текстов. Обмен специалистами между Аххиявой — ахейцами и Хеттским царством, также описанный в особых текстах, был частью того же процесса, время и место которого верно предугадано Вернадским. Греция как часть древнего Востока во II тыс. до н. э. взаимодействовала с другими его странами.

Вернадского в равной мере занимало и то, в какой степени достижения греческой мысли (и греческой культуры в целом) были подготовлены многотысячелетним развитием переднеазиатских культур, с которыми контактировала греческая до времени ее расцвета, и уникальностью этого последнего: «Эллинская наука в эпоху своего зарождения — непосредственно явилась продолжением усиленной творческой мысли доэллинской науки. Факт констатируется, но еще историей науки не освоен. „Чудо“

⁷⁸ Литература по этому вопросу теперь необъятна. Укажу из самых последних сводок с большой библиографией: *Иванов В. В.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977; *Szemerényi O.* The Origins of the Greek Lexicon. Ex Oriente Lux // JHS. 1974. V. 94. P. 144—157; *idem.* The Origins of Roman Drama and Greek Tragedy // Hermes. 1975. Bd 103. Ht 3. S. 300—332.

⁷⁹ *Вернадский.* Мысль. С. 109.

эллинической цивилизации — исторический процесс, результаты которого ясны, но ход которого не может быть точно прослежен — был таким же историческим процессом, как другие. Он имел прочную основу в прошлом. Лишь результат его по своим следствиям — темп его достижения — оказался единичным во времени и исключительным по последствиям в ноосфере. Ход научной мысли нашего времени, XX столетия — по вероятному результату — может привести к еще более грандиозным следствиям, но по своему течению он явно и резко отличается от того, что происходило в маленькой области Средиземноморья — побережья Малой Азии, островов и полуостровов Греции, Сицилии, Южной Италии и отдельных городов Средиземного, Эгейского, Черного, Азовского морей, куда проникла эллинская мысль»⁸⁰. При повторении существенного для всех синтезирующих работ Вернадского 20—40-х годов сравнения «научного взрыва» (термин, введенный им уже в 20-х годах) XX в. с эллинским, он отмечает и существенные различия: «Резкое отличие движения XX в. от движения, создавшего эллинскую науку, ее научную организацию, заключается, во-первых, в его темпе, во вторых, в площади, им захваченной — оно охватило всю планету, — в глубине затронутых им изменений, в представлениях о научно доступной реальности, наконец, в мощности изменения науки планеты и открывшихся при этом перспективах будущего»⁸¹.

Многokrатно возвращаясь к сравнению науки XX в. с эллинской, Вернадский оговаривался: «К сожалению, мы не можем ясно предвидеть себе пока ту сумму научных знаний, которые достались древним эллинам, когда в их среде выявилась научная мысль и когда она впервые приняла научно-философскую структуру, вне религиозных, космогонических и поэтических построений — когда впервые в эллинской городской цивилизации полиса создавалась научная методика — логика и теоретическая математика в приложении к жизни, когда стало реальным искание научной истины, как самоцель жизни личности в общественной среде. Обстоятельства этого, как показала история, величайшего события в жизни человечества и в эволюции биосферы, во многом загадочны и медленно, но все же глубже выясняются историей научного знания. Ясна лишь в первых контурах сумма научных знаний эллинской среды того времени, достижения творцов эллинской науки, живших в то время, и то, что они получили от прежних поколений эллинской цивилизации»⁸².

Из ранних полубоготворных фигур греческой науки Вернадского занимал Пифагор с его учением о симметрии — понятии, игравшем основополагающую роль в концепции вселенной и живого вещества у Вернадского⁸³, как и в современной науке в целом. При общем интересе к проблеме связей древнегреческой культуры с восточной он специально касался этой темы и в связи с Пифагором (что опять-таки созвучно многим исследованиям на эту тему, появившимся позднее): «по-видимому, в течение поколений, близких к Пифагору, Конфуцию (551—479 до н. э.) и Шакья-Муни, философско-религиозные центры Старого Света находились значительное время в культурном обмене»⁸⁴.

⁸⁰ Там же. С. 53 (там же отмечается, что Южная Италия тогда была «греческой по культуре и языку»).

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 51.

⁸³ Вернадский. Биосфера. С. 177. Относительно симметрии в понимании Вернадского см. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. I. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975; он же. Живое вещество. М.: Наука, 1978.

⁸⁴ Он же. Мысль. С. 61.

Из ранних греческих философов особое значение Вернадский придавал Демокриту (а также Левкиппу), считая, что «в логике Демокрита понятие вещи более глубоко выражено, чем в логике Аристотеля, и ближе в этом отношении к современной научной логике натуралиста»⁸⁵; в более поздней своей книге Вернадский поясняет: «Демокрит, логика которого до нас не дошла, строил ее как логику вещей, т. е. реальных природных тел. Аристотель, хотя и крупный натуралист, строил свою логику на логике понятий о вещах. Настоящая логика естествознания есть логика вещей, т. е. логика природных тел»⁸⁶. Логике же Аристотеля Вернадский частично возводил к Платону⁸⁷.

Платон, чьи произведения Вернадский читал и перечитывал (как видно и из приведенных выше его высказываний) на протяжении всей своей жизни, интересовал его как редкий пример соединения художественного и научного гения: «Исключительно редко мировые художественные деятели нераздельно со своим художественным творчеством охвачены были и научным творчеством, изучением природы. Только три имени выступают, мне кажется, в этом аспекте как явления одного порядка в мировой литературе: Платон (427—347 до н. э.) — философ, создатель художественного диалога и математики, в истории которой он сыграл крупную роль, Леонардо да Винчи (1452—1519) и Гете»⁸⁸. Вместе с тем Вернадского, особенно в последнем труде о роли науки, чрезвычайно занимала созвучная ему платоновская утопия значимости ученых⁸⁹.

Аристотеля Вернадский ценил не столько за его логику (которой, как видно из приведенных его суждений, он предпочитал реконструируемую по фрагментам логику Демокрита), сколько за освобождение науки от философии и создание «научного аппарата» науки — системы и классификации научных факторов⁹⁰: «Он организовал сводку и исследование фактического материала наук, в том числе исторических и государственных, — организовал в действительности научный аппарат, отвечавший концу IV в. до н. э.»⁹¹.

В существенной степени используя работу об Аристотеле Егера и другие труды первой половины нашего столетия, Вернадский дал яркую картину грандиозной работы, впервые выполненной «одним из величайших научных гениев» и под его руководством: «Аристотель, теснейшим образом связанный с негреческой цивилизацией Македонии, язык которой был отличен от греческого, во Фракии родившийся, грек по отцу и по культуре, является совершенно исключительной личностью во всемирной истории. Мы видели его исключительное значение в освобождении науки из недр философии, в которых она для него терялась. Равно великий как ученый и как философ, в последние годы своей жизни больше ученый, чем философ, Аристотель в науке явился не только создателем в яркой форме ее логики, но и ее научного аппарата»⁹². Вернадский детально

⁸⁵ Там же. С. 79 (и прим.), 114 сл.; ср. с. 144.

⁸⁶ Вернадский. Биосфера. С. 175, прим.

⁸⁷ Он же. Мысль. С. 79.

⁸⁸ Он же. Наука. С. 243, ср. там же, с. 244. О Платоне и математике ср. отчасти противоположные мнения: ван дер Ванден. Ук. соч. С. 205—208; Бурбаки. Ук. соч. С. 11—12, 28, 87; Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М.: Наука, 1968. С. 153.

⁸⁹ Вернадский. Мысль. С. 26, 28.

⁹⁰ Там же. С. 80—81. О роли понятия «научного аппарата» в науковедческой концепции Вернадского и значении этого понятия для современной науки ср. Иванов В. В. Наука как объект семиотики // Вестник АН СССР. 1980. № 3. С. 49.

⁹¹ Вернадский. Мысль. С. 80. Ср. об Аристотеле и Феофрасте как создателях научного аппарата: он же. Биосфера. С. 279.

⁹² Он же. Мысль. С. 81.

прослеживает грандиозную работу Аристотеля по созданию научного аппарата, судьбу его наследия в веках (вплоть до Возрождения), продолжение в Александрии начатой им работы и постепенную ее остановку (еще до закрытия Юстинианом Высшей Афинской школы).

Вернадского чрезвычайно интересовала историческая роль Александра Македонского, когда культурные центры, до того развивавшиеся почти независимо, вступили между собой в контакт, приведший к созданию единой цивилизации (эллинистической): «Сколько мы можем сейчас знать, почти не сталкивавшиеся тысячелетия культурные центры человечества средиземноморских стран вступили в живейший обмен, культурный, религиозный, философский и научный, мне кажется, имевший огромное значение для истории человечества... это единственный случай в истории, когда завоеватель совершил огромную положительную работу, создав возможность мирного культурного общения культурных народов, изолированных веками, не разрушив вековой культуры и создав возможность их дальнейшего культурного роста»⁹³. Особое значение Вернадский придавал тому, что к моменту этого культурного общения вавилонский центр науки (в отличие от уже иссякавшего египетского) еще интенсивно работал, в частности, в области астрономии (что подтверждается многочисленными текстами⁹⁴), благодаря чему несколько веков вавилонские и греческие ученые работали совместно. Каждым из центров, до того находившихся в изоляции, Вернадский серьезно занимался в своих работах последних лет. Его особенно занимало (вероятно, в свете замечательных исследований акад. Ф. И. Щербатского, сохраняющих непреходящую ценность) раннее развитие древнеиндийской логики, опередившей аристотелевскую и, по мысли Вернадского, оказавшей, возможно, на нее воздействие, как несомненно ее «огромное влияние на цивилизацию Азиатского континента»⁹⁵ и последующее (несмотря на все перерывы и остановки) развитие вплоть до нашего века. Вернадский выделяет несколько направлений и классических текстов древнеиндийской мысли (таких, как упанишады, Адвайта-Веданта⁹⁶), которые сохраняют значение для науки сегодняшнего дня⁹⁷.

Очень большое внимание уделял Вернадский проблеме истории восточноазиатского культурного центра в той глубокой антропологической перспективе, которая выявилась благодаря открытию синантропа и его достижений, в частности наличию у него речи (что согласуется с палеоневрологическими выводами, много позднее полученными В. И. Кочетковой), а также огня⁹⁸. Вернадский (как и многие современные ученые, в частно-

⁹³ *Он же*. Биосфера. С. 277; *он же*. Мысль. С. 26, 40, 47, 52—53, 81; специально о вавилонско-греческом взаимодействии этого времени см. там же, с. 39, 47, 52—53; относительно предполагавшегося Вернадским (там же, с. 48) сопоставления вавилонской алгебры с алгеброй Диофанта ср. *Славутин Е. И.* О математических методах древних (принцип обращения) // История и методология естественных наук. Вып. 16. М.: Изд-во, МГУ, 1974. С. 191—199.

⁹⁴ В этом отношении уникальный интерес сохраняют выполненные и опубликованные в 20-х годах В. К. Шилейко переводы поздневавилонских астрологических текстов с многочисленными античными параллелями.

⁹⁵ *Вернадский*. Мысль. С. 49, 61—62; *он же*. Ноосфера. С. 277, ср. там же о математике Индии.

⁹⁶ *Он же*. Мысль. С. 25 (прим.), 111 (прим.).

⁹⁷ Там же. С. 25, 49, 61—62, 113 (прим.); ср. о математике с. 45.

⁹⁸ *Вернадский*. Ноосфера. С. 274 сл., 339. Прим. 32 и др.; *он же*. Мысль. С. 29; 44, 100 сл. (где подчеркнуто, что изобретение огня было одним из таких великих открытий, где «играет роль... проявление отдельной человеческой индивидуальности», эта мысль Вернадского, остающаяся до сих пор вне поля зрения исследователей ис-

сти китайские) допускал, что синантроп «является одним из предков современного человеческого населения Китая»⁹⁹. Вернадский (опять-таки в согласии с точкой зрения, принимаемой многими китайскими учеными) склонен был к очень большому удревлению хронологии китайской культуры и отдельных ее достижений¹⁰⁰ (сходным образом он предпочитал и наиболее длительную хронологию египетской культуры¹⁰¹, расходясь в этом как с Ньютоном, детально занимавшимся этой проблемой и стремившимся к предельному укорочению хронологий, так и с некоторыми недавними исследованиями, независимо от Ньютона приводящими к тем же результатам). По словам Вернадского, «в Китае мы видим последний пример уединенной цивилизации, прожившей тысячелетия»¹⁰². Проблема степени обособленности (в отличие от Китая, в отдельные периоды, как эллинистический и в новое время, полностью включавшегося в общий круговорот идей) и полной гибели (бесследной) весьма занимала Вернадского и по отношению к древним культурам доколумбовой Америки¹⁰³. Признавая для определенных периодов (XIV—XIII вв. до н. э., эллинистическая эпоха) наличие интенсивного культурного обмена, Вернадский вместе с тем замечал: «Возможно, что сознание необходимости искания научного понимания окружающего, как особого дела жизни мыслящей личности, независимо возникло в Средиземноморье, Индии и Китае. Судьба этих зарождений была разная. Из эллинской науки развилась единая современная научная мысль человечества. Она прошла периоды застоя, но в конце развилась до мировой науки XX столетия — до вселенскости науки. Периоды застоя достигали длительности многих поколений — больших потерь ранее узнанного»¹⁰⁴. В книге о биосфере Вернадский приводит примеры забвения существенных научных идей в наступивший в средние века «период упадка научной мысли»: была забыта главенствующая в концепции биосферы идея «основного значения размножения организмов для понимания планетной силы жизни», высказанная за 1500 лет до Линнея Плотинум¹⁰⁵. Но особенно невосполнима по Вернадскому была потеря большей части сочинений греческих ученых (в том числе и по ис-

тории культуры и мифологии, имеет решающее значение для реконструкции реального прототипа общечеловеческого мифа о похитителе огня — Прометее), 106 (прим.).

⁹⁹ Вернадский. Мысль. С. 101. Оставляя за специалистами в области антропологии и молекулярной биологии проверку биологической стороны этой гипотезы, следует подчеркнуть, что в свете упоминавшихся новых лингвистических данных речь не может идти о языковом аспекте, так как на территории Китая китайский язык (как и другие ему родственные языки сино-тибето-енисейско-северокавказской макросемьи) появляются в результате относительно поздних миграций (не раньше 10 000 лет до н. э.). Теоретически это не противоречит тому, что новый язык был усвоен антропологически древним типом аборигенов (ср. несомненные данные об очень долго сохранявшемся австро-азиатском по языку населении в Центральном и Южном Китае: Norman J., *Tsu-lin Mei*. The Austro-asiatics in Ancient South China // *Monumenta Serica*. 1978. Т. 32).

¹⁰⁰ См. в особенности Вернадский. Мысль. С. 105 сл., но ср. очень осторожное замечание о неясности древнекитайской хронологии там же, с. 48.

¹⁰¹ Там же. С. 109. Ср. о современных датировках, согласующихся с предложенными Вернадским: *Mellaart*. *Op. cit.*

¹⁰² Вернадский. Мысль. С. 106.

¹⁰³ Там же. С. 40, 45, 47; Вернадский. Биосфера. С. 275 (прим.; там же о Полинезии и Малайских островах) и особенно прим. на с. 347; следует заметить, что с современной точки зрения обнаруживаются некоторые особые аспекты (такие, как искусственная химическая регуляция поведения) этих культур, которые (хотя бы и как чисто отрицательный опыт) оказываются важными для современных наук о человеке.

¹⁰⁴ Он же. Мысль. С. 49.

¹⁰⁵ Он же. Биосфера. С. 303, прим. (с явной опечаткой в этом посмертном издании: «500 лет» вместо «1500»).

тории науки)¹⁰⁶ и в особенности почти всего научного аппарата, созданного Аристотелем (хотя и оставшиеся фрагменты оказались достаточны для возобновления работы в эпоху Возрождения); «история падения Средиземноморской цивилизации может быть сейчас прослежена в истории Западной Европы и Западной Азии с достаточной точностью. Гибель научного аппарата в ее масштабе представлялась современникам мелочью, так как они не могли учитывать его реальной будущности, которую смог ощутить человек только в XIX и XX столетиях»¹⁰⁷. Вернадский отмечает сложность причин, по которым эллинская наука в III—IV вв. н. э. утратила свое былое значение, сохранявшееся почти тысячелетие: «Остановка и ослабление, в конце концов упадок научной работы в эти века происшедшие, только отчасти связаны с государственным развалом и с политическим ослаблением Римской империи — он связан с глубоким изменением основного настроения человечества»¹⁰⁸. Исторический урок подобного регресса Вернадский обсуждал в связи с насущными проблемами современности. «Мы видим временами резко выраженный „регресс“, который захватывал большие территории и физически уничтожал целые цивилизации, не носившие в себе самих неотвратимых для того причин. Процессы, связанные с разрушением римско-греческой цивилизации, на многие столетия задержали научную работу человечества, и многое из раньше достигнутого было надолго, частью навсегда, потеряно. То же самое мы видим для древних цивилизаций Индии и Дальнего Востока»¹⁰⁹. Причины такого регресса Вернадский видел в отсутствии должных форм научной организации и научной среды, без которых «всегда существующая форма научной работы человечества, стихийно бессознательная, исчезает и забывается в значительной степени, как это бывало в области Средиземноморской цивилизации в течение долгих столетий... Наука в ходе времени теряет свои достижения и вновь стихийно к ним приходит»¹¹⁰.

Но Вернадский тщательно исследовал и случаи сохранения (хотя бы частичного) отдельных достижений: так, говоря об Аристархе Самосском, доказывавшем 2200 лет тому назад вращение Земли вокруг Солнца, Вернадский утверждал, что «с тех пор эта идея не исчезала с научного горизонта и о ней знал Коперник»¹¹¹, а закончил ее и «математически оформил» Ньютон¹¹². Вернадский принимал идею Сартона, по которой «начиная с VII в. до н. э., если взять пятидесятилетия и принять во внимание все человечество, а не только западноевропейскую цивилизацию, рост научного знания был непрерывным»¹¹³. Более того, неукротимый рост ноосферы (и научной мысли, ее подготавливающей) по Вернадскому — необратимый геологический процесс, охватывающий всю планету. Основанный на этом исторический оптимизм Вернадского позволяет историку древ-

¹⁰⁶ *Он же*. Мысль. С. 52.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 50.

¹⁰⁹ Там же. С. 33. О возможности и важности продления древних традиций науки стран Азии — Индии, Китая, Японии — ср. *Вернадский*. Биосфера. С. 335, 347.

¹¹⁰ *Вернадский*. Мысль. С. 39.

¹¹¹ *Он же*. Биосфера. С. 279.

¹¹² Там же. С. 162.

¹¹³ *Вернадский*. Мысль. С. 35; *он же*. Биосфера. С. 346—347 (с выводом, экстраполирующим на будущее: «Сейчас ослабленная и отчасти приостановленная в военное время, начавшая складываться во второй половине XIX в. международная всемирная научная организация должна быстро развиваться и восстановиться в небывалых раньше рамках, так как без этого невозможно быстро восстановить безумно разрушенные культурные ценности... Это невозможно без...мировой единой организации вне всяких государственных, расовых и религиозных ограничений»).

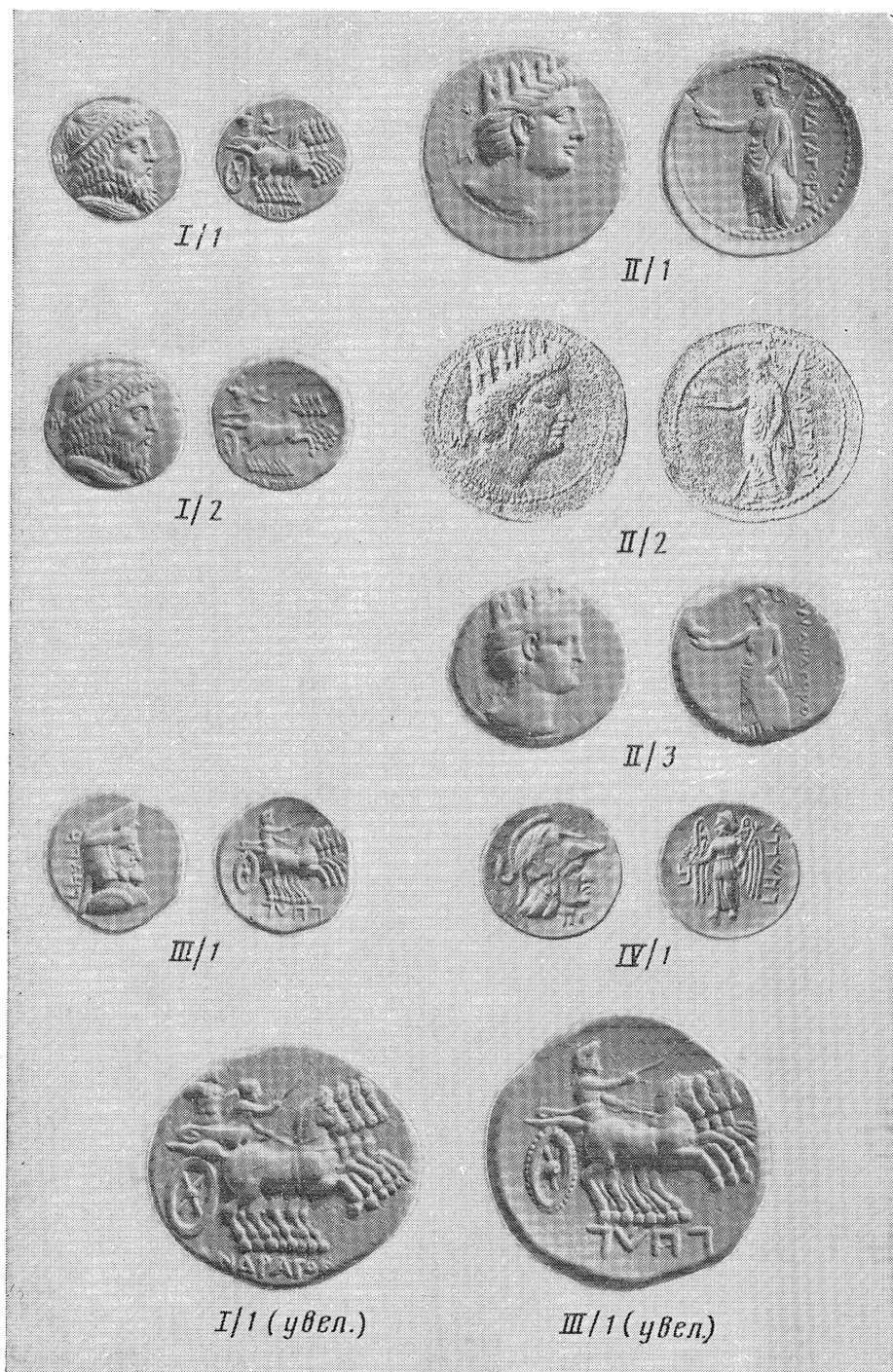

Таблица. Монеты Андрагора и «Вахшувара»

Рис. 1

Рис. 1-3. Ольвийские литые монеты (клад из с. Куцуруб Очаковского района)

Рис. 2

Рис. 3

ности отчетливее понять глубинную взаимосвязь разных эпох в истории мысли, вскрытую нашим великим ученым.

Наследие Вернадского огромно, и к нему еще многие поколения специалистов будут обращаться как к источнику небывало ярких идей, в том числе и по истории древности.

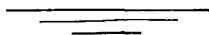
V. I. VERNADSKIJ ET L'HISTOIRE DE L'ANTIQUITÉ

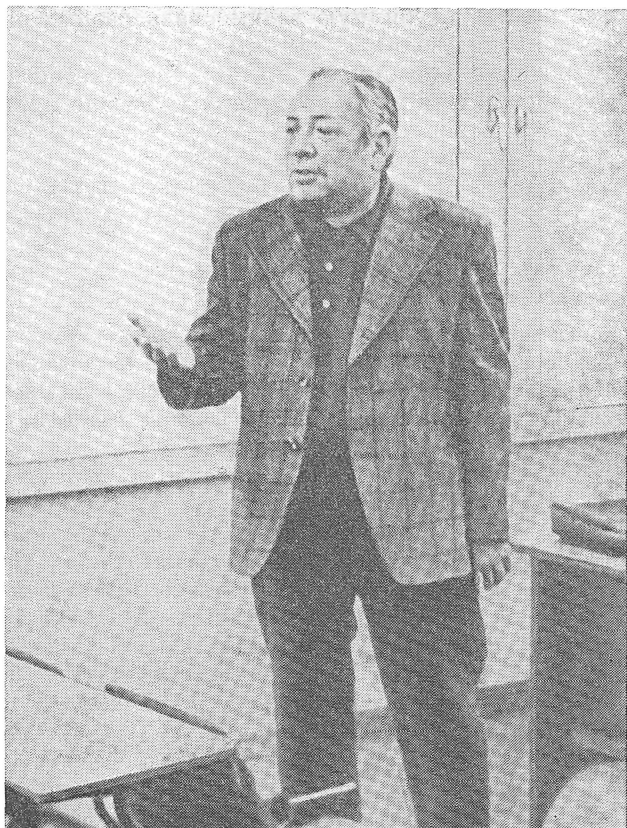
V'ač. Vs. Ivanov

La commémoration du 125e anniversaire de la naissance de l'académicien V. I. Vernadskij (1863—1945) nous incite à évaluer ses réalisations non seulement dans l'ensemble des sciences naturelles dont il s'est directement occupé, mais aussi dans l'étude des lois historiques du développement de la noosphère, la sphère de la raison, en laquelle grâce à l'homme se transforme la biosphère.

L'article contient un bref aperçu de l'évolution des intérêts historiques de Vernadskij, surtout en ce qui concerne l'antiquité; l'auteur y analyse la genèse de ses idées sur des problèmes aussi décisifs que l'influence des guerres sur l'histoire de l'humanité, le rôle de la vie populaire et ses rapports avec la culture, l'importance du savoir scientifique pour les masses du peuple (dans le cadre de la doctrine de la noosphère), le rôle de l'individu dans l'histoire etc. Une place particulière est réservée à l'étude par Vernadskij du rapport entre les opinions scientifiques antiques et modernes, à son désir de découvrir les lois qui régissent l'évolution de la pensée, les conditions qui président aux découvertes scientifiques, le développement intrinsèque des méthodes tant de la pensée scientifique que des expériences et des observations.

L'article est traversé par l'idée que la croissance irrésistible de la noosphère (et de la pensée scientifique qui la prépare) est, selon Vernadskij, un processus géologique embrasant toute la planète. L'optimisme historique de Vernadskij, qui en découle, permet à l'historien de l'antiquité de comprendre plus clairement l'interconnexion profonde des époques diverses de l'histoire de la pensée, interconnexion découverte par ce grand savant. L'héritage de Vernadskij l'historien de l'antiquité est immense et des générations de spécialistes y puiseront encore longtemps des idées brillantes et précieuses.

К 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА УТЧЕНКО

1 декабря 1988 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Сергея Львовича Утченко (1908—1976), крупного, разносторонне образованного ученого, широко известного в нашей стране и за рубежом, блестящего знатока и талантливого исследователя античной истории и культуры, видного организатора науки, много лет возглавлявшего журнал «Вестник древней истории».

Подлинная значимость деятельности человека, масштаб его личности более ярко высвечивается не сразу, а по прошествии какого-то времени, и не случайно, что сейчас, спустя 12 лет после смерти Сергея Львовича, мы по-новому оцениваем его творческое наследие, роль в развитии нашей исторической науки.

Вклад С. Л. Утченко в отечественное антиковедение уже получил освещение на страницах ВДИ. Так, Е. М. Штаерман, М. А. Коростовцев и В. И. Кузищин в статье «С. Л. Утченко — историк античного мира» показали, что все его научное творчество «было тесно связано с основными направлениями развития советской историографии античности в послевоенный период. Каждый этап этого развития нашел то или иное отраже-

ние в его деятельности и как исследователя, и как организатора науки» (ВДИ. 1977. № 1. С. 13).

Одним из важнейших этапов в творческой биографии С. Л. Утченко была работа над созданием в 1952—1956 гг. второго, «античного» тома «Всемирной истории» (М., 1956), ответственным редактором и одним из авторов которого он был. В ходе работы над томом выявилась необходимость обсуждения и новой разработки с позиций марксистской методологии ряда кардинальных исторических проблем. В 50—60-х гг. на журнальных страницах и на научных заседаниях шли дискуссии о периодизации древней истории и закономерностях развития рабовладельческого способа производства, социальной структуре античного общества и роли классовой борьбы в его развитии, становлении, расцвете и кризисе полиса, сущности эллинизма, падении республики в Риме и возникновении Римской империи, кризисе и крушении рабовладельческого общества. В организации и проведении этих дискуссий С. Л. Утченко принадлежала очень большая роль; многие из обсуждавшихся тогда проблем нашли решение в его статьях и книгах. Так, еще в ходе подготовки проспекта II тома «Всемирной истории» С. Л. Утченко выступил против упрощенного понимания социальной структуры античного общества, доказывая, что помимо двух антагонистических классов — рабов и рабовладельцев — существовал класс свободных мелких производителей — крестьян и ремесленников, игравший важную роль в социальной борьбе и политической истории античного мира¹.

Особое внимание Сергей Львович уделял вопросу о сущности и исторической роли греческого полиса и римской *civitas*. Свои взгляды на их типологические особенности он впервые изложил в ввводной главе к монографии «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики» (М., 1952). Уже в этой работе он рассматривал полис и *civitas* как две близкие друг другу формы античной гражданской общины, специфические черты которых могут служить отправными пунктами для анализа протекавших в Греции и Риме процессов общественного развития.

Исходя из своего понимания *civitas*, С. Л. Утченко при работе над главами по истории Рима V—I вв. до н. э. для «Всемирной истории» решительно отказался от бытовавшего в то время среди многих историков отождествления кризиса полиса с кризисом рабовладельческого способа производства. Рассматривая Рим того времени в качестве *civitas*, т. е. полисной структуры, экономической основой которой было хозяйство мелких свободных производителей, он доказывал, что именно дальнейшее развитие рабовладельческого производства в Риме привело к разрушению этой основы (вымыванию слоя мелких землевладельцев) и кризису республиканского полисного строя².

Опыт подготовки «Всемирной истории» и продолжавшиеся потом дискуссии стали стимулом для конкретно-исторических исследований различных форм собственности и эксплуатации в древнем мире. Под руководством С. Л. Утченко сектор древней истории Института истории АН СССР приступил к капитальному научному предприятию: изданию серии монографий «История рабства в античном мире». Характеризуя задачи запланированной серии, С. Л. Утченко наметил ряд вопросов, которым следовало уделить преимущественное внимание: это прежде всего вопрос

¹ Утченко С. Л. О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества // ВДИ. 1951. № 4. С. 15—21.

² См. *он же*. Римское рабовладельческое общество в середине II в. (К обсуждению материалов «Всемирной истории» // ВДИ. 1953. № 4. С. 157—165.

о критериях определения рабовладельческой формации, об отношениях и связях между разными формами эксплуатации, между рабами и другими категориями непосредственных производителей в античном обществе, о рабах как классе-сословии, о месте и значении рабских восстаний в процессе развития рабовладельческого способа производства, о роли рабства и рабовладельческих отношений в надстроечных явлениях — в формировании политических институтов и идеологии³. Очень существенно, что для работы представительного научного коллектива над важнейшей темой была выбрана форма, допускающая различие не только научных стилей, но и научных мнений, выявляющая и поощряющая творческую индивидуальность каждого исследователя. Хотя сам Сергей Львович не участвовал в написании монографий, он, будучи ответственным редактором серии, последовательно поддержал ряд новых и важных выводов, сделанных авторами на основе изучения огромного материала. В написанной совместно с Е. М. Штаерман статье, посвященной обсуждению критериев, определяющих принадлежность того или иного общества к рабовладельческой формации, была показана несостоятельность критерия численности рабов и степени их эксплуатации, было подчеркнуто значение «качественной» роли рабства, как и его связи с другими формами эксплуатации. Серия исследований по истории рабства нашла широкий отклик, и не будет преувеличением сказать, что она подняла престиж советской науки о древности.

Научные интересы С. Л. Утченко — ученика акад. И. И. Толстого, профессоров И. М. Тронского и С. Я. Лурье, лежали преимущественно в области идеологии и социально-политической истории древнего мира. Тем не менее в своих работах он не оставил без внимания проблемы, связанные с историей рабства, в частности вопрос об исторической роли рабских движений. В книге «Кризис и падение Римской республики» (М., 1965) он дал критический анализ работ, где события социальной борьбы в Риме во II—I вв. до н. э. трактовались с позиции пресловутой концепции «революций рабов», концепции, порожденной, как он считал, грубой модернизацией реальных форм классовой борьбы в древности. Отмечая, что не следует «переоценивать революционность и политическую сознательность рабов как класса», С. Л. Утченко подчеркивал, что рабские восстания в Риме были обусловлены не стихийным «стечением случайных обстоятельств, как утверждают некоторые западные ученые... но закономерно нараставшим напряжением классовой борьбы»⁴. В главе «Плебс и рабы», поставив вопрос о причинах совпадения во времени наибольшего размаха рабских восстаний и социальных движений римского и италийского плебса, он пришел к заключению, что причины этому следует искать во взаимобусловленности процессов кризиса полисной структуры и развития рабовладельческих отношений. Он писал: «На укрепление рабовладельческих отношений в Риме рабы отвечали стихийными массовыми восстаниями. Революционные выступления римско-италийского крестьянства тесно связаны с кризисом и разложением полиса. Таким образом, это — две линии, два направления борьбы, которые хотя и были порождены общими причинами, но тем не менее развивались самостоятельно, не перекрещиваясь друг с другом и не сливаясь воедино»⁵.

³ *Он же*. «История рабства в античном мире» в семилетнем плане Института истории СССР АН СССР // ВДИ. 1960. № 4. С. 3—8.

⁴ *Он же*. Кризис и падение Римской республики. С. 146—7.

⁵ Там же. С. 155.

Подчеркивая революционный характер восстания Спартака, С. Л. Утченко вместе с тем считал необходимым пересмотреть положение о консолидации сил господствующего класса под влиянием этого события, о решающей роли рабских восстаний в переходе от республики к империи. Исходя из этого, он предложил свою интерпретацию социально-политических процессов в период кризиса республики и становления империи. Изучение этих процессов стало важнейшей темой его исследовательской работы в последние два десятилетия жизни.

1960—1970-е годы — период наибольшей творческой активности Сергея Львовича. Помимо уже названной монографии «Кризис и падение Римской республики» за 10—12 лет им было написано еще пять книг: «Глазами историка» (М., 1966), «Древний Рим. События. Люди. Идеи» (М., 1969), «Цицерон и его время» (М., 1972), «Юлий Цезарь» (М., 1976), «Политические учения древнего мира» (М., 1977, посмертное издание). Основные положения исторических концепций, изложенных в этих книгах, были высоко оценены в советской и зарубежной науке. Однако и сегодня следует специально отметить некоторые наиболее оригинальные и важные для развития науки выводы и наблюдения, сделанные в свое время Сергеем Львовичем. Именно сегодня они звучат весьма актуально для развития науки о древности. В своих книгах и статьях С. Л. Утченко дал сравнительную характеристику греческого полиса и римской *civitas* как двух форм античной гражданской общины, выявил ее специфические черты, дал глубокий анализ их значимости. Еще в 50-х гг. он сформулировал новое для того времени положение о несоответствии социально-экономической структуры классического полиса — *civitas* рабовладельческому способу производства в период его наивысшего расцвета. Опираясь на свою трактовку *civitas*, С. Л. Утченко развил оригинальную и аргументированную концепцию падения Римской республики и возникновения империи. Важнейшими элементами этой концепции можно считать два взаимосвязанных положения: об эволюции (начинающемся разложении) античной формы собственности и о длительном процессе коренных социальных преобразований — эпохе социальной революции.

Усматривая в упадке роли народного собрания (комиций) важнейший признак кризиса Римской республики, С. Л. Утченко связывал его с изменениями в сфере материальной основы римского общества. «Суть же этих изменений, — писал он, — состояла в том, что коллективная частная собственность имела тенденцию эволюционировать в сторону абсолютной, неограниченной собственности, хотя еще в то время, и особенно в римских условиях, эта тенденция не только не могла получить беспрепятственного развития, но даже встречала упорное противодействие»⁶. Период от Гракхов до Августа С. Л. Утченко определял как эпоху социальной революции с присущими ей чертами — сменой политических форм и изменениями в формах собственности. Выделяя в ней две самостоятельные, не сливавшиеся воедино, линии революционного массового движения — крестьянского (аграрного) и рабского, он считал кульминационным пунктом союзническую войну — массовое восстание италийского крестьянства, в результате которого был нанесен сокрушительный удар Риму-полису. Последующие события гражданских войн в Риме С. Л. Утченко рассматривал как борьбу различных фракций господствующего класса за использование результатов социальной революции в своих интересах. При этом он дал свое освещение и некоторых частных проблем: поставил вопрос о

⁶ Там же. С. 114.

неправомерности отождествления «партий» оптиматов и популяров с политическими партиями в современном значении этого понятия; одним из первых привлёк внимание к населению провинций как активному участнику гражданских войн. Результатом эпохи социальных войн была, по его мнению, победа той фракции господствующего класса, возвышение которой было связано с продолжавшимся ещё прогрессивным развитием рабовладельческого способа производства.

Такова в общих чертах предложенная С. Л. Утченко концепция кризиса и падения Римской республики, многие положения которой получили признание в советской и зарубежной историографии и успешно разрабатываются сегодня.

Большое место в исследованиях С. Л. Утченко занимали проблемы идеологии и идеологической борьбы. Этой проблеме была посвящена его первая книга, где он детально проанализировал эволюцию политических взглядов Саллюстия и Цицерона на фоне обострявшейся социально-политической борьбы, сопоставил теорию «упадка нравов» Саллюстия и учение о смешанном государстве и «согласии сословий» Цицерона с реальными политическими мероприятиями Цезаря и Августа. К проблемам идеологии и культуры он неоднократно обращался и в других работах — статьях и монографиях, исследуя, с одной стороны, процесс кризиса полисной идеологии, с другой — ее живучесть в условиях становления империи, прослеживая проникновение в Рим эллинистической культуры и ее трансформацию под влиянием римской идеологии, борьбу с чужеземными влияниями и их адаптацию, подчеркивал самобытность римской культуры и ее вклад в развитие синкретической культуры античного мира, а в конечном итоге новоевропейской и — шире — современной культуры.

С этими интересами Сергея Львовича связан и последний его крупный замысел. Им была задумана большая коллективная работа по истории римской культуры. Она должна была состоять из отдельных исследований-очерков по нескольким существенным вопросам. Эта идея Сергея Львовича нашла свое воплощение в двухтомнике «Культура древнего Рима» (М., 1985), подготовленном и написанном уже, к глубокому сожалению, без его участия.

Последняя монография С. Л. Утченко посвящена исследованию римской политической мысли, составлявшей, по его убеждению, существенную часть римской культуры. В ней он вновь обратился к проблеме полиса, античной гражданской общины как основы политических теорий и системы ценностей античного общества. Сопоставляя греческий и римский материал, он выявил специфику римской политической идеологии. В книге показана эволюция политических учений, отразивших путь, пройденный римским обществом от полиса к империи.

При характеристике творческого наследия С. Л. Утченко необходимо специально сказать также о его научно-организационной и педагогической деятельности, о зарубежных научных связях, о том внимании, которое он уделял популяризации знаний о древности.

С 1950 г. и до конца своих дней С. Л. Утченко возглавлял сектор истории древнего мира в Институте истории, а затем в Институте всеобщей истории АН СССР, в 1949 г. он вошел в состав редколлегии «Вестника древней истории», в 1951 г. стал заместителем главного редактора, а в 1966 г. — главным редактором журнала. Под его руководством, как уже говорилось, сектор выпустил в свет II том «Всемирной истории», серию монографий по истории античного мира, начал работу над двухтомником «Античная Греция» (М., 1983). С. Л. Утченко уделял специальное внима-

ние перспективам развития науки о древности в нашей стране, неоднократно писал об этом и в докладах, и на страницах ВДИ. Очень много сил, внимания и времени отдавал он работе в «Вестнике», понимая большое значение журнала в организации и координации научных исследований. По его инициативе стали регулярными всеозначные авторско-читательские конференции ВДИ, на которых не только подводились итоги работы журнала, но и — что особенно важно — ставились на обсуждение наиболее актуальные проблемы текущих и планируемых исследований востоковедов, антиковедов, филологов-классиков, искусствоведов. Сергей Львович и здесь стремился предоставить слово исследователям не только разных специальностей, но и разных направлений. Он стремился к тому, чтобы журнал давал самую широкую картину нашей науки. Сергея Львовича радовало появление новых авторов, новых точек зрения, он не боялся непривычного, спорного.

С. Л. Утченко многое сделал для укрепления международных связей советских ученых. В 1957 г. он участвовал в первой Международной конференции антиковедов социалистических стран в ЧССР, положившей начало международной ассоциации историков античности «Эйрене». Бесшестенным членом ее оргкомитета и участником всех конференций он был до конца своей жизни. В 1964 г. под его руководством прошла конференция «Эйрене» в Ленинграде, на открытии которой он выступил с докладом «Античность и современность». Здесь им были поставлены вопросы о значении античного наследия для современной культуры, о правомерности исторических аналогий в контексте проблемы повторяемости и закономерности исторических явлений. Критикуя современные историчесофские концепции, он подчеркнул значимость античности как одной из областей идеологической борьбы. В 1969—1970 гг. С. Л. Утченко провел большую организационную работу по подготовке советских антиковедов к XIII Международному конгрессу исторических наук, проходившему в 1970 г. в Москве. Совместно с И. М. Дьяконовым он выступил там с основным докладом на заседании секции древней истории по теме: «Социальная стратификация древнего общества». Опираясь на высказывания В. И. Ленина о классах-сословиях в докапиталистических обществах и на огромный исследовательский материал, он развил и отчасти пересмотрел выдвинутый им в 50-х годах тезис о наличии трех классов в античном обществе. Он подчеркнул классово-сословную структуру античного общества, обусловившую неоднозначность связей между положением человека в системе производства и его правовым статусом, что усложняло стратификацию общества, определяло многообразие социальных групп и возникших между ними антагонизмов. Этот доклад нашел широкий положительный отклик и на самом конгрессе, и в последующей научной литературе.

Преподаванием С. Л. Утченко занимался с первых шагов своей самостоятельной деятельности: в 1938—1941 гг. он вел педагогическую работу на кафедре древней истории Ленинградского университета, одновременно в 1940—1941 гг. читал лекции по всеобщей истории и истории международных отношений на курсах при ЦК ВКП(б); после войны в 1950—1954 гг. он был профессором древней истории исторического факультета МГУ, в 1954—1960 гг. заведовал кафедрой всеобщей истории Московского государственного историко-архивного института. В последующие годы до конца своей жизни он читал общие и специальные курсы по истории древней Греции и Рима в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина. Его яркие и глубокие лекции пользовались огромной популярностью у студентов. С. Л. Утченко любил слово, как

такое, хорошо знал силу его воздействия, и потому, готовясь к выступлениям, докладам, лекциям, тщательно продумывал не только их содержание, но и форму изложения. Все, кому посчастливилось слушать Сергея Львовича, хорошо помнят глубину его выводов, оригинальность решения труднейших проблем, яркость и богатство его языка.

С. Л. Утченко придавал большое значение популяризации исторических знаний. Он охотно писал послесловия к изданиям серии «Литературные памятники» и вводные статьи к художественным произведениям на исторические темы. Его собственные книги о Цицероне и Юлии Цезаре, имеющие немалую исследовательскую ценность, были написаны не только для специалистов, но и для широкой читающей публики, написаны свежо, увлекательно, масштабно. В своих книгах он создал галерею ярких исторических портретов политических деятелей — Суллы, Помпея, Клодия, Цицерона, подготовил план третьей биографической книги — о Марке Антонии. Затрагивая вопрос о роли этих деятелей в истории, он подчеркивал глубокую связь каждого из них с его эпохой и средой, избегал модернизации, отделял субъективные стремления от объективных последствий их деятельности.

Среди популярных работ С. Л. Утченко специального упоминания заслуживает его книга «Глазами историка». В ней он рассказал о впечатлениях от посещения ряда стран, особенно Греции и Египта. Однако это не только впечатления ученого, но и его раздумья о смысле и задачах исторической науки, которой он посвятил всю свою жизнь. Его всегда волновал вопрос, много раз обсуждавшийся им с сотрудниками, друзьями, учениками: наука ли история или искусство? Не случайно, что в его архиве хранятся записи о смысле истории, о подходе историка к таким вопросам, как «исторический факт», «историческое время». Эти материалы, которые бережно хранит его верный друг и жена Мириам Борисовна Астрахан, ждут своей публикации.

Демократичный и благожелательный, принципиальный и справедливый, С. Л. Утченко умел создавать великолепную творческую атмосферу в коллективах, которыми руководил. Ему было присуще тонкое чувство юмора, которое помогало ему самому, его друзьям и близким преодолевать немалые жизненные трудности, нередко разрешало непростые ситуации. У Сергея Львовича было много учеников, они продолжают работу своего учителя. Его книги читают миллионы читателей, его научные идеи находят новых последователей. Регулярно проводятся научные чтения памяти С. Л. Утченко по проблемам, связанным с кругом его научных интересов. Своим талантом и своими трудами он заслужил глубочайшее уважение и признательность.

Сейчас, когда небывало возросла роль исторического знания в строительстве нашего общества, особый смысл приобретают строки Сергея Львовича Утченко, написанные им более 20 лет назад: «Ни одна из других общественных наук не способна в такой степени, как история, внушить уважение к общечеловеческим ценностям и славным национальным традициям, воспитать чувство интернационализма и чувство гордости, глубокого и осознанного патриотизма. Именно в силу этих особенностей истории как науки перед ней всегда стояла и стоит высокая задача — осуществление исторической правды»⁷.

⁷ Утченко С. Л. Глазами историка. М., 1966. С. 251 сл.

С. Л. Утченко

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА (Из архива)

За последние десятилетия в советской историографии античности основной упор был сделан на исследовании отдельных, главным образом социально-экономических проблем «классической» Греции, эллинизма, Рима. В этой области имеется ряд бесспорных достижений, которые ныне могут послужить базой для более широких обобщений. Потребность в таких обобщениях, несомненно, назрела. Они необходимы прежде всего потому, что дают серьезную возможность приблизить античность к интересам современности и тем придать ей большую актуальность и значимость, и также потому, что таким путем вырабатывается основа для фундированной полемики с историко-философскими и методологическими концепциями, имеющими хождение на Западе. Обе эти тесно связанные между собой задачи предполагают постановку ряда теоретических проблем и большую, чем до сих пор, координацию усилий как самих историков различных специальностей, так и представителей других общественных наук (философов, правоведов, этнографов и т. п.).

В конечном результате подобных совместных исследований должно быть установлено, какое — с точки зрения марксистского учения об обществе — место занимает античность во всемирно-историческом процессе, т. е. каковы определявшие развитие античного мира закономерности, как специфические и неповторимые, так и те, которые повторяются в иных условиях, в частности, в современном мире. Безусловное наличие закономерностей такого типа давало и дает возможность использовать античность в качестве некоего эталона во многих историко-философских концепциях, начиная от Вико и кончая Тойнби и Сорокиным. Однако, критикуя подобные концепции, не следует вместе с тем упускать из виду те возможности, которые дает нам изучение закономерностей античного мира для более глубокого понимания общих законов движения различных формаций. Известно, как широко в этом смысле привлекали основоположники марксизма данные социально-экономической, политической и идеологической истории античного общества. В нашей науке их метод в этом отношении используется далеко недостаточно.

Для достижения указанных выше целей представляется необходимым выяснить специфику действия основных законов исторического материализма в применении к истории рабовладельческого общества. Как известно, один из основных упреков современных критиков марксизма, адресуемый ими советским историкам, заключается в том, что последние якобы механически переносят действие законов, открытых Марксом для капиталистического общества, на всю предшествующую историю человечества.

Для выяснения всех этих вопросов, без чего невозможно успешное развитие советской историографии античности, действительно нужны как дальнейшая разработка, так и впервые начинаемое изучение следующих наиболее актуальных проблем.

1. Социальная структура древних обществ. Эта проблема выходит за рамки понятия «античный мир» в его узком значении. Некоторые аспекты этой проблемы изучались и ранее, однако ряд важных вопросов действительно требует нового подхода и освещения. Так, например, в вопросе об общине остаются невыясненными некоторые коренные положения. Если понятие родовой общины в принципе представляется более или менее четким, то этого никак нельзя сказать об общине «соседской», «территориальной», «сельской». Не менее важно разобраться в новых вопросах, поставленных дискуссией, развернувшейся в марксистской литературе по поводу азиатского способа производства. И, наконец, само понятие рабовладельческой формации требует определенного уточнения, поскольку искусственное и нивелирующее «подтягивание» всех стран древнего мира к уровню «классического» рабства (Рим, Греция) давно уже себя не оправдывает и опровергается самим материалом. В частности вопрос о соответствии уровня развития производительных сил характеру производственных отношений в древних обществах также должен быть изучен более детально и основательно.

2. Становление классового общества и государства. Как ни странно, вопрос о становлении государства в древности не может до сих пор считаться решенным. Большинство современных исследователей (и в первую очередь советских) сходится на выводе о сравнительно позднем формировании класса рабов (и рабовладельцев) даже в таких «классических» рабовладельческих обществах, как Греция и Рим. Возникает вопрос о характере государства на более раннем этапе развития этих обществ (проблема полиса и т. п.). По-разному трактуется ленинское понятие «класс — сословие» применительно к древности. Недостаточно выяснена роль политического фактора в античном обществе. Каковы связи государства, права, социальных и политических институтов с экономическим базисом? Можно ли в данном случае говорить о столь же четком разграничении экономического базиса и политической надстройки, как это делается в отношении капиталистического общества? Все перечисленные вопросы еще не получили в советской историографии своего решения.

3. Проблема социальной революции. Отказ от формулы «революция рабов» ведет к более глубокому изучению проблемы социальной революции в древности. Применимо ли вообще это понятие к общественным движениям древнего мира? В советской историографии существует по этому вопросу несколько взаимоисключающих точек зрения. Возможно ли явление социальной революции в пределах одной формации или только в переломные эпохи истории — при переходе от одной формации к другой? В последнее время некоторые советские исследователи берут под сомнение вопрос о социальной революции при переходе от рабовладельческой формации к феодальной. Очевидно, серьезное и углубленное изучение перечисленных вопросов на материале древней истории может оказать существенную помощь в решении более широкой проблемы — соотношения революции и эволюции в историческом процессе.

4. Античная культура. Эта проблема по существу в советской историографии почти не разработана, особенно в плане комплексного и сравнительно-исторического исследования. Вместе с тем это та область, изучение которой в буржуазной историографии оказало наибольшее влияние

на представление об античности как об эталоне истории всякой культуры или цивилизации. Последнее обстоятельство в значительной мере объясняется влиянием «классического» наследия на современную культуру. Тем важнее и настоятельнее встает задача изучения античной культуры как системы, эволюции ее структуры в неразрывной связи с идеологической борьбой, социальной психологией, а также изучения проблем взаимовлияния античной культуры и других сосуществовавших с нею культур, культурного синкретизма и, наконец, кризиса античной культуры и идеологии.

5. Античность и современность. Эта широкая проблема охватывает как бы общей «шапкой» ряд других проблем и указывает прежде всего на принципы подхода к их исследованию. Речь идет не о вульгарном, модернизаторском сближении античности и современности, но о новом освещении ряда кардинальных вопросов с позиций марксистской методологии. Так, например, хорошо известно, какое значительное место занимает античная история и культура в современных «историософских» построениях. Фундированный критический разбор этих построений дает возможность по-новому подойти к оценке сравнительно-исторического метода исследования, проблеме исторических аналогий, проблеме повторяемости в истории и т. п. Проблема «Античность и современность» открывает наиболее широкие перспективы борьбы с буржуазной историографией и ее философскими основами.

* * *

Само собой разумеется, что исследовательское изучение перечисленных выше проблем возможно лишь на конкретном и достаточно широко используемом историческом материале. Подобная установка предполагает дальнейшее развитие целого ряда специальных — ныне находящихся в упадке — разделов древней истории, а также ряда вспомогательных дисциплин. Необходим также тщательно продуманный перспективный план подготовки кадров.

11 октября 1966 г.

В. И. Наумов

КЛАД ЛИТЫХ ОЛЬВИЙСКИХ МОНЕТ ИЗ с. КУЦУРУБ ОЧАКОВСКОГО РАЙОНА

В 90-х годах прошлого столетия у деревни Куцуруб вблизи Очакова был найден клад крупных литых монет¹, условно называемых ассами (рис. 1—3, см. вклейки). Всего из клада известно 20 монет одного типа, но, как отметил еще первый издатель, между ними есть различия². На всех монетах на аверсе изображена голова Деметры в венке из колосьев в фас, на шее ожерелье из двух ниток бус. Трактовка головы на монетах различна. На реверсе орел на дельфине влево.

Клад был приобретен коллекционером и торговцем древностями Г. Гохманом, который в 1911 г. продал четыре монеты Эрмитажу³ и двенадцать — аукционной фирме А. Гесса⁴. Четыре асса были приобретены еще в 1910 г. Б. М. Якунчиковым: один с дифферентом В, два с Г и один без букв⁵. Нами были опознаны четыре монеты из числа приобретенных Эрмитажем⁶. Это ассы: инв. № 25130 (без дифферента), вес 106,60 г, рис. 1, б; инв. № 25133 (под дельфином ретроградная *beta*), вес 96,93 г, рис. 2, з; инв. № 25134 (под дельфином Г), вес 98,23 г, рис. 3, 4; инв. № 25135 (под дельфином Δ), вес 94,60 г, рис. 3, б. Монеты из клада отличаются по своему состоянию от других ассов, хранящихся в Эрмитаже. Выпуклые места на изображенных монет покрыты коричневой патиной, а вогнутые — доброкачественной зеленой; монеты хранятся рядом.

Двенадцать монет были опубликованы в каталоге аукционной фирмы Гесса: монеты под номерами 57, 61, 63, 68 воспроизведены в каталоге Гесса, остальные восемь монет даны в описании⁷.

№ 57: *ав.* — Голова Деметры; *рев.* — орел на дельфине влево, голова орла повернута вправо. Вверху надпись ОΛΒΙΝ. Ø 68 мм, вес 111,1 г, хороший стиль, сохранность прекрасная.

¹ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903. С. 60; ЗООИД. 1910. Т. XXVIII. Прил. С. 82.

² A. Hess Nachfolger. Antike Münzen. Auktion-Catalog. 28. November 1912. Taf. II, 4.

³ ГЭ. Книга поступлений. 44.Л.17. пост. № 25.

⁴ Thompson M., Mørholm O., Kraay C. M. Inventory of Greek Coin's Hoards. N. Y., 1973. № 1008.

⁵ Заседание НОРАО от 17 ноября 1910 г. // ЗНОРАО. 1913. Т. II. С. 103.

⁶ Эти монеты были изданы В. В. Голубцовым без указания на то, что они происходят из Очаковского клада (Голубцов В. В. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 годов // ИАК. 1914. 51. № 42, 45, 51, 54; Табл. IX, 1; X, 2, XII, 2; XIII, 1 (далее — Голубцов). См. нашу табл. I, 17—20).

⁷ A. Hess Nachfolger. Taf. II.

- № 58 — подобный экземпляр, Ø 66 мм, вес 104,0 г. Очень хороший стиль.
- № 59 — то же, Ø 67 мм, вес 104,2 г. Несколько грубый стиль.
- № 60 — то же, Ø 67 мм, вес 103,3 г. Хороший стиль.
- № 61 — то же, Ø 66 мм, вес 102,6 г. Прекрасный стиль, сохранность прекрасная.
- № 62 — то же, Ø 44 мм, вес 101,5 г. Грубое литье.
- № 63 — то же, Ø 65 мм, вес 95,9 г. Мелкий (изящный) стиль, прекрасная сохранность.
- № 64 — то же, Ø 67 мм, вес 95,8 г. Хороший стиль, прекрасная сохранность.
- № 65 — то же, Ø 66 мм, вес 95,4 г. Хороший стиль. Под дельфином дифферент Г. Грубое литье.
- № 66 — то же, Ø 66 мм, вес 94,3 г. Прекрасный стиль.
- № 67 — то же, Ø 66 мм, вес 93,3 г. Хороший стиль.
- № 68 — то же, Ø 68 мм, вес 85 г. Прекрасный стиль, но при литье (слева) образовалось отверстие. Сохранность прекрасная.

Сравнив монеты из каталога А. Гесса с монетами, опубликованными В. В. Голубцовым из коллекции Б. М. Якунчиков⁸, можно обнаружить, что по крайней мере еще четыре экземпляра ассов из Куцурубского клада были приобретены Б. М. Якунчиковым у фирмы Гесса (табл. I, 1—4). Кроме того, можно идентифицировать монету, опубликованную в каталоге Гесса под № 62 и у Голубцова под № 56 (табл. I, 5), по ее маленькому диаметру (44 мм), который получился в результате литейного брака. Равным образом монета № 65 из каталога Гесса и № 53 Голубцова опознаются по дифференту Г и грубому литью (табл. I, 6). Наконец, из каталога Гесса № 59 отождествляется с № 59 Голубцова (табл. I, 7) по заметке Гесса о несколько грубоватом литье. Монеты № 58 и № 57 из каталога одинаковы, и можно предположить, что вторая из них показана у Голубцова под № 58 (табл. I, 8). Можно также отождествить монеты № 66 из каталога и № 41 Голубцова (табл. I, 9) по одинаково большому диаметру (68 мм). Таким образом, имеются основания предполагать, что девять монет были приобретены у аукционной фирмы Гесса ярославским помещиком Б. М. Якунчиковым⁹.

Однако у Голубцова имеется 15 фоторепродукций ассов, принадлежащих Якунчикову, а в каталоге Гесса учтено 12 монет из Куцурубского клада. Известно, что Якунчиков приобрел четыре монеты из клада еще в 1910 г. у торговца древностями Гохмана. На заседании Нумизматического общества 17 ноября 1910 г. Б. М. Якунчиков сообщил о вновь поступивших в его собрание древнегреческих монетах: «...медные монеты Ольвии с буквами В (одна), две с Г в поле (под дельфином) и одна с повторением ОΛΒΙΝ внизу»¹⁰. Безусловно, на последней монете внизу никакой надписи не было, но по этому замечанию Якунчикова удалось разыскать эту монету у Голубцова под № 60. Остальные монеты (как дубли, возможно) в статье использованы не были¹¹.

Если наши наблюдения и предположения верны, то из этого следует, что клад состоял из 10 монет без буквенных дифферентов, которые пред-

⁸ Голубцов. С. 98 сл. Табл. VIII—XIV.

⁹ Некоторые из этих монет были затем обнаружены в современных собраниях, см. нашу табл. I.

¹⁰ Заседание НОРАО. С. 103.

¹¹ Якунчиков приобрел 16 ассов. Голубцов же показал в своих таблицах 15 основных типов монет, один дубль, вероятно, не попал в таблицы.

Определение количественного состава монет из Куцурубского клада по каталогам Гесса и Голубцова. Местонахождение некоторых из них в настоящее время

Каталог Гесса	Каталог Голубцова (коллекция Якунчикова)	Хранение в настоящее время. Иллюстрации к статье
1 № 57 (II.57) (ав.)	№ 50 (XII, 1)	Рис. 1, 4
2 № 61 (II.61) (ав. + рев.)	№ 57 (XIV, 1)	Рис. 1, 1
3 № 63 (II.63) (ав.)	№ 55 (XIII, 2)	ГМИИ, инв. № 34775 Рис. 2, 6 Рис. 3, 5
4 № 68 (II.68) (ав.)	№ 43 (IX, 2)	
5 № 62	№ 56 (XIII, 3)	Коллекция Мошнягина Рис. 3, 1
6 № 65	№ 53 (XII, 4)	Рис. 3, 2
7 № 59	№ 59 (XIV, 3)	Коллекция И. Михеры* Рис. 2, 2
8 № 58	№ 58 (XIV, 2)**	Рис. 1, 1
9 № 66	№ 41 (VIII, 3)	Рис. 1, 3
10 № 60, 64, 67 каталога Гесса не удалось отождествить с монетами из каталога Голубцова, которые показаны в нашей таблице под № 10—15	№ 60 (XIV, 4) приобретена Якунчиковым в 1910 г.	Рис. 1, 2
11	№ 46 (X, 3)	Рис. 2, 1 Коллекция Мошнягина
12	№ 39 (VIII, 1)	Рис. 2, 4
13	приобретена Якунчиковым в 1910 г.	Рис. 1, 5
14	№ 44 (X, 1)	
15	№ 48 (XI, 2)	Рис. 3, 3
16	№ 49 (XI, 3) упоминается в протоколах НОРАО.С.103. Ассы из собрания Эрмитажа, приобретенные в 1911 г. у Гохмана (см. выше в нашей статье)	Рис. 2, 5
17	№ 51 (XII, 2)	ГЭ, инв. № 25130 Рис. 1, 6
18	№ 42 (IX, 1)	ГЭ, инв. № 25133 Рис. 2, 3
19	№ 54 (XIII, 1)	ГЭ, инв. № 25134 Рис. 3, 4
20	№ 45 (X, 2)	ГЭ, инв. № 25135 Рис. 3, 6

* Antike Münzen aus Olbia und Pantikaräum. Prag, 1959. (В этой книге перепутаны фотографии, поэтому аверс этой монеты был дан под № 12, а реверс под № 14.)

** Приведенные в каталоге Голубцова монеты под № 57 и 58 отлиты в одной форме, в табл. XIV, 1 дан аверс монеты № 57, а в табл. XIV, 2 реверс асса № 58, поэтому мы объединяем их в рис. 1, 1.

ставляют первую подгруппу по классификации П. О. Карышковского¹². Вторую подгруппу составляют две монеты с дифферентом В (Голубцов, № 39, 42). Третья подгруппа представлена четырьмя монетами с диффе-

¹² Карышковский П. И. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії / Праці ОДУ. Т. 149. Одеса, 1959. С. 53 сл.

Развитие литейных форм ольвийских ассов

1	2	3	
Гилевич, IV, 11 (А) Голубцов, VIII, 1 (В) Голубцов, X, 2 (Δ)	Гилевич, I, 1 Голубцов, IX, 1 (Я) Голубцов, IX, 2 (Δ) Васильевка (Δ) Николаевский краеведческий музей, инв. № 83	Березань, дифферент (Я) неопублик. Зограф, XXXI, 4 (Δ)	
4	5	6	7
Голубцов, XIII, 1 (Г) Карышковский, VII. В ₁ (Е)	Голубцов, XII, 3, 4 (Г); XIII, 2, 3; XIV, 3 Гилевич, III, 9; IV, 10	Гилевич, IV, 12 (Г) Голубцов, IX, 2	ГИМ, инв. № 1277 (Е) Голубцов, табл. XI, 2 (колос)

рентом Г (Голубцов, № 48, 53, 54, 55), а также двумя монетами, примыкающими к этой группе, но без дифферентов (Голубцов, № 56, 58). Формы для литья монет этого типа были подправлены, и дифферент Г на них уже не вышел. Четвертую подгруппу представляют две монеты с дифферентом Δ (Голубцов, № 43, 45).

Некоторые монеты клада отлиты в общих формах с монетами ольвийского клада из раскопок 1968 г., что говорит о хронологической близости этих двух кладов. Это монеты: Голубцов, VIII, 2, 3 и Гилевич, II, 5¹³; Голубцов, XIV, 4 и Гилевич, I, 3; Голубцов XIV, 1, 2 и Гилевич I, 2; Голубцов, XII, 2 и Гилевич, III, 6; Голубцов, XII, 1 и Гилевич, II, 4. Вероятно, монета с дифферентом А (Гилевич, IV, 11) отлита в той же форме, что и поздняя монета (Голубцов, VIII, 1) с дифферентом В, — сбоку прослеживаются остатки буквы А. В дальнейшем эта форма была еще раз подправлена, и в ней, судя по всему, отливали монеты с дифферентом Δ (Голубцов, X, 2) (см. нашу табл. II, № 1).

Известна другая разновидность монет с ретроградной В (Голубцов, IX, 1), на которых *бета* стерта, а на ее месте была вырезана *дельта* (Голубцов, IX, 2). Подобная монета была найдена в селе Васильевка. Еще один экземпляр известен из клада, найденного в селе Погорелово¹⁴ (см. нашу табл. II, № 2).

Отлиты в одной форме монеты с дифферентом Г (Голубцов, XI, 2 и Гилевич, IV, 12) (см. нашу табл. II, № 6). Монета из Куцурубского клада (табл. I, 2) отлита в более изношенной форме.

Известны монеты третьей подгруппы, отлитые в одной форме (Голубцов, XIII, 2), где дифферент Г (*гамма*) еще виден и где дифферент уже не виден (Гилевич, III, 9). Монеты — Голубцов, XIII, 3; XIV, 3 и Гилевич, IV, 10 — отлиты в этой же форме, но уже подправленной. Асс (Голубцов, XII, 4) изготовлен в полностью изношенной форме со вновь нанесенным дифферентом Г; у монет, отлитых ранее в этой же форме, на реверсе под изображением дельфина, на том месте, где прежде нахо-

¹³ Гилевич А. М. Клад ассов из Ольвии // НЭ. 1972. X. С. 74—78 (далее — Гилевич).

¹⁴ Николаевский краеведческий музей, инв. № 83.

дидась Г, виден затек металла, образовавшегося в результате трещины в литейной форме (Гилевич, III, 9; IV, 10; Голубцов, XIII, 3 — см. нашу табл. II, № 5).

Монета Голубцов, XIII, 1 представляет следующую разновидность ассов с дифферентом Г, где Г была стерта и на ее месте была вырезана буква Е¹⁵.

Из этих наблюдений можно сделать следующие выводы.

1. На монетах с буквенными дифферентами наблюдается следующая очередность: на монетах вырезается дифферент А, а затем на них же появляется дифферент В (см. нашу табл. II, № 1). Вероятно, буквенные дифференты сменялись ежегодно.

2. На третьем году появляется новая подгруппа с дифферентом Г.

3. На монетах второго года В заменяется Δ (четвертый год) (см. нашу табл. II, № 1—3).

4. На монетах третьего года Г сменяется Е (см. нашу табл. II, № 4).

5. Буква Е на монетах сменяется дифферентом в виде колоса (см. нашу табл. II, № 7).

Нам представляется, что литейные формы с буквенными дифферентами использовались на протяжении нескольких лет, при этом формы неоднократно подрабатывались. Бережное отношение к формам и их неоднократное использование позволяет предположить, что они изготавливались из камня. Наличие в кладе различных групп монет свидетельствует о долговременности его накопления.

Таким образом, в результате сопоставления имеющихся публикаций и хранящихся в различных коллекциях реальных монет стало возможным вернуть в научный оборот важную коллективную нумизматическую находку.

LE TRÉSOR DE MONNAIES FONDUES TROUVÉ AU VILLAGE DE KOUTSOUROUB PRÈS D'OTCHAKOV

V. I. Naumov

L'auteur reconstruit et publie scientifiquement un trésor de monnaies presque oublié de la fin du XIXe siècle trouvé au village de Koutsouroub dans le district d'Otchakov. Le trésor comprenait 20 monnaies de bronze fondu d'Olbia représentant Demeter sur l'avvers et l'emblème de la cité — un aigle sur un dauphin — sur le revers. Il a une grande importance pour l'étude tant des monnaies elles-mêmes que de la circulation monétaire dans la chora olbienne de la seconde moitié du IVe s. av. n. è. La comparaison des monnaies de ce type entrant dans la collection de l'Ermitage, des données fournies par les archives du musée, du catalogue des enchères de la société Hess, des Protocoles de la Section numismatique de la Société russe d'archéologie et de l'article de V. V. Golubcov (*IAK* 1914, fasc. 51) permet à l'auteur de reconstituer plus pleinement le contenu du trésor, d'établir ce que sont devenues certaines monnaies et de préciser la classification des «as» olbiens sus-indiqués. L'étude des monnaies du trésor a permis de conclure que les moules pour la fonte des monnaies étaient réutilisés plusieurs fois.

¹⁵ Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Дис...д-ра ист. наук. Л., 1969. Табл. VII В.

Ф. В. Шелов-Коведяев

ДЕКРЕТ ИЗ РАСКОПОК 1985 г. В ПАНТИКАПЕЕ

В 1985 г., во время раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина на горе Митридат в Керчи¹ на участке Центрального раскопа, руководимом Г. Т. Квирквелия, был найден фрагмент мелкозернистого белого, с серыми прожилками мрамора, представляющий собой нижний правый угол плиты с надписью (сверху и слева камень обломан) (рис. 1).

Максимальная высота фрагмента — 0,141 м; максимальная ширина — 0,085 м; толщина: максимальная — 0,038 м, минимальная — 0,035 м. Лицевая поверхность обработана тонким узким инструментом и старательно заглажена. Сохранившиеся участки правого и нижнего краев плиты на высоту 0,01—0,012 м (справа) и 0,017—0,02 м (снизу) аккуратно обработаны, тыльная же поверхность плиты и остающаяся часть высоты краев обработаны суммарно.

На лицевой поверхности сохранились завершающие буквы последних пяти строк надписи, которая располагалась в поле плиты довольно свободно: ширина оставленного свободным пространства до правого края плиты на уровне сткк. 2 и 4 составляет 0,043 м, на уровне стк. 3 — 0,035 м, стк. 5 — 0,05 м, а в стк. 1 должна бы равняться примерно 0,055 м. Ширина нижнего свободного поля равна 0,02—0,021. Общая же максимальная высота сохранившегося ныне поля надписи 0,125 м, ширина — 0,082 м. Надпись нанесена довольно аккуратно, без линеек; средняя высота букв в строках 0,015—0,016 м: лишь *сигма* в стк. 2 несколько больше (0,017 м) и *дельта* в стк. 5 несколько меньше (0,013 м). На концах нижней линии *сигмы* в стк. 4 явно видны следы работы резчика буравчиком.

На первый взгляд надпись могла бы датироваться еще и первой половиной IV в. до н.э. Однако общий характер шрифта — начинающие чуть прогибаться верхние и нижние линии *сигмы*, неровное написание *альфы* в стк. 2, сильно укороченная средняя горизонталь *эпсилона* в стк. 5, несколько удлиненные правые линии *дельты* и *альфы*, слегка намечающиеся кое-где апексы, а также несоблюдение уровня строки в стк. 2 — говорит скорее о второй половине IV в., может быть, самом ее начале.

Во второй строке сохранились буквы ΕΙΣ (левая половина *эпсилона* обломана), в стк. 3 — ΚΑΙ, в стк. 4 — испорченная сколом *эта* и за ней *сигма*, в стк. 5 — наполовину скраденная изломом *дельта*, затем *эпсилон* и *йота*. По этим остаткам легко восстанавливаются стандартные завершающие декрет обороты: καὶ]εἶς/[πλοῦν καὶ ἔκπλοῦν] καὶ/[πολέμου καὶ

¹ Хранится в ГМИИ. М 85 Ц пл. 133/7 с-в № 80. Приношу глубокую благодарность руководителю экспедиции В. П. Толстикову за любезно предоставленную мне возможность опубликовать данный фрагмент и информацию об условиях находки надписи.

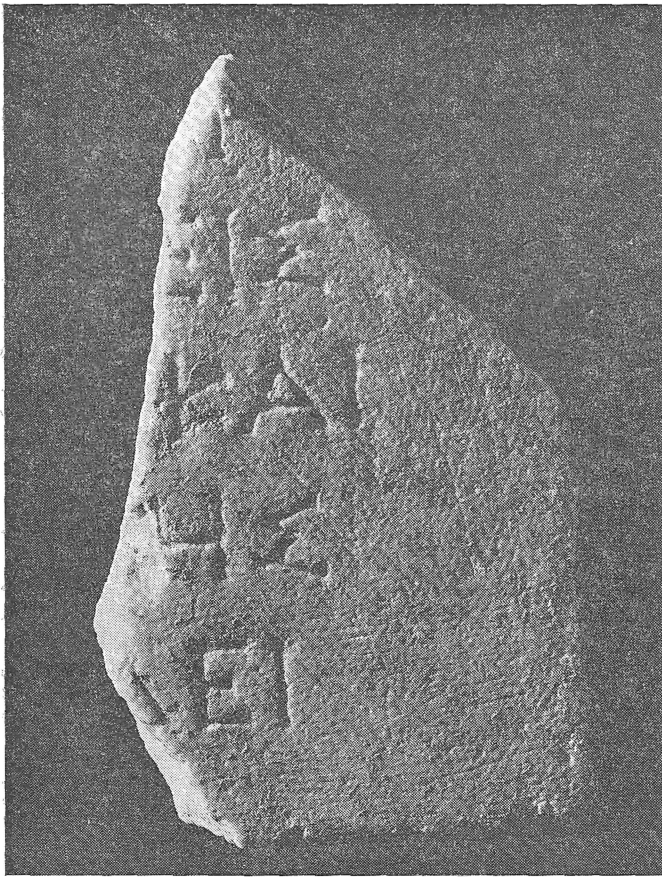

Рис. 1. Фрагмент декрета из Пантикалея. Мрамор

εἰρήνης/[ἀσυλεί και ἀσπον]δαί, что попутно дает нам и среднюю длину строки в 17—18 букв.

От стк. 1 сохранилась только короткая наклонная черта, идущая влево и вверх и пересекающаяся под тупым углом у своего нижнего конца, по-видимому, с короткой горизонтальной черточкой, и вслед за этим нижняя часть вертикали, что может быть прочитано как ΩΙ. Если наши наблюдения верны, то конец первой и начало второй строк могут быть реконструированы как αὐτῶ];/[και ἐχόνοις или без αὐτῶι — Βοσπόρω];/[και ἐχόνοις. Поскольку данный оборот может ставиться в боспорских декретах непосредственно вслед за перечислением главных предоставляемых чувствуемому привилегий², то предшествующие ему формулы, соблюдая вычисленную длину строки, могли быть выражены следующим образом: [προξενίαν και ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ἐν/παντί Βοσπόρωι αὐτῶ]; κτλ.

Может быть, текст декрета составлял всего 10 строк, и его начало было таким: [Παιρισάδης και παίδες (19)/ τῶι δεῖνι τοῦ δεῖ/νος ethnicum ἔδοσαν κтл.], однако делать столь далеко идущие выводы было бы рискованным.

² См., например, IOSPE II, 1 = КБН 1; Шелов-Коведяев Ф. В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 62. № 1.

Итак, нам представляется реальным такое восстановление:

	[προξενίαν καὶ ἀτέλει?]	—	(18)
	[αν πάντων χρημάτων ἐν?]		(18)
1	[παντὶ Βοσπόρῳ αὐτῶ]?		(18)
	[καὶ ἐκγόνοις καὶ] εἶς	—	(17)
	[πλοῦν καὶ ἔκπλοῦν] καὶ		(18)
	[πολέμου καὶ εἰρήν]ης		(17)
5	[ἀσυλεὶ καὶ ἀσπον]δεῖ		(17)

Хочется отметить, что последние примерно 10 лет раскопок дали науке почти такое же количество боспорских декретов (5), что и предыдущее столетие (6). Если этот материал и далее будет нарастать в таком же темпе, то нам когда-нибудь, возможно, придется скорректировать тезис о том, что Спартокидам было интереснее иметь дело с целыми государствами, чем с отдельными лицами³. Кроме того, индивидуальные постановления могли издаваться в первую очередь в честь граждан тех полисов Причерноморья и Средиземноморья, которые были связаны с Боспором договорами на государственном уровне, — в этом случае упомянутое выше предположение не приходит в неразрешимое противоречие с увеличивающимся в последнее время числом боспорских декретов.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство. Судя по технике обработки, плита с надписью изначально была вделана в стену какого-то общественного здания. В этой связи надо отметить, что публикуемый фрагмент был найден на акрополе Пантикапея внутри одного из помещений так называемого дворца.

DÉCRET TROUVE À PANTICAPÉE EN 1985

F. V. Šelov-Koved'ajev

L'auteur publie un court fragment de l'angle inférieur droit d'une plaque de marbre rectangulaire avec une inscription composée de morceaux des cinq dernières lignes d'un décret bosphoran du début de la seconde moitié du IVe s. av. n. è. qui nous a conservé des fragments de ses formules conclusives. Grâce au fait évident que l'inscription respecte les règles de la séparation des syllabes et au caractère standard de ses tournures, on peut non seulement reconstruire avec certitude la longueur initiale approximative de chaque ligne, mais aussi tenter une reconstruction plausible de la totalité du texte perdu du décret. Le résultat est que ce fragment complète la liste des décrets bosphorans de l'époque du règne de Périssadès Ier, décrets bien connus de la science et se rapportant en majorité à un même type suffisamment uniforme. Nous ne possédons actuellement que 12 décrets bosphorans. Onze d'entre eux ont été trouvés en territoire soviétique: quatre pendant les années 60—70 du XIXe s., deux en 1953 et cinq en 1976—1985. Compte tenu de la tendance à croître du matériel, on peut supposer que la préférence des Spartocides pour la conclusion de traités commerciaux au niveau de l'Etat était appuyée par la promulgation de décrets individuels accordant des droits et privilèges aux marchands les plus actifs avant tout originaires des Etats avec qui de tels rapports avaient été institués. Le lieu de la trouvaille permet d'estimer que l'inscription avait été encastrée dans le mur d'un édifice public sur l'acropole de la capitale du Bosphore Cimmérien, Panticapée, édifice qui peut être préalablement considéré comme étant un palais.

³ *Шелов-Коведяев. Уж. соч. С. 72.*

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ СЮЖЕТ В МИФОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ КУРЫ И АРАКСА II тысячелетия до н. э.

Среди памятников среднего и позднего бронзового века, обнаруженных на территории Армении, Восточной Грузии и Азербайджана, выделяется группа произведений искусства, принадлежащих различным археологическим культурам и объединяемых единым изобразительным сюжетом. В основе варьирующих композиций, посредством которых данный сюжет находит свое конкретное воплощение, лежит устойчивое сочетание изображений волка (или же волко-собаки) и оленя, сопровождаемых определенными изобразительными сценами, персонажами, атрибутами, символами или заменяемых таковыми. Третьим, вероятно не менее существенным, хотя и не всегда изображаемым персонажем этого сюжета, наряду с волко-собакой и оленем, является козел.

Древнейший из числа известных памятников Армении, представляющий данный сюжет, — это расписная гидрия, случайно обнаруженная в 1968 г. на побережье оз. Севан в селении Неркин Геташен Мартунинского р-на. Гидрия происходит из погребения, разрушенного при строительстве на берегу реки Аргичи¹. Все морфологические элементы этого сосуда (форма, структура черепка, покрытие поверхности, роспись и др.) позволяют отнести его со всей определенностью к одной из археологических культур Закавказья среднего бронзового века, которая объединяет памятники первой, ранней (по хронологии Б. А. Куфтина или же третьей, поздней — по хронологии Э. М. Гогадзе)² группы триалетских курганов среднего бронзового века, Кироваканский курган и ряд других комплексов на территории Армении, Восточной Грузии и Азербайджана³. Данная атрибуция устанавливает возраст геташенской гидрии в хронологических пределах этой культуры, относимой к первой трети II тыс. до н. э.

Этот сосуд крупных размеров покрыт ангобом красного цвета, по которому черной краской нанесена роспись, покрывающая верхнюю половину тулова и шейку. Композиция представлена двумя сюжетно взаимосвязанными круговыми фризами, расположенными друг под другом (табл. I, рис. 1). На нижнем фризе, динамически развертывающемся слева направо, изображены в профиль шесть фигур, образующих картину преследования самки и самца оленя, за которыми следуют самец и самка

¹ Калантарян А. А., Хачатрян Ж. Д. Уникальная находка из бассейна оз. Севан (на арм. яз.) // ВОН. 1969. № 4. С. 75—77.

² Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941. С. 85—87; Гогадзе Э. М. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.). С. 38—79, 103—107.

³ Раскопанные в Триалети Б. А. Куфтиным и О. М. Джапаридзе курганы среднего бронзового века, на наш взгляд, представляют более чем одну археологическую культуру.

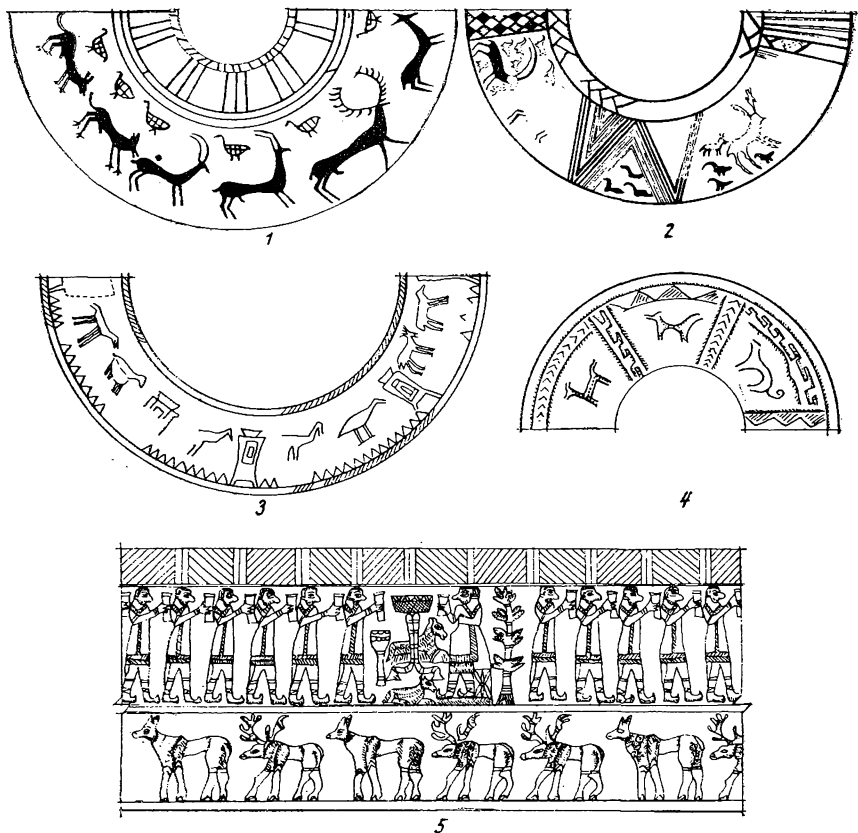

Таблица I. 1 — изобразительная композиция Геташенской гидрии; 2 — изображения на кувшине из кургана № 3 Аруча; 3 — изображения на сосуде из кургана № 4 Ахчия; 4 — изображения на миске из Ханлара; 5 — чеканный рельеф Кюрухташского кубка (фрагмент)

безоарового козла, догоняемые парой волков-самцов. Над крупом самки козла изображен дисковидный знак. Над нижним фризом расположен другой фриз с изображениями шести гусей (или лебедей), обращенных влево. Таким образом, противоположная ориентация фигур двух фризов динамически уравнивает всю композицию. Детерминированная семиотическая связь между фигурами двух фризов проявляется как в числовом соответствии фигур нижнего и верхнего ряда, так и в том, что каждой фигуре нижнего фриза строго соответствует изображение гуся-лебеда, расположенное над ней в верхнем фризе. Над верхним фризом шейка гидрии украшена ритмическим геометрическим рисунком символического значения. Таким образом, содержание сюжета геташенской гидрии включает следующие основные структурные компоненты: а) пара оленей (самец и самка) преследуется парой волков (оба волка — самцы, что очень существенно), б) медиаторами в данном преследовании выступает пара козлов (самец и самка), в) разным животным соответствует один и тот же символ — гусь-лебедь, что позволяет определенно говорить об универсальном и вместе с тем индивидуализированном (по отношению к отдельным животным) характере данного символа, обозначающего то общее, что присуще разным видам всех животных и является неперменной

сущностью каждой особи. Это позволяет усматривать в изображении гуся символ (а может быть — и логограмму) жизни-души. Данное предположение подтверждается тем, что верхний и нижний фризы представляются как бы различные, не связанные между собой действом или составлением картины: гуси изображены не летящими над зверями, а идущими со сложенными крыльями. Изображения верхнего и нижнего фризов существуют как бы в различных пространствах.

Другой памятник, приблизительно синхронный геташенской гидрии и соотносимый с той же культурной общностью, обнаружен в курганах Месхети в Южной Грузии. Это крупный чернолощенный сосуд (точнее — небольшой пифос) из кургана № 4 Ахчия, на верхнюю часть тулова которого нанесены изображения, образующие круговой фриз⁴ (табл. I, рис. 3). Четыре одинаковых попарно противоположащих символических изображения делят фриз на четыре приблизительно равновеликих усеченных сектора. В каждом из усеченных секторов расположены изображения пары животных. Все фигуры представлены в профиль и направлены в одну сторону таким образом, что вся композиция фриза разворачивается слева направо, выражая сюжетную последовательность секторов. В первом (крайнем правом) секторе изображена бегущая самка оленя, за которой следует самец-олень (или лань). Следующий сектор занят парой водоплавающих птиц. Изображения третьего сектора повреждены, а всю композицию завершает четвертый сектор, в котором представлена пара волко-собак. Таким образом, композиция ахчийского пифоса последовательностью изображений во многом тождественна геташенской гидрии. В обоих памятниках повторяется не только сюжет преследования самки и самца оленя парой волко-собак. И здесь и там преследуемые и преследователи разделены промежуточными персонажами. Наконец, повторяется даже последовательность изображений оленей: самка бежит впереди самца. Однако существенным отличием ахчийского пифоса является четырехчастное деление композиции особым повторяющимся символом, который в триалети-кировкаканской культуре предположительно может обозначать мать-землю (возможное, также и плодородие), поскольку на некоторых сосудах данный знак сопровождается изображением хтонического существа — Змья. Если подобная интерпретация соответствует действительности, то каждый из четырех секторов композиции ахчийского пифоса может соответствовать одной из четырех сторон Света, а в общем сюжете преследования с каждой стороной Света окажется соотношенным один вид зооморфных мифологических персонажей.

К памятникам рассматриваемого круга относится широко известный серебряный кубок из V кургана («Корух-таш») Триалети⁵, датированного Э. М. Гогадзе XVIII — XVII вв. до н. э. Учитывая многочисленные описания этого памятника в специальной литературе, остановимся лишь на сюжете чеканных изображений, покрывающих кубок снаружи (табл. I, рис. 5). Изображения расположены в двух фризах, разворачивающихся по горизонтали. В нижнем фризе представлено шествие девяти оленей — пяти самцов и четырех самок. Верхний фриз изображает ритуальное пиршество антропоморфного божества, которое восседает на сиденье, напоминающем курульное кресло. Не исключено, что здесь изображен чело-

⁴ Джaparидзе О. М., Кижвидзе И. А., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции (1970—1977 гг.). Тбилиси, 1981 (на груз. яз.). С. 38—39, 47. Рис. 14. Табл. XI, 2, XII (№ 141).

⁵ Куфтин. Ук. соч. С. 87—92. Рис. 93—95. Табл. ХСІ, ХСІІ; Жоржикашвили Л. Г., Гогадзе Э. М. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Каталог триалетских материалов. II. Тбилиси, 1974. С. 71. Табл. 56, 57.

век в ритуальном костюме, представляющий в данной сцене бога, что семантически одно и то же. Одето божество в короткий кафтан с меховой оторочкой, запахнутый справа налево, из-под которого опускается длинная шерстяная рубаха либо меховое одеяние (оно покрыто гравированными черточками, которыми на этом кубке отмечена шерсть животных). На ногах божества — обувь так называемого хеттского (или малоазиатского) типа с высокозагнутыми носками и завязками, охватывающими голень: лицо закрывает маска (по предположению ряда исследователей — волчья); в правой его руке — большой двухраструбный кубок. Перед божеством стоит стол (вероятно, выполняющий одновременно и функцию алтаря) на высоких ножках, оканчивающихся внизу лапами или копытами животного, что являлось характерной чертой древневосточной мебели II — первой половины I тыс. до н. э. По сторонам стола лежит пара собак (или волков), обращенных мордами к божеству. Возникает предположение, что эти собаки (или волки), кормятся со стола ритуальной трапезы. Еще одна важная деталь: сиденье божества установлено на шерсти или шкуре, расстеленной под деревом. Несмотря на то, что последнее расположено за спиной бога, можно предположить, что вся сцена происходит под этим деревом, вершина которого не могла быть изображена над головами действующих персонажей в силу исокефального построения всей композиции фриза. Особый интерес представляет числовое соотношение различных частей дерева. Оно произрастает из двух расходящихся корней или вытекающих из-под него рек ⁶, имеет четырехчастную вертикальную структуру, выраженную четырьмя уровнями разветвлений и восемью листьями, по паре на каждой ветке (девятый лист на вершине дерева изображен в виде продолжения оси ствола). Отсюда становится очевидным значение получаемого путем удвоения элементов соотношения 2—4—8 для формирования структуры дерева корухташского кубка, которое недавно было справедливо сопоставлено семантически с космической осью ⁷ и может рассматриваться в качестве мирового дерева. С противоположной божеству стороны стола-алтаря вычеканена полусферическая ваза на высокой конической ножке, вероятно предназначавшаяся для священного напитка. Вполне аналогичная по форме с изображенной на кубке бронзовая ваза была обнаружена там же, в Триалети, в кургане XV ⁸. Предположение об использовании этой вазы для священного напитка, а не для ритуальной мясной пищи подтверждается находкой в том же XV кургане специального бронзового котла для варки таковой. Большую часть верхнего фриза корухташского кубка занимает процессия из 23 человек (или человекоподобных существ), направляющихся к вазе со священным напитком и к столу-алтарю. Таким образом, сидящее божество оказывается обращенным ко всей процессии. Одевание участников процессии тождественно облачению сидящего божества. Их лица закрывают такие же маски, а в правой руке каждого персонажа — идентичный двухраструбный кубок. Отличие сидящего персонажа от подходящих

⁶ Предположение Б. А. Куфтина о том, что две расходящиеся из-под дерева группы параллельных линий представляют собой изображение двух рек (*Куфтин*. Ук. соч. С. 89), было поддержано Ш. Я. Амиранашвили (*Амиранашвили Ш. Я.* Серебряный кубок из раскопок в Триалети // ВДИ. 1947. № 2. С. 155; *он же.* История грузинского искусства. М., 1963. С. 19).

⁷ *Бериашвили М. Т., Схиртладзе З. Н.* К пониманию сюжетных изображений на серебряном кубке из Триалети (на груз. яз.) // ТРАЭ. Вып. VI. Тбилиси, 1984. С. 148.

⁸ *Куфтин*. Ук. соч. С. 85. Табл. LXXXVII; *Жоржикашвили, Гогодзе*. Ук. соч. С. 88. Табл. 77.

к вазе и столу-алтарю заключается в том, что из-под кафтанов последних сзади свешиваются одинаковые волчьи хвосты.

Первые исследователи корухташского кубка (Б. А. Куфтин, П. Н. Ушаков, Ш. Я. Амираншвили, В. В. Бардавелидзе и др.) усматривали в его изображениях ритуал, связанный с божеством охоты или с культом плодородия. В последние годы было сделано более верное и уточненное заключение о том, что данный ритуал отражает одну из мифологем цикла 'жизнь — смерть' (или 'рождение — смерть — возрождение')⁹. Прежде чем специально обратиться к интерпретации сюжета корухташского кубка, отметим, что для рассматриваемой темы особый интерес представляют сочетание изображений волко-собак и оленей в связи с мировым деревом и отчетливо выступающий мотив оборотничества людей-волков. Козел фигурирует в данной композиции символически — в виде шерсти, расстеленной под мировым деревом (см. ниже), на которой установлено сиденье божества.

Относительно происхождения корухташского кубка существуют различные предположения, из которых два могут соответствовать действительности: либо кубок является продуктом местного (т. е. центрально-закавказского) производства, либо он импортирован из Малой Азии. Для данной темы различие между этими предположениями несущественно, поскольку изобразительная композиция корухташского кубка полностью вписывается в контекст духовной культуры междуречья Куры и Аракса II тыс. до н.э.

Хронологически более поздним памятником, представляющим рассматриваемый сюжет, является полихромный кувшин, обнаруженный в кургане № 3 Аруча (южное подножье горы Арагац), который датируется XVII—XV вв. до н.э.¹⁰ Несмотря на фрагментарность, удается полностью реконструировать изображения на сосуде (табл. I, рис. 2). Кувшин имел лощеную поверхность светло-оранжевого цвета, которая, за исключением венчика и нижней части тулова, была покрыта матовой краской кремового цвета, служившей фоном для изображений, выполненных красно-коричневой и черной красками. Прежде всего обращает на себя внимание трехчастность и тричность элементов росписи аручского кувшина. Роспись, нанесенная по кремовому фону, образует три горизонтальных фриза: два верхних, узких — орнаментальные, нижний, широкий — сюжетно-орнаментальный. Изображения зверей и птиц нижнего фриза занимают три отделенных друг от друга поля. Начало и конец композиции совершенно четко определяются наличием одной вертикальной оси, которую образует полоса орнамента, нанесенного черной краской и идентичного орнаменту двух верхних фризов. Справа и слева от вертикальной оси проведено по три вертикальных красных линии, пересекающих фриз. Между ними и крайним полем с изображениями животных расположено еще одно поле, пересекающее фриз по вертикали, которое ограничено двумя черными вертикальными линиями. Последние обрамляют две вертикальные гирлянды ромбов, смыкающихся своими углами. В каждой гирлянде нарисовано по 6 ромбов (всего — 12). Ромбы двух цветов, 6 — красного и 6 — черного. Расположены они в шахматном порядке. Учитывая построение всей росписи аручского кувшина на основе числа 3, вполне естественно предположить, что сочетание ромбов соот-

⁹ *Бериашвили, Схиртладзе*. Ук. соч. С. 146—149.

¹⁰ Раскопки Шамирамской экспедиции лаборатории археологических исследований Ереванского гос. университета.

ветствует трехкратному удвоению того же числа, т. е. выражает последовательность 3—6—12. Нетрудно заметить, что та же последовательность, но только для числа 2 обнаруживается в структуре мирового дерева корухташского кубка. Троичность структуры росписи аручского кувшина этим не ограничивается. Три поля нижнего фриз с изображениями животных отделены друг от друга группами наклонных, параллельных линий, пересекающих фриз и образующих вписанные углы. За группой из трех красных линий следуют три черные линии, после которых вновь повторяются три красные линии. Таким образом, красные линии образуют по три вписанных друг в друга угла. Они же ограничивают треугольное пространство наименьшего — центрального поля, противоположащего по отношению к вертикальной оси, в котором изображены три водоплавающие птицы с длинными шеями. Если же вспомнить, что вся цветовая гамма образована тремя красками (красная, черная, кремовая = белая?), то троичность структуры росписи аручского кувшина окажется вне сомнения.

При анализе содержания росписи аручского кувшина привлекает внимание орнамент все той же вертикальной оси. Нанесенный черной краской, он представляет собой зигзаговидную линию с отростком в каждой точке сгиба. Поднимаясь снизу вверх, он как бы разветвляется в среднем фризе, образуя своеобразную верхнюю границу изобразительной композиции нижнего фриз. Естественно, возникает предположение, что орнамент вертикальной оси символизирует ветвь дерева с почками либо лозу с отростками, разветвляющуюся над существами нижнего фриз, хотя доказать такое предположение путем строгого комбинаторного анализа пока что не удастся. Однако если принять это предположение, то окажется, что все действие данной композиции разворачивается под сенью мирового дерева. Все звери показаны в движении слева направо. В первом поле изображен красный олень, на которого сзади в прыжке набрасывается черный волк. Фигуры оленя и волка сопровождают черные водоплавающие птицы с длинными шеями, вероятно гуси-лебеди. Среднее, малое поле занимают, как отмечено, изображения трех таких же черных птиц. Наконец, в третьем, конечном поле композиции представлена пара черных козлов (один из которых — самец, изображение второго повреждено) в окружении красных гусей-лебедей. Если профильные фигуры оленя, волка и козлов выстроены слева направо, то все птицы, напротив, обращены справа налево. В этом проявляется общность композиционного построения росписи аручского кувшина и геташенской гидрии.

При рассмотрении данного сюжета значение росписи аручского кувшина возрастает еще и потому, что появляется возможность привлечения семантики цвета в процессе интерпретации. Таким образом, красный олень оказывается антиподом черным волку и козлам, а красные и черные гуси-лебеди находятся в оппозиционных отношениях как к зверям (красный олень — черные птицы, черные козлы — красные птицы), так и друг к другу. Вместе с тем оказывается естественным соотнесение троичности структуры росписи с сюжетной триадой олень — козел — волк.

Длительность бытования анализируемого сюжета на территории Армении подтверждается памятниками изобразительного искусства позднего бронзового века. Особый интерес с этой точки зрения представляют скульптурные группы, отлитые из бронзы и укрепленные на якоревидных основаниях, которые являлись навершиями ритуальных жезлов или штандартов, а также дышел колесниц и повозок. Среди них выделяется скульп-

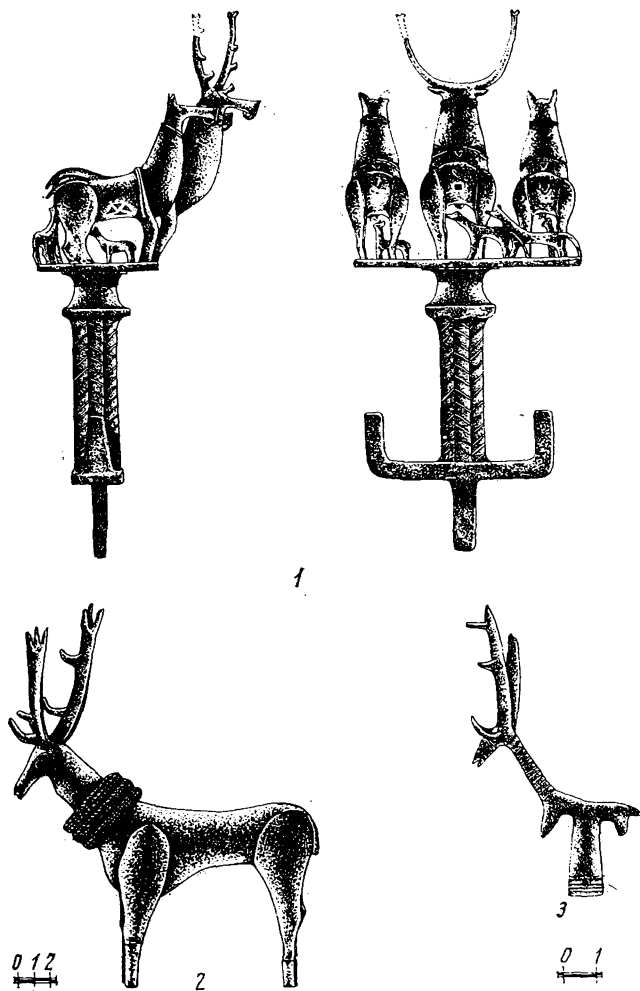

Таблица II. 1 — скульптурная композиция из погребения № 15 Лори-берда; 2 — бронзовая фигура оленя из Толорса; 3 — наверхие из Вагуди

турная композиция из погребения № 15 Лори-берда ¹¹, датируемая XIV—XIII вв. до н. э. Группа образована семью фигурами, припаянными на прямоугольной площадке (табл. II, рис. 1). В один ряд выстроены три фигуры оленей. Центральная изображает самца с мощными рогами, по бокам которого располагаются две безрогие самки. На шеи всех трех оленей надеты массивные гривны, а из-под нижних челюстей свешивается по одному кольцу. Каждую из самок сосет один детеныш, фигурка которого расположена под животом матери. На самца-оленя сзади нападают два волка (или собаки), двояное расположение которых позволяет предположить заложенное в этих фигурках значение близнечности. Исключительный интерес представляет центральный стержень якоревидной подставки, который покрыт ветвистым орнаментом, очевидно символизирующим дерево. Таким образом, олени, как и вся группа, оказываются

¹¹ Деведжян С. Г. Погребение № 15 Лори-берда // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в Армянской ССР (1975—1976 гг.), Ереван, 1977 (на арм. яз.). С. 17—18; она же. Следы культа оленя в древней Армении // ИФЖ. 1982. № 2. С. 140. Рис. 1—3.

на вершине растения, в котором нетрудно усмотреть мировое дерево. Неслучайность изображения шейных гривн на оленях лори-бердской композиции подчеркивается бронзовой фигурой оленя из кургана Толорс (Зангезур)¹², который может быть датирован двумя последними столетиями II тыс. до н. э. (табл. II, рис. 2). На шею этой статуэтки надето три раздельных, свободно перемещающихся бронзовых орнаментированных кольца. К раннему железному веку относится небольшая фигурка оленя из Вагуди (Зангезур), на шее которой графически изображен ряд гривен (табл. II, рис. 3). Эта скульптура тоже являлась навершием жезла¹³. Статуэтки Толорса и Вагуди ясно указывают, что на шеях оленей надеты именно гривны, а не ошейники, хотя сама гривна могла являться символом ошейника и, таким образом, подчеркивать принадлежность животного мифическому персонажу или реальному лицу.

Традиционное сохранение представлений, связанных с рассматриваемым сюжетом, в начале I тыс. до н. э. устанавливается при исследовании барельефов на каменных оградах Главного некрополя Шамирама, датирующихся XI—IX вв. до н. э. Один из барельефов изображает преследование самки и самца оленя (самка традиционно изображена впереди) волком (или собакой). На другом представлен козел. Однако если судить по другим рельефам того же шамирамского некрополя, многочисленной мелкой бронзовой пластике и гравировке бронзовых поясов Закавказья раннего железного века, в эту эпоху происходит усложнение комплекса мифологических представлений, в связи с рассматриваемыми композициями появляются новые персонажи (лошади, грифоны, двухколесные колесницы и т. д.) и в целом данный сюжет сливается с другими и постепенно растворяется в них, хотя, судя по отдельным памятникам, он доживает на Кавказе до эпохи эллинизма. Одним из памятников Закавказья позднего бронзового века, которые представляют этот сюжет в чистом, нетрансформированном виде, являются сосуды из курганов, раскопанных Я. И. Гуммелем к западу от Ханлара, относящихся к последней трети II тыс. до н. э. В кургане № 13 была найдена котлообразная черно-бурая миска с украшениями, исполненными врезной техникой с заполнением полученных углублений белой инкрустацией. Ее изобразительная композиция разделена на три поля, в каждом из которых изображено по одному животному (табл. I, рис. 4). Здесь представлены: волк (или собака), козел и серна (или же лань, олень). Каждому животному строго соответствует определенный орнамент, что позволило Б. Б. Пиотровскому доказательно соотнести изображения собак (волков) с меандром¹⁴. Вместе с тем можно предположить, что заштрихованные параллельными наклонными линиями углы или треугольники (символ горы) соответствуют изображению козла, а ряд вписанных друг в друга углов (символ дерева) — оленю (или лани). Данная композиция представляет исключительный интерес, поскольку она позволяет выявить изучаемый комплекс мифологических понятий даже в тех случаях, когда он представлен лишь одними орнаментами без каких-либо других изображений. Следует отметить и последовательность изображений на данной миске. Изобразительная композиция разворачивается слева направо: за оленем следует

¹² Мнацаканян А. О. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 102. Рис. 42.

¹³ Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980. С. 42. Каталог, № 343. Табл. 62. Рис. 12.

¹⁴ Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку, 1940. С. 28, 31, 61, 62. Рис. 11 (IV—Ia, IV—Ib), 26 (Ia, Ib); Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949. С. 90.

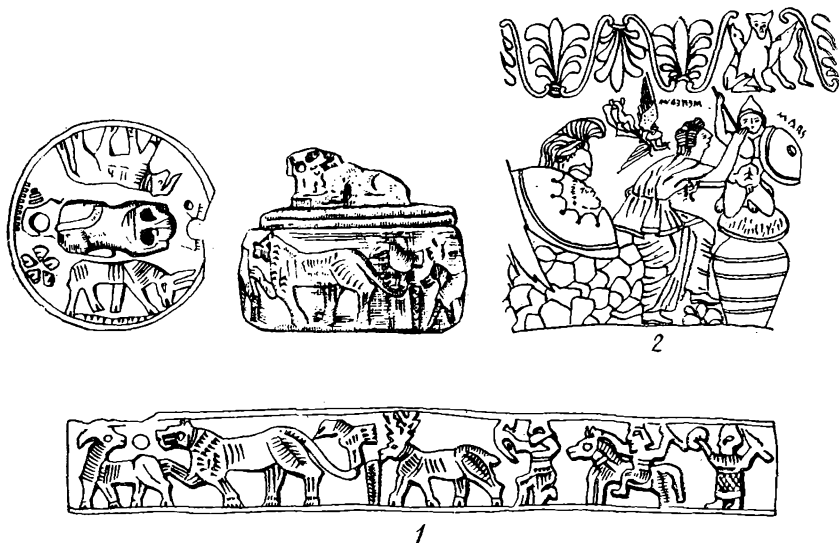

Таблица III. 1 — шкатулка из Кармир-блур; 2 — изображение на вазе из Пренесте

козел и за ним волк (собака). Таким образом, и в данном случае козел выступает медиатором в преследовании оленя волком. Волки и козлы, следующие за оленем, представлены и на кувшине из могилы IV ханларского кургана № 34.

Слияние рассматриваемого мифологического сюжета с другими, которое ведет к нарушению первоначальной структуры семантических связей, отчетливо прослеживается на уникальном памятнике прикладного искусства VIII—VII вв. до н. э. — каменной шкатулке из Кармир-блур¹⁵. Это явно неурартское изделие является, скорее всего, памятником сиро-хеттского искусства и, быть может, представляет в пересмысленном виде персонажей лувийской мифологии. На шкатулке представлены две изобразительные композиции (табл. III, рис. 1). Ее цилиндрические стенки украшены круговым фризом, на котором два пеших и один конный охотник преследуют оленя, невозмутимо поедающего вершину священного дерева, в то время как волк (или собака) с сидящей на кончике хвоста птицей набрасывается на козла. Таким образом, здесь представлены основные персонажи реконструируемой мифологемы: олень, козел, собако-волк, священное дерево, птица. Однако резчик, по-видимому, не был знаком с мифами, раскрывающими эту мифологему, либо стремился лишь к достижению декоративного эффекта, вследствие чего на стенках шкатулки появилось три сюжета: 1) обычная охоничья сцена (охота на оленя), 2) картина терзания хищником копытного животного, столь характерная для древнего искусства различных областей Евразии, и 3) поедание оленем вершины священного дерева. Лишь этот третий сюжет соответствует рассматриваемой мифологеме. Третий и первый сюжеты оказались несовместимыми, в результате чего нарушилась логическая связь внутри композиции. Вторая композиция занимает крышку шкатулки. Она образована горельефной фигуркой лежащего льва и изображениями быка и оленя, исполненными в низком рельефе. Следует под-

¹⁵ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 188. Табл. XLVIII; *оп же.* Искусство Урарту. Л., 1962. С. 103. Рис. 68.

черкнуть, что фигуру оленя сопровождает изображение солнца в виде пятилепестковой розетки.

Исследование генезиса данного сюжета на археологическом материале представляет значительные трудности. Ведь уже на некоторых наиболее ранних памятниках Армянского нагорья и Южного Кавказа — геташенской гидрии и ахчийском пифосе — он предстает в законченной, канонической форме. В такой ситуации особое значение приобретает одна находка из более древних по отношению к рассматриваемым памятникам царских гробниц Хороз-тепе, раскопанных на берегу реки Йешил-ирмак в Понте, которые относятся к третьей фазе раннего бронзового века Анатолии (2300 — 2000 гг. до н.э.). Это бронзовый цистр (табл. IV, рис. 2), использовавшийся в погребальном ритуале, состоящий из прямоугольной рамки, разделенной стержнем на две половины — в каждой из них на осях две свободно перемещающиеся вытянутые прямоугольные пластины, которые при встряхивании издавали мелодичный звон. Снизу рамка укреплена на короткой цилиндрической рукояти, а с трех других внешних сторон дополнена литыми фигурками животных. Справа и слева по вертикали представлена симметричная последовательность одинаковых фигур: пару бегущих снизу вверх друг за другом козлов преследует хищник — исходя из размеров туловища и головы можно предположить, что это — кавказская овчарка. На верхней стороне рамки укреплены статуэтки четырех оленей — одного самца и трех самок¹⁶. Бросается в глаза структурная тождественность изобразительной композиции цистра и геташенской гидрии. Скульптуры цистра, как и изображения гидрии, представляют преследование оленей парой хищников, опосредованное парой козлов. Цистр из Хороз-тепе указывает на ту область, откуда рассматриваемый изобразительный сюжет и выражаемая им мифологема могли распространиться на Армянское нагорье и Южный Кавказ.

Все описанные предметы были либо специально изготовлены для целей погребального культа, либо включены в погребальный ритуал и выполняли в нем определенную символическую функцию. Опозиционный характер персонажей, выявляющийся в самих композициях, и их очевидная связь с погребальным ритуалом заставляют предположить в основе изучаемого сюжета существование бинарного противопоставления «жизнь — смерть», реализуемого в циклической последовательности: бытие в мире живых — переход в загробный мир — бытие в загробном мире — возвращение в мир живых путем возрождения. Эта цикличность воплощалась в определенных, последовательных связях между символическими образами, структурно-позиционное взаимоотношение которых образовывало базовую мифологию. На основе последней, в результате ее конкретно-исторического развития возникли отдельные мифы, описывавшие данную цикличность с точки зрения создававших их коллективов.

Если все приведенные археологические факты недвусмысленно указывают на связь рассматриваемой мифологемы с погребальными представлениями и ритуалами, то другие находки позволяют предположить ее более

¹⁶ Özgüç T., Akok M. Horoztepe. Ankara, 1958. С. 48. Табл. XII (Ia, в). Датировка гробницы Хороз-тепе в пределах 2300—2000 гг. до н. э. приводится в соответствии с точкой зрения авторов раскопок и выводами Дж. Меллаарта (см. Mellaart J. Anatolia before c. 4000 B. C. and c. 2300—1750 B. C. // *САН. Rev. ed. of Vol-s I and II. Camb.*, 1964. Ch. VII. § XI—XIV; XXIV, § I—VI. P. 37), однако П. С. де Жезю не исключает возможности удревнения данного комплекса до середины второй фазы раннебронзового века Анатолии, т. е. до 2500 до н. э. (см. *Jesus P. S., de. The Development of Prehistoric Mining and Metallurgy in Anatolia. Part 1 // BAR IS. № 74 (1). Oxf.*, 1980. P. 131).

универсальный ритуально-мифологический характер. В этом отношении весьма примечательны изобразительные композиции на пифосах (карасах), обнаруженных в святилищах на цитадельном холме Двина, т. е. в археологическом контексте поселения. Эти святилища погибли в пожаре первой четверти VIII в. до н. э. На одном из карасов изображены самки и самцы оленя, сопровождаемые козлами, птицами, рыбами и змеей. Над спинами оленей помещен символ этого животного — солярный знак. На других карасах в разных сочетаниях представлены олени, козлы, собаководки и змеи¹⁷, т. е. четыре структурообразующих персонажа данной мифологемы. В противоположность оленям, которым соответствуют солярные знаки, с козлами и змеями на двинских карасах связаны кольцевидные знаки, что напоминает дисковый знак над самкой козла геташенской гидрии. Двинские карасы скорее всего выполняли определенную функцию в ритуалах культов плодородия. Здесь вполне закономерно отмечается распространение мифологического цикла 'рождение — смерть — возрождение', представлений о взаимоотношении мира живых с царством мертвых на идеокомплекс плодородия. Естественным посредником в этом переходе должен был оказаться культ предков.

Сочетания образов реконструируемой мифологемы могут быть интерпретированы в рамках различных индоевропейских мифологических традиций. Хронологически и территориально ближе всего к ней стоят ритуалы древних народов Малой Азии, говоривших на индоевропейских языках. Представляет интерес один лувийский семейный или родовой ритуал, совершавшийся в неурожайный год, когда в стране свирепствовал голод, т. е. смерть. Тогда глава дома жертвовал богам козла, фрукты, вино, а восемь юношей совершали ритуальное шествие, при этом на переднего накидывали шкуру зарезанного козла. В процессе обрядового действия юноша в козлиной шкуре выл по-волчьи¹⁸ (а не блял по-козьиному, как следовало бы ожидать). Здесь существенно объединение волка и козла в ритуале, относящемся к мифологеме цикла жизнь—смерть.

Особый ритуал совершался для хеттского войска, потерпевшего поражение. Воины проходили через ворота, сплетенные из боярышника. Сооружению ворот предшествовало жертвоприношение человека, щенка и козла. Затем по сторонам ворот возжигались костры, а прошедшие через ворота воины направлялись к реке и, войдя в воду, обрызгивали друг друга¹⁹. Очевидно, что данный ритуал должен был обеспечить обновление силы войска, его очищение и возрождение. Пройдя через ворота, воины как бы переходили из одного мира в другой, из одной жизни в другую²⁰. При этом их сопровождало существо подземного царства — пес и персонаж, обеспечивающий переход из земного мира в подземный и обратно, — козел. Возжигание же костров могло символизировать основу хеттского погребального ритуала — кремацию, без которой возрождение считалось бы невозможным. Вероятно, в данном ритуале очищение с помощью огня и воды тождественно возрождению.

Рассматриваемая мифологема выявляется и в славянской эпической традиции, в эпосе о герое-змееборце — восточнославянском Всеславе (южнославянском Вуке). В сербском эпосе он рождается с волчьей шерстью

¹⁷ Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван. 1977. С. 17—21. Рис. 26—29. Табл. IX—XI.

¹⁸ Otten H. Luvische Texte in Umschrift. В., 1953. S. 14—15.

¹⁹ Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 67.

²⁰ О семантике ворот у хеттов в значении места перехода из одного мира в другой, из мирского в сакральное, см. Ардзинба. Ук. соч. С. 146.

вместо волос на голове. В восточнославянском мифе у того же героя при рождении не волчьа шерсть на голове, а сорочка — *язьно*. Но, как установил Р. Якобсон, это слово этимологически связано с литовским *ožus* 'козел', *ožinis* 'козлиный', а также с древнеиндийскими *ajāh* 'козел' и *ajāpaṁ* 'шкура'²¹. Таким образом, волк и козел, являющиеся важными мифологическими существами, фигурирующими при рождении героя, оказываются семантически взаимозаменяемыми.

Не меньший интерес представляют и факты римских ритуалов и мифологии, часть которых уходит корнями в этрусскую традицию, генетически связанную с малоазиатской. Так, жрецу Юпитера (*flamen Dialis*), который символизировал собой небесную ритуальную чистоту божества, запрещалось прикасаться к мертвецам и основным предметам, относившимся к культуре мертвых: козе, собаке, бобам²². Та же мифологема нашла выражение и в легендарной истории Ромула — основателя Рима. Будучи вскормленным после рождения вместе со своим братом-близнецом Ремом волчицей, Ромул окончил земную жизнь, т. е. переместился в инобытие, исчезнув при загадочных обстоятельствах возле Козьего болота на Поле Марса²³, священным животным которого был волк.

Троичность образов волка—козла—олени в индоевропейском проявлении мифологического цикла рождения—жизни—смерти—возрождения характернейшим образом отразилась в мифах о священных животных, вскармливавших божественных подкидышей. Зевс Критский был вскармлен козой Амалфеей нектаром и амброзией, струившимися из ее рогов. Сына Геракла — героя Телефа, брошенного на погибель, вскармила олениха, а Ромула и Рема — волчица.

Очень важны соответствия рассматриваемому сюжету в кельтской мифологии. Здесь в первую очередь приходится рассматривать памятники изобразительного искусства и среди них — ритуальный котел, обнаруженный еще в 1891 г. в Гундеструпе (Ютландия). Он считается произведением искусства скордисков, обитавших на Нижнем Дунае, либо кельтско-лигурийской работой²⁴. Стенки котла с внешней и внутренней стороны покрыты серебряными позолоченными пластинками, изображающими мифологические сюжеты. На одной из пластин (табл. IV, рис. 3) наряду с образами, навеянными античным искусством, представлен бог Цернуннос с оленьими рогами на голове, из которых произрастают ветви священного дерева с набухшими почками. Лево́й рукой он душит змея с бараньей головой, правой — протягивает шейную гривну стоящему рядом оленю. На шее бога надета такая же гривна. Над змеем расположено изображение волка, опять-таки повернутого к фигуре бога, а над оленем — фигура козла. Остальные персонажи, представленные на пластине, обращены спиной к действующим лицам этой композиции, подчеркивая тем самым ее самостоятельное мифологическое значение. На скульптурах Галлии олений бог Цернуннос изображается с гривнами, надетыми на рога или на шею, и с оленьими ногами²⁵. Замечательно не только сочетание образов оленя, волка и козла в кельтском мифе, связанном с циклом

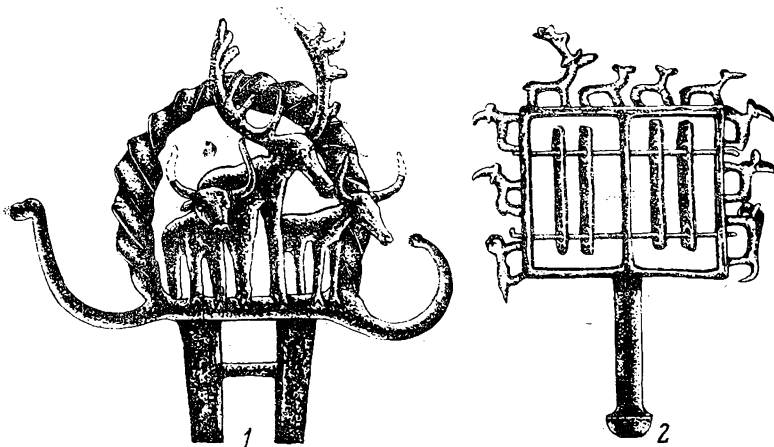
²¹ *Jakobson R. Selected Writings. V. IV. Slavic Epic Studies. The Hague—Paris, 1966. P. 341—371.*

²² *Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 100.*

²³ *Plut. Romulus. XXVII. 6—7; Liv. I. XVI. 1—2.* В этом месте у Ливия вместо *Campr Martius* просто — *in campro*.

²⁴ *Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 168. Табл. XXIV—XXV.*

²⁵ *Gassowski J. Mitologia Celtów. Warszawa, 1979. P. 34. Rys. 10. P. 74. Rys. 30.*

3

Таблица IV. 1 — навершие штандарта из гробницы в Аладжа-Хюлюка; 2 — цистра из Хороз-тепе; 3 — чеканные изображения на котле из Гундеструпа

‘жизнь—смерть—возрождение’²⁶, но и то, что атрибутом оленя в кельтском искусстве, так же как и на рассмотренных скульптурах Армении, выступает шейная гривна. Древнее название кельтской гривны — *торквес*, что дословно означало «перевитая», «сплетенная». Вероятно, первоначально торквесы плелись из нескольких прядей волос или шерсти. Здесь возникает сопоставление с образами богинь хатско-хеттской и древнегреческой мифологий, плетущих или прядущих нить жизни. В таком случае торквесы на шеях людей, божеств, оленей оказываются магическими символами жизни, что вполне соответствует оленю как символу солнца—жизни.

Поразительные соответствия образам композиции корухташского кубка обнаруживаются в эддической поэзии викингов языческой эпохи. Практически все персонажи и предметы, изображенные на кубке, отождеств-

²⁶ Закономерная связь образа Змея с триадой олень—козел—волк является предметом специального рассмотрения.

ляются с существами, фигурирующими в «Речах Гримнира»²⁷. Более того, соответствия выявляются даже в элементах ритуальных действий. Главное действующее лицо «Речей» — Один, выступающий в ипостаси Гримнира, т. е. «скрывающегося под маской». Божество в маске мы видим и на корухташском кубке. Местопребывание Одина — Вальхалла, счастливый загробный мир блаженных, куда попадают души воинов, убитых в бою. Там Один восседает на престоле Хлидскьяльв и судит души мертвых. Суд происходит под ясенем Иггдрасиль — мировым деревом скандинавской мифологии:

30 «...те кони несут
асов на суд,
что вершится под сенью
ясея Иггдрасиль».

Здесь же, под ясенем, пирует Один, которому подносят священный напиток:

36 «Христ и Мист
пусть рог мне подносят...».

Вместе с Одним пьют напиток и эйнхерии — герои, взятые Одним в Вальхаллу. При этом Один лишь пьет напиток, а кормит пару своих волков — Гери и Фреки («жадный» и «прожорливый»):

19 «Гери и Фреки
кормит воинственный
Ратей Отец²⁸;
но вкушает он сам
только вино...».

В то же время олени грызут мировое дерево. В одном случае их местоположение относительно дерева не определено, скорее всего они связаны с уровнем его ствола (на корухташском кубке олени занимают нижний фриз):

33 «И четыре оленя,
рога запрокинув,
гложут побеги:
Даин и Двалин,
Дунейр и Дюратор».

В другом стихе тех же «Речей» олень находится на вершине мирового дерева (так же как и на штандарте из погребения № 15 Лори-берда или на шкатулке из Кармир-блур):

35 «Не ведают люди,
какие невзгоды
у ясея Иггдрасиль:
корни ест Нидхёгг²⁹,
макушку — олень,
ствол гибнет от гнили».

Наконец, еще одно действующее лицо «Речей Гримнира», связанное с ясенем Иггдрасиль (в ипостаси дерева Лерад), — коза Хейдрун — представлена на корухташском кубке как шерсть, расстеленная под мировым

²⁷ Старшая Эдда / Пер. А. И. Корсуна. Ред. М. И. Стеблин-Каменский. М.—Л., 1963. С. 35—40.

²⁸ Одно из имен Одина (прим. М. И. Стеблин-Каменского).

²⁹ Нидхёгг — черный дракон.

деревом. Между тем закономерная связь черной шерсти с низом мирового дерева установлена В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым³⁰.

Таким образом, как в «Речах Гримнира», так и в изображениях корухташского кубка отчетливо выявляется одна и та же сцена: господин Вальхаллы Один в маске пирует под мировым деревом, кормя пару своих волкособак. К нему подходят души воинов, которые пьют тот же напиток. В связи с деревом в обоих случаях выступают олени и козел. Для установления тождественности сюжета изображений корухташского кубка и «Речей Гримнира» остается объяснить, почему персонажи кубка, т. е. предполагаемые души воинов, надели именно волчьей маски. Оказывается, что волк был широко распространенным образом в мифологиях Евразии. Так, древнеисландские тексты повествуют о войнах в волчьих шкурах, телохранители тюркских каганов назывались «волками», древнеанглийский сохранил слово *heogowulf* — «волк-воин», и аналогичная символика относится к «волкоглавому» грузинскому царю Вахтангу Горгасалу (V в. н. э.)³¹, который носил шлем, украшенный изображением волчьей головы.

Корухташский кубок оказывается своеобразной изобразительной иллюстрацией к «Речам Гримнира», и, таким образом, можно говорить о безусловно индоевропейском характере представляемого кубком мифа.

Олень, козел и волк (собака) выступают в индоевропейских мифологиях не только в триединстве (а также двуединстве) или во взаимосвязи в рамках одной мифологемы. Они фигурируют и раздельно, однако при этом очень часто оказываются включенными в мифы, посредством которых реализуются мифологемы цикла «жизнь — смерть». Таким образом, их совместное или раздельное появление в текстах различных мифов может оказаться семиотически тождественным. Образ оленя на вершине мирового дерева (или возле мирового дерева) хотя и не является исключительно индоевропейским, на что указывают подобные изображения на митанийских цилиндрических печатях XV—XIV вв. до н. э.³² и другие памятники, однако в индоевропейской среде он представлен повсеместно. Достаточно указать на его существование до савромато-сарматского времени на территории расселения скифов, о чем свидетельствуют изображения на золотых наглазниках из 15-го Батуриного кургана³³, предположительно отнесенного к сиракам. Как показано В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым, в структуре первобытного мифа и ритуала открывание глаз соотносилось со смертью (или сном), а закрывание — с жизнью³⁴, что соответствует наблюдению В. Я. Проппа о слепоте живых относительно мертвых и наобо-

³⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 5, 31—34, 138 сл.

³¹ Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // ИАН. Серия языка и литературы. 1975. Т. 34. № 5. С. 399, 403, 407.

³² Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII. С. 324. Табл. СХХVII, № 47; Альбом рисунков к ОАК. СПб., 1906. С. 270. № 1681. О митанийской атрибуции этой печати см. Пиотровский Б. Б. Урартские надписи из раскопок Кармир-блур // Предисловие к кн.: Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963. С. 11. Другая митанийская печать с аналогичным сюжетом из Коруджу-тепе опубликована в работе: Van Loon M. N. The other Middle and Late Bronze Age finds // Korucutepe. Ed. by Van Loon M. N. SAC. Amsterdam—New York—Oxford, 1980. P. 150. Pl. 46H, 49F. Изображения оленя возле священного дерева в митанийской глиптике могут быть результатом ареального заимствования из индоевропейской мифологии либо могли возникнуть в качестве геральдических знаков индоарийской или индоиранской правящей верхушки Митанни.

³³ Чернопицкий М. П. Курган с погребением «жрицы» на Кубани // СА. 1985. № 3. С. 252—254. Рис. 2.

³⁴ Иванов, Топоров. Ук. соч. С. 126—130.

рот³⁵ в мифе и сказке. Учитывая, что батуриные наглазники должны были обеспечить возрождение покойника путем закрывания его глаз, можно утверждать, что изображенные на них возле дерева канонические скифские олени с поджатыми ногами выступают в качестве символа жизни.

Олень являлся священным животным божества Солнца в хеттско-неситской мифологии и ритуале. Предполагается существование особого праздника оленя (*EZEN A-YA-LI*) у хеттов. На обожествленной горе Пискурунува возле храма Солнца совершалось жертвоприношение перед оленями. Олени, несомненно, связывались с богиней Солнца города Аринны, о чем свидетельствует текст KUB XV.22: «На второй год оленей в город Аринну ... Ты, Солнце, живыми держишь...»³⁶. Предположение о том, что олень символизировал солнце в хаттской (протохеттской) культовой традиции, до сих пор недостаточно аргументировалось. Оно основано на находках бронзовых скульптур оленей в памятниках Анатолии, относящихся ко второй и третьей фазам раннего бронзового века (середина и вторая половина III тыс. до н. э.). Однако хотя неиндоевропейцы-хатты традиционно считаются предшественниками индоевропейцев-хеттов в области социальной организации и культуры, не было показано, что указанные скульптуры отражают специфически хаттскую мифологию. Лучшим аргументом, позволяющим говорить о том, что олень олицетворял солнце не только в неситской, но и в хаттской традиции, может служить его очевидная связь с богиней Солнца города Аринны, которая тождественна хаттской Вурунсему³⁷. В дальнейшем, в процессе развития государственной религии Хеттского царства образ священного Оленя-Солнца оказался включенным в неситский династический культ и ритуал. Данное утверждение основывается прежде всего на том, что в хеттском пантеоне богиня Солнца города Аринны образовывала божественную пару с богом Грозы *нихассасси*: «Когда царь весной вверху (на крыше? ритуально) чистого (помещения) для бога Грозы *нихассасси* и для богини Солнца города Аринны совершает ритуал»³⁸. Во время хеттского весеннего праздника *антахшум*, связанного с возрождением природы, царь и царица одновременно совершали в Хаттусе два обряда: царь — для бога Грозы *нихассасси*, царица — для богини Солнца города Аринны³⁹. Царь соотносился с богом Грозы *нихассасси*, а царица — с богиней Солнца города Аринны. Но поскольку известно, что бог Грозы *нихассасси* был персональным божеством хеттских царей, следует предположить, что и богиня Солнца города Аринны была богиней цариц правящей династии. На это, очевидно, указывает и отождествление умерших хеттских цариц: Валанни, Никалмати, Асмуникал, Дудухепы, Хенти, Тавананны с богиней Солнца города Аринны⁴⁰. Таким образом, богиня Солнца города Аринны являлась объектом династического культа хеттских-неситских царей, что позволяет аналогично оценить и связанные с ней символы, т. е. образ оленя.

В свете сказанного становится необходимой дополнительная интерпретация наварший штандартов из царских гробниц Аладжа Хюйюка, дати-

³⁵ *Пропф В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 59—61.

³⁶ *Ардзинба.* Ук. соч. С. 15—17, 166 сл. Прим. 43 к гл. 1.

³⁷ *Goetze A.* Kleinasien. 2 Aufl. München, 1957. S. 135—137.

³⁸ *Ардзинба.* Ук. соч. С. 164. Прим. 23 к гл. 1.

³⁹ Там же. С. 13.

⁴⁰ Там же. С. 24—25. Предположение о хурритском происхождении правящей династии новохеттского царства не влияет на данный вывод, поскольку традиция отождествления хеттских цариц с богиней Солнца города Аринны, очевидно, восходит к древнехеттскому периоду, когда подобному отождествлению, вероятно, могли подвергаться царицы как неситского, так и хаттского происхождения.

руемых второй фазой раннего бронзового века Анатолии (первая либо вторая треть III тыс. до н. э. по разным хронологическим шкалам). Эти штандарты играли важную роль в погребальном ритуале и были обнаружены в каждой гробнице. Большая часть их представляет собой ажурные диски или полукружья с изображениями крестов, лучей или колес и интерпретировалась в качестве «солнечных дисков». Некоторые из штандартов представляют более сложные композиции⁴¹. Так, одно из наверший из гробницы D изображает дикого осла, везущего солнце. На другом штандарте из гробницы В солнце представлено в виде фигуры оленя, расположенной под аркой, образованной перевитым жгутом (табл. IV, рис. 1), что замечательно перекликается с вышеупомянутыми торквесами, связанными с изображениями оленей позднего бронзового и железного века. Подобно штандарту из гробницы D, на штандарте из гробницы В представлены животные, везущие солнце, однако в данном случае оленя-солнце везет пара быков, фигурки которых расположены по обеим бокам оленя.

Общеиндоевропейская традиция соотношения 'олень' с символом солнца находит лингвистическое объяснение. Для корня *eln- 'олень' предполагается исходное значение 'красный', 'бурый'⁴².

В том же ритуальном контексте, отражающем взаимодействие мира живых с миром мертвых, в древнейшей анатолийской и индоевропейских мифологиях возникает образ козла. На хаттско-хеттском празднике хас-сумас слепой, облаченный в шкуру козла, символизировал смерть Старого года, что находит параллель в древнеримском обряде мамуралиа⁴³. В «Ригведе» козел выступает в качестве вестника богов, возвещающего о жертвоприношении. Он являлся жертвенным животным ведического божества Пушана⁴⁴, который сам имел облик козла и представлялся богом-посредником, «господином пути». Он обеспечивал перемещение жертв из мира людей в мир богов.

В различных конкретных реализациях тех же индоевропейских представлений цикла 'жизнь—смерть' предстает в отдельности и образ собако-волка. Мифологическое единство собаки и волка и их взаимозаменяемость подтверждаются не только анализом индоевропейских мифов, но и лингвистически. Как показано В. М. Иллич-Свитычем, индоевропейское название домашней собаки восходит к ностратическому названию, общему для домашней собаки и дикого волка⁴⁵. Собако-волк является существом, связанным с рождением, смертью и возрождением, что фиксируется в италийской, греческой, армянской и иранской традициях независимо от структурообразующей триады олень—козел—волк. Этруские росписи изображают владыку царства мертвых Эиту в шлеме в виде волчьей головы⁴⁶. На цисте из латинского города Пренесте (табл. III, рис. 2) участником сцены рождения Марса является трехглавый пес⁴⁷, в котором

⁴¹ *Koşay H. Z.* Ausgrabungen von Alaca Höyük (1936). Ankara, 1944. S. 118, 129. Taf. XCI, CI; *idem.* Alaca Höyük Kazisi (Les fouilles d'Alaca Höyük). Ankara, 1951. P. 164. Tabl. CLXIV—CLXVI.

⁴² *Гамжрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 517.

⁴³ *Ардзинба.* Ук. соч. С. 42—43.

⁴⁴ *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva- «конь» (жертвоприношение коня и дерево aśvattha в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Сб. памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М., 1974. С. 117.

⁴⁵ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М., 1971. С. 361 сл.

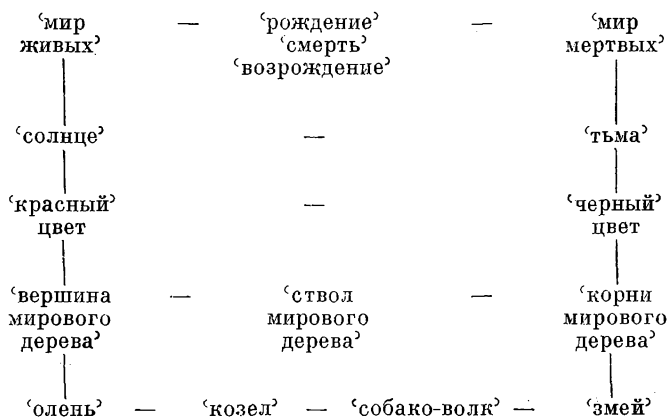
⁴⁶ *Pallottino M.* Etruscan Painting. Genève, 1952. P. 111 sg.

⁴⁷ *Немировский А. И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 201 сл.

нетрудно узнать Кербера, также представлявшегося с тремя головами. Однако если традиционно Кербер связывается с царством Аида, то изображение на цисте из Пренесте представляет его при рождении, что полностью укладывается в рамки рассматриваемой мифологии. Наконец, следует вспомнить иранское сказание о рождении Кира в изложении Геродота: мидийский царь Астиаг, опасаясь за свою власть, приказывает убить своего внука — младенца Кира, однако последний оказывается чудом спасенным и его вскармливает жена пастуха Митридата, которую звали *Σλαχώ*, что, согласно пояснению Геродота, означает по-мидийски 'собака'⁴⁸.

В древнеармянской мифологии волко-собаки рассматриваемой мифологии приобрели облик аралезов. В Армении выявляется обширный топонимический пласт, связанный с общеиндоевропейским названием 'волк', который зафиксирован в урартских клинописных надписях, средневековых текстах на древнеармянском и фольклорных топонимах. Отметим здесь лишь разительное соответствие засвидетельствованного урартскими надписями VIII в. до н. э. названия страны *Weliku-ni(hi)*, расположенной на западном побережье оз. Севан, индоевропейскому **włk^{wo}*- 'волк'. Это сопоставление приобретает особое значение, поскольку рассмотренная выше геташенская гидрия обнаружена на территории, географически непосредственно связанной с данной «страной». Соответственно название *KURUelikuni* может быть этимологизировано как «(страна) Волка».

Анализируемые факты позволяют выявить соотношение образов-понятий, формирующих структуру реконструируемой индоевропейской мифологии. Эта структура, выражаемая бинарными оппозициями и трех- или даже четырехчленными элементами, может быть представлена на основе рассмотренного материала в виде следующей схемы:

Очевидно, что верхняя часть схемы выражает надиндоевропейский уровень представлений, не выходящих за рамки общих архетипов мифологического мышления древнего человека. Индоевропейская конкретизация имеет место на самом нижнем уровне представленной семантической структуры. Универсальность и архаичность образов реконструированной мифологии не позволяют утверждать, что ее первоначальными создателями являлись именно индоевропейцы. Не исключается возможность заимствования ее индоевропейцами из какого-то неизвестного нам неиндоевропейского ис-

⁴⁸ Herod. I. 110.

точника. Однако если подобное заимствование и имело место, то это могло произойти лишь до распада общиндоевропейского единства.

Предпринятый анализ позволяет сделать еще два вывода.

1. Ранее было высказано предположение о возможности соотнесения триалетской археологической культуры с индоевропейцами, в основе которого лежало предположение о связи подкурганых захоронений с повозками со степными культурами Восточной Европы, сопоставление обряда кремации хеттских царей с предполагавшейся кремацией в курганах триалетской культуры, а также сравнительно-типологический анализ форм керамики и некоторых других классов артефактов среднего бронзового века из Малой Азии и Закавказья⁴⁹. Однако существовала возможность неоднозначной интерпретации этих фактов. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в первой трети II тыс. до н. э. на территории междуречья Куры и Аракса проживало население, являвшееся носителем элементов духовной культуры индоевропейцев. Это население участвовало в создании археологических культур, представленных триалетскими курганами среднего бронзового века.

2. Если раньше предпринимались многочисленные попытки соотнесения реконструируемого лингвистами индоевропейского праязыка с конкретной археологической культурой или культурной областью, то теперь открывается возможность археологической реконструкции более широких явлений культуры, общих для таких макрокультурных ареалов, каким является исторически засвидетельствованный позднейший индоевропейский.

Таким образом, общиндоевропейская мифология, постулировавшаяся и изучавшаяся лингвистически, филологически и фольклористически, находит сегодня археологические основания.

Г. Е. Арешян

UN SUJET INDO-EUROPEEN DANS LA MYTHOLOGIE
DE LA REGION ENTRE LA KOURA ET L'ARAXE
AU IIe MILLENAIRE AV. N. E.

G. E. Arachian

L'étude des monuments artistiques du Bronze moyen et du Bas bronze (IIe millénaire av. n. è.) découverts sur les territoires situés entre les fleuves Koura et Araxe permet de dégager un sujet iconographique qui se répète systématiquement dans diverses cultures archéologiques, celui de la poursuite médiatisée de cerfs par deux loups mâles. Le médiateur de cette poursuite est un bouc (ou des boucs). Les compositions figuratives examinées reflètent des mythes qui actualisent le mythogème cyclique «naissance-mort-renaissance». La comparaison avec des faits caractérisant les mythologies anatoliennes, grecque, slave, italique, arménienne, iranienne, védique permet de considérer la combinaison structurogène de ces images comme la forme indo-européenne de ce mythogème universel.

⁴⁹ Burney C. A. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age // AnSt. 1958. V. VIII. P. 178; Burney C., Lang D. M. The Peoples of the Hills. Ancient Ararat and Caucasus. L., 1971. P. 94, 96; Арешян Г. Е. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // СА. 1973. № 4. С. 40—41, 45—49.

К ТОЛКОВАНИЮ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА АРИБАЛЛЕ ИЗ КУРГАНА КУЛЬ-ОБА

Арибалл из Куль-обы является не только шедевром греко-скифской торевтики, но и одним из наиболее важных памятников царской идеологии скифов. В ранних исследованиях изображения, подобные рельефам на этом электровом сосуде, рассматривали в духе «картин из жизни скифов»¹. Но уже в то время М. И. Ростовцев увидел возможность привлечения изобразительных памятников при идеологической реконструкции скифских царских легенд². Эта линия была успешно продолжена Д. С. Раевским, который и дал наиболее углубленный анализ изобразительного текста этой вазы³. Этот текст был впервые соотнесен с этногонической легендой скифов, дошедшей до нас в пересказе Геродота. Древний писатель повествует о трех сыновьях Геракла и змееногой богини, которые должны пройти ценностное испытание: кто сумеет натянуть лук, оставленный их отцом, тот останется в Скифии и будет ее царем. Б. Н. Граков доказал⁴, что этот «эллинский» вариант легенды можно сопоставить со «скифским», рассказанным тем же Геродотом (IV. 5—7). В нем говорится о трех сыновьях первочеловека Таргитая, тоже подвергнутых божественному испытанию — с неба упали объятые пламенем предметы из золота. Только когда к ним подошел младший брат, пламя потухло, и ему достались эти священные инсигнии. Э. А. Грантовскому удалось распределить эти инсигнии на основе их социально-идеологической символики и объяснить каждую из них, исходя из трехчастной идеологии индоевропейцев⁵, модель которой была реконструирована Ж. Дюмезилем⁶ и Э. Бенвенистом⁷. Эта трактовка подтверждается и анализом изображений на чашах из Воронежа и Гаймановой могилы, которые интерпретируются Раевским как варианты основной этногонической легенды скифов⁸.

В обоих вариантах легенды, рассказанной Геродотом, содержится информация не только о формировании скифского этноса, но и о социогонии, антропogонии и «региогонии», т. е. происхождении царской власти, у скифов. Три брата являются сыновьями «первого человека», т. е. родоначальника всего человеческого рода. Идея эта была очень развита в индо-иранской мифологии и всегда служила основой антропogоничных мифов⁹. Согласно скифской традиции, первый человек появился в незаселенной стране как чужак, и от его брака с местной богиней, обладавшей всеми чертами автохтонности (так, вместо ног у нее змеи), произошли первые жители этой страны¹⁰. Трое сыновей являются носителями не столько этни-

¹ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. СПб., 1889.

² Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914. 34.

³ Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 1970. № 3; он же. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

⁴ Граков Б. Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. № 34.

⁵ Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов // XXV МКВ. Доклады делегации СССР. М., 1960.

⁶ Dumézil G. L'ideologie tripartite des indo-européens. Bruxelles, 1958.

⁷ Benveniste E. Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales // JA. 1938. V. 230.

⁸ Раевский. Очерки... С. 30 сл.; он же. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 53—60.

⁹ Christensen A. Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. V. I—II. Stockholm, 1917—1934.

¹⁰ Миллер Вс. Осетинские этюды. Вып. III. М., 1887. С. 128 сл.

ческого, сколько социогонического содержания. Таким образом, они соотносятся со вторым этапом, следующим за антропогонией, — структурированием человеческого общества. Каждый из них маркирует разные социологические функции: жрецов, воинов, земледельцев и скотоводов. Структурированное таким образом общество, однако, нельзя считать окончательно упорядоченным, поскольку оно не иерархизировано. Поэтому появляется необходимость ввести и региогонию¹¹, т. е. появление царя как следствие соревнования между представителями отдельных классов или, скорее, отдельных функций. Мы видим, что одна и та же легенда включает все аспекты, работает на всех уровнях: антропогоническом (Геракл-Таргитай), социогоническом (три брата — представители разных социальных функций) и региогоническом (выбор царя из среды братьев, связанных с определенными функциями, который должен объединить, сплотить общество, его потенциал).

В известных анализах изображений на арибалле из Куль-обы до сих пор не были указаны те знаки, которыми отдельные персонажи социально маркированы; но все исходило из их общего числа, которое отражает идею о трехчастной структуре общества. Нам кажется, что сейчас появилась возможность углубить интерпретацию и привести дополнительные аргументы в пользу более конкретной реконструкции сюжета, представленного на чаше. Эту возможность предоставили новые исследования мифа, космоса и общества у индоевропейцев Брюса Линкольна¹².

Как известно, мифопоэтическое мышление находит разные способы для кодировки социального статуса трех «классов» (мы предпочитаем пользоваться термином «функция», поскольку не у всех индоевропейских народов реально существует трехчастное деление общества, но при этом сохраняется трехчастная идеологическая модель). Одним из этих способов является изображение общества в виде человеческого тела. В то же самое время тело человека является и аллоформом космоса, который, так же как и социум, делится на три части по вертикали. С другой стороны, этим же образом кодируется и антропогонический смысл. В конечном счете человеческое тело становится очень удобной формой для одновременного, синтетического обозначения разных уровней мифа — космического, антропогонического и социогонического. Именно поэтому оно остается столь устойчивым знаком. Разные тексты различных индоевропейских мифологических традиций показывают, что социальная структура иерархически осмысливается тоже в частях человеческого тела: голова отмечает жрецкую функцию, грудь и руки — военную, гениталии и ноги — хозяйственно-экономическую. Если представить себе, что в результате антропогонии появился первый человек, то из его тела вычлениются три социальные функции, обозначенные соответствующими частями тела. А это означает, что, сохраняя свой целостный антропоморфный образ, каждый из сыновей Геракла-Таргитая должен воплощать главным образом соответствующую его социально-идеологической позиции часть тела: жрец — голову, воин — грудь и руки, земледелец (= скотовод) — ноги.

Все три брата участвовали в соревновании по натягиванию лука, оставленного их отцом. Д. С. Раевский совершенно правильно усмотрел в каждой сцене на куль-обской вазе результат этого соревнования: первый из них не выполнил трудную задачу, и отскочивший лук выбил ему зуб, второй по той же причине получил ранение в ногу, и только самому млад-

¹¹ Понятие «региогония» введено в работе: *Lincoln Br. Myth, Cosmos and Society*. Cambr. Mass., L., 1986.

¹² *Ibid.*

шему из них удалось согнуть лук и надеть на него тетиву. Мы принимаем эти мифопоэтические мотивировки. Но они не только соответствуют возможностям в действительности травмам при натягивании лука, как думает Раевский, проводивший опыты с настоящим оружием, — у них есть и некоторые знаковые измерения. Очевидно, что телесные увечья, полученные в результате неудачно завершившейся попытки, локализуются слишком уж специфично — зуб и нога. Таким образом, они отмечают два топоса человеческого тела — голову и нижнюю часть. Если перевести их на язык социогонического кода, этими увечьями маркируются области, соответствующие двум социальным функциям: жреческой и экономической. Именно их представителю не удалось пройти ценностное испытание. Остается третий брат — представитель воинской функции. На куль-обской чаше он всегда представлен в остроконечном колпаке, в то время как остальные братья изображаются с непокрытой головой; у него также щит и копьё — несомненные атрибуты воинской функции: копьё числится среди предметов, упавших с неба, в сохраненной Курцием (VII.8.17—18) версии скифской династической легенды. И если лук является оружием эфеба¹³, т. е. характеризует переходный период юношей во время воинской инициации, то копьё — это оружие гоплита, т. е. мужа, который получил доступ в класс воинов¹⁴. Значение этого атрибута в рассказанном греческим тореvтом варианте династической легенды скифов подчеркивается еще и тем фактом, что только царь-отец (отмеченный лентой в волосах и своим возвышенным положением — он сидит на камне) держит копьё в сцене беседы с победившим в соревновании сыном-воином. Следовательно, как атрибутами, так и действиями, направленными на исцеление специфических ранений, мастеру удалось охарактеризовать каждого из участников как представителя определенной социально-идеологической функции. Более того, он построил и иерархическую модель структурированного таким способом общества соотносением данного социального пласта с антропоморфизированным топосом. При неудаче в испытании «жрец» может получить увечье только в голову, а земледelec — в ногу, поскольку, по логике мифопоэтического мышления, они являются «головой» и «ногами» социального организма. А воин — это «руки», и он представлен в момент действия, требующего от него именно ловкости рук, — он надевает петлю тетивы на кончик лука. В итоге выясняется, что только воин мог выиграть это соревнование, поскольку оно основано на силе и умении рук, а именно он является «руками» общества. А щит, который придан младшему брату, предназначен охранять «грудь» общества, и, таким образом, отмечен также тот топос в социальном организме, который кодирует воинское сословие. Миф дублирует значение на многих уровнях, и в результате мы имеем избыточную информацию, что свойственно мифопоэтическому мышлению.

Сцены врачевания, однако, обозначают социальный статус побежденных братьев не только характером полученных ими травм. Как показал Б. Линкольн, врачевание у индоевропейцев — другая форма проявления космогонии и антропогонии, а следовательно, и социогонии и региогонии¹⁵. Даже на этимологическом уровне глагол «исцелять» неразрывно связан с восстановлением целостности организма и, таким образом,

¹³ См. Vidal-Naquet P. Le chasseur noir. P., 1981.

¹⁴ Маразов И. Лов на глиган // Рогозенското съкровище. № 159. (в печати).

¹⁵ Lincoln. Op. cit.

и целостности общества. В свое время Э. Бенвенист¹⁶, а потом и Я. Пухвел¹⁷ раскрыли связь между разными способами лечения и трехчастной идеологией индоевропейцев. Для представителей первой функции характерно лечение заговорами, второй — «ножом», (т. е. хирургией), третьей — лечебными травами. В этой связи особый интерес вызывает то, что «жрец» на куль-обской чаше получил ранение в области рта, т. е. пострадал именно тот орган, которым он сам бы исцелял. Вероятно, ему оказывает медицинскую помощь брат — представитель третьей функции, который сам ранен в ногу, а брат-воин (его мы узнаем по головному убору) перевязывает его, т. е. лечит его хирургически, в соответствии с присущей его функции медицинской деятельностью. Таким образом, различные социальные слои взаимно устраняют повреждения, полученные некоторыми из них, и этим добиваются «здоровья» всего общества, восстанавливают его целостность.

Параллель «консекрационному» увечью у скифов находим в рассказе того же Геродота о похоронах скифского царя. Повозка с его телом объезжает все царство. «Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами» (Herod. IV.74). Ф. Артог правильно замечает, что эти ритуальные действия параллельны удалению внутренностей самого царя до начала его последнего царского объезда¹⁸. Но эту интерпретацию можно углубить. Поскольку со смертью царя разрушается установленный иерархический порядок в социальном космосе, постольку каждый член социума отмечен чертами этого смертоносного хаоса; выражением траура и одновременно знаком нарушения целостности социального организма являются именно телесные увечья, которые наносит сам себе каждый член «заболевшего» общества. Вывод ясен: в любой кризисной ситуации социум деструктурируется, и в знаковой системе мифа и обряда этот процесс оказывается в виде соответствующего ранения, повреждения человеческого тела, которое является аллоформом социального космоса. Поэтому такое волнение вызывал у скифов и любой недуг, поразивший царя, — это воспринималось как начало кризиса. Если при консекрационном переходе ранения получают только неудачливые претенденты, то в эсхатологическом все члены общества сами наносят себе увечья; в обоих случаях рубец является знаком этого кризисного момента в жизни архаического коллектива. Таким же образом можно трактовать и раны и оставшиеся после них рубцы, полученные во время инициационной охоты (например, знаменитый рубец Одиссея, по которому он был узнан¹⁹), — они становятся знаками удачного завершения инициационного испытания, перехода от одного социального статуса к другому. В конечном счете ранение (= рубец) обозначает состояние смерти, без которого ни один переход не представляется возможным архаическому сознанию. Именно поэтому татуировка (т. е. ис-

¹⁶ Benveniste E. La doctrine médicale des indo-européens // RHR. 1945. V. 130. P. 5—12.

¹⁷ Puhvel J. Mythological Reflections of Indo-European Medicine // Indo-European and Indo-Europeans // Ed. G. Cardonna. Philadelphia, 1970.

¹⁸ Hartog Fr. La mort de l'Autre: Les funérailles des rois scythes // La mort, les morts dans les sociétés anciennes / Ed. G. Gnoli et J.-P. Vernant. Cambr. Univ. Press, 1982. P. 143—154.

¹⁹ См. Rubin N. F., Sale W. M. Meleager and Odysseus; A Structural and Cultural Study of the Greek Hunting-Marturation Myth // Arethusa. 1983. V. 16. № 1—2. P. 137—173.

кусственное ранение) рассматривалась как знак статуса: у скифов ею обозначались рабы, а у фракийцев — знать²⁰.

Изобразительный текст куль-обской чаши содержит и другие информационные возможности относительно царской идеологии скифов. Ранения, которые соревнования по натягиванию лука принесло двум социальным классам, по сути дела наносят вред всему обществу. Это можно истолковать как конец периода социогонии: благодаря ей создана структура скифского общества, и оно уже встало перед новым этапом — региогонией. Точно так же, как космогония инверсна и альтернативна антропогонии, социогония альтернативна региогонии. Чтобы постичь иерархизацию социума, нужно, чтобы он был подвергнут испытанию. Царская особа является аллоформом этой иерархии, но чтобы его выбрали царем, надо преодолеть этап социогонии: когда создается царь, уничтожается социум, поскольку в фигуре правителя объединяются все социальные классы (функции). Альтернативно из первого царя создается сам социум (ср. с Таргитаем, родившим трех сыновей — представителей отдельных классов). Таким образом, ранения, полученные неудачниками в царском состязании, можно толковать как знак разрушения социального организма, благодаря которому рождается царь. Очень показательно то, что в скифской мифологии существует вариант региогонии, в котором находим мотив борьбы между братьями и убийства младшего брата старшим (Val. Flac. VI. 638—640)²¹. Таким образом, будущий царь Колак должен сначала умереть (т. е. пройти ритуальную смерть). Как показал Д. С. Раевский, гибели этого персонажа предшествует смерть его коня. Но именно благодаря смерти или жертвоприношению человека (= первого царя) (Пурушамедха) или коня (Ащвамедха) создаются условия для возникновения космоса (и социального в том числе). Это инверсный вариант, при котором социогония осуществляется через разрушение региогонии. Нужно напомнить, что первочеловек (Геракл-Таргитай) исчезает из мифологического повествования после исполнения своих конкретных и ограниченных функций — он породил трех сыновей, т. е. поставил начало человеческого роду и обществу, и этим его роль в мифе исчерпана. В мифологическом смысле после этого он мертв. В фризе куль-обской чаши только воин-царь не получил никакого увечья. И это является залогом будущего здоровья общества. Как уже говорилось, Геродот (IV.68) сообщает об особой важности ритуалов, сопровождающих расследование причин царского заболевания. Тот же «медицинский» код использован и для построения изобразительного текста куль-обского арибалла, но здесь он показывает нам противоположный вариант: общество больно, и только новый правитель здоров, поэтому именно он заботится об исцелении остальных классов, о восстановлении целостности социума.

Последовательное выявление кодовых трансформаций, которыми обозначены разные семантические уровни, позволяет прийти к более конкретному прочтению изобразительного текста на куль-обской чаше. В ней рассказан чисто региогонический миф: трое сыновей первого человека и первого царя (Таргитая-Геракла), обозначающие три составные части созданного им общества, вступают в испытание, которое должно определить, кто из них наиболее достоин наследовать власть. Двое старших братьев (жрец и земледелец) не смогли пройти это испытание, и их неудача закодирована

²⁰ См. *Маразов И.* Мит, ритуал и искусство у траките: Автореф. на докт. дис. София, 1986.

²¹ Интерпретацию этого пассажа Валерия Флакка см.: *Раевский.* Очерки... С. 117.

в виде увечий, которые они получили при своих попытках натянуть лук, тем более что ранения совпадают с теми частями антропоморфизированного социального организма, классификаторами которых являются они сами, — голова (жрец) и нога (земледелец), в то время как именно руки (воин) ловко справляются с «трудной задачей». Таким образом, общественный организм увечен, нарушена гармония между его частями, но это приводит к его же иерархизации: только одна его часть становится ведущей, но она становится и синтезом функций остальных. Как во всех индоевропейских обществах, именно воин (руки и грудь) избран царем. Он один из всех не получил телесных повреждений, а здоровье царя — гарантия всему социальному организму в его стремлении быть целостным, без изъянов, телом. Итак, царь-отец, решивший передать власть одному из сыновей, уже политически мертв, и общество в этот переходный момент междоцарствия остается без иерархии, т. е. в хаотическом состоянии. Со своей стороны, иерархизация является процессом, требующим нарушения сложившегося организма, который после ее установления должен будет воплощаться только в фигуре нового правителя. Код родства (отец, сыновья, братья) заменяется соматическим (голова-жрецы, ноги-земледельцы, руки-воины), который, со своей стороны, переплетается с медицинским (различные способы исцеления разных слоев общества, зашифрованных частями тела), но, конечно, вмешивается и атрибутивный код (лента на голове царя-отца, копы и щит, обозначающие воинский статус, лук, отмечающий момент консеграционного перехода-испытания, сидящий на возвышенности царь и коленопреклоненный претендент и т. д.). Все эти кодовые трансформации происходят или по ходу действия (синтагматически), или подключаются при описании отдельных персонажей, или происходит частичное перенесение с одного кода на другой. Таким образом, изобразительный рассказ можно сравнительно точно перевести на язык мифа, в терминах мифологического нарратива.

В заключение можно сказать, что на фризе куль-обской чаши представлены три фазы мифологической эволюции мира: антропогония (отец — первый человек), социогония (его сыновья — представители трех общественных классов) и региогония (выбор царя — иерархизация общества). В некотором смысле на данном уровне мифологического рассказа социогония совпадает с этногонией, поскольку в представлениях древних ни один народ не может существовать без определенной социальной структуры, которая часто шифруется этнически (например, три брата становятся родоначальниками трех племен). Преодоление результата социогонии, т. е. объединение трех этносоциальных групп, происходит только через выбор правителя. На куль-обской чаше мифологический рассказ очень развернут и исчерпывающ. Это, наверное, соответствовало навыкам греческого мастера, который, в отличие от варварского, предпочитает рассказывать, а не обозначать.

Иван Маразов

INTERPRÉTATION DE L'IMAGE SUR UNE COUPE DE KOUL-OBA

I. Marazov

L'article étudie l'image ornant une coupe provenant du tumulus de Koul-Oba, qui est non seulement un chef-d'oeuvre de l'art gréco-scythe, mais encore un des monuments les plus importants de l'idéologie royale des Scythes. Un dégagement consécutif des trans-

formations du code désignant les divers niveaux sémantiques a permis à l'auteur de parvenir à une lecture plus concrète que chez les chercheurs qui l'ont précédé (par exemple, D. S. Rajevskij) du texte de coupe. L'auteur reconstitue dans les images de la frise de la coupe le reflet des trois phases de l'évolution mythologique du monde: l'anthropogonie (le père — le premier homme), la sociogonie (ses fils — les représentants des trois classes sociales) et la religiogonie (l'élection du roi — la hiérarchisation de la société). Le récit mythologique de la coupe de Koul-Oba semble très détaillé et complet; ceci, estime l'auteur, devrait correspondre aux acquis d'un artisan grec lequel, à la différence de l'artisan barbare, préférerait narrer plutôt qu'exprimer à l'aide de signes.

О РАБСТВЕ В КАССИТСКОЙ ВАВИЛОНИИ

Разнообразный документальный материал о рабстве в касситской Вавилонии в советской науке до сих пор не был предметом специального исследования, несмотря на очевидную важность этого вопроса. В советской историографии кроме В. В. Струве¹ отдельные аспекты интересующей нас проблемы были освещены М. А. Дандамаевым и И. М. Дьяконовым², которые впервые в отечественной науке перевели (полностью или частично) и прокомментировали ряд важных документов, содержащих сведения о рабстве. В зарубежной историографии особого внимания заслуживают опубликованные в последние годы работы Дж. А. Бринкмана³ и Г. Петчова⁴.

Большинство юридических и административно-хозяйственных документов, в которых содержатся важные сведения о рабстве и других формах зависимости в касситской Вавилонии, происходят из храмового архива Ниппура и датируются XIV—XIII вв. до н. э.⁵ Значительная информация по этому вопросу имеется в документах частного архива из Ура (UET VII. 1—72), в документах из Дур-Куригальзу (Iraq. 1949. XI.131—

¹ Струве В. В. История древнего Востока. М., 1941. С. 264—265.

² Дандамаев М. А. Рец. Bernhardt I. Sozialökonomische Texte und Rechtsurkunden aus Nippur zur Kassitenzeit. Texte und Materialien der Frau Prof. Hilprecht-Sammlung Vorderasiatischer Altertümer im Eigentum der Friedrich-Schiller Univ. Jena. Neue Folge 5. В., 1976 (далее — TUM NF 5) // ВДИ. 1979. № 1. С. 196—198; *он же*. Упоминание о беглых рабах в позднеавилонских документах // ПС. 1965. 13(76). С. 94. Прим. 87. С. 97; *он же*. Рабство в Вавилонии. М., 1974. С. 141. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I / Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983 (далее — ИДВ I). С. 439—442.

³ Brinkman J. A. Forced Laborers in the Middle Babylonian Period // JCS. 1980. 32. P. 17—22.

⁴ MRWH; Petschow H. Die Sklavenkaufverträge des šandabakku Enlilkidinni von Nippur (I) // Or. 1983. 52. S. 143—155. Из более ранних работ можно отметить статью А. Унгнада (Ungnad A. Babylonische Miscellen // OLZ. 1907. 10. S. 143—145) и обобщающую книгу И. Мендельсона о рабстве на древнем Ближнем Востоке, где рассматриваются и некоторые данные касситского периода (Mendelsohn I. Slavery in the Ancient Near East. N.-Y., 1949. P. 22 ff.).

⁵ Основные издания административно-хозяйственных и юридических документов ниппурского храмового архива следующие: VE XIV—XV; UM II/2; UM VII/2. 158—162; UM XIII. 62—80; CT 51.16—40; MRWH; TUM NF 5. Подробно о документах этого периода (включая и неизданные) см. Brinkman J. A. Materials and Studies for Kassite History. V. I. Chicago, 1976 (далее — MSKH).

149; Sumer. 1953. IX. 21—46) и Борсиппы (UDBD; TCL IX. 47—56). Для изучения этой темы важны также письма из ниппурского архива (BE XVII; UM 1/2, 15—86⁶; WZJ 8.565—574).

1. ЧАСТНОВАДЕЛЬЧЕСКИЕ РАБЫ

1. *Контракты о продаже рабов.* Подобных документов немного. Пока известно около двух десятков контрактов, значительное число которых происходят из архива Энлиль-кидинни, сына Нинурта-надин-аххе. Во время царствований Бурна-Буриаша II (1359—1333 гг. до н. э.) и Куригальзу II (1333—1312 гг. до н. э.) он занимал должности šandabakku Ниппура⁷ и пеšakku (NU.ĒŠ) бога Энлиля⁸. Предшественником Энлиль-кидинни в этих должностях был его отец Нинурта-надин-аххе (период правлений Кадашман-Энлиля I и Бурна-Буриаша II), унаследовавший в свою очередь власть у отца (или близкого родственника) Энлиль-бани⁹. Таким образом, Энлиль-кидинни происходил из весьма влиятельной вавилонской семьи, членам которой в течение длительного времени принадлежала высшая административная, судебная и религиозная власть в Ниппуре¹⁰.

Архив Энлиль-кидинни насчитывал по меньшей мере 16 контрактов купли-продажи рабов, из которых к настоящему времени издано только шесть. Об остальных контрактах мы узнаем из реестра юридических документов (MRWH 14 = TUM NF 5.68¹¹), хранившихся в архиве Энлиль-кидинни. В реестре перечислено в общей сложности 28 документов различного содержания, связанных с деятельностью Энлиль-кидинни. Большинство из них — контракты купли-продажи рабов.

Из упомянутых в реестре контрактов лишь небольшая часть дошла до нас. Рассмотрим эти документы.

BE XIV.I¹²: «(1) /Мальчика/ из страны Кар-Дуньяш (kur Ka-ra-du-ni-ia-aš)¹³, (2) ростом (la-an-šu)¹⁴ [...], (3) по имени Таклаку-ана-Камулла (4) у Адаггаль-пани-или, тамкара, (5) гражданина Вавилона (DUMU KA. DINGIR.RA.KI), (6) Энлиль-кидинни, (7) сын Нинурта-надин-аххе, (8) купил (in-ši-in-šám). (9) В качестве его полной цены (šám-til-la-bi-šè) (10—12) Ина-Экур-раби отдал 20 курру ячменя, цену 5 сиклей золота».

⁶ См. также Waschow H. *Babylonische Briefe aus der Kassiten Zeit.* В., 1936 (транслитерация, перевод и комментарии 55 писем).

⁷ GÜ.EN.NA (šandabakku) — «высшее должностное лицо, высший чиновник» Aro J. *Glossar zu den Mittelbabylonischen Briefen.* Helsinki, 1957. S. 103), «губернатор» (MSKH. P. 392), «губернатор, градоначальник» (*Petschow. Die Sklawenkaufverträge...* S. 143. Там же литература о должности šandabakku), «градоначальник Ниппура» (AHw I. S. 295; *Borger. R. Assyrisch-Babylonische Zeichenliste.* Neukirschen-Vluyn, 1978. S. 88. № 106. Cp. *ibid.* S. 117. № 233; S. 157. № 384).

⁸ «Священнослужитель» (AHw II. S. 782), «жрец» (*Henri L. Les légendes des Sceaux Cassites.* Bruxelles, 1971. P. 95; *Borger. Assyrisch-Babylonische Zeichenliste.* S. 76. № 75).

⁹ См. *Sollberger E. Two Kassite Votive Inscriptions* // JAOS. 1968. V. 88. P. 191 f.

¹⁰ Подробно о деятельности Энлиль-кидинни см. BE XVII. P. 54—56; MRWH. S. 11 ff.

¹¹ Документы из собрания Гильбрехт сначала в транслитерации и переводе были изданы Г. Петчовым (MRWH), а затем в клинописной автографии — И. Бернхардт (TUM NF 5). Здесь и далее ссылки даются на оба издания.

¹² См. также ИДВ I. С. 439. Регистрирован в MRWH. 14:9.

¹³ Касситское название Вавилона.

¹⁴ Указания на рост встречаются во всех документах, где речь идет о продаже детей. В известных нам документах рост проданных детей колеблется от 1/2 до 2 локтей. В Вавилонии величина «нормального локтя» равнялась 0,5 м, а «большого локтя» (am-matu rabītu) — 0,75 м. Из наших документов не ясно, о какой величине идет речь. Не исключено, что имеется в виду «большой локоть». См. также *Petschow. Die Sklawenkaufverträge...* S. 144 f. Anm. 8.

При заключении контракта присутствовали семь свидетелей и писец. Дата — 25-й день месяца *тебету*, 8-й год Бурна-Буриаша¹⁵.

Как видно из приведенного документа, Энлиль-кидинни купил у тамкара Адаггаль-пани-или одного малолетнего раба, но платил за него не он, а человек по имени Ина-Экур-раби. В рассматриваемых ниже документах из этого архива в качестве плательщиков тоже выступают другие лица. По документам, где встречаются имена этих людей, не удастся точно установить их личность и отношение к Энлиль-кидинни. По мнению Г. Петчова, они принадлежали к персоналу дома Энлиль-кидинни или к его клиентеле¹⁶, а И. М. Дьяконов считает их должниками Энлиль-кидинни¹⁷. Следует отметить, что одни и те же люди выступают в разных документах архива Энлиль-кидинни либо как плательщики, либо как свидетели, либо же как писцы¹⁸. Так, Ина-Экур-раби, сын Шалим-палих-Адада, был свидетелем в BE XIV. 1: 21 (8-й год Бурна-Буриаша) и одним из плательщиков в MRWH 1 (17-й год Бурна-Буриаша)¹⁹. Убаллису-Мардук, сын Илуни, упоминается в качестве свидетеля в BE XIV. 2: 26 (6-й год Бурна-Буриаша), MRWH 1:25 и MRWH 10:25 (24-й год Бурна-Буриаша). Он же (без патронима), очевидно, был одним из плательщиков в BE XIV.7: 19 (18-й или 19-й год Бурна-Буриаша). Мардук-шади-нишишу, сын Катба-риба, был свидетелем в BE XIV. 7:32, писцом в MRWH 2: 25/6 (18-й год Бурна-Буриаша). В этих же документах в качестве одного из плательщиков встречается Ибни-Амурру, сын Син-караби-ишме.

Названные лица, очевидно, были зависимы в той или иной степени от Энлиль-кидинни; может быть, это управляющие его хозяйством, через которых он вел свои дела²⁰. Проданный раб, о котором идет речь в приведенном документе, носил аккадское имя, «но посвященное касситскому богу Камулле»²¹. По словам И. М. Дьяконова, «раб — мальчик-вавилонянин, даже, может быть, кассит, но он куплен тамкаром и свободно продается»²².

MRWH 1 (= TUM NF 5.66)²³: «(1) Одного молодого человека²⁴ (по имени) Именнизенни (2) — за 8 сиклей золота, (3) (и) одного юношу²⁵ (по имени) Альзиммини (из) Амурру²⁶ (4) — за 6 сиклей золота (5—7) ку-

¹⁵ Ранее датировали этот текст 23-м годом Бурна-Буриаша II (см. MRHW. S. 11). Об указанной датировке см. MSKH. P. 112. E. 2. 25. 19; *Petschow. Die Sklawenkaufverträge ... S. 144, 148, 152. Anm. 28.*

¹⁶ MRWH. S. 14. В другой своей работе (*Die Sklawenkaufverträge ... S. 152*) Г. Петчов называет их «...(Nichtfamilien-) Angehörige seines Hauses oder seiner Klientel oder Bürokratie».

¹⁷ ИДВ I. С. 439 сл.

¹⁸ См. *Petschow. Die Sklawenkaufverträge ... S. 152. Anm. 27, 28.*

¹⁹ То же имя носил и плательщик в BE XIV. 1.

²⁰ Правда, это не значит, что они не могли быть должниками Энлиль-кидинни, как считает И. М. Дьяконов.

²¹ ИДВ I. С. 439, прим. Камулла отождествлялся с вавилонским богом Эйя (см. *Balkan K. Die Sprache der Kassiten. New Haven, 1954. S. 23*).

²² ИДВ I. С. 439. О продаже свободных детей в рабство см. ниже.

²³ Ср. перевод: ВДИ. 1979. № 1. С. 197. Регистрирован в MRWH 14: 10—11.

²⁴ GURUS/KAL.TUR (akk. *batūlu*) «молодой человек» / ж. р. MUNUS/MI.KAL.TUR (akk. *batultu*) «молодая женщина». См. AHw I. S. 115 f.; *Borger. Assyrisch-Babylonische Zeichenliste. S. 132. № 322.*

²⁵ GURUS/KAL.TUR.TUR «юноша, подросток» (*Petschow. Die Sklawenkaufverträge ... S. 144*). См. также *Brinkman. Forced Laborers... P. 18*, где GURUS.TUR переведено как «юный», а GURUS.TUR.TUR как «ребенок, дитя». Аккадским адекватом последнего (ж. р. SAL.TUR.TUR) Дж. Бринкман считает *pirsu* «отлученный от груди ребенок» / ж. р. *pirsatu* «отлученная от груди девочка» (AHw. Lfg. 10. S. 867). Дж. Бринкман допускает возможность, что GURUS.TUR.TUR и *pirsu* могли представлять разные возрасты, но считает это маловероятным.

²⁶ MAR.TU^{ki} (Amurru) «западная страна, страна аморитов».

пил у тамкара Ра'иму, сына Ахиюа, Энлиль-кидинни, сын Нинурта-надин-аххе. (8—13) В качестве их полной цены Син-зера-иддина, сын Син-Муштешира, золотых дел мастер, и Ина-Экур-раби, сын Шалим-палих-Адада, отвесили ему 14 сиклей золота ²⁷. (14—21) В том, что в будущем Ра'иму, его братья и сыновья не будут претендовать на Именнизенни и Альиммини, и в том, что относительно этого дела не будет иска, они поклялись (богами) Ану, Энлилем, Нинуртой, Нуску и царем Бурна-Буриашем. (22) Кто изменит этот контракт (23), тот должен отдать четырех юношей ²⁸. (24—36) *Имена свидетелей (10 человек) и имя писца.* (37—38) Дата: 16-й день месяца *шабату*, 17-го года Бурна-Буриаша. (39)/X сикл/ей красного золота „поставлено“.

Как видно, Энлиль-кидинни купил у тамкара Ра'иму двух рабов, а плательщики, один из которых по профессии был золотых дел мастер, отвесили тамкару 14 сиклей золота ²⁹. Это один из немногих случаев, когда золото или серебро являются прямым платежным средством. В основном же товары оценивались в золоте и серебре, а оплата производилась натурой ³⁰.

Заслуживает внимания то, что в двух приведенных документах в качестве продавцов выступают профессиональные торговцы — тамкары. Сошлемся в этой связи и на документ MRWH 7 (= TUM NF 5.72 ³¹), согласно которому тамкар Ададма-илу ³² получил из рук Арад-Мардука плату, включающую целый список наименований. Это «один трехлетний бык за 4 сикля золота, 3 молочных коровы за 6 сиклей золота, 2 теленка за 1 сикль золота, 5 курру ячменя за 1¼ сикля золота, 1 бронзовый кинжал за ½ сикля золота, всего 10 (+ 2) 2/3 сикля 15 ше золота ³³ ...для того, чтобы купить одну девочку (а-на ŠAM 1 SAL.TUR ...ma-hi-ir) ³⁴».

Отсюда следует, что тамкары в касситское время были заняты не только на царской службе, как ранее считалось, но занимались также частной торговлей, в том числе работорговлей ³⁵. В письме BE XVII. 55: 10—11 упоминаются «тамкары и малолетние рабы, принадлежащие Энлиль-кидинни (L^UDAM.GĀRMEŠ Ū TUR.TURMEŠ ša m^dEnlil-ki-di-ni)», из чего следует, что тамкары служили и частным лицам.

MRWH 2(= TUM NF 5.65) ³⁶: «(1) Мужчину ³⁷ (по имени) Ади-мати-

²⁷ Точнее «отвесят» (in-na-an-la-e-meš). См. прим. 33.

²⁸ ša da-ba-ba an-na-a in-pu-u 4 DUMU^{meš} i-nam-din.

²⁹ Недостаточно ясен смысл клаузулы [X GĪN KÜ.GI huš-a gar-га «X сиклей красного золота поставлено». По мнению Г. Петчова, не исключено, что здесь речь идет об уплате в рассрочку или о залоге определенного количества красного золота за счет покупной цены. В таком случае глагол lá(šagālu) следовало бы переводить не прошедшим, а будущим временем (презентс-футурум), как, впрочем, и написано в тексте (MRWH. S. 13. Anm. 3).

³⁰ См. ВДИ. 1982. № 3. С. 80. Прим. 27.

³¹ Перевод: ВДИ. 1979. № 1. С. 199. Датируется 23-м годом Назимарутташа.

³² По-видимому, он идентичен Ададма-илу в документах BE XIV.51:3 и 72:4 (MRWH. S. 24).

³³ В тексте ошибочно вместо 12 написано 10.

³⁴ Имя девочки в тексте не упоминается, из чего, по-видимому, следует, что речь идет о неизвестном пока лице, т. е. тамкар получил заказ на приобретение Арад-Мардуку рабыни. Причем, как видно из текста, стоимость девочки (судя по высокой цене, она должна была обладать особыми качествами, т. е. быть красивой или квалифицированной в каком-то ремесле рабыней) тамкар получили вперед. См. подробно MRWH. S. 24.

³⁵ См. ВДИ. 1979. № 1. С. 197; MRWH. S. 12.

³⁶ Ср. пер.: ВДИ. 1979. № 1. С. 197. Регистрирован в MRHW 14: 36—37.

³⁷ GURUS(akk. eṭlu) «мужчина». Подробно о GURUS (другое чтение KAL) в текстах касситского времени см. ниже.

или, цена 10 сиклей золота, (2) (и) женщину (по имени) Ина-Урукшарусса, цена 8 сиклей золота, — (3) всего 2 раба (a-wi-lu-tu₄)³⁸, цена 18 сиклей золота, (4) рабы³⁹, принадлежащие Муптешим-Ададу, (5—8) сыну Лици-ана-нур-Адада, купил Энлиль-кидинни, сын Нинурта-надин-аххе, у их господина (lugal-e-ne-ne) Муптешим-Адада... (9) В качестве их полной цены (10—13) Мардук-лиссу, сын Или-айабаша, уплатил 20[+X] курру ячменя, цену 12 сиклей золота, (и) Ибни-Амурру отвесил 1 талант шерсти, цену 6 сиклей золота. (14—21) *Гарантийная формула*. (22—29) *Имена шести свидетелей и писца*. (30—32) Дата: 14-й день месяца *кислиму*, 18-го года царя Бурна-Буриаша.

BE XIV. 7⁴⁰: «(1) Мужчину (по имени) Ибашши-или, цена 10 сиклей золота, (2) мужчину (по имени) Эламу (т. е. эламит⁴¹. — М. М.) цена 10 сиклей золота, (3) женщину (по имени) Бурбуруктум, цена 7 сиклей золота, (4) женщину (по имени) Сип-абуша, цена 7 сиклей золота, (5) женщину (по имени) Шикабтат, цена 7 сиклей золота, (6) женщину (по имени) Нухибатум, цена 7 сиклей золота, (7) женщину (по имени) Типар-панамрат, цена 7 сиклей золота, (8) девочку⁴² (по имени) Ина-Иссин-рабат, цена 3 сиклей золота, — (9) всего 8 рабов (NAM. LÛ. ULÛ/GIŠGAL = amēlūtu), цена $\frac{5}{6}$ мины 8 сиклей (58 сиклей) золота, (10) рабы (aštapīru), принадлежащие Нинурта-нациру и (11) Нинурта-надин-шуму, (12—15) купил Энлиль-кидинни... у их господ Нинурта-нацира и Нинурта-надин-шума, сыновей Амел-Мардука». А

В качестве полной цены купленных рабов четыре человека уплатили братьям соответственно 120 курру ячменя, 5 молодых быков, 5 ослов, 1 талант 20 мин шерсти⁴³. Контракт был заключен в 18-м (или 19-м?) году Бурна-Буриаша (10-й день месяца *араксамну*) в присутствии шести свидетелей и писца. Судя по тексту, в качестве продавцов выступают два брата. Очевидно, рабы остались в совместном владении братьев после смерти их отца. Одна из рабынь была продана вместе с грудным ребенком, но неизвестно, была ли она женой одного из упомянутых в контракте мужчин или продана отдельно от мужа⁴⁴. Отметим, что в документах

³⁸ Известно, что в старовавилонское время amēlūtu (люди) были полноправными гражданами общества. Но с касситского времени слово amēlūtu употреблялось для обозначения рабов. Применительно к документам касситского времени это слово обычно переводят как «рабство, рабы» (ATR. S. 110), «персонал, прислуга, челядь, рабы, люди» (АНВ I. S. 91, awilūtum 5; MRHW. S. 104), «люди» (Aro. Glossar... S. 11). Об этом термине см. также Дандамаев. Рабство... С. 61 сл.; ИДВ I. С. 436, 439 сл. (по текстам касситского времени).

³⁹ SAG.GĒME.ĪR (aštapīru) — букв. «рабы и рабыни».

⁴⁰ См. также ИДВ I. С. 440. В указанном выше реестре MRWH 14 отсутствует упоминание об этом документе. Но начало реестра, где, по-видимому, и мог быть зарегистрирован BE XIV. 7, разрушено. См. MRWH. S. 46—47.

⁴¹ Эламиты упоминаются и в ряде других текстов касситского времени. Имя Эламу встречается, например, в документах BE XIV.13:4—5 и UMII/2.42 : 11. В документе MRWH 8 = TUM NF 5.64 описан судебный процесс относительно беглого раба по имени Харгубше (пер.: ВДИ. 1979. № 1. С. 198). Эламский беглец по имени Шаццилли-белти упоминается в документе Iqaq XI.2. В другом документе из Дур-Куригальзу (Iqaq XI.7) речь идет о выдаче шерстяных одежд музыкантам-эламитам: (5—6) par-har 14 šubat šipāti^{ame1} nāre^{ame1} e-la-mu-ú ma-ah-ru. Кроме музыкантов-эламитов в тексте упоминаются и музыканты-субарейцы.

⁴² DUMU.SAL.GABA «грудной ребенок».

⁴³ Шерсть отвесил Ибни-Амурру, сын Син-караби-ишме, который идентичен плательщику шерсти в MRWH 2 (= TUM NF 5. 65).

⁴⁴ Как пишет М. А. Дандамаев, в нововавилонский период «довольно часто рабынь дарили или продавали вместе с детьми, но без мужей... Возможно, что в большинстве таких случаев мужей не было в живых, но не исключено также, что иногда

касситского периода рабы часто упоминаются семьями, и нередко их целыми семьями продавали, отдавали внаем, бросали в тюрьму. В этом отношении большой интерес представляет документ UM XIII.64, согласно которому Энлиль-кидинни купил у сына Ашаред-Энлиля⁴⁵ несколько «семей». Этот фрагментарный текст (полностью разрушено начало таблички, из заключительной части сохранились отдельные слова и знаки, отсутствует дата) долгое время оставался незамеченным и лишь недавно был обстоятельно прокомментирован Г. Петчовым⁴⁶. В сохранившемся отрывке текста перечисляются семь рабов и рабынь — «семья Шамаш-даяна» (8: [PAP] 7qi-in-nu⁴⁷ ša^{md}Šamaš-da-ia-an). Семья состоит из двух братьев (проданных за 10 сиклей золота каждый), жены (за 7 сиклей золота), сына (за 4 сикля золота) и трех дочерей (две — по 5 сиклей, одна за 4 сикля золота) Шамаш-даяна. В стк. 9 приводится общий итог: [ŠU. NIGÍN] (22?)⁴⁸ SAG.GĒME ĪR (aštapīru) 2 ma-na 19 GÍN KŪ.GI. Отсюда видно, что, кроме указанной, Энлиль-кидинни купил, по меньшей мере, еще две «семьи»⁴⁹. Следует отметить, что из всех известных нам документов из этого архива только в UM XIII.64 титулатура Энлиль-кидинни приводится полностью: (11—12)[^{md}En-lil-ki-di-ni NU.EŠ^dEN.LÍL.LI GĀ.DUB.BA.A EN.LÍL.^{ki}A «[Энлиль-к]идинни, nešakku (бога) Энлиля, šandabakku Нишпура». Г. Петчов обращает внимание на то, что в документе UM VIII/2.162 (см. ниже), датированном 24-м годом Бурна-Буриаша II, отсутствует стоящий в UM XIII. 64 на первом месте титул NU.EŠ EN.LÍL.LI. В UM VIII/2.162 Энлиль-кидинни дважды назван GĀ.DUB.BA.A.NIBRU^{ki} (сткк. 8 и 18). Г. Петчов считает мало вероятным, что в обоих случаях один из важнейших титулов Энлиль-кидинни был опущен. Поэтому он полагает, что UM XIII.64 был составлен раньше, чем UM VIII/2.162, и Энлиль-кидинни получил титул и звание «nešakku (бога) Энлиля» либо в 24-м году, либо после 24-го года Бурна-Буриаша II⁵⁰.

Согласно уже упомянутому документу UM VIII/2.162⁵¹, Энлиль-кидинни купил⁵² у Гимилли, сына Убайя, еще одну семью, которая сос-

их различали с женами и детьми. Во всяком случае некоторые документы свидетельствуют о том, что при продаже, разделе и т. д. семьи рабов разбивались» (*Дандамаев*. Рабство ... С. 238).

⁴⁵ [...]bu-ut-DINGIR DUMU^m Ašared-^dEn-lil-li. Очевидно, его следует идентифицировать с Рабут-или, сыном Ашаред-Энлиля, упомянутым в MRWH 14: 44. См. *Petschow*. Die Sklawenkaufverträge... S. 150.

⁴⁶ *Ibid*. S. 145 suiv. Г. Петчов датирует его приблизительно 1340 годом (*Ibid*. S. 148), что соответствует по принятой им хронологии 20-му году царствования Бурна-Буриаша II (1359—1333). Правда, Г. Петчов допускает возможность и более поздней датировки (см. ниже).

⁴⁷ «Семья, рабы» (ATR. S. 128), «семья, прислуга, челядь» (MRWH. S. 109).

⁴⁸ В тексте — 12. Однако указанная сумма слишком велика для 12 рабов, в то время как полностью соответствует цифре 22. См. *Petschow*. Die Sklawenkaufverträge... S. 146—150.

⁴⁹ *Petschow*. Die Sklawenkaufverträge... S. 150.

⁵⁰ *Ibid*. S. 152. См. также прим. 46.

⁵¹ Данные этого документа почерпнуты нами из работ Г. Петчова (MRWH. S. 11, 46; *Die Sklawenkaufverträge*... S. 144 f.). Здесь платежным средством также является золото.

⁵² В отличие от других документов в качестве покупателя здесь выступает не сам Энлиль-кидинни, а человек по имени Адад-шар-илани, названный «LÚSAG(ša gēšu) Энлиль-кидинни, šandabakku Нишпура» (O LÚSAG см. ANW II. S. 974 «дворецкий, начальник»; *Borger*. Assyrisch-Babylonische Zeichenliste. S. 90. № 115 «высший офицер, евнух»). Помимо других документов UM VIII/2.162 также зарегистрирован в MRWH 14 : 15, поэтому Г. Петчов не без основания относит его к архиву Энлилькидинни и

тояла из пожилой женщины⁵³ по имени Кашшиту (за 5 сиклей золота), двух ее дочерей⁵⁴ (по 6 сиклей золота) и «молодого человека» (GURUS.TUR, за 7 сиклей золота), который был женат на одной из дочерей Кашшиту. Судя по имени Кашшиту (т. е. касситка), семья эта была касситской или по меньшей мере смешанной. Это говорит о том, что объектом купли-продажи были и лица касситского происхождения, которые, следовательно, не всегда принадлежали к господствующему слою населения⁵⁵.

Согласно рассмотренным выше документам, в течение 16 лет (с 8-го по 24-й год Бурна-Буриаша II) Энлиль-кидинни купил 39 рабов (из них 38 за 8 лет, т. е. с 17-го по 24-й год Бурна-Буриаша II), израсходовав на это 38 сиклей золота и ячмень, скот, шерсть на сумму 220 сиклей золота. Как уже отмечалось, кроме приведенных шести документов, в реестре MRWH 14 (= TUM NF 5.68) были зарегистрированы еще 10 контрактов, которые не дошли до нас. Они следующие: «(12) 1 то же⁵⁶ Меатамассы у Закиру, сына Бел-усату;... (16) 1 то же Даян-или у Изкур-Ниниммы, сына Кишты-Мардука;... (23) 1 то же Шамаш-нацира у Белану, сына Бисути; (24) 1 то же Бунна-или у Арахшу-нацира, Таб-кидиншу (25) (и) Кидин-Мардука, сыновей Сания;... (28) 1 то же Кидин-Гулы, у Маадмишух, (29) сына Кин-Иштара;... (33) 1 то же Син-ибни, гончара (по профессии), у Муштешим-Адада, (34) сына Лици-ана-нур-Адада⁵⁷; (35) 1 то же Кидин-Нинурты у Закиру, сына Арад-нубатти;... (88) 2 то же⁵⁸ Шумманла-Нинурты у Игаршу-Эмида, сына Шаки; (39) 1 то же Ададиу-эриша у Син-раим-зери, (40) сына Тарибат-Сина; (41) 1 то же Шенния у тамкара Энлиль-раим-нишешу, (42) сына Ахийеа⁵⁹». В итоге получается цифра 49, что не совсем соответствует действительности. Дело в том, что в реестре указывалось лишь имя продавца и одного из купленных рабов, в то время как в большинстве случаев последних было значительно больше. Поэтому с достаточной уверенностью можно считать, что Энлиль-кидинни купил по меньшей мере в два раза больше рабов, чем указано в документах⁶⁰.

По мнению Г. Петчова, проблематичен вопрос о том, действовал ли Энлиль-кидинни как частное лицо или в качестве *šandabakku* Нишпура, т. е., возможно, с целью приобретения рабочей силы для государства. Оба ва-

считает, что Адад-шар-плани заключил договор как представитель («заместитель») своего господина (см. MRWH. S. 46).

⁵³ SAL/MĪ.SU.GI (*šibtu*) «старуха» / м. р. (^{lú})SU.GI (*šibu*) «старик».

⁵⁴ Обозначены термином SAL.TUR (*sehertu*) «девочка» / м. р. *sehru* «ребенок» (*Borger. Assyrisch-Babylonische Zeichenliste. S. 98. № 144*). См. также ANW. Lfg. 12. S. 1088, где *sehru* переведено как «маленький, малый, юный», а *sehertu* — «маленькая (малолетняя) девочка». Судя по тому, что одна из дочерей Кашшиту уже была замужем, так назывались и девушки брачного возраста. См. также *Дандамаев. Рабство...* С. 64, где указывается что *šahirtu / sahru* назывались рабы от 1 года до 15—16 лет.

⁵⁵ См. ВДИ. 1979. № 1. С. 197 (со ссылкой на MSKH 383—384. № 9, о котором речь пойдет ниже). См. также выше.

⁵⁶ KI.MIN — «то же (самое)» относится к разрушенной первой строке таблички, очевидно, гласившей: 1 *tuppi/u ša...* «одна табличка относительно...» (MRWH. S. 45). Ср. UMII/2.25:1 — 1 *tuppi šimī ša...* В данном случае, видимо, «... относительно (покупки) ...».

⁵⁷ Идентичен продавцу рабов в MRWH 2.

⁵⁸ Очевидно, речь идет о двух экземплярах одного и того же контракта. Но не исключено, что здесь зарегистрированы два разных документа. См. об этом *Petschow. Die Sklavenkaufverträge...* S. 151. Anm. 23.

⁵⁹ Судя по патронимии, тамкар Энлиль-раим-нишешу был идентичен тамкару Ра-ниму, известному нам из MRWH 2. См. *ibid.* S. 13. Anm. 2; S. 48. Anm. 2.

⁶⁰ Рабы Энлиль-кидинни упоминаются и в других документах (например, BE XIV. 2; MRWH 10 = TUM NF 5. 67; BE XVII. 55), о которых речь пойдет ниже.

рианта он считает равно возможными⁶¹, хотя, на наш взгляд, первая гипотеза более вероятна.

2. *Продажа детей свободных в рабство.* Известно, что в Вавилонии допускалась продажа свободными своих детей⁶². Для касситского периода известны шесть контрактов о продаже детей свободными людьми и несколько судебных протоколов о разбирательстве исков о проданных в рабство детях. Один из них происходит из нишпурского архива, а остальные — из Ура. Все эти документы датируются второй половиной XIII в. до н. э.⁶³ Это был самый тяжелый период в истории касситской Вавилонии. Непрерывные войны с Ассирией и Эламом начиная с конца XIV в. до н. э., давление арамейских племен подорвали былое могущество страны⁶⁴. Катастрофическими для Вавилонии оказались события последней четверти XIII в. до н. э., когда эламиты, ассирийцы, а затем вновь эламиты нанесли Вавилонии несколько тяжелых ударов. Вавилонская хроника повествует, что ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (1244—1208 гг. до н. э.) разрушил стены Вавилона, предал мечу его население, ограбил город и храм Эсагилы и увез статуя Мардука в Ассирию⁶⁵. Согласно той же хронике, немного спустя (при касситском царе Энлиль-надин-шуми) в Вавилонию вторгся эламский царь Кидин-Хутруташ, который захватил Нишпур и уничтожил его население⁶⁶. Постигшие при этом страну бедствия красочно описываются в «Пророчестве Шульги»⁶⁷: «Во время его царствования⁶⁸ не прекращались бои... брат поедал своего брата, люди продавали своих детей, вся страна была в замешательстве, муж бросал жену, жена бросала мужа, мать запирала дверь перед дочерью, собственность Вавилона была отправлена в страну Субарту и в страну Ашшур, царь Вавилона передал имущество своего дворца и свою собственность правителю Ашшура»⁶⁹.

Рассмотрим контракты о продаже детей. Уже отмечалось, что один из них происходит из Нишпура, а остальные из Ура. Контракт из Нишпура (BE XIV. 128a) датируется 9-м днем месяца *аяру*, 2-го года Шага-ракти-Шуриаша (1245—1233 гг. до н. э.)⁷⁰. Согласно этому документу

⁶¹ *Petschow*. Die Sklawenkaufverträge... S. 151 f.

⁶² См. *Дандамаев*. Рабство... С. 107. Прим. 118.

⁶³ Издатель урского архива О. Герни в описательном каталоге к своему изданию как «продажу детей» характеризует документы UET VII. 21—28. Но в рецензии на данное издание И. Эльснер (ZA. 1976. 65. S. 287—289) относит некоторые из них (№ 24, 26, 28) к другой категории документов.

⁶⁴ О политической истории Вавилонии этого периода и о ее взаимоотношениях с соседними странами подробно см. ИДВ I. С. 424—427; *Brinkman J. A. Foreign Relations of Babylonia from 1600 to 625 B. C. The Documentary Evidence* // AJA. 1972. 76. P. 276—277; *Munn-Rankin J. M. Assyrian Military Power. c. 1300—1200 B. C.* // САН III₂. P. 274—306.

⁶⁵ *Delitzsch F. Die Babylonien Chronik*, Lpz, 1906. S. 44. IV. 1—6. Сведения о завоевании Вавилонии имеются и в надписи Тукульти-Нинурты I (*Weidner E. Die Inschriften Tukulti-Ninurtas I und seiner Nachfolger*. Graz, 1959. S. 54—68).

⁶⁶ *Delitzsch*. Op. cit. IV. 14—16.

⁶⁷ *Borger R. Gott Marduk und Gott-König Sulgi als Propheten* // BiOr. 1971. XXVIII. S. 3—24.

⁶⁸ a-di šar-gu-ti-šu. Имеется в виду царствование Капштилиаша IV, хотя имя его в тексте не упоминается. См. *ibid.* S. 23. См. также MSKH. P. 185—186.

⁶⁹ *Ibid.* S. 14—15, IV. 6—22. Пер. там же. С. 20. См. также V. 2—14, где описываются последствия войны с эламитами («... друг своего друга мечом разрубил, товарищ своего товарища мечом убивал, страна находилась в упадке...»).

⁷⁰ Продажа свободными людьми своих детей имела место и в более ранние периоды. В этой связи уместно вспомнить рассмотренный выше документ BE XIV. 1, где речь идет о продаже тамкарром мальчика, купленного им, видимо, когда-то у родителей. Сюда же, вероятно, можно отнести и BE XIV. 40, где речь идет об удочерении, но фактически совершается акт купли-продажи (подробно об этом документе см. ниже).

женщина по имени Яуту, дочь Раба-ша-[Энлиля], за 9 сиклей серебра купила «одну девочку из страны Кар-Дуньяш (1 ^{sal}se-he-er-tu ù-tu ^{mat}ka-ga-^dDu-ni-ia-aš), ростом в 1/2 локтя ⁷¹, Ламассу по имени, у Курии, сына Бабила, ее брата, у Ашарити, ее матери, и у Лалуты ⁷²». В качестве полной цены девочки продавцы получили 4 различные одежды и 1 пану сезамового масла — цену 9 сиклей серебра.

Документы из Ура большей частью датируются временем указанных выше событий. В большинстве из них в качестве покупателя выступает Шамаш-этир, сын Дайанати ⁷³, пивовар по профессии ⁷⁴. Имя этого человека встречается во многих документах из Ура, притом он фигурирует в качестве покупателя, истца, ответчика. Нередко в документах упоминаются и имена его братьев ⁷⁵, двое из которых также названы пивоварами. Исходя из этого Й. Эльснер полагает, что урский архив принадлежал этой семье, которую он называет семьей пивоваров ⁷⁶ (очевидно, потомственных). В качестве продавцов в этих документах выступают: оба родителя вместе с близкими родственниками (UET VII.25), мать со своим братом (UET VII.2) или с неизвестными лицами (UET VII.22; 27), а также лица, родство которых не указывается (UET VII.21; 23).

В отличие от рассмотренных выше документов из Нишпура (за исключением BE XIV. 128a) в контрактах из Ура отсутствует клятва богами и царями, появляются новые оговорки ⁷⁷, надежность сделки гарантируется поручителем (kattû) ⁷⁸. Существенно дополняется также гарантийная формула. Так, наряду с хорошо известной по нишпурским документам штрафной клаузулой (передача нарушителем сделки — продавцом — требуемого предмета в двукратном размере) в контрактах из Ура встречается формула штрафа, согласно которой «если когда-либо в будущем (кто-нибудь) из братьев (ŠEŠ^{MEŠ}), сыновей (DUMU^{MEŠ}), родственников и домочадцев ⁷⁹ предъявит претензии (i-ra-qa-ru) относительно ... (то)

⁷¹ См. прим. 14.

⁷² Родственные отношения этой женщины и проданной девочки неизвестны. Возможно, она была поручительницей или членом семьи продавца. Р. Петчов под вопросительным знаком называет ее сестрой девочки (Die Šklawenkaufverträge ... S. 153).

⁷³ Имя Дайанати (ж. р.) в текстах писалось с детерминативом как мужского, так и женского рода. Как действующее лицо в текстах оно не упоминается.

⁷⁴ UET VII. 22: 5—6: ^{md}šamaš-e-ⁱ-ir ... ^{lú}ŠIM (sirāšu).

⁷⁵ В текстах сыновьями Дайанати названы семь человек. См. UET VII. P. 12.

⁷⁶ Oelsner J. Rez.: Ur Excavations. Texts. V. VII: Middle Babylonian Legal Documents and Other Texts. By O. Gurney. L., 1974 // ZA. 1976. 65. S. 289 f.

⁷⁷ Например, ar-lu za-ku-ú ru-gu-ma-a ul i-šu-u «Он платил (цену такого-то) и свободен (от дальнейших претензий). Они не должны предъявлять претензий (относительно такого-то)». О выражении ar-lu zakû см. также CAD A/II. P. 158: 21; Z. P. 27.

⁷⁸ Согласно UET VII. 2, упомянутый Шамаш-этир, который выступает здесь в качестве истца, требует аннулирования договора о купле-продаже одного мальчика и до исполнения своего иска арестовывает жену поручителя. Об этом документе см. ниже.

⁷⁹ im-ri-a ù sa-la-ti (UET VII. 21: 17—18), im-ri-a im-ri-a (UET VII. 22. Об. ст. 8), im-ri-a ù im-ri-a (UET VII. 25. Об. ст. 3). Слово im-ri-a (akk.kimtu, niš/sutu; 'salātu) имеет значение «семья» (Borger R. Assyrisch-Babylonische Zeichenliste. S. 162), «семья, род» (CAD 8 K. P. 375—376), «кровное родство, род» (AHw I. S. 798, niš/sutu), «семья, домочадцы» (AHw II. S. 1014, salātu). В документах нередко встречается двукратное или трехкратное (CAD 8 K. P. 376) написание im-ri-a. В силлабарии Р. Боргера указывается, что трехкратное написание im-ri-a = стереотипному ряду kimtu, niš/situ, salātu (Borger. Assyrisch-Babylonische Zeichenliste. S. 162).

согласно указу царя...⁸⁰ на его имущество медный колышек будет вбит (забить)»⁸¹.

Практика «забывания колышка» (*sikkatu mahšat*) хорошо известна в эламском праве⁸². По мнению Ю. Б. Юсифова, в эламских документах «случаи с *sikkatu mahšat* следует понимать... как эквивалентную передачу или как замену»⁸³. Возможно, то же самое имелось в виду и в документах из Ура, хотя конкретные доказательства в пользу этого отсутствуют.

По известным нам документам упомянутый Шамаш-этир купил всего четырех детей — троих мальчиков и одну девочку. Причем первую свою покупку он сделал в 3-м году Каштилиаша IV (1232—1225 гг. до н. э.), а остальные — во время царствования Кадашман-Харбе II (1223 г. до н. э.) и Адад-шума-иддины (1222—1217 гг. до н. э.). Вот эти документы: UET VII. 25: «(1) Одну девочку (*SAL.TUR*) из страны Кар-Дуньяш, (2) ростом в 2 локтя, по имени Гулатукат, (3) [у] Иддин-Суккала, ее отца, (4) [у] Булалити, ее матери, (5) [у] Шамху]ти, дяди по отцу⁸⁴, (6) у Эа-надин-шуми, дяди по матери⁸⁵, (7) и у кузнеца Иддин-Нинурты, поручителя (*kát-te-e*), (8) Шамаш-этир, сын Даянати, (9) купил (*in-ši-šam*). (10—20) В качестве ее полной цены (*šam-til-la-bi-še*) Иддин-Суккал, Булалиту, Шамхуту, Эа-надин-шуми и Иддин-Нинурта получили из рук Шамаш-этира одну ослицу за 2¹/₂ сикля золота, 4 курру ячменя за 2 сикля золота, одну одежду-*qatnu*⁸⁶ и одну одежду-*nahlaptu* за 1 сикль золота, 2 одежды-*taktimu* за 2 сикля золота, одну одежду-*nahlaptu* за 1¹/₂ сикля серебра, всего 8 сиклей золота — цена Гулатукат (Об. ст. 1). (Он уплатил цену девочки и) свободен (от дальнейших претензий). Они не должны (в будущем) предъявлять претензии (относительно девочки)... (19—21). (Документ составлен) перед (имена трех свидетелей) (22—23) 12-й день (месяца) *аддату*, 3-го года царя Каштилиаша».

UET VII, 21: «(1) Одного мальчика (*LÚ.TUR*) из страны Кар-Дуньяш, (2) ростом в 1 локоть, по имени Итирруа⁸⁷, (3) у Синлултараха, сына Син-или, (4) у Икиша-Мардука, сына Ба-[x]-дути, (5) и у Белу-Мубаллита, поручителя, (6—7) за 7¹/₂ сикля золота купил Шамаш-этир. (7—14) В качестве его полной цены Син-лултарах, Икиша-Мардук и Белу-Мубаллит, поручитель, получили с рук Шамаш-этира одного осла за 3 сикля золота, 2 сикля красного золота (*kù.gi sa₅*) за 4 сикля белого золота (*kù.gi babbar*)⁸⁸, 1 курру ячменя, обмеренного мерой 1 бан = 5 сила (150 сила)⁸⁹ за 1¹/₂ сикля золота, всего 7¹/₂ сикля золота — цена мальчика.

Об. ст. (8—11) (Документ составлен) перед (имена трех свидетелей)

⁸⁰ *ki-i ri-kil-ti LUGAL m^d Adad-šuma-iddina* (UET VII. 21. Об. ст. 1—2; 22. Об. ст. 14—15) *ki-i ri-kil-ti LUGAL Kaš-til-ia-šu* (UET. VII. 25, 22. Об. ст. 7—8). О значении *rikilti/rikišti* «указ, декрет» см. MSKH. P. 392. См. также *Brinkman J. A. On a Twelfth-century Babylonian Legal Penalty // RA. 1979. 73. P. 188.; Wilcke C. Sumšulum «den Tag verbringen» // ZA. 1980. Bd 70. S. 140. Ann. 24.*

⁸¹ *si-kát erī i-na bi/pi-su i-ri-tu-u*. Аналогичная клаузула встречается в документах Нузи: *sikkata ša erī a-na pi-šu i-re-et-tu-ú* (см. ANW II. S. 976).

⁸² См. Юсифов Ю. Б. Социально-экономическая история. М., 1968. С. 253 слл.

⁸³ Там же. С. 366 сл.

⁸⁴ Досл. «брат отца» (*šeš a-bi-ša*).

⁸⁵ Досл. «брат матери» (*šeš ama-a-ni*).

⁸⁶ Подробно о названиях одежд см. *Aro J. Mittelbabylonische Kleidertexte der Hilprecht-Sammlung Jena. V., 1970. S. 22—34.*

⁸⁷ О чтении этого имени см. MSKH. P. 87. Ср. UET VII. P. 12. (*I-KAL-ru-ú-a*).

⁸⁸ Т. е. серебро.

⁸⁹ О других мерах в текстах касситской Вавилонии см. ВДИ. 1982. № 3. С. 87.

Прим. 1.

(12—13) 13-й день (месяца) *нисану*, „год вступления на престол (= начало царствования)“⁹⁰ Адад-шума-иддины.

(14—16) Оттиски ногтей (*имена продавцов и поручителя*) взамен (их) печати».

В отличие от предыдущего документа здесь отсутствует указание на родство продавцов. Возможно, они были близкими родственниками мальчика. Интересно отметить, что о продаже этого же мальчика речь идет и в документе UET VII.22. Но здесь наряду с указанными лицами⁹¹ в качестве продавца выступает и мать мальчика. Этот документ также датируется временем царствования Адад-шума-иддины, но месяц и год не сохранились, поэтому трудно установить хронологическую последовательность UET VII.21 и 22.

Следует отметить, что в UET VII.22 кроме упоминания матери ребенка в качестве продавца имеются и другие отличия. Так, если в UET VII. 21 цена мальчика — $7\frac{1}{2}$ сикля золота, то в UET VII.22 — 11 сиклей золота. В первом цена осла 3 сикля золота, во втором — 4 сикля. Соотношение «красного» и «белого» золота соответственно 2 : 4 и 3 : 6 и т. д. Отметим и оговорку ...*arad-mi šeš-ú-a-mi dumu-ú-a-mi i-dub-bu-bu*⁹² „раб-де — мой, брат-де — мой, сын-де — мой“, — скажут» (об. ст. 12—13), которая отсутствует в других контрактах.

Остается неясной причина появления повторного контракта на одного и того же ребенка. Другие подобные случаи из этого периода нам неизвестны. Можно полагать, что первый договор (если таковым считать UET VII. 21) был опротестован матерью мальчика, которая по неизвестным причинам отсутствовала при его заключении⁹³. Она же могла добиться и более выгодной цены за своего ребенка.

В документе UET VII.23 сообщается о покупке Шамаш-этиром мальчика, за которого он уплатил 3 одежды-*muhtillu*, 3 сикля «красного золота», 3 курру ячменя — цену 3 сиклей золота.

Следующий документ (UET VII.2), свидетельствующий о покупке Шамаш-этиром еще одного мальчика, по содержанию является судебным протоколом и датируется «годом вступления на престол» Кадашман-Харбе II (1223 г. до н. э). Согласно этому документу, Шамаш-этир купил у Амурру-Эа, дяди (брата матери), у Тарибати, матери, и у Ириба-или, поручителя, одного мальчика из страны Кар-Дуньяш, по имени Бунна-Син, и в качестве его полной цены платил 9 сиклей серебра. Однако позднее «Шамаш-этир подверг мальчика испытанию»⁹⁴ (после чего) вернул его Амурру-Эа и Тарибати. (Затем) Шамаш-этир задержал (арестовал) в своем доме Рихитушу, жену Ириба-или, поручителя. Шамаш-этир сказал Амурру-Эа и Тари[бати] следующее: „Принесите мне мое серебро и... уведите (освободите) Рихитушу“.

⁹⁰ MU.SAG.LUGAL. Ср. MSKH. P. 403—404. В Вавилонии этой формулой обозначали период от вступления царя на трон до ближайших новогодних празднеств, так как первым годом правления царя считался первый полный календарный год его пребывания у власти (об этом см. Ключков И. С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М., 1983. С. 17—18). Эта датировочная формула («год вступления на престол») в текстах касситского периода встречается начиная с царствования Кадашман-Энлиля II (25-й царь династии). См. MSKH. P. 402—404.

⁹¹ Имя одного из продавцов здесь — Икиша-Папсуккал (в UET VII 21 — Икиша-Мардук).

⁹² Точнее, *idabbubu*. О встречающихся в документах из Ура фонетических изменениях см. ZA. 1976. 65. S. 291.

⁹³ В большинстве случаев в качестве продавца не упоминаются отцы проданных детей. Очевидно, их не было в живых. Не исключено, что они были жертвами войн.

⁹⁴ Глагол *lataku* — «пробовать, испытывать, подвергать испытанию, проверять» (АНW I. S. 540; CAD. 9. L. P. 111).

Вероятно, купленный Шамаш-этиром мальчик был больным, что скрыли при продаже. Однако, испытыв мальчика, Шамаш-этир обнаружил его неработоспособность и потребовал аннулирования договора, арестовав при этом жену поручителя, ответственного за надежность заключенной сделки. Табличка частично разрушена, поэтому ход судебного процесса, где председательствовал жрец Эриду⁹⁵ Экур-шума-ушабши, остается неясным. Но частично сохранилось решение суда, из чего видно, что Шамаш-этир взамен мальчика согласился получить у продавцов девочку: (об. ст. 18—22) «...Шамаш-этиру должен отдать и его документ с печатью должен разбить. Если он нарушит срок, который установил, то Амурру-Эа должен отдать Шамаш-этиру двух девочек⁹⁶. Если Уннуну умрет или убежит, ответствен Амурру-[Эа]»⁹⁷.

В двух документах из Ура в качестве покупателя выступают другие лица. Так, согласно сильно поврежденному документу UET VII.24⁹⁸, где, очевидно, описывается аналогичный предыдущему судебный процесс⁹⁹, некий Сияту¹⁰⁰ за 12 сиклей серебра купил у Адад-шуму-лишира девочку по имени Рабат-кинету из Кар-Дуньяша и в качестве ее полной цены (a-na šī-mi-ša gam-ru-[til]) отдал ячмень, одежды и др. Согласно другому документу, (UET VII.27)¹⁰¹, Бана-ша-Суккал за 10 сиклей серебра (?) купил у матери и двух неизвестных лиц одну девочку. Здесь, как и в предыдущем случае, продавцы получили ячмень, одежды и др.

Интересно отметить, что среди тех неимущих людей, которые продавали своих детей, встречались и лица касситского происхождения¹⁰². Об этом свидетельствует документ CBS 12917 (= MSKH. P. 383—384. № 9), датированный «годом вступления на престол» Кадашман-Харбе (1223 г. до н.э.)¹⁰³. Согласно этому документу, тамкар Раба-ша-Нинимма в качестве невесты для своего второго сына Нинимма-зера-шубши купил одну девочку (SAL.TUR) из страны Кар-Дуньяш (KUR Ka-ra-an-du-ni-ia-aš), ростом в 1/2 локтя, по имени U₄9.KAM-bēlet у ее отца Кидин-Шумалия, сына Кияту, кассита (kaš-ši-i) из поселения Хурад-Хаматир, (и) у ее матери Агаргарути, дочери Син-эпирани... Раба-ша-Нинимма уплатил за нее Кидин-Шумалию и его жене Агаргарути 2 хорошие одежды-muhtillu стоимостью в 2 сикля золота, а недостающую часть ее цены обязался компенсировать им путем выдачи пищи.

Как видно, в приведенном документе речь идет о продаже в качестве невесты (ana kallūti) малолетней девочки. В подобных случаях до достижения брачного возраста «невеста» оставалась в доме своего отца. Как пишет И. М. Дьяконов, в старовавилонское время «девочку обыкновенно выдавали замуж в очень раннем возрасте, хотя „браки с трехлетними“, как говорили в шутку, осмеивались общественным мнением

⁹⁵ Iú-é-bar(šangû) Eri-du₁₀ (=Вавилон). См. AfO. 1978. 25. S. 192.

⁹⁶ Документ составлен 28-го *тебету*, а срок выдачи девочки Шамаш-этиру был установлен до 20-го дня следующего месяца — *шабату* (см. об. ст., стк. 17). Ср. ниже.

⁹⁷ Ср. [mI-ia]-a-ú-tu i-ḥa-li-ig-ma [mUp-pu]-ul-ti-li-ši-ir i-ta-na-ap-pal «Если Юту убежит, то ответственность несет Уппуштулишир» (UM VIII/2. 161 : 10—11. Цит.: Aro J. Studien zur Mittelbabylonischen Grammatik // Studia Orientalia. XX. Helsinki, 1955, S. 141. Ср. также BE XIV. 2: 17—20).

⁹⁸ Датируется 2-м или 3-м годом царя, имя которого не сохранилось. Очевидно, это был Каштилиаш IV. См. также Petschow. Die Sklavenkaufverträge... S. 148, где этот документ датируется ок. 1230 г., т. е. 3-м годом Каштилиаша IV.

⁹⁹ См. ZA. 65. S. 287 f.

¹⁰⁰ См. о нем *ibid.* S. 290.

¹⁰¹ Датируется 4-м годом Каштилиаша IV.

¹⁰² См. прим. 54.

¹⁰³ Пер.: ВДИ. 1979. № 1. С. 197.

(в пословицах). В любом случае обрученная, за которую был получен выкуп, с правовой точки зрения была уже женой своего мужа, хотя нередко еще годами жила в доме своего отца — вероятно, до достижения половой зрелости»¹⁰⁴.

Следует также отметить, что документ мало чем отличается от обычных контрактов о продаже детей в рабство, и нет гарантий, что тамкар в будущем не продаст «невесту»¹⁰⁵. Поскольку известно, что тамкары в касситское время занимались работоторговлей, можно допустить, что тамкар Раба-ша-Нивимма купил малолетнюю касситку с целью перепродажи.

Рассмотренные документы дают важную информацию о ценах на рабов. Как видно, эти цены колебались в зависимости от их возраста и пола. Так, согласно документам из ниппурского архива (вторая половина XIV в. до н. э.) взрослый раб (GURUŠ/KAL) стоил 10 сиклей золота, взрослая рабыня (SAL/MÍ) и молодой раб (GURUŠ/KAL.TUR) — 7—8 сиклей золота, рабыня пожилого возраста (SAL/MÍ.SU.GI) — 5 сиклей золота, молодая рабыня (SAL/MÍ.TUR) — 5—6 сиклей золота, малолетний раб (GURUŠ/KAL.TUR.TUR) — 4—6 сиклей золота, грудной ребенок (DUMU.SAL/MÍ.GABA) — 3—4 сикля золота.

В последней трети XIII в. до н. э. наблюдаются значительные колебания цен на малолетних рабов в Уре. Так, мальчик стоил $7\frac{1}{2}$ —12 сиклей золота (в одном случае 9 сиклей серебра), а за девочку давали 6—8 сиклей золота или 10—12 сиклей серебра. Цены в других местах Вавилонии, очевидно, не очень отличались от этих, о чем свидетельствует приведенный выше документ BE XIV.128a, согласно которому малолетнюю девочку продали за 9 сиклей серебра.

В целом по сравнению с предшествующим периодом цена раба в касситской Вавилонии была довольно высокой. Для сравнения укажем, что ЗХ (§ 252) оценивают жизнь раба в $\frac{1}{3}$ мины (20 сиклей) серебра. Но на практике встречались и более низкие цены¹⁰⁶.

Если мы сравним цены на рабов с ценами на другие товары, то получим следующую картину: цена взрослого раба (10 сиклей золота) была в 4—5 раз дороже цены крупного и мелкого скота. На эту сумму можно было купить 6 тысяч сила зерна, два таланта шерсти, два десятка различных одежд, 5 столов и т. д. За взрослую рабыню давали столько же, сколько за двух ослов, а цена грудного ребенка была равна цене одного хомута (3 сикля золота)¹⁰⁷.

3. *Усыновление (удочерение)*. Институт усыновления (удочерения) хорошо известен по документам старовавилонского периода¹⁰⁸. Известно,

¹⁰⁴ ИДВ I. С. 352. Ср. ЗХ § 130: «Если человек [насилъно] овладел женою [другого] человека, которая [еще] не познала мужчину и которая [еще] проживала в доме своего отца, и возлежал на ее ложе и его схватили, [то] этот человек должен быть убит, [а] женщина должна быть оправдана».

¹⁰⁵ Г. Петчов обратил внимание на взаимные клятвы контрагентов, редко встречающиеся в документах последней трети XIII в. до н. э. Он предполагает, что клятва со стороны «приобретателя», вероятно, должна была гарантировать надежность его обязательства по отношению к родителям, а также «основание сделки» — то, что он «приобрел» малолетнюю девочку лишь в качестве невесты для своего молодого сына, из чего, вероятно, следует, что ее нельзя было перепродавать как рабыню (*Petschow. Die Sklavenkaufverträge... S. 145*).

¹⁰⁶ См. СВД № 24—25; *Козырева Н. В.* Некоторые документы из архива Бальмунамхе (Ларса) // ПС. 25 (88). С. 37; *Mendelsohn. Slavery... P. 34—38*. См. также *Дандамаев. Рабство... С. 122—125*. Прим. 170.

¹⁰⁷ О ценах в касситской Вавилонии см. *Мирзоев М. Н.* Цены на движимое имущество в касситской Вавилонии XIV—XII вв. до н. э. // ВДИ. 1982. № 3. С. 77—89.

¹⁰⁸ См. *Shorr M. Urkunden des Altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts. Lpz, 1913. S. 16—42; Mendelsohn. Op. cit. P. 19—22.*

что в Вавилонии усыновление (удочерение) было одним из источников пополнения хозяйства лишней рабочей силой и обеспечения усыновителя на старости лет¹⁰⁹. Кроме того, усыновление (удочерение) имело религиозное значение. Так, по верованиям вавилонян, человек, не имевший потомков, лишался посмертного культа и душа его должна была страдать от голода и жажды в загробном мире¹¹⁰. Только те, кто имел потомков, усердно приносивших в определенное время жертвы, полагавшиеся покойникам, получал возможность наслаждаться свежей водой. Остальные должны были есть объедки, пыль и грязь и пить испорченную воду¹¹¹.

От касситского периода дошел документ (BE XIV.40)¹¹², в котором рассказывается о том, что пожилая жрица по имени Ина-Урук-ришат удочерила (a-na ma-gu-ti šu-ba-an-ti, досл. «в качестве дочери взяла») Этирту, дочь Нинурта-Мушаллима, и за это уплатила родителям 7 сиклей золота, что соответствует цене рабыни. С точки зрения права заслуживает внимания условие договора. Приведем его полностью: «(6) Она может либо отдать ее мужчине¹¹³, (7) либо использовать как проститутку, (8) но не должна сделать своей рабыней. (9) Если она сделает ее своей рабыней, (10) то она может вернуться в дом своего отца. (11) Пока Ина-Урук-ришат жива, (12) Этирту как ее дочь (15) должна окроплять ее водой. (16) Если Ина-Урук-ришат (17) „ты не моя дочь“ скажет (ей), (18) то она должна лишиться серебра, которое имеет. (19) Если Этирту „ты не моя мать“ скажет (ей), (20) то она может сделать ее своей рабыней. (21—24) В том, что относительно этого не будет иска, все они поклялись (богами) Энлилем, Нинуртой, Нуску и царем Куригальзу».

Таким образом, в обязанности приемной дочери входит служба удочерительнице при ее жизни и поддержание заупокойного культа после ее смерти. Заслуживает внимания и то, что Ина-Урук-ришат могла, во-первых, выдавать Этирту замуж, во-вторых, использовать ее в качестве проститутки. Использование приемной дочери в качестве проститутки хорошо известно по старовавилонским документам. Так, согласно одному документу из Ниппура, датированному временем правления Рим-Сина¹¹⁴, женщина по имени Шаллуртум удочерила Авиртум, дочь Хупатума и Рубатум, и за воспитание девочки уплатила ее родителям $1\frac{2}{3}$ сикля серебра. Далее указывается, что Авиртум должна стать проституткой и на заработанные средства содержать Шаллуртум, свою приемную мать. Нет сомнения, что на подобное использование приемной дочери ссылаются и в вышеприведенном документе. Видимо, за пять столетий соответствующие правовые нормы существенно не изменились.

Обращает на себя внимание оговорка «не должна сделать своей рабыней». Это, очевидно, было вызвано тем, что приемных детей вопреки закону нередко превращали в рабов. Данная оговорка должна была предотвратить такую возможность. В противном случае приемных мог вернуться в дом родителей. Любопытно, что рабство считалось более постыдным, чем проституция. Дело в том, что хотя «в социальном отно-

¹⁰⁹ См. ЗВАХ. С. 291.

¹¹⁰ Там же. С. 291 сл.

¹¹¹ Кленгель-Брандт Эвелин. Путешествие в древний Вавилон/Пер. с нем В. М. Святого. М., 1979. С. 179.

¹¹² Перевод: Meissner B. Babylonien und Assirien. Bd I. Heidelberg, 1920. S. 167; Mendelsohn. Op. cit. P. 22; Aro. Studien...S. 140. Датруется 21-м годом Куригальзу II.

¹¹³ Т. е. выдавать замуж. См. АНВ I.S.701 f. Там же примеры из других документов.

¹¹⁴ Schorr. Urkunden... S. 24—25. № 11. См. также Mendelsohn. Op. cit. P. 21.

шении проститутки относились к низам общества, но жестокое отношение к ним каралось законом»¹¹⁵, чего нельзя сказать о рабах.

Из приведенного текста ясно видно, что в данном случае речь идет об усыновлении (удочерении) без назначения наследником. По этому поводу А. П. Рифтин писал: «Усыновление с назначением наследником совершалось лишь свободными мужчинами, а усыновляемыми были дети свободных родителей, отпущенные рабы и полусвободные. Усыновление без назначения наследником совершалось женщинами и полусвободными. В этом случае усыновляемыми могли быть только девушки и полусвободные. Свободные мальчики не могли быть усыновляемы при ненастоящих усыновлениях. Объяснение этого вида усыновления заключается в том, что, по-видимому, по вавилонскому праву женщина и полусвободные, как правило, не обладали имуществом, передаваемым по наследству, или не могли им распоряжаться»¹¹⁶.

Согласно штрафной клаузуле, в случае отказа от приемной дочери удочерительница должна была лишиться своего серебра, т. е. уплатить денежный штраф, а приемыш в случае отказа от приемной матери полностью терял свободу¹¹⁷, чем, по-видимому, лишь узаконивалось его реальное положение.

4. *Сведения о найме свободных людей и рабов.* От касситского периода практически не дошли контракты о найме рабочей силы. Можно указать, например, на документ UDBD 125, согласно которому Кидин-Гула за 4 гур ячменя нанимал (i-gu-gum) Бел-ириша. Из указанной суммы наемной платы 2 гур Бел-ириш получил зимой (i-na ku-uš-ši ma-hir), а еще 2 гур должен был получить позднее¹¹⁸.

Скудные сведения об этом имеются в единичных юридических и хозяйственных документах и в письмах, которые дают информацию об использовании труда свободных наемников в государственном хозяйстве, преимущественно на ирригационных работах. Так, согласно письму UM 1/2.15:12—17 (Waschow. 64), некий Нуску-геслита-ишме нанял (ir-ku-su)¹¹⁹ 12 человек (ERIN. HI.A), затем передал их старосте (ha-za-an-ni) поселения Хибарити и приказал ему следующее: «Восстанови береговую дамбу Тигра. И ты должен показывать мне работу, которую выполняешь». В письме UM 1/2.48:5—10 сообщается о найме 12 человек, которые должны были восстановить разрушенный шлюз (bāb hi-ša-ti). В письме BE XVII.46 (Waschow. 58) речь идет о прокладывании нового канала. Отправитель письма сообщает, что канал выкопан до середины поля адресата (a-na lib eqli-ka hi-ra-tum) и хотя прошло 40 дней, как он укладывает камыш (qa-na-a ad-du-ú)¹²⁰, все еще 120 метров не уложено. Необходимо нанять «множество» людей, чтобы они выполнили эту работу.

В некоторых документах зафиксирована выдача провианта (irgu)

¹¹⁵ Дандамаев. Рабство... С. 84.

¹¹⁶ СВД. С. 29.

¹¹⁷ Ср. Schorr. Urkunden... S. 24—25. № 11: 16—26: «если... „ты не моя мать“ скажет, то она должна быть за деньги отдана. Если... „ты не моя дочь“ скажет, то она должна отвесить 10 сиклей серебра и лишиться денег, отданных за воспитание (ребенка)». Там же (с. 21—42) другие формулы штрафа.

¹¹⁸ Документ датирован 15-м днем месяца *сима* (май-июнь) 3-го года Шагаракти-Шуриаша. Поэтому можно полагать, что зимой Бел-ириш получил 2 гур ячменя в долг, а затем нанимался, чтобы погасить его и заработать дополнительные средства на жизнь.

¹¹⁹ О значении глагола *gakāsu* «связать, связывать, нанимать» в текстах касситского времени см. также ANw II.S. 947.17/a.

¹²⁰ Aro. Glossar... S. 86—87. Речь идет об укреплении берегов канала тростником.

наемным работникам, занятым в государственном хозяйстве. Согласно документу UM II/2.62 11 наемных работников в качестве провианта (a-na še.ba ga-ak-su-ti)¹²¹ получили 5 кур 1 пан 1 сут (785 ка) зерна. Причем 8 из них получили по 2 пан 3 сут (75 ка), двое по 2 пан (60 ка)¹²², один — 2 пан 1 сут (65 ка), что в целом соответствует издавна установленной в Месопотамии месячной норме выдачи продовольствия взрослому работнику¹²³.

В некоторых случаях трудно установить характер работы получающих продовольствие людей. Так, согласно документу BE XIV. 56a : 26 (= ATR 54) «27 человек, которые возделывали поле» (27 ERÍN.MEŠ ša ú-ga-ri-e i-pu-šu), в качестве содержания (kurumatu) получили 4 кур 1 пан 3 сут (1290 ка)¹²⁴ ячменя (срок работы не указан). Согласно стк. 30 этого же документа четыре человека (пивовары и мельники) в качестве провианта (irpu) получили 4 кур 4 пан (1440 ка) ячменя (срок работы тоже не указан)¹²⁵. В другом документе (MRWH 30 = TUM NF 5.8) зафиксирована выдача продуктов (ячмень, мука и др.) 11 работникам (ERÍN.MEŠ), которые за 7 дней работы изготовили водочерпальные устройства (g^{is}I.DIB^{meš}(?) i-pu-šu). Упомянутые в приведенных примерах люди, возможно, были наемными работниками, хотя не исключено, что они выполняли повинностную работу.

Еще меньше сведений в документах имеется о найме рабов. Интересно в этой связи письмо WZJ.8.573. Имя отправителя письма неизвестно, а адресатом был bēlu «господин». В письме приводится список принадлежащих адресату 10 рабов и 10 рабынь, нанятых неким Канду из местности Угассу. Любопытно, что 19 из них являются членами четырех семей¹²⁶. Вот их состав: «женщина по имени [...]циллуша, ее дочь Машитум, ее сын Мина-эгуш-или, два сына, дочь и жена последнего, женщина по имени Ина-калиница, двое ее сыновей и дочь, женщина по имени Субаритум¹²⁷ и двое ее сыновей, «мужчина» (GURUŠ) по имени Куру. Всего 20 верных рабов господина, которые находятся в поселении Угассу, в доме Канду» (ŠU.NIGIN 20 NAM.LÛ.ULÛ.LU.MEŠ ša be-lí-ia ki-nu-ú-tum¹²⁸ i-na URU mU-ga-as-su^{ki} i-na É mKa-an-du aš-bu). Далее отпра-

¹²¹ Здесь raksu имеет значение «наемный работник». См. ANw II.S. 948. См. также *Argo. Glossar*...S. 86—87.

¹²² Ср. СВД. 36: «Апиль-Амурру по имени, от него самого от месяца *думузу*, 1-го дня, до месяца *нисану*, утра 30-го дня, Наби-Дамгальнуна нанял. По 60 ка зерна в месяц [в качестве] содержания он даст ему и платьем в 1 сикль серебра он оденет его» (Хрестоматия по истории древнего Востока / Пер. А. П. Рифтина. Т. I. С. 180).

¹²³ Подробно см. *Козырева Н. В.* Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии // ВДИ. 1972. № 2. С. 94—99.

¹²⁴ В касситское время величина кур колебалась от 150 до 360 ка. См. ATR. S. 1—4. См. также ВДИ. 1982. № 3. С. 87.

¹²⁵ Ср. BE XIV 42 (ATR 64), где, очевидно, речь идет о найме чиновником храмовой администрации Иннанни (см. о нем BE XIV. P. 8; BE XVII. P. 2—3, 115; WZJ.8. S. 568—569) пивоваров и мельника: (1—5) tur-pi ri-ki-is-ti ša mIn-na-an-ni a-na lúŠIM.MEŠ ù KA. ZI-DA ir-ku-su «Договор (о найме), который Иннанни заключил с пивоварами и мельником». В документе речь идет лишь об обязанностях нанятых, но ничего не говорится об оплате их труда.

¹²⁶ Как и в некоторых других документах, здесь в качестве глав семей названы женщины. Причины этого, очевидно, были разными. Вероятно, мужей одних женщин не было в живых, другие могли быть проданы без членов семьи или же последние могли быть куплены либо отданы в наем отдельно. Ср. BE XIV. 58 : 12—25, где также указывается несколько семей, главами которых были женщины. Но там же (сткк. 26—31) названы имена нескольких умерших и беглых мужчин, возможно, бывших главами указанных семей.

¹²⁷ В тексте она названа GEME «рабыня».

¹²⁸ О ki-mu-ú-tum в данном контексте см. также ANw I. S. 481.

витель письма сообщает, что «его брат (т. е. брат Канду, нанимателя.— М. М.) Нур-Дильбат, сын Галлабу, пойдет... и получит ячменем из рук Канду их наемную плату» (u₁-te₄-ta i-di-šu-nu i-na ŠU ^mKA-an-du i-ma-ah-ha-ar). Из текста следует, что житель поселения Угассу Канду, нуждаясь в рабочей силе, нанял у некоего рабовладельца 20 рабов. Судя по сообщению отправителя письма, плату за наем должен был получить у него его брат Нур-Дильбат. Не исключено, что последний вместо своего брата сам должен был расплачиваться с хозяином рабов. Что касается отправителя письма, то, очевидно, он был доверенным лицом адресата и по его поручению должен был обеспечить выдачу наемной платы и отправку людей обратно.

К сожалению, в известных нам документах редко указывается величина наемной платы как рабов, так и свободных работников¹²⁹. В старовавилонское время наемная плата свободного работника колебалась (в зависимости от профессии) от 5 до 10 гур зерна в год¹³⁰. В нововавилонское время, как отмечает М. А. Дандамаев, «сумма дневной платы взрослого работника», независимо от того, был он свободным человеком или рабом, составляла в среднем 5 л ячменя в день, т. е. 12 кур ячменя в год или 12 сиклей серебра¹³¹. «Хотя стоимость трудовой повинности рабов колебалась,— пишет М. А. Дандамаев,— ... в большинстве случаев она равнялась 12 кур (1800 л) ячменя, что в денежном исчислении составляло 12 сиклей серебра. Эта ставка считалась твердо установленным эквивалентом годовой трудовой повинности взрослого здорового раба... Такую же сумму составляла и средняя годовая плата свободного наемника»¹³².

Как видно, среднегодовая плата наемного работника в старо- и нововавилонские периоды в основном совпадает. Отсюда следует, что тарифы наемной платы в течение длительного времени не претерпевали существенных изменений. Поэтому можно считать, что вышеуказанному эквиваленту годовой трудовой повинности наемного работника в целом соответствовала и средняя годовая величина наемной платы в касситской Вавилонии.

О твердо установленной величине наемной платы в касситское время свидетельствуют некоторые юридические документы. Так, в решении одного судебного документа (MRWH 13 = TUM NF 5.69:29—32)¹³³ указывается, что «если N (ответчик) не произнесет в храме клятву (относительно этих рабов), то он должен рабов этих передать gēdū (истцу) и уплатить наемную плату за них, начиная с того дня, когда они были уведены» (...a-mi-lu-ta ù i-da-ti-ša iš-tu u₄-mi na-šu-ú a-na re-di-i i-nam-din). Аналогичное условие встречается в документе MRWH 10 = TUM

¹²⁹ См., например, рассмотренный выше документ UDBD 125.

¹³⁰ В ЗХ наемная плата лодочника и погонщика волов составляла 6 гур (§ 239, 258), а пахаря и пастуха — 8 гур (§ 257, 261) зерна в год. Ср. *Козырева Н. В.* Сельская округа в государстве Ларса // ВДИ. 1975. № 2. С. 7—11. Как пишет В. А. Якобсон, «то обстоятельство, что наемная или арендная плата в живой юридической практике не всегда соответствовала нормам ЗХ, вовсе не доказывает, будто они не имели характера обязательных законов. Эти нормы, как они изложены у Хаммурапи, рассчитаны на применение при решении конфликтных дел судами, а не на все случаи жизни — для этого они слишком жестки и неизменны» (ИДВ I. С. 383).

¹³¹ Дандамаев. Рабство... С. 73.

¹³² Там же. С. 77.

¹³³ Протокол судебного процесса относительно трех рабов, который вел вышеупомянутый Энлиль-кидинни, гуенна Нишпура. В документе нет прямых указаний о причине возбуждения судебного процесса. Но судя по стк. 31 («начиная с того дня, когда они были уведены»), ответчик (Нур-илишу) был обвинен в похищении или укрытельстве чужих рабов. Пер.: ВДИ. 1979. № 1. С. 198 сл.

NF 5.67:21—24: «Если сын Шамаш-Каррада не передаст Мардук-лиссу, то должен отдать малолетнего и наемную плату за него, начиная со дня его пропажи» (še-eh-ra ù i-da-ti-šu ša ištu u₄-um ha-al-qu... i-na-ad-di-in)¹³⁴.

Приведенные отрывки представляют определенный интерес и с точки зрения права. Известно, что ЗХ устанавливает смертную казнь за похищение и укрывательство чужого раба (§ 15—16, 19). В нашем примере похититель раба несет материальную ответственность — он должен отдать лишь наемную плату за раба со дня его пропажи. С точки зрения экономических интересов рабовладельца такое решение, несомненно, более продуманно и осмысленно, так как похищенный раб, находясь даже в чужом владении, продолжает приносить ему доход (будто он отдан внаем).

5. *Использование труда несостоятельных должников (долговое рабство).* С древнейших времен одним из источников рабства в Вавилонии было долговое рабство. Порабощение несостоятельных должников обычно носило временный характер, и должник после отработки своего долга в доме кредитора вновь приобретал свободу. Но это удавалось не всем должникам, и многие из них навечно теряли свободу. Но уже в старовавилонское время делается попытка ограничить долговое рабство. Например, согласно § 117 ЗХ свободнорожденный человек, отданный в долговую кабалу или проданный в рабство, подлежит освобождению через три года¹³⁵.

Как писал В. В. Струве, в касситское время «начинают терять свою свободу и те лица, которые раньше были воинами и имели в своем владении неотчуждаемые земельные наделы. После касситского завоевания они, перестав быть воинами, лишились своих прежних льгот и сделались жертвами ростовщиков. Рабы-должники смешивались в одну бесправную массу с рабами из числа военнопленных»¹³⁶. По мнению И. М. Дьяконова, в это время «важнейшим источником рабства была долговая кабала, теперь, видимо, не ограничивавшаяся определенным сроком. Стигматическое обозначение закабленных должников „заложниками“ было совершенно отброшено, и они назывались не только „людом“ (*амелуту*), как и храмовые „илоты“, но и попросту „рабами“ (*арду*)»¹³⁷.

Согласно дошедшим до нас долговым документам, за несвоевременное возвращение долга кредитор мог арестовать самого должника или члена его семьи. Некоторым должникам удавалось выйти на свободу по поручительству третьего лица. Подобные случаи зафиксированы рядом документов:

BE XIV. 2 (6-й год Бурна-Буриаша)¹³⁸ «(1) Тукульти-Нинурта, (2) Альсишаблут, (3) Киден-Гула, (4) их мать Илануту, (5) и Бельтуту, жена Альсишаблута, — (6) 5 человек (*amēlūtu*), (7) рабы (*ardu*) Эллиль-

¹³⁴ Согласно документу, пропавший в 15-м году Буррабурияша раб, принадлежащий Энлиль-кидинни, спустя почти 10 лет был обнаружен у тамкара Мардук-лиссу. Судя по контексту, речь идет не о побеге раба, как считают переводчики документа, а о похищении, так как спустя 10 лет раб (SAG. ARAD) все еще называется *sehru* «малолетний». Поэтому перевод *u₄-um ha-al-qu* («со дня пропажи») (а не «со дня побега») соответствует контексту. Пер.: ВДИ. 1979. № 1. С. 198.

¹³⁵ См. также ИДВ I. С. 380.

¹³⁶ Струве. Ук. соч. С. 264.

¹³⁷ ИДВ I. С. 439.

¹³⁸ Документ упоминается в реестре MRWH 14 = TUM NF 5.68 : 30—32 : 1 KI. MIN ^mTu-kul-ti-^dNin-urta ^{md}Nin-urta-ba-ni DUMU... pu-us-su i-mi-id-ma ú-še-ši-šu «1 то же (относительно) Тукульти-Нинурты. Нинурта-бани поручился и освободил его (из тюрьмы)». Ср. перевод: ИДВ I. С. 439 сл.

кидинни, (8) задержаны (ka-lu-ma) в доме Эллиль-кидинни. (9) Нинуртабани¹³⁹, сын Илу-иппашра, (10) и брат его Баиль-Набу (12) приступили к Эллиль-кидинни, (11) чтобы добиться выхода людей (a-na šu-ši-i amē-lūtu ša...iz-zi-zu), (13) и так они сказали: (14) „Пусть люди выходят и входят. (15) В том, что они не убегут, (16) мы даем гарантию (amēlūtu li-ši li-ru-ub a-na ha-la-qi pu-ut-ni ni-te-mi-id“.

Еще в начале нашего столетия А. Унгнад на основе этого и двух ниже-следующих документов (BE XIV.11 и 135) пришел к выводу, что в касситское время в Вавилонии существовали специальные «рабочие дома»¹⁴⁰ и те, которые имели мало рабов и не могли установить над ними необходимый надзор (!), посылали их туда. Там рабы работали вместе с другими, а хозяин рабов получал процент из общего дохода. Лица, нуждавшиеся в рабочей силе, нанимали оданных в рабочие дома рабов и необходимую плату давали хозяину рабов¹⁴¹.

Однако названные документы не дают основания считать, что речь идет в них о заключении рабов в «рабочие дома»¹⁴². Прав, на наш взгляд, И. М. Дьяконов, который считает, что «эти люди (т. е. названные в приведенном документе рабы. — М. М.), несомненно, заперты в доме ростовщика (точнее, в специальном узнице — *бит-кили*) за неуплату долгов, и их временно освобождают, вероятно, их родичи или однообщинники, но официально они — рабы»¹⁴³.

BE XIV. 11 (4-й год царствования Куригальзу)¹⁴⁴: «(1—4) [...] в доме Эллиль-[кидинни], сын Нинурта-надин-аххе, задержал: (5) Тарибти-Адад [...], (6) поручился¹⁴⁵ [и освободил его]. (7—9) В месяце *сиване* он должен привести и отдать корову¹⁴⁶. (10) Если (в установленный срок) не отдаст (корову), (11—12) то Тарибти-Адад должен привести двух больших коров».

Есть основание полагать, что о заключении в тюрьму за неуплату долгов речь идет и в документе BE XIV. 135 (8-й год Шагаракти-Шуриаша)¹⁴⁷: «(1) Минаэгу-ана-Шамаш, (2) сын Шаллилумура, *ишшакку*¹⁴⁸, (3—4)

¹³⁹ Очевидно, идентичен Нинурта-бани, упомянутому в указанном реестре как рабовладелец; (13—14): 1 KI. MIN^{1d} Sin-lu-ud-lul DUMU.SAL^m Ta-ri-bat-ili arad ša^{md} Nin-urta-ba-ni i-hu-zu-ši «1 то же (относительно) Син-луддуль, дочери Тарибатиллы, которую раб, принадлежащий Нинурта-бани, взял в жены». См. также MRWH. S. 47—48.

¹⁴⁰ Имеются в виду *kīlu* («задержание», «арест», «лишение свободы») и *bīt kilu* («тюрьма», «тюремное заключение», «место заключения»). См. ANW I. S. 133,7; S. 476; CAD I J. 265/6; A. II. 379.

¹⁴¹ *Ungnad. Babylonische Miscellen...* S. 143—145.

¹⁴² Заслуживает в этой связи внимания документ UM II/2.89, который гласит: «женщину [...], дочь Хабиртиллы, девочку (по имени) Даянти-ина-Урук, ее дочь, юношу (по имени) Дамку, ее сына — (всего) 4 *amēlūtu* (= *nam-lū-ūlu*), из дома Амел-Адада „освободил“ (= увел) Эллиль-альшах и передал (их) в тюрьме Нинуртанишу под надзор Хунабу». Нет сомнения, здесь тоже речь идет о рабах-должниках, которых из дома (тюрьмы) кредитора (см. также MRWH. S. 34. Anm. 11) переводят в тюрьму (рабочий дом) другого человека, но с какой целью — остается неясным.

¹⁴³ ИДВ I. С. 440.

¹⁴⁴ Ср. перевод там же: *Ungnad. Babylonische Miscellen...* S. 144 f.

¹⁴⁵ *puṣṣu imhašma*. Досл. «ударил по лбу» (символический жест взятия на себя поручительства). См. ИДВ I. С. 440. Подробно об этом см. MRWH. S. 34. Anm. 4.

¹⁴⁶ *i-le-qa-am-ma i-nam-di-in*. О переводе см. MRWH. S. 35. Anm. 4.

¹⁴⁷ Ср. трансл. и пер. BE XIV. 37; *Ungnad. Babylonische Miscellen...* S. 144.

¹⁴⁸ Судя по письмам и административно-хозяйственным документам касситского времени, *ишшакку* составляли довольно многочисленный отряд сельскохозяйственных работников государственного хозяйства. В некоторых документах *ишшакку* дополнительно назывались *ikkaḡi* «земледелец, пахарь, крестьянин» (ANW I. S. 368).

был заключен в тюрьму (i-na ki-li ik-la-šu-ma) своего господина Амел-Мардука¹⁴⁹. Аркат-Нергал, (5) сын Арад-нубатти, (6) поручился (ru-us-su im-ha-as-ma) и (7) освободил его (из тюрьмы). (8—10) Он должен принести $13\frac{1}{3}$ сиклей золота и отдать Мардук-рицуа (11—15). Затем он должен привести Минаэгу-[ана-Шамаша] и его жену [...] и отдать Амел-Мардуку».

По мнению У. Унгнада, упомянутый в документе Мардук-рицуа был настоящим хозяином раба. Нуждавшийся в рабочей силе Аркат-Нергал заплатил ему за наем раба и одновременно обязался, что в дальнейшем приведет и отдаст ишшакку и его жену Амал-Мардуку, т. е. хозяину «рабочего дома»¹⁵⁰. Однако в документе ясно указывается, что хозяином раба (bēl-šu) является Амел-Мардук, а не Мардук-рицуа. Что касается последнего, то можно согласиться с А. Т. Клемем, считавшим его «тюремщиком или агентом (доверенным лицом)» Амел-Мардука¹⁵¹.

Касаясь этого текста, Г. Петчов допускал возможность, что основанием для ареста служила указанная в стк. 8 сумма долга ($13\frac{1}{3}$ сиклей золота) или предшествующий побег освобожденного ишшакку¹⁵². Как видно, помимо обязательства выплатить Мардук-рицуе $13\frac{1}{3}$ сиклей золота, поручитель обязуется также, что в будущем вернет ишшакку и его жену Амел-Мардуку. Смысл последнего обязательства недостаточно ясен. Можно допустить (по аналогии с другими документами), что здесь подразумевается наказание (штраф) поручителя в случае невыполнения им принятого обязательства об уплате золота: если он к установленному сроку не даст золота, то вместе с освобожденным ишшакку должен отдать кредитору и его жену, выплачивая как бы обычный в подобных случаях двукратный штраф.

Несколько документов, в которых речь идет о заключении в тюрьму за неуплату долгов, имеется в так называемом архиве делового дома Набу-шарраха¹⁵³. Как сообщается в документе TCL 48, должник был арестован за несвоевременное возвращение 92 гур ячменя. Затем Амурру-эриш (один из сыновей Набу-шарраха) поручился за него и освободил из тюрьмы.

Согласно некоторым документам из этого архива, вместо самого должника кредитор арестовывал кого-либо из членов его семьи. Так, в UDBD 116 указывается, что некий Ардия до месяца *симан* 12-го года Шагаракти-Шуриаша должен был отдать упомянутому выше Амурру-эришу одну корову, но не выполнил свое обязательство. Поэтому Амурру-эриш арестовал в своем доме (i-na biti-šu ik-la-ši-ma) дочь Ардии, которая немного спустя была освобождена под поручительство Ириба-Мардука, названного отцом освобожденной девочки (adda-ša). Согласно документу VAT 4920 (= UDBD 32—33), женщина была арестована из-за невозвращения ее мужем двух одолженных инструментов — топора и секиры (kal-ma-ak-ru и rašū) и затем была освобождена, по-видимому, под поручительство самого должника¹⁵⁴, который обязался вернуть указанные предметы до второго дня месяца *арахсамну*, т. е. спустя 40 дней со дня написания

¹⁴⁹ Упомянутый здесь Амел-Мардук идентичен Амел-Мардуку, который был *гуенна* Ниппура во время царствования Шагаракти-Шуриаша и Каштилиаша III/IV. См. BE XIV. 136: 1; UM II/2.56: 13; MRWH. S. 56.

¹⁵⁰ *Ungnad. Babylonische Miscellen...* S. 144.

¹⁵¹ BE XIV. P. 37.

¹⁵² MRWH. S. 34.

¹⁵³ О местонахождении этих документов см. ВДИ. 1982. № 3. С. 77. Прим. 7.

¹⁵⁴ См. MRWH. S. 34. Anm. 12.

документа. Если он просрочит срок, то наряду с топором и секирой должен отдать и арендную плату за них.

Из рассмотренных документов видно, что арест несостоятельных должников ростовщиками был в это время обычным явлением. Надо полагать, что лишь немногим должникам удавалось через некоторое время погасить свой долг и выйти на свободу. Большинство из них становились жертвами ростовщиков (даже целыми семьями) и пополняли ряды рабов.

6. *Данные об использовании рабского труда и статусе рабов.* Сведений об использовании труда частных рабов мало. Судя по документам, некоторые рабы имели профессию. Например, один из купленных Энлилькидинни рабов был горшечником (BAHAR=rahāru)¹⁵⁵. Рабы-ремесленники, очевидно, имели ряд привилегий, которые не распространялись на других рабов. В этой связи определенный интерес представляет нижеприведенный документ, согласно которому раб, ткач по профессии, в присутствии восьми свидетелей купил себе корову: UM II/2.27 (12-й год Назимарутташа): «Одну четырех лет корову... у Эа-мудаммика, сына Эа-шарилани, пастуха бога (re'i ili), купил Нинурта-ахи-идиннам, ткач (lūuš.BAR), раб (ardu) Ибни-Мардука, сын Арал-Нубаттима». В качестве цены коровы раб отдал продавцу различные одежды и сезамовое масло. Как видно, раб выступает здесь как полноправный контрагент, хотя сам является собственностью другого человека. Нет сомнения, что он имел свое хозяйство и жил благополучно, если был в состоянии купить себе корову.

Заслуживает внимания также документ BE XIV. 86, где в качестве должников выступают хозяин и его раб: «(1—2) Большой мерой ¹⁵⁶ 5 гур эммер (kupāšu), процентный долг ¹⁵⁷, (3) из зернохранилища (kaḡu) поселения Карзибан, (4) из рук Мартуку ¹⁵⁸, сына Илу-икиша, (5) под ответственность ¹⁵⁹ Нуску-рицуа, (6) сына Риди, Нинурта-ахаиддина, (7) сын Милути и Нуску-динанни, (8) его раб (arad-su), получили. (9—10) Во время жатвы они должны отмерить процентный долг. (11—14) Перед (имена четырех свидетелей). (15—16) 17-й день месяца шабат 24-го года Назимарутташа»¹⁶⁰.

Если в приведенном документе раб вместе со своим хозяином выступает в качестве должника, то в следующем документе (MRWH 11-TUM NF

¹⁵⁵ MRWH 14=TUM NF 5. 68: 33.

¹⁵⁶ 1 GUR ^gl^sBĀN GAL = 1 GUR ^gl^sBĀN 10 SILA (ATR. S. 4.); 1 гур = 300 сила.

¹⁵⁷ hubullu (ur₅-ra) «процентный долг; проценты» (АНW I. S. 351—352). В документах размеры ссудного процента указываются редко. Вот два документа, в которых имеется указание на проценты: UBDB. 101) «4 гур 3 пи ячменя (мерой) [...], процентный долг, у Набу-бел-или, сына Набу-шарраха, получил Кидин-Нергал, сын Ахи-аплу. В месяце *нисан* своему господину он должен отдать. Если в месяце *нисан* не отдаст, то во время жатвы должен отмерить ячмень и проценты (в размере) 1 гур 2 пи 3 бан» (UBDB. 102) «10 гур ячменя (мерой) 1 бан = 5 сила, процентный долг, у Амурру-эриша, сын Набу-шарраха, получил Кидин-Гула... В (назначенный) день ячмень и проценты (šibtu «добавление, процент». См. АНW II. S. 1098) (в размере) 1 гур 2 пи 3 бан он должен отмерить». Как видно, в первом документе процент составляет 1/3, а во втором приблизительно 1/6 часть основной суммы. Ср. ИДВ I. С. 380 сл.

¹⁵⁸ Мартуку занимал высокий пост в храмовой администрации (при Назимарутташе и Кадашман-Тургу). В документе BE XIV. 56 : 8—9 он назван a-ḡad šarri «раб дара». См. о нем BE XIV. P. 8; WZJ 8. S. 568. В документах времени Шагаракти-Шуриаша встречается еще один чиновник с этим именем и, очевидно, в той же должности. О последнем см. MRWH. S. 55—59; ATR. S. 53—60.

¹⁵⁹ ki-i qāt PN (АНW I. S.469; ATR. S. 128). Возможно, он выступал в роли посредника между кредитором (храмом) и должником (ср. ATR. S. 3, где ki-i qāt переводится как «при посредничестве») и нес перед кредитором ответственность, т. е. был поручителем.

¹⁶⁰ Ср. транслитерацию и перевод BE XIV. P. 25—26.

5.73, 10-й год| Шагаракти-Шуриаца), наоборот, хозяин возлагает на раба погашение своего долга. Согласно этому документу, некий Нинимма-аха-иддина «унес» (it-bal) большой мерой 3 гур ячменя, долю (HA.LA-zit-tu) Римуту. Когда последний требовал у него вернуть долг, тот сказал ему следующее: «схвати моего раба (arad-ia sa-bat-ma) и во время жатвы он отмерит тебе большой мерой 3 гур ячменя». Если во время жатвы он не отдаст (ячменя), то Нинимма-аха-иддина должен уплатить (i-ta-nar-pal) Римуту большой мерой 6 гур ячменя».

Какой же смысл имеют слова «схвати моего раба»? На первый взгляд создается впечатление, что речь идет о залоге — антихрезе, т. е. передаче раба в распоряжение кредитора для использования его рабочей силы до погашения долга. Но в своем комментарии к этому тексту Г. Петчов не без основания считает это проблематичным. По мнению Г. Петчова, слова i-aga-imaddad «он отмерит» (стк. 10) указывают, что «слуга-раб» должен был отдать 3 гур ячменя из выращенного им самим на обработанном им поле урожая¹⁶¹. Не исключено также, что этот раб был управляющим хозяйством должника и ведение подобных операций (вероятно, в отсутствие хозяина) входило в его обязанности.

Из рассмотренных документов видно, что частные рабы были заняты в сельском хозяйстве и ремесле. Кроме этого, труд рабов применялся и в других областях. Например, должностные лица использовали некоторых своих рабов в качестве гонцов. Так следует понимать, по-видимому, функцию раба, упомянутого в письме UM 1/2.45: «В соответствии с письмом, которое царь послал тебе¹⁶², срочно напиши. Они не должны задерживать твоего раба Куббула. Пусть он (немедленно) придет».

Можно заметить, что упомянутые в приведенных документах рабы жили в хороших с экономической точки зрения условиях и пользовались немалыми правами¹⁶³. Но ясно, что этого нельзя сказать о подавляющем большинстве рабов, о чем свидетельствует весь приведенный выше материал. Важно отметить, что в каком бы положении рабы ни находились, они не считались людьми в настоящем смысле этого слова. Показательно в этом отношении следующее замечание высокопоставленной женщины Инбиаири к чиновнику храмовой администрации Иннани¹⁶⁴: «Относительно Эмидамардука, о котором ты написал мне. Не чужой он, а брат мой... Почему ты обращаешься с ним как с рабом? Пока я жива, не буду с тобой разговаривать» (BE XVII 86.18—23).

Рассмотренные документы свидетельствуют о развитости в касситское время частного рабовладения, что было связано с расширением «системы частного хозяйствования»¹⁶⁵ в целом. Что касается значения рабского труда в экономической жизни среднеавилонского периода, соотношения

¹⁶¹ См. MRWH. S. 36.

¹⁶² Письмо адресовано чиновнику по имени Амелия. Сведений о занимаемой им должности нет. Но судя по тому, что он переписывался с самим царем, занимал довольно высокий пост. Согласно письму UM 1/2.36:1—6 (Waschow. S. 9—10), он жил в поселении Дур-Эниль, где был храм Эгальхи (a-na^m Amēli-ia qi-bi-ma um-ma^m Ū-sat-^d Mar-duk aḫu-ka-ma ... DINGIR^{mes} ša uru^d Dur-^d En-lil ū E.GAL.NI nar-ša-ti-ka li-iš-šu-ru). В BE XIV.99a:3,25 отправитель этого письма Усат-Мардук упоминается как ḫazannu (11-й год Кадашман-Тургу). См. также Waschow. S. 10.

¹⁶³ О правах рабов см. ИДВ I. С. 376—377.

¹⁶⁴ Об Инбиаири и Иннани см. WZJ 8. S. 568 f.

¹⁶⁵ ИДВ I. С. 438.

рабского и нерабского труда, этнического состава рабов, то об этом речь пойдет в следующей нашей статье, посвященной работникам государственного хозяйства.

М. Н. Мирзоев

L'ESCLAVAGE EN BABYLONIE KASSITE

М. Н. Mirzoev

Le problème de l'esclavage en Orient ancien occupe une place importante dans les travaux des historiens soviétiques. On sait que V. V. Struve fut le premier à aborder ce sujet en URSS. Ce savant est également l'auteur de notes et de remarques préliminaires sur l'esclavage en Babylonie kassite.

Certains aspects du problème ont été mis en lumière par I. M. D'jakonov et M. A. Dandamajev.

Les ouvrages publiés dernièrement à l'étranger par J. Brinkman et H. Petschow présentent un intérêt particulier.

Des lettres et des documents officiels de Nippur, Ur et d'autres villes de Babylonie datant des XIVe—XIIIe ss. av. n. è. contiennent des données sur des esclaves appartenant à des particuliers, à des temples et au roi. L'article ne concerne que l'esclavage privé qui n'est mentionné que rarement dans les documents ce qui accroît d'autant la valeur de ces témoignages.

Une des sources principales d'acquisition d'esclaves par des particuliers était l'achat. Durant la période kassite, des marchands professionnels — les tamkars — se chargeaient de la traite d'esclaves. Un grand nombre de documents relatifs à la vente et à l'achat d'esclaves proviennent des archives d'Enlil-kidinia, de «Sandabakku» de Nippur et de «Nešakku» d'Enlil.

Des données attestent de la vente d'enfants par leurs parents. En Babylonie kassite, un esclave coûtait plus cher que durant la période antérieure. Un esclave adulte coûtait 10 sicles d'or, un jeune esclave 6 à 8 sicles; une esclave adulte, 7 ou 8 sicles, une jeune esclave 5 ou 6 sicles, etc.

Dans certains documents officiels de cette période, les esclaves sont mentionnés par familles entières. Parmi les esclaves appartenant à des particuliers, il y en avait qui étaient d'origine étrangère. Certains esclaves possédaient leur propre ferme et vivaient dans des conditions économiques meilleures. Cependant, la condition de la plupart des esclaves était très dure. Des cas de fugue d'esclaves sont attestés.

On pouvait donner des esclaves en location, ce qui rapportait un revenu à leurs propriétaires.

Un certain nombre de documents témoignent de l'existence d'un esclavage sur gage qui était temporaire.

Les documents analysés dans l'article attestent d'un développement de l'esclavage privé durant la période kassite. La raison en était l'expansion générale du «système de fermage privé».

ЯЗЫК ФРИГИЙСКИХ НАДПИСЕЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. II¹

СТАРОФРИГИЙСКИЕ НАДПИСИ

Центральная Фригия

C—01 (фрагмент известняковой плиты; дат. ?).

...] e [...] alabios [...]

alabios — им. пад. ед. ч. существительного. Возможно, имя собственное.

C—101 (обломок глиняного блюда; дат. ?).

kad!...

Ср. *kadiun* 'ваза, кувшин' (G—103).

C—102 (обломок глиняного сосуда; дат. ?).

amos

Личное имя в им. пад. ед. ч., ср. малоаз. Амса.

C—103 (часть лекифа; дат. ?).

di

Аббревиатура личного имени. ср. G—150, G—203 и G—225.

Птерия

P—01 (каменный блок в фасаде; дат. ?).

e{v}⟨v⟩u {io it}ovo iman

e{v}⟨v⟩u{io} — род. пад. ед. ч. прилагательного *ev-* 'хороший, добрый', ср. греч. εὔ-. Относительно флексии см. о *kakoio*. За вычетом горизонтальных черт знак в двойных угловых скобках совпадает по форме с предыдущим, что заставляет думать об ошибке резчика, начавшего воспроизводить *v* во второй раз.

{it}ovo — см. G—02с. Текст P—01 представляет собою формулу, противоположную по смыслу *kakoio itovo* 'злой судьбы' (G—02с).

Перевод: «Иман (= культовый объект) доброй судьбы».

P—02 (каменный блок из серого гранита; дат. ?).

1sest bugnos va2sos kanutieevanos

sest — возможно, последовательность энклитик со значением 'вот, это'.

bugnos — им. пад. ед. ч. личного имени.

vasos — им. пад. ед. ч. эпитета (?) или имени собственного; предположительно, анатолийское заимствование, ср. пал., лув. *ṣaš(š)u-* 'хороший'. Ср. далее P—03 s. v. *vasous*.

kanutieevanos — им. пад. ед. ч. прилагательного, образованного от титула (см. P—03). Написание *-iee-* отражает фонологическую последовательность /ie/ или /iye/.

Перевод: «Вот Бугнос, добрый (?), из числа хранителей (памятников)».

P—03 (андезитовая плита; VII в. до н. э.?).

1vasous iman mekas 2kanutieivajs devos ke mekas

vasous — им. пад. ед. ч., ср. P—02. Данная форма отражает образование на **-цо-*, т. е. **vaso-vo-*. Видимо, к тому же источнику восходит и *vasos* в P—02 (со стяжением, ср. аналогичное колебание *-o-* и *-ovo-* в род. пад. ед. ч. *o-*основ). Таким образом, анатолийский источник слова может быть предположительно уточнен как **ṣaššuca-*.

iman mekas — им. пад. ед. ч. существительного с определением. От-

¹ См. первую часть настоящей статьи: Баян Л. С., Орел В. Э. Язык фригийских надписей как исторический источник // ВДИ. 1988. № 1. С. 173—200 (далее — I).

несение mekas к следующему слову, как представляется, менее вероятно ввиду регулярной позиции mekas в функции определения.

kanutievais — им. пад. ед. ч. титула (со словообразовательной точки зрения относится к группе титулов на -evais). Как мы полагаем, данный титул образован от заимствования из аккад. *kanūtu* 'die Verehrte, Gehegte'. Поскольку этот титул засвидетельствован только в надписях Птерии, он может служить локальным эквивалентом более обычного *akenanogavos* (см. I) 'хранитель памятников'.

devos — им. пад. мн. ч. существительного со значением 'бог' (ср. н.-фриг. *deo-*, для которого надежно установлено то же значение)². Источник слова — и.-е. **deǵos* 'id'.

ke — частица, омонимичная оптативному *ke* и безусловно восходящая к и.-е. **k^he* 'и'³, ср. также н.-фриг. *ke* в том же значении (Haas, S. 93).

Перевод: «Добрый (и) великий иман, хранитель (памятников) и великие боги».

P—04a (андезитовый блок; дат. ?).

otuvoi vetei etlnaie 2ios ni akenan egeseti 3otir terko[ve] {t} tekmo{an} 4ot{e} [egel]seti veburu

otuvoi — дат. пад. адъективного образования — вероятно, от личного имени царя Отиса. Комбинаторные соображения препятствуют традиционному пониманию *otuvoi vetei* как «octavo anno» (ср. Haas, S. 180). С фонетической точки зрения развитие **oktō(u)* в ст.-фриг. *otu(v)-* также не представляется вероятным, поскольку группа **-kt-* во фригийском сохраняется, ср. *anepakto-* и др.

vetei — дат. пад. ед. ч. существительного *vet-* атематического типа. Контекст подсказывает сопоставление с греч. *ἑταῖρος* 'товарищ', 'тот, кто принадлежит к той же общественной группе' (Haas, loc. cit.).

etlnaie — глагольная форма того же типа, что и *edae*, см. W—10. Несомненно ее принадлежность к системе аориста. Более определенно в ней можно видеть 1/2 л. ед. ч. актива без сигматического показателя или 3 л. ед. ч. пассива на **-ē* > -*ē*. Нельзя исключить связи *e-tl-na-ie* с корнем **tel-* 'нести' (и с суффиксом **-ne-*?). Написание *etlnaie* может графически отражать следование типа /*etlna(y)e/*.

egeseti — 3 л. ед. ч. буд. вр. с сигматическим показателем от основы *eg-*, вероятно, связанной с и.-е. **aǵ-* 'вести', ср. греч. *ἄγω*. Текст надписи заставляет предположить для *egeseti* значение 'делать', как в лат. *agō* с каузативной семантикой.

terko[ve]{t} — 3 л. ед. ч. «имперфекта». Конечный согласный восстанавливается комбинаторно: глагольная форма стоит в протасисе разновидности запретительной формулы, где обычно встречается «имперфект». Предположительное значение — 'нарушить, разрушить' (см. ниже).

tekmor{an} — вин. пад. ед. ч. существительного, прямо соответствующего греч. *τέμαχος* 'граница, рубеж; залог'. После знака *γ* часть плиты отколота, и финаль *-an* восстанавливается по семантико-синтаксическим и метрическим причинам (см. ниже).

vebru — вин. пад. ед. ч. лексемы, вероятно, этимологически сопоставимой с греч. *ἄβρις* 'преступление, нарушение' и, во всяком случае, относящейся к тому же семантическому пласту. Как и в ряде других случаев, рассмотренных в части I, после гласного верхнего подъема в аудлауте опущен на письме знак для носового согласного.

² Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966. S. 92 ff. (далее — Haas).

³ Ibid.; Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes. P. 1984 (далее — Brixhe, Lejeune). P. 234.

Текст надписи метрический, состоит из двух девяти и двух восьмисложников. Перевод: «(Это) было принесено (?) сотоварищу Отиса. Кто ни сделает памятник, если он нарушит границу (или: разрушит «залог?»), то сотворит преступление (вред)».

P—04b (тот же памятник).

ios efvot sati kakuio i{tovo}

ervot — 3 л. ед. ч. «имперфекта» глагола, этимологически близкого к греч. ἐρώω 'оставлять, покидать'⁴. Тематический -o-, возможно, обусловлен воздействием предшествующего лабиального v.

sati — вероятно, последовательность энклитик (<*sai ti?), ср. н.-фриг. sati, но ср. также и W—01b.

kakuio i{tovo} — незаконченная формула, обе части которой стоят в род. пад. ед. ч. Здесь формула выступает в предикативном значении: '(тот) злой судьбы'.

Перевод: «Кто покинет (этот памятник), (тому) злая судьба».

P—04c (тот же памятник).

iman {ovo itovo} edae[s] mekas

{ovo itovo} — чтение первого знака сомнительно: возможно и e (Brixhe, Lejeune, p. 240). Чтение evo itovo дает формулу, прямо соотносимую с конструкцией в P—01. Вариант ovo также допустим, как род. пад. ед. ч. указательного местоимения ov-, ср. B—01.

Перевод: «Великий посвятил иман доброй (?) судьбы».

P—05 (гранитный блок; дат. ?).

vasus kanutię ...

Ср. P—03.

Перевод: «Добрый хранитель...»

P—06 (высеченный в скале алтарь; VI в. до н. э.?).

1...lakiti{vai}s 2ai : ios {d}eiket io{s} ivi{ye}s e{u}n

...]akiti{vai}s — им. пад. ед. ч. титула, образованного по модели ст.-фриг. memevais 'советник' с суффиксом -evai-.

{d}eiket — 3 л. ед. ч. «имперфекта» от глагола, восходящего к и.-е.

*deik- и предположительно имеющего значение 'показывать', 'указывать'.

ivi{ye}s — 3 л. ед. ч. аориста отыменного глагола, образованного от основы ev- 'хороший'. Начальное i- может объясняться как отражение *b-, возникшего в результате стяжения аугмента с анлаутным e- корня.

e{u}n — вин. пад. ед. ч. прилагательного (в функции существительного?) evo-, ср. P—01, P—04c. Таким образом, последние два слова надписи, видимо, образуют figura etymologica со значением 'творить добро'.

Перевод: «[a.(= титул), тот, кто указывает (приказывает?) и кто содейл добро».

P—101 (два обломка дна керамического сосуда; VII в. до н. э.).

dinida8i sulaisini

dinida8i — вероятно, косвенный падеж на -8i (= -bi) из и.-е. *-bhi (ср. P—106) от личного имени (?) dinida-, ср. близкое по структуре имя tumida в T—02.

sulaisini — неясно. Возможно, не составляет одного слова и допускает членение sulai sini (датель?).

P—102 (обломок ручки вазы; дат. ?).

...]ia aspef...

Вопреки мнению издателей корпуса (Brixhe, Lejeune, p. 245), едва ли

⁴ Об этимологии см.: Chantaine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P. 1968—1973 (далее — Chantaine). P. 378.

фрагмент aspe[... связан с иранскими композитами с первым элементом aspa-. Более вероятно, что перед нами начальная часть глагола, сохранившегося в В—01 в виде «имперфекта» asperet.

Р—103а, б (фрагменты вазы; VIII—VII вв. до н. э.).

а ...]piva-[... б: ...]pirk[...

Ввиду плохой сохранности надписи интерпретация затруднена.

Р—104 (фрагмент чаши; VII—VI в. до н. э.).

...]abas[...

Им. пад. ед. ч. личного имени, ср. G—166 и G—217.

Р—105 (фрагмент вазы; VII—VI в. до н. э.).

...t]oi duo[i...

Текст плохо сохранился. Соблазнительно видеть в duo[i... датив числительного 'два', что, к сожалению, недоказуемо.

Р—106 (обломок стенки вазы; VII—VI в. до н. э.).

...]—ti : makio{s} taTi8i : [-...

...]-ti — 3 л. ед. ч. наст. вр.?

makio{s} — им. пад. ед. ч. личного имени (?). Конечная сигма, опущенная издателями, вписана в знак о.

taTi8i — косв. пад. на -8i (от личного имени или топонима?).

Интерпретация этой и других надписей, содержащих падеж на -bi, зависит от истолкования его семантики в старофригийском (не обязательно целиком идентичной значению греческих форм на -φι). Если видеть в падеже на -bi локатив, надпись можно понимать следующим образом «Макиос (имя мастера?) в Т. (сделал)». Однако форма на -bi может быть и дативом; в этом случае *taTi8i* — личное имя, хорошо известное в Малой Азии и Фракии, ср. Τατας, Τατος и др.⁵

Р—107 (обломок той же вазы?).

...i}k{a}ui : [n...

Первый фрагмент может представлять собой часть патронимического образования на -ava-, ср. βοποκαυα (M—01c).

Туанида

T—01a (каменный обломок; дат. ?).

...]ek{u...

Вероятно, часть слова vrekun 'памятник', см. M—06 и др.

T—01b (тот же памятник).

1...]sid{i...2...]-lep : it[...3...]ponani : [...

...]sid{i... — возможно, глагольная форма (или ее часть) от основы, представленной в si † ido (см. G—105).

it[... — видимо, начало какой-то падежной формы слова ito-'судьба; путь'.

T—02a (гранитный блок; VIII в. до н. э.).

1...]o{i...2...a}tade{r...3...}]pipi{n...

pipi{n} — вин. пад. ед. ч. личного имени, широко представленного в малоазийской ономастике.

T—02b (тот же памятник).

1.....2...]tumida : memeuis : [.....

3...]a : tesan : a † ion : v[...4...]oitumen : mida[.....

5...]n : a † ios : mi[.....6...]n : batan : e{y.....

tumida — вероятно, им. пад. ед. ч. личного имени.

⁵ См. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964 (далее — Zgusta, KPN).

meteuīs — им. пад. ед. ч. существительного, очевидно, тождественного *meteuais* (M—01b), но преобразованного фонетически (диалектная редукция -ai- в -i- в последнем слоге?).

tesan — вин. пад. ед. ч. существительного. Интервокальное -s- заставляет предполагать заимствование. На наш взгляд, источником могло послужить лид. *teša-* 'часть надгробия'.

a ↑ ion, *a ↑ ios* — вин. и им. пад. ед. ч. от основы *adio-*, см. B—01.

mida — личное имя, ср. M—01a. Возможно, то же имя следует видеть и в *mi|...* строки 5-й.

batan — вин. пад. ед. ч. существительного, ср. н.-фриг. *bata-* (Haas, S. 118). Значение неясно⁶.

e{v...} — фрагмент формы от основы *ev-* 'добрый, хороший'; здесь, видимо, атрибут к *batan*.

Фрагментарность текста препятствует его последовательной интерпретации.

T—02c (тот же памятник).

$i \equiv v$ ea{y...₂...ne}na

$\equiv v$ ea{y — дат. пад. ед. ч. прилагательного. Редкий знак \equiv , возможно, обозначает *e*, ср. персепольскую надпись предположительно (пара)-фригийского происхождения с таким же знаком (см. Haas, S. 176). В таком случае читаем /*eve(y)au/* и истолковываем эту форму как датив ж. р. от *ev-* 'добрый, хороший'.

ne}na — им. пад. ед. ч. личного имени, ср. *nina* в G—212.

Перевод: «Нена ... Благой (Матери)».

T—03 (базальтовый блок; дат. ?).

Издатели корпуса не дают транслитерации данной надписи; предлагаемое ниже чтение основано на приводимых ими фотографиях (Brixhe, Lejeune II, planche CXXXI, 1—4).

Надпись состоит из трех частей — A, B и C.

A. Как и G—01, эта надпись состоит из центральной части (*a*) и обрамления (*b*). От части *a* сохранились только концы строк.

a: 1...|e aeу 2...| : vi|e₃aeу₄...|d₅...la₆...|y-*p*.

aeу — см. W—01a.

vi|e — см. W—10.

b: 1...|a|ia eyoуo av[...₂...|tes : poreti-u[...]

a|ia — им. пад. ед. ч. (ж. р.) прилагательного *adio-*, см. T—02b.

eyoуo — род. пад. ед. ч. прилагательного *ev-*, ср. P—01.

av[— начало слова *avto-*? Ср. часть *b*.

]tes — им. пад. ед. ч. личного имени.

poreti — 3 л. ед. ч. наст. вр. Значение глагола неясно.

b. 1...|oi : avtoi₂.|evtuve|il₃...|tan : m-₄...|ay[...]

avtoi — дат. пад. местоимения *avto-*, ср. W—01.

evtuve|i — дат. пад. ед. ч. (м. р.) прилагательного *evtuv-* 'справедливый, правильный, верный', ср. B—03.

C. 1'...|nimoī 2'euo-[...]

euo- — падежная форма прилагательного *ev-* или его производного.

Судя по наличию в тексте императива *vi|e*, 'смотри' и прилагательных с морфемой *ev-* 'благой', обычно выступающих в сакрализованных контекстах, надпись имела, скорее всего, вотивный характер.

⁶ Подробнее см.: Bayun L. S., Orel V. E. A «Mysian» Inscription from Uyucik // *Kadmos*. 1988. Bd XXVI (далее — Bayun, Orel).

Прочие надписи (нелокализованные)

Dd—101 (печать пирамидальной формы; дат. ?).

pse⁷keyou atas

pseukeyou — дат. пад. ед. ч. имени собственного (теонима?), ср. W—02.
atas — им. пад. ед. ч. личного имени, ср. M—01a и др.

Перевод: «Атас — для П.»

Dd—102 (серебряная чаша; дат. ?).

surgastou inas

surgastou — дат. пад. ед. ч. теонима, ср. фрак. Surgasteus, вифин. Ζεὺς Σουργάστης⁷. Данный теоним, видимо, заимствован в лид. srkastus (см. Gutschani, Inc. Ling. 6, 1980/81, 21 ff.; 10, 1985, 107 f.). По весьма вероятному предположению Г. Ноймана, surgasto- соотносится с незасвидетельствованным глаголом *surgadyo и восходит далее к и.-е. *suergh- 'заботиться' (Neumann G. Phrygisch und Griechisch. Wien, 1988. S. 14).

inas — им. пад. ед. ч. личного имени, ср. малоазийское и фракийское имя Ἰννα, Ινεῖς (Detschew, S. 216).

Перевод: «Инна — (богу) Сургасту».

НОВОФРИГИЙСКИЕ НАДПИСИ

Новофригийские надписи неоднократно публиковались⁸, причем несколько раз — в виде более или менее унифицированного корпуса⁹. В отличие от старофригийских надписей, где мы имеем теперь весьма авторитетное с палеографической точки зрения издание¹⁰, основанное фактически на ревизии всех доступных памятников in situ, публикация новофригийских текстов, как правило, основана на ряде старых чтений, прорисей и эстампажей, надежность которых относительно невысока. В ряде случаев прориси и эстампажи, взятые за основу разными авторами, вступают друг с другом в непримиримые противоречия, разрешить которые не представляется возможным.

Новофригийские памятники отличаются от старофригийских целым рядом существенных особенностей. Прежде всего, они относятся к сравнительно ограниченному периоду (I—III вв. н. э.) и сосредоточены на относительно небольшой территории, примыкающей с юга к основным ареалам распространения старофригийских надписей. Большую часть новофригийских текстов составляют так называемые «стандартные» надписи, представляющие собой более или менее незначительные вариации одних и тех же формул проклятия, обращенных к потенциальному осквернителю могилы. Естественно, в рамках «стандартных» надписей существенно облегчается проведение дешифровочных процедур — комбинаторно-семантического, грамматического и этимологического анализа, однако (и это — «оборотная сторона» ситуации) интерпретация «стандартных» надписей мало что дает для изучения немногочисленных «нестандартных» текстов.

⁷ См. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Sofia, 1957. S. 472 (далее — Detschew).

⁸ См., в частности, первые публикации надписей: Ramsay W. On the Early Historical Relations between Phrygia and Cappadocia // JRAS. 1883. XV/1; idem. Phrygian Inscriptions of the Roman Period // KZ. 1887. № 28. (далее — Ramsay, 1887).

⁹ Friedrich J. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. В., 1932; Haas; Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978 (далее — Нерознак); Diakonoff I. M., Neroznak V. P. Phrygian. N. Y., 1985 (далее — Diakonoff, Neroznak).

¹⁰ Brixhe, Lejeune. Op.cit.

Значительное число новофригийских надписей сопровождается более или менее пространными греческими; последние могут органически входить в новофригийскую надпись, либо — что также возможно — иметь к ней лишь косвенное отношение.

Специфика новофригийских надписей определяет характер предлагаемого ниже раздела. Целиком приводятся и анализируются только «нестандартные» надписи. Далее рассматриваются лишь отдельные синтактико-семантические блоки «стандартных» надписей, из которых «монтируются» различные варианты формулы проклятия. Ниже используется общепринятая нумерация надписей; тексты по причинам технического характера даются в латинской транслитерации, с разбивкой на слова, если она возможна. С целью единообразной индексации всех фригийских надписей номера новофригийских надписей снабжаются буквой N.

«Нестандартные» надписи

N—9 (Ишиклар, запад).

${}_1$ ko[-]θu[-] et(i) ${}_2$ roupass ${}_3$ dekmoutais kinou ${}_3$ ma eti m(a)nkān ope ${}_4$ stam ${}_4$ ena-[n] daditi nenueria ${}_5$ partusouhra

Далее следует греческий текст: Κοί(ν)τος Ῥούφου τῇ ἰδίᾳ γυναίκῃ Νενουερία μὴ[μῆ]ς ἀ[. . .]ότατον [ῥ]εκα.

Надпись приводится на основе публикаций: Ramsay 1887, p. 390; MAMA IV, 18, 6—7; Haas, S. 105, 115 (все публикации — с существенными расхождениями).

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 1: явно ошибочно чтение θ (Ramsay 1887, p. 390): возможно чтение u. Зн. 2: может быть, s или нечеткое e. Зн. 3: все издатели видят здесь d, в чем, однако, нет полной уверенности; очевидны следы нескольких поправок (ошибочно написанная вместо i *meta*?). Зн. 4: обычно читают как o, однако на прориси довольно ясно видно θ с коротким горизонтальным штрихом, т. е. не типичное для новофригийского начертание *omegi*, а *meta*. Зн. 6: обычно читают n, но ср. чтение m (Ramsay); прорись, возможно, не соответствует оригиналу. Зн. 9: чтение u весьма вероятно, хотя по начертанию буква отличается от других u 1-й строки, не имеющих нижнего вертикального штриха. Зн. 15: если горизонтальная черточка не случайна, следует читать e.

Ст. 3. Зн. 3: горизонтальный штрих еле заметен, в силу чего возможно и чтение s (так все издатели, кроме Хааса), однако s менее вероятно с комбинаторно-лингвистической точки зрения. Зн. 7: a пропущено резчиком. Зн. 15: читают также e (Haas, S. 105, но он же дает s на с. 115), однако горизонтальный штрих, видимо, случаен.

Ст. 4. Зн. 4: на прориси следы знака отсутствуют, однако место для него есть; вероятно, буква была полностью затерта.

Ст. 5. Зн. 9: чтение k (Хаас) маловероятно, скорее здесь b с недописанной нижней чертой.

В надписи имеется две лигатуры (ст. 2, зн. 11—12: ki и ст. 4, зн. 13—14: nu).

ko[-]θu[-] — вероятно, им. пад. ед. ч. личного имени, соответствующего лат. Quintus = Κοί(ν)τος греческого текста.

et(i) — союз или частица со значением усилительности (см. ниже). Конструкция личное имя + eti + имя отца напоминает аналогичную модель в семитских надписях, где патроним вводится посредством зу 'то есть'.

roupass — род. пад. ед. ч. личного имени, соответствующего генитиву 'Ρούφου греческой надписи. Удвоенное -ss передает здесь /-s/ (ср. многочисленные написания типа н.-фриг. totoss).

dekmoutais — им. пад. ед. ч. существительного, встречающегося также в N—31 и словообразовательно близкого к старофригийским формам на -(ev)ais. Очевидно, относится к имени в ст. 1. Неприемлемо объяснение *dekmoutais* как дат. пад. мн. ч. перфектного причастия пассива от **dekm-eu* 'уходить, умирать' (Diakonoff, Neroznak, p. 117). Возможно, *dekmoutais* — производное от **dekm-to-* 'десятый' и означает нечто вроде 'десятника' (ср. греч. δεκανός)¹¹.

kinouma — вин. пад. ед. ч. существительного со значением 'могила'. Вопреки высказывавшимся возражениям (Нерознак, с. 123) идентично более частому варианту *knouma*-и является, скорее всего, грецизмом (ср. греч. κένωμα 'пустое пространство; ниша'), см. также Haas, S. 76, 105. Запись *kinouma* отражает фонетическое следование /k(i)numan/, ср. другие случаи опущения -n на письме типа *kake* (N—21) при *kaken* (N—40).

eti — союз, этимологически идентичный греч. ἐτι 'еще; а также' (ср. далее др.-инд. áti 'против', лат. et 'и'), см. Haas, S. 96. Для сомнений по этому поводу (Нерознак, с. 123) оснований нет. Чтение e, а не s мотивировано, в частности, структурным сходством конструкции *kinouma eti m(a)npkan* «гробницу и стелу» и *knoumane... aini manka* «гробнице... или стеле» (N—26). См. еще N—18.

m(a)npkan — вин. пад. ед. ч. существительного со значением 'стела, надгробие', нечто, устанавливаемое на *knouma*-и, видимо, соответствующее греч. τὸ μνημεῖον (Diakonoff, Neroznak, p. 121). Видимо, *manka* — синкопированная форма незасвидетельствованного в надписях **manika* (ср. выше о *knouma*-и *kinouma*-), на что может указывать пассаж из Плутарха: Φρύγες μέχρι νῦν τὰ λαμπρὰ καὶ ταυμαστὰ τῶν ἔργων μακρὰ καλοῦσιν (Plut. Is. u. Os. 24, 360). Связь с и.-е. **men-* 'помнить' (Diakonoff, Neroznak, p. 121) возможна, но реконструкция **mṛkā* > *manka* ввиду сказанного маловероятна.

opestamenan] — вин. пад. ед. ч. медиального причастия ж. р. от приставочного глагола **opi-sta-* 'ставить, устанавливать'. Корень *sta-* < и.-е. **stā-* 'стоять; ставить'. Префикс *opi-* соответствует греч. ὀπι- в ὀπισθεν, ὀπίθε(ν) 'сзади, за', микен. o-pi 'на' (наряду с e-pi = греч. ἐπι). Заслуживает внимания отсутствие редупликации (невероятна реконструкция **opi-sesta-* в Diakonoff, Neroznak, p. 134), в связи с чем ср. *protusslelsta-menan* в N—15.

daditi — 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола, восходящего к и.-е. **dō-* или **dhē-*. Исторически данная форма является редулицированным атематическим презенсом, тождественным греч. τίθειμι 'класть, ставить' или δίδωμι 'давать' (в последнем случае трудно объяснить i в *daditi*). Фантастично сопоставление *daditi* с дативом *τηθίδι* 'тетке' (Haas, S. 106). Фонетически очень сомнительно возведение этой формы к сигматическому дедидеративу **dhā-dhē-sje-ti* (Diakonoff, Neroznak, p. 28).

penueria — дат. пад. ед. ч. женского личного имени (= *Νευορία* в греческой части надписи), вероятно, анатолийского происхождения (из **papa-wa-ri*), ср. хетт., лув. *papa/i-* 'брат', лув. *papašri-* 'сестра', а также исавр. *Ναυοας* < **papa/uwa-*. Искусственно выглядит этимология *penueria* < **pen-uer-ia* 'the one who turns to gain' (Diakonoff, Neroznak,

¹¹ См. Neumann G. // Kadmos. 1986. 25 S. 84. (далее — Neumann, 1986).

р. 125). В ауслауте -а передает /-ai/, ср. датив *mura* = /murai/ в N—25 и др.: сильно ослабленный сонантный элемент дифтонга уже мог не обозначаться на письме.

partusoubra — трудный для анализа сегмент, в котором предлагалось видеть согласованный с *neuueria* датив личного имени (Ramsay 1887) или эпитета (Diakonoff, Neroznak, p. 129). Возможно, однако, предполагать членение *partu soubra* и усматривать здесь адвербиальную конструкцию. Ее интерпретация существенным образом зависит от понимания основы *part(u)-*, встречающейся еще в N—42, N—87 и N—103. Сопоставление контекста N—103 [ios] *semon ti knoumani k[akon alberet itetik]-[partan* «кто этой гробнице зло причинит» (где забытая позже последовательность *itetik* выписана по ошибке, так как резчик привычно продолжил таким образом предшествующую часть), с *ios ni simoun knoumani k[akoun abbireto ai ni mmura* «кто же этой гробнице зло причинит или (другой) проступок (совершит)» в N—25 заставляет предположить, поскольку *mura*-семантически и функционально сближается со ст.-фриг. *vebru* (см. выше, P—04a), что *partu-* обозначает какую-то разновидность ущерба (менее вероятным кажется альтернативное соположение с конструкциями типа N—26, отождествляющее *partu-* со словами типа *manka-* и приводящее к этимологическому сближению *partu-* и лат. *pars* 'часть', см. Diakonoff, Neroznak, p. 129). Если так, *soubra* можно толковать как служебное слово со значением 'против, от' и сравнивать с греч. *ἄρα* < *so-bhr- 'до, вплоть до; до того, как; прежде чем'.

Перевод: «Квинт, (сын) Руфа, десятник (?), передает (или: устанавливает) гробницу, а также воздвигнутую (на ней) стелу для Ненверии (чтобы защитить ее) от ущерба (?))».

N—15 (Сейтгази, сев.-запад).

xeunē tan eiχ lukodan protuss[e]stamēnan mankan ami₄as ian ioi anar dorukā[...

Надпись приводится по Haas, S. 106, 116; см. еще Diakonoff, Neroznak, p. 84. В предшествующих публикациях — ряд существенных расхождений.

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 11: возможно и чтение *e* (Хаас). Зн. 12: обычно читают *a*, но горизонтальная черта отсутствует. Зн. 14: маловероятны альтернативные чтения *m* и *ps* (= *ψ*) (Хаас).

Ст. 4. Зн. 18: менее вероятно чтение *l* (см. ниже).

xeunē — дат. пад. ед. ч. женского личного имени (встречается и в собственно греческих надписях). Происхождение неясно¹².

tan — вин. пад. ед. ч. указательного местоимения ж. р. от основы *to- (ср. датив ж. р. *ta* в N—69).

eiχ lukodan — вин. пад. ед. ч. существительного (с предлогом?). Чтение гипотетично, что препятствует интерпретации. Вероятно все же, что перед нами сочетание предлога *eiχ* 'из' (= греч. *ἐξ*) с топонимом, ср. *Λόχοζος, πόλις Φρυγίας* (Steph. Byz. 418, 24); *Λυκόζεια, πόλις Θρακῶν, ἥ καὶ Λόχοζος* (Herodian. 4, 275, 38 L).

protuss[e]stamenan — вин. пад. ед. ч. медиального причастия с префиксом и редупликацией, собственно /proti-se-stamenan/. В конечном счете, к и.-е. *stā- 'стоять, ставить'. Префикс идентичен греч. гомер. *πρότι* (наряду с *πρός*), др.-инд. *prāti*.

mankan — см. N—9.

¹² Ср. также галат. *Ξεουα*: Zgusta. KPN, S. 368.

amias — им. пад. ед. ч. личного имени, ср. *Αμιας*¹³.

ian — вин. пад. ед. ч. ж. р. относительного местоимения (основа *iо-).

ioi — дат. пад. ед. ч. м. р. того же местоимения.

anar — им. пад. ед. ч. существительного 'муж, мужчина', этимологически тождественного греч. *ἀνὴρ* 'id'. арм. ауг и т. п., ср. уже Ramsay. Jahresb. 8, S. 115.

doruka — по верной догадке Хааса (Haas, S. 106), — им. пад. ед. ч. личного имени *Δοροχαιος*, засвидетельствованного в надписях (см. МАМА I, 308; Zgusta. КР. S. 152). Конец слова (и текста в целом) отсутствует.

Перевод: «Для Ксюны Амий (предназначил) эту доставленную из Ликоды (?) стелу, которую ему муж Дорикан [(отдал, передал?)».

N—18 (Байят, сев.-запад).

₁[---]oi knouma[n] eti deada manka₂n mimoga die akeni kouokaugosi
₃[] midakas dadou leukiōi dakar ₄leukis mimogas kee matar eugeha₅rna
ei ko ta tjama knoumen tan e₆[s]tas tai k[-]ltamanei ios moikra₇n latomei-
on egdaes mfo[ur]sa₈ gaini kos semoun knoumanei k₉akoun addaket aini
manka be<k>o₁₀s ioi me totoss eugisarnan

Надпись публикуется на основе Haas, S. 99, 116—117 с некоторыми поправками и конъектурами по Calder 1911, p. 174 и Calder 1926, p. 26.

Палеографический комментарий.

Ст. 2. Зн. 13: возможно и чтение *i* (Калдер, Хаас).

Ст. 4. Зн. 16: допустимо чтение *i*, однако не исключено, что это не знак, а случайные черточки.

Ст. 5. Зн. 3: как а читаем знак с двумя добавочными вертикальными штрихами по бокам. Хаас читает этот знак то как *ia*, то как *t* (Haas, S. 99, 116). Зн. 4: согласно Калдеру, здесь может быть и *e*. Зн. 10—11: чтение соответствует прориси (Haas, S. 99), хотя на с. 116 вместо *t* дается *a* (ср. *ae* у Калдера).

Ст. 7. Зн. 1: перед *n* Хаас читает *o*; скорее, это царапина на камне. Зн. 12: в чтении Калдера — *k*, что небезынтересно для дальнейшего анализа данной формы.

Ст. 9. Зн. 24: *k* пропущено резчиком; необходимость восстановления *k* подтверждается практически идентичным контекстом с *bekos* в N—99 (*me ke oi totoss eiti bas bekos*).

Joi — исход формы дат. пад. или наречия.

knouma[n] — вин. пад. ед. ч. существительного, см. N—9.

eti — см. N—9.

deada — комплекс частиц, отражающий либо /de a da/, либо даже /de ai da/. Как *de*, так и *ai* широко представлены в фригийском. Что касается *da*, ср. N—14 (*kno[u]lmanei...aina da teamas*). Этимологически *da* связано с *de* и, далее, с греч. *δέ* 'же; вот'.

mankan — вин. пад. ед. ч. существительного, см. N—9.

mimoga — дат. пад. ед. ч. личного имени, см. ниже. Ключное -а, как и в ряде других случаев, восходит к /-ai/.

die akeni — границы этой последовательности определяются необходимостью отчленить от него следующую группу знаков. Сопоставление с *dii detoi* 'богу на постаменте' (N—116) позволяет выделить здесь дат. пад. ед. ч. *die* 'богу' и локатив *akeni* '(на) памятнике', ср. ст.-фриг. *акена-* 'памятник'.

kouokaugosi — эта последовательность соответствует *keokkaugoi* (N—69),

¹³ См. далее: Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 338 ff.

рядом с которой также находится форма глагола *dō- (dadōn). Исход на -oi и -osi можно, вероятно, истолковать как датив-локатив ед. и мн. ч. Начальный сегмент kou-, видимо, из ke- (с ассимиляцией перед следующим -o-) и может быть сопоставлен с союзом ke 'и'.

midakas — им. пад. ед. ч. личного имени, ср. ст.-фриг. *midas* (M—01d, G—137 и др.).

dadou — 3 л. ед. ч. императива глагола *dō- 'давать'. Форма *dadou* продолжает *dā-tō(d).

leukioi — дат. пад. ед. ч. личного имени (см. ниже).

dakar — 3 л. мн. ч. перфекта от глагола *dhē- 'ставить, класть', ср. ст.-фриг. *dakati* 'ставит', *daΰet* 'установит'. Контекст показывает, что как *dakar*, так и *dakaren* (N—98) — формы мн. ч., причем исходной является, конечно, *dakar*. Эти формы на -г сопоставимы с хеттским претеритом типа *dāir* '(они) взяли', *akir* '(они) умерли'.

leukis — им. пад. ед. ч. личного имени. Видимо, графическая передача имени типа греч. *Λυκίας* или лат. *Lucius* (см. Haas, S. 102).

timogas — им. пад. ед. ч. личного имени. Происхождение антропонима неясно. К словообразованию ср. *temr-og-eios* (N—48).

kee — вероятно, орфографический вариант ke 'и'. Однако, если принимать чтение *kei* (см. выше), этот союз можно рассматривать как вариант *kai* (<греч. *καί*), возможно, под воздействием туземного ke.

matar — им. пад. ед. ч. существительного 'мать'; тождественно ст.-фриг. *matar* (W—04, B—01 и др.) по форме и, скорее всего, по значению, т. е. выступает здесь как имя Богини-матери, Кибелы.

eugexarna — им. пад. ед. ч. эпитета богини; он же (с некоторыми фонетическими отличиями) встречается ниже (стк. 10). Анлаут *eugexarna* напоминает многочисленные старофригийские эпитеты Кибелы на *eu-* 'благо-', что указывает на членение *eu-gexarna*. Допустимо, однако, членить и *euge-xarna* ввиду сходства *euge-* с *euki-* в N—30 и N—98.

ei — графический вариант союза *ai* 'или; если', тождественного греч. дор.-эол. *αι*, ион.-атт. *ει* 'если'. Объяснение *ei* <*sei (Diakonoff, Nergozpak, p. 90) противоречит фригийской сравнительно-исторической фонетике.

ko — графический вариант *kos* 'кто' <*k^ho-. Таким образом, *ei ko* соответствует *ai kos* в N—64. Утрата конечного -s перед начальным согласным следующего слова наблюдается часто, ср. *a batan teutous* (N—36) при *as batan teutous* (N—33).

ta — дат. пад. ед. ч. ж. р. местоимения *ta-* (см. N—15), собственно, фонологически /tai/.

tīama — дат. пад. ед. ч. существительного 'надгробие' (также с передачей конечного /-ai/ через -a. Возможна связь с греч. *σημα* (Haas, S. 77), что могло бы указывать на развитие и.-е. *ki- в фриг. *ty-*. Альтернативное объяснение заключается в сопоставлении *tīama* с лув. *tijammi-* 'земля' — тогда *tīama* могло бы означать 'земельный участок (на котором расположено захоронение)'. Трудность, однако, в том, что в поздних лувийских диалектах *tijammi* закономерно развивается в *zā*.

e[s]tas — возможно, глагольная форма (ср. тогда N—34). Остается неясным место словораздела. Быть может, следующие три знака надо объединить с этим фрагментом.

tai — дат. пад. ед. ч. местоимения или конец предыдущего слова?

k[—]ltamanei — дат. пад. ед. ч. существительного. Контекст позволяет предположить, что это слово может относиться к семантической сфере нанесения ущерба. Эпиграфически (а значит, и этимологически) неясно.

Чтение Хааса *koltamanei* подсказывает сравнение с *kolta* в N—30 (в чтении Калдера), однако последнее, видимо, — результат ложной интерпретации.

ios — им. пад. ед. ч. местоимения 'кто, который' (<(*iо-); идентично ст.-фриг. *yos, ios* (W—01a, W—01b, B—01, G—02 и др.).

moikran — вин. пад. ед. ч. прилагательного 'малый, маленький', собственно, фонетически /mikran/, ср. греч. *μικρός* 'id'.

latomeion — вин. пад. ед. ч. существительного '(каменная) плита' (или 'anaglyphum'), из греч. *λατόμιον* 'каменоломня', *'каменная плита', к *λᾱ-τομῆω* 'вырезать, высекать (камень)'.
egdaes — 3 л. ед. ч. безаугментного аориста от префиксального глагола *ek-dō- '(от)давать', ср. греч. *ἐκ-δίδωμι* 'отдавать, передавать, отдавать в наем, в аренду'.

m[ol]ursa — дат. пад. ед. ч. существительного с негативным значением ('вред', 'зло'); вероятно, анатолийское заимствование, ср. анат. **marša-* 'плохой', хетт. *maršahh-* 'вредить', лик. *mrsxxa-* 'id'.

aini — разделительный союз 'или', сложение из *ai* (см. выше) и частицы *ni* (ср. греч. *καί, ἤ, ἢ*, тох. в *pai*).

kos — см. выше.

semouin — дат. пад. ед. ч. указательного местоимения из **sesmōi* (Haas, S. 75). Едва ли верно видеть в *semouin* аккузатив, согласующийся с последующим прямым дополнением.

knoitmani — дат. пад. ед. ч. существительного *knoitma-*.

kakouin — вин. пад. ед. ч. субстантивированного прилагательного 'плохой, дурной', тождественного ст.-фриг. *kako-* (G—02 и др.).

addaket — 3 л. ед. ч. «имперфекта» приставочного глагола 'сделать, причинить'; за вычетом префикса *ad-*, эта форма совпадает со ст.-фриг. *da ʔ et* (W—01b)¹⁴. Подробно см. Haas, S. 80—81, 239.

aini — см. выше.

manka — дат. пад. ед. ч. существительного *manka-* (см. N—9).

be(k)os — им. пад. ед. ч. существительного 'хлеб': Значение *bekos* подтверждается свидетельствами Геродота (Hdt. II, 2) и Гесихия (*βέκος·ἄρτος ἢ ἄβητος· Φρύγες*). Подробно см. Haas, S. 9 et passim.

ioi — дат. пад. ед. ч. относительного местоимения *ios*.

te — усилительная частица, ср. греч. *μά, μήν*, а также *μέν* 'же, -то'. Далее сюда же лик. *te*, кар. -*m-*, хет. -*ma*.

totoss — им. пад. ед. ч. прилагательного с негативной семантикой, что следует из контекстов, сопологающих *totoss* и *bekos*, ср. N—99: *me ke oi totoss eiti bas bekos* «и ему (же) хлеб будет т.». Во всех употреблении *totoss* выдерживается написание двойного -*ss* в ауслауте. Можно было бы думать, что -*ss* отражает нечто вроде *-*nts*, но, как мы видели в (I), в таком случае ожидалось бы фриг. -*n*. Неясно.

eugisarnan — вин. пад. ед. ч. эпитета Богини-матери (см. выше). Аккузатив, видимо, употреблен здесь в специфическом обстоятельственном значении.

Перевод: «...гробницу, а также и стелу, (посвященную) богу на памятнике, Мидак пусть (пере)даст Левкию Мимоге. Левкий Мимога и ...-ая (Богиня-)мать установили (следующее). Если кто на этой могиле надгробие (это) ...-т для злоумышленника (?), который малую плиту отдал для дурного (дела), или (если) кто этому надгробию или стеле зло причинит, хлеб тому (да будет) горек (?) во имя (?) (Богини-)матери».

N — 30 (Акшехир, юг).

¹⁴ Иначе см.: *Brixhe C. Etudes néo-phrygiennes. II // Verbum. 1979. 2/2. P. 178.*

¹[-----]jepr[-]₂[-----]eikonoma ₃[-----]doudas akalas eukin argou sibē₄[-----]queban egeret oi auto aṓta ēketa <a>neittn[o]u

Надпись приводится по Haas, S. 111, 118 с учетом чтения в МАМА VII, 95.

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 1: возможно и чтение t. Зн. 5: Хаас читает здесь i (см. прорись: Haas, S. 111).

Ст. 4. Зн. 8—9: чтение ge Нерознак считает «явной ошибкой» (Нерознак, с. 125) и вслед за Калдером рассматривает этот сегмент как один знак — k. Это k, однако, отличалось бы от всех остальных k (ст. 2, зн. 3; ст. 3, зн. 8, 15; ст. 4, зн. 24) округлыми очертаниями наклонных штрихов. Лингвистическая интерпретация, исходящая из чтения k, кажется маловероятной (см. ниже). Зн. 16—17: по Калдеру здесь последовательность kk. Зн. 18: возможно и чтение o. Зн. 19: Калдер читает o. Зн. 20—21: лигатура. Зн. 28: менее вероятно чтение Калдера e. Зн. 29 сл: принимается чтение <a>neittn[o]u (второе n надписано над нечетким o).

jepr[-] — неясно. Попытка видеть здесь греч. ἐπρίαμῦ или ἐπρίατο ‘купил’ (Haas, S. 111) совершенно произвольна (см. Нерознак, с. 125). Возможно, граница слова проходит после i; в таком случае к фрагменту ерr[-] ср. αρrieis в N—49.

eikonoma — едва ли можно понимать как εἰ κόνομα, где κόνομα — вариант греч. κένομα ‘пустое место’ (Haas, *ibid.*). Возможно, адаптация греч. οἰκονόμος? Более гипотетично членение lei k onoma с выделением слова onoma ‘имя’.

doudas — им. пад. ед. ч. личного имени, широко представленного в новофригийских надписях и греческих надписях Фригии, ср. хотя бы N—81 (Ῥορέστῆς καὶ Δοῦδάς). Имя малоазийского происхождения, ср. ликаон. Δοῦδα, галат. Δοῦδα, писид. Δουδος и т. п. (Zgusta KPN, S. 153—154.).

akalas — им. пад. ед. ч. м.р. прилагательного с позитивным значением, на которое указывают другие контексты, где имеем akkalos как положительный эпитет bekos (N—33 и др.). Объяснения ak(k)al- из и.-е. *akwā ‘вода’ (Haas, S. 67) или как префиксального производного от ka- ‘идти’ <*g^hā- (Diakonoff, Nerosznak, p. 113) не внушают доверия. Соотнесение с и.-е. *akwā оставляет без объяснения удвоенное k; кроме того, принимая точку зрения Хааса, мы должны будем считать, что ak(k)alo- — прилагательное с суффиксом -l- (ср. н.-фриг. zemelo- ‘земной’), и в таком случае не ясно, как оно может быть определением к слову ‘хлеб’. Соблазнительно связать ak(k)al- с греч. κάλος ‘красивый, прекрасный’, рассматривая начальное a- как ἄ ἐπιτακίον или, ввиду геминции -kk-, как отражение префикса ad-.

eukin — вин. пад. ед. ч. существительного ‘обет, молитва’ (из греч. εὐχή), см. Haas, S. 111. В сочетании с argou находим eukin также в N—98.

argou — послелог с комбинаторно устанавливаемым значением ‘causa’. Фонетически неприемлемо объяснение из датива *alg^hōi ‘(по) цене’ (Haas, *ibid.*) ввиду невозможности перехода *l > фриг. r. Скорее argou может быть связано с греч. ἀρχή (< *rgh-) ‘начало; государственная служба’, что удовлетворительно и семантически, и фонетически. К тому же эта основа наличествует и в старофригийском в составе титула arkiaevais (M—01a) ‘государственный служащий’.

sibē[-] — неясно. Произвольна гипотеза в Haas, S. 111: «графический вариант» греч. σύβιος. Может быть, следует членить si bē[-] и видеть в si указательное местоимение ‘это’ (=ст.-фриг. si)? Тогда bē[-] — начало косвенного дополнения.

oueban — вин. пад. ед. ч. существительного 'вред, ущерб'. Негативное значение *oueban* вытекает из положения его варианта *ouoban* при глаголе *addaket* (N—48), что в новофригийском характерно для дополнений типа *kakoun* 'зло'. Следовательно, верно понимание *ouoban addaket* как 'damnum afficit' (Haas, S. 97); непонятна трактовка *oueban*, *ouoban* как 3 л. мн. ч. глагола 'плакать' (Diakonoff, Negroznak, p. 143). Фонетически, видимо, первичен вариант *oueban* /weban/, тогда как *ouoban* /woban/ — результат ассимиляции. Не исключено, что перед нами заимствование из анатолийского, ср. хет. *huwari-* 'злой'.

egeret — 3 л. ед. ч. «имперфекта» от глагола 'причинять'. Этимологически связано с греч. ἐγείρω 'побуждать; возбуждать; воздвигать'. Ср. (с пропущенным *kakoun*): *tis k(e) egere[t] [el]tittetikm[e]lnoi innou* (N—71) «те, кто причинит (зло), заклеямены пусть будут», Чтение *k* на месте *ge* приводило бы к необходимости вычленить *ekret(o)*, не имеющее никакой опоры во фригийском материале.

oi — вариант *ioi* (см. N—15), дат. пад. ед. ч. местоимения **io-*. Возможно, что (по крайней мере, в некоторых случаях) *oi* представляет иную местоименную основу **o-* 'этот; он'.

autō — дат. пад. ед. ч. м. р. местоименной основы *auto-*, ср. ст.-фриг. *avto-* (Г—03 и др.) 'сам'.

auta — им. пад. мн. ч. ср. р. той же основы.

ēketa — им. пад. мн. ч. существительного 'мольба, просьба, молитва', адаптация греч. (атт.) ἱκεσία 'id', ср. еще ἱκέτης 'проситель'. Непосредственным источником *eketa* могло бы быть **iketou* или **iketη*.

<a>*neittn[olu]* — вероятно, 3 л. ед. ч. императива от глагола *anei-* 'достигать; возвращаться', ср. греч. ἀνεμι 'восходить; возвращаться' (в конечном счете, к и.-е. **ei-* 'идти'). Флексия **-t(t)n(o)* продолжает и.-е. **-ntō(d)* с метатезой.

Перевод: «... (сделал) добрый (или : славный) Дуда по обету... (Если кто этому) ущерб причинит, (к) нему самому (его) собственные мольбы пусть вернутся».

N—31 (Ильчин, юг).

ias semoun knouman adiθreψak 2xeune<o>i [elddikeş eian mankan 3ian estaes bratere maimarēan 4poukros manis[olu eneparkes detoun 5[---] xeunan ai dmōs brokeiō 6[-----] dekmoutaēs iou 7[-----] protos ou[---]

Приводится на основе Calder JHSt. 31, p. 214 и Haas, S. 103, 118 с некоторыми коррективами.

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 19: все публикаторы читают здесь *g*, однако в N—49 имеем *adiθreψas*; весьма вероятно, что в данном случае за *g* была принята *psi* со стержней левой частью дужки. Зн. 21: Нойман предлагает конъектуру *s* (Neumann 1986, 82).

Ст. 2. Зн. 8: *e* более вероятно, чем предполагаемое Хаасом *a*. Зн. 14: Калдер ошибочно читает *e*.

Согласно Калдеру, N—31 — метрический текст, что прослеживается по первым четырем неповрежденным строкам.

as — предлог 'в, на', управляющий вин. и дат. пад., ср. N—33. Тождественно или близко по значению ст.-фриг. *es* (G—129) < **ens*. Этимологически, вероятно, *as* < **ṛ-s*, ср. греч. εἰς, ἐς 'в, на' < **en-s*.

semouin — вин. или дат. пад. указательного местоимения, ср. N—18.

knouman — вин. или дат. пад. существительного *knouma-* (см. N—9). В дативе ожидалось бы скорее *knoumanēi*, однако утрата *-ēi* могла бы объясняться гласным анлаутом следующего слова.

adiθreḡak — им. пад. ед. ч. существительного. Конечное -k <-s — результат сандхи (перед велярным в начале следующего слова), ср. аналогичные случаи в N—32, N—88, N—116 и др. Следовательно, в конъюнктуре Ноймана (см. выше) нет необходимости. По комбинаторным соображениям, перед нами подлежащее и притом *nomen auctoris* (ср. также N—49), но этимология слова не установлена. Нойман (*ibid.*) сопоставляет *adiθreḡak* с точки зрения структуры с именами типа килик. *Σαρίδης* и вост. -фриг. -писид. *Πατήρας*, но и в названных именах, и в *adiθreḡak* едва ли правомерно выделять суффикс -ḡa-. С другой стороны, привлекательна мысль Ноймана о том, что за *adi(θreḡak)* скрывается префикс *ἀντί*, ср. передачу *Ἀδιγόνη* = *Ἀντιγόνη*.

xeune«oi» — дат. пад. ед. ч. женского имени *Xeunē/Xeuna* (см. N—15). Появление здесь тематического -o- ничем не оправдано, что заставляет нас видеть в *xeune«oi»* ошибку резчика. Контекст не позволяет видеть здесь, вопреки Нойману, датив особого мужского имени **Xeuneios*.

[e]ddikes — 3 л. ед. ч. аориста от глагола **deik-* 'указывать' с нулевой огласовкой корня, ср. ст.-фриг. *deiket* 'указывает'.

eian — вин. пад. ед. ч. ж. р. дейктического местоимения **eiō-*, ср. ст.-фриг. *euo-* (B—01). Допустимо рассматривать *eian* и как графический вариант *ian* (см. ниже). Трудно согласиться с излишней конъюнктурой **esan* (Neumann, *ibid.*) и с пониманием (e)*ian* как наречия 'здесь; теперь' = лат. *iām* (Diakonoff, *Neroznak*, p. 112).

mankan — вин. пад. ед. ч. существительного *manka-*, см. N—9.

ian — вин. пад. ед. ч. р. относительного местоимения **iō-*.

estaes — 3 л. ед. ч. аориста от глагола *sta-* 'ставить' (к и.-е. **stā-*).

bratere — дат. пад. ед. ч. существительного 'брат', встречающегося также в так называемой «псевдомизийской» надписи из Уючука (см. Bayun, Orel).

maimarēan — вин. пад. ед. ч. ж. р. прилагательного 'мраморный', адаптация греч. *μαρμάρειος* 'id'. с диссимиляцией (см. Haas, S. 103). Иначе см. Neumann 1986, S. 80 ff. (*maimarēa-* как фонетическая передача лат. *memoria* с довольно неожиданным здесь колебанием а/о).

roukros — им. пад. ед. ч. личного имени.

manis[olu] — род. пад. ед. ч. личного имени **Manisos*¹⁵. Менее вероятна интерпретация *manis[olu]* как несклоняемого (ср. Haas, S. 104: приводит как параллель форму *Μανόσου*).

eneparkes — 3 л. ед. ч. аориста, тождественно ст.-фриг. *eneparkes* (см. M—01d и др.) 'возвысил; воздвиг'.

detoun — вин. пад. ед. ч. существительного 'гробница', 'основание гробницы' (Neumann 1986, 83: из и.-е. **dhē-to-*; ср. также Haas, *ibid.*), см. далее N—116. Наличие в N—116 другой падежной формы, *detoi* заставляет отказаться от гипотезы Калдера, членившего данный сегмент как *de tou[n]bon* и связывавшего *toun[bon]* с греч. *τύμβος* 'могила, надгробная плита'. Остающаяся незаполненной лакуна в 3 знаке после *detoun* могла содержать предлог или энклитику.

xeunan — вин. пад. ед. ч. имени (см. выше) в функции датива (возможно, это значение было обусловлено несохранившимся предлогом). Известны, однако, и случаи беспредложного аккузатива в функции датива.

ai — союз, см. N—18.

¹⁵ Так см.: Kowal B. Zur spätphrygischen Inschrift 31 // *Kadmos*. 1984. 23/2. S. 180 f.

dmōs — им. пад. ед. ч. существительного 'раб' (из греч. *δμῶς* 'id').
brokeiō — неясно. Может быть, род. или дат. пад. ед. ч. существительного?

dekmoutaēs — им. пад. ед. ч., см. N—9 и ниже.

iou[— неясно. Возможно, более правдоподобно членение *dekmoutae si ou[*. В таком случае *dekmoutae* может быть дативом, а *si* — указательным местоимением ср. р. (см. N—30).

[protos — им. пад. ед. ч.; вероятно, тождественно греч. *πρῶτος* 'первый'
ou[— неясно.

Перевод: «На этой могиле *a*. Ксюне предназначил этот памятник, который из мрамора (он) для брата поставил. Пукрос, (сын) Маниса, воздвиг гробницу для Ксюны. Если раб ... для десятника (?) это ... первый (?) ...»

N—48 (Эскишехир, сев.-запад).

ei[-]tō nioumenos niouisios nadrotos zeitou mitrafata ke mas temrogeios ke pountas bas ke enstarna [-]ldoumō ke oi ouōban addaket orou

Далее следует греческий текст: ἀπαρθεμένην τὸ μνημεῖον τοῖς προγεγραμμένοις θεοῖς καὶ τῇ κόμῃ ταύτῃ ὁ πατήρ Ἀσκληπίος. Воспроизводится на основе Haas, S. 97, 120 с некоторыми исправлениями.

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 2: возможны также чтения *t*, *u* и даже *ut* (лигатура). Зн. 3: в прориси у Хааса пробел для одного знака; предлагалось чтение *i* (Нерознак, с. 126; Diakonoff, Neroznak, p. 86). Зн. 4: возможно и чтение *t*. Зн. 5: Хаас читает здесь *θ*; Дьяконов и Нерознак полагают, что и в данном случае *θ*, как обычно в новофригийском, обозначает *ō*.

Ст. 7. Зн. 1: пробел, в котором мог уместиться один знак. Зн. 11: возможно чтение *e*.

ei[-]tō — 3 л. ед. ч. императива 'да будет', графический вариант *eitou* (см. N—30). Для того чтобы усматривать здесь греческую датировку *εἰ(ους)τθ* (Haas, S. 97), видимо, нет оснований (см. по этому поводу Diakonoff, Neroznak, p. 86).

nioumenos — им. пад. ед. ч. медиального причастия, образованного от незасвидетельствованной в других формах глагольной основы. Возможно, следует членить *ni-ou-men-os* (с префиксом *ni-*), см. Haas, S. 97, однако предполагаемая Хаасом связь с *outan* (N—36) вызывает сомнения. Еще менее вероятно выделение *θnioumenos* и дальнейшее объяснение из и.-е. **dhyēn*- (Diakonoff, Neroznak, p. 104).

niouisios — возможно, им. пад. ед. ч. личного имени или прилагательного. Все имеющиеся толкования этого и следующего слова кажутся неприемлемыми.

nadrotos — возможно, им. пад. ед. ч. личного имени. Нехарактерная для новофригийского последовательность императив + причастие + существительное (вместо обычной: существительное + причастие + императив) может объясняться тем, что с синтагмы, содержащей императив, в данном случае начинается текст, или тем, что перед нами — способ стилистического выделения следующих за императивом слов.

mitrafata — им. пад. ед. ч. теонима или личного имени из иран. *miθra-x^aatā-* (Haas, S. 98) или, что более вероятно, из **miθra-pā-t(i)-* (Diakonoff, Neroznak, p. 124), ср. последнее в анатолийской передаче — *лик*. A *mizrpata*.

ke — сочинительный союз, см. N—18.

mas temrogeios — им. пад. ед. ч. теонима с эпитетом. Форма *mas* близка к *Mā* греческих надписей. Что касается *temrogeios*, то это прилагательное

на /-еуо-/ (ср. старофригийские эпитеты Кибелы с тем же суффиксом) от названия реки Тембрис, ср. имя $\tau\epsilon\upsilon\beta\rho\acute{o}\iota\omicron\varsigma$ в греческой надписи из Юч-Юйюк и передачу соответствующего гидронима как *Tembrogius* у Плиния (Haas, *ibid.*).

ke — см. выше.

pountas — им. пад. ед. ч. теонима (или личного имени?). Сомнительно объяснение из * Πέμτα (Haas, S. 98) и возведение к и.-е. **p(e)u-* (Diakonoff, Nerosznak, p. 131: перевод — 'purified'). Не исключено, что *pountas* — адаптация греч. Πόντος как обозначения (обожествленного?) Черного моря, в которое впадает Тембрис.

bas — частица (усилительная или со значением 'де, мол') из и.-е. **bhā-s-t*, аор. от **bhā-* 'говорить' (ср. русск. де <**deje*(ть) 'говорит', мол < молвил¹⁶). То, что *bas* представляет собой служебное слово, подтверждается всей совокупностью контекстов (ср., например, N — 99); неприемлемы объяснения в Haas, S. 85 (*bas* 'мать-Земля'), Nerosznak, с. 127 (так же) и с. 128 (*bas* 'бабка'), Diakonoff, Nerosznak, p. 98 (*bas* 'бабка; душа покойного'). В пользу нашего решения говорит и явно фригийская глосса $\beta\acute{\alpha}\sigma\kappa\epsilon\lambda\eta\sigma\tau\omicron\nu$ (Hes.), позволяющая интерпретировать *bas ke* или как частицу, или как наречие 'вблизи, поблизости'¹⁷. В последнем случае *mas temrogeios pountos bas (ke)* следует понимать как 'божество (реки) Тембрис, что при Понте (ср. поблизости от Понта)'.
ke — см. выше.

enstarna[-] — дат. пад. ед. ч. прилагательного (?) с неясным значением. Возможно, *en-* или *ens-* надлежит отделить как предлог ('в?'). К *auslautu* ср. *eugexarna*, *eugisarna*.

doutō — дат. пад. ед. ч. существительного, соответствующего ст.—фриг. *duma-* (B—01) 'религиозное собрание'.

ke — см. выше.

oi — дат. пад. ед. ч. местоимения (см. N — 30).

oioban — см. N—30.

addaket — см. N—18.

orou — наречие 'наверх(у), сверху' (ср. еще N — 92), отражающее, вероятно, датив или генитив основы /*orwo-*/; слово засвидетельствовано в античных источниках (Achill., Schol. ad Arat. Phaenom., 85), см. Haas, S. 98. 169: $\omicron\rho\omicron$.

Перевод: «Да будет ...-ным(и) ...-ым Надрот(?), да будет Митрапата с божеством (реки) Тембриса, которое близ (?) Понта, в ...-м (религиозном) собрании и тому (злоумышленнику) наверху ущерб причинит».

N—49 (Иконий, юго-восток).

$\text{ēlios gaios agorani } \gamma\alpha\chi\alpha\text{nes topou } \gamma\kappa\alpha\omicron\alpha\text{nia pragmatikon } \mu\alpha\tau\acute{o}\langle\kappa\rangle\text{i eis-tani } \gamma\text{pelta ka}\langle\text{i}\rangle \text{ēli adi}_6\text{θrefas aprieis. [ue] } \gamma\text{aurēlian bas } \{ke\}$.

Далее следует греческий текст: $\delta\sigma\tau\iota\varsigma \acute{\epsilon}\pi[\mu\beta\acute{\iota}\alpha]\sigma\eta\sigma\tau\epsilon \delta\acute{\omega}[\sigma\epsilon\iota] \tau\tilde{\omega} \phi\acute{\iota}\sigma\chi[\phi] (\delta\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\rho\iota\alpha) \alpha'$.

Приводится на основе Calder. JHSt 31, p. 188 f. и Haas, S. 110, 120 с некоторыми поправками.

Палеографический комментарий.

Ст. 6. Зн. 13: допустимо также чтение е. Зн. 14—15: так у Калдера; Хаас считает, что знаки здесь отсутствовали.

Ст. 7. Зн. 12—13: Хаас (видимо, без достаточных оснований) читает

¹⁶ См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 489 сл.; т. II. М., 1967. С. 641.

¹⁷ См. подробно: Баян Л. С., Орел В. Э. Новофригийские этюды III // LB XXX, 3. София, 1987. С. 175 сл.

ан. По Калдеру — ка, однако контекст N — 48, ст. 6 подсказывает чтение ke.

ēlios gaios — им. пад. ед. ч. двух личных имен с пропуском сочинительного союза (ср. мн. ч. сказуемых). Оба имени — римские (*Aelius, Gaius*), см. далее Haas, S. 110.

agorani — 3 л. мн. ч. наст. вр. глагола 'покупать', адаптация греч. ἀγοράζω 'id'. или самостоятельное фригийское образование на базе греч. ἀγορά 'рынок'. Флексия -ni сопоставима с показателем 3 л. мн. ч. презенса глаголов старого *hi*-спряжения в ликийском, ср. *sttāni* 'устанавливают'¹⁸. Едва ли верно видеть здесь имперфект (Calder, p. 190) или аорист с инхоативным суффиксом -ni = слав. *-nъ-(Diakonoff, *Neroznak*, p. 24). Презенс в данном случае употреблен в значении *passé immédiat*.

aḫanes — вин. пад. ед. ч. существительного 'пустой участок', из греч. τὸ ἀχανές 'id'. ср. несколько иначе Haas, S. 110. Трактовка *aḫanes* как глагольной формы (Нерознак, с. 128) неприемлема ни формально, ни комбинаторно, как и утверждение, что «Форма *aḫanes* не *Accus. Sg.*» (там же).

toron — вин. пад. ед. ч. существительного 'место', из греч. τόπος 'id'.

kaonia — дат. пад. ед. ч. (в значении локатива) топонима / *kawania* / — не что иное, как малоаз. *Kaonia* < анат. **kawa-ni-* или **kawa-wani-*¹⁹. Догадку о том, что *kaonia* — топоним, высказал Нерознак (не указавший, однако, конкретного источника), см. Нерознак, с. 129. Выделять здесь *oania* 'жилище (мертвых)' (Diakonoff, *Neroznak*, p. 140 f.), разумеется, нецелесообразно.

pragmatikon — вин. пад. ед. ч. прилагательного 'продажный, подлежащий продаже', из греч. πραγματικός 'id'. (ср. несколько иначе, с выделением *apragmatikon* — Haas, S. 110).

atō — дат. пад. ед. ч. существительного 'отец' = ст.-фриг. *ato*-(W-10). Менее вероятно трактовка *ato* как служебного элемента (ср. Haas, S. 110: *atō* 'dazu').

ka<i> — сочинительный союз 'и'. В принципе не исключено, что *ka* — фонетический вариант *ke* (так Diakonoff, *Neroznak*, p. 113), однако, имея в виду характер текста («ein Beispiel für das Kauderwelsch Kleinasien», Haas, S. 110), соблазнительно видеть в *ka* передачу /*kai*/ < греч. καί 'и' с невыписанным -i перед начальным передним гласным следующего слова. Едва ли *ka* соответствует греч. κατ- (Haas, *ibid.*).

eistani — 3 л. мн. ч. наст. вр. глагола 'ставить, устанавливать', ср. аор. *estae* (N-31). Начальное *ei-*, видимо, протетическое, ср. ст.-фриг. *estatoi* 'пусть поставит', где *e-* того же происхождения. Форма *-stani* точно соответствует лик. *sttāni* (см. выше).

pelta — вин. пад. мн. ч. существительного 'цоколь, основание (саркофага, гробницы, алтаря)'. Засвидетельствовано в греческих надписях Ликаонии. Анатолийское заимствование, ср. хет. ^{G18}*palzaḫḫa* 'цоколь, основание статуи' (см. Haas, *ibid.*; Chantraine III, p. 878). Любопытно сопоставить эти формы с семит. **błt* 'плоский камень' (араб. *balāt*- 'плита' и т. п.).

¹⁸ См. подробнее: Баюн Л. С., Орел В. Э. Фригийско-анатолийские языковые и этнокультурные отношения // *Paleobalcanica*. М.: Наука. 1989 (в печати).

¹⁹ См. *Sundwall J.* Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme // *Klio*. 1913. II. S. 286; Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 52.

ka<i> — см. выше.

ēli — дат. пад. ед. ч. личного имени (см. выше). Данная форма (вместо ожидаемого *ēliōi) может объясняться элизией перед следующим начальным а-.

adiθreϕas — им. пад. ед. ч. существительного, см. N—31.

aprieis — контекст заставляет видеть здесь сказуемое (маловероятно prieis ‘любимая’, ср. Haas, *ibid.*; Diakonoff, *Neroznak*, p. 131). Возможно, aprieis отражает /ad-priyes/ и является 3 л. ед. ч. аориста глагола ‘покупать’, родственного греч. πρίασθαι ‘id.’, аор. ἐπρίαμην.

[ue] — видимо, отражает /wen/ = ст. фриг. ven (W—016), ср. далее греч. ἐ (так Diakonoff, *Neroznak*, p. 108).

aurelian — вин. пад. ед. ч. женского имени.

bas [ke] — см. N—48.

Перевод: «Элий (и) Гай покупают пустой участок, продающееся место в Кавании, для (своего) отца и устанавливают цоколь (саркофага). Для Элия же а. (при)купил (участок) поблизости от Аврелии».

N—58 (Башкавак, восток).

monan ml[-]ro tiēion egesit ge₃gri₄me₅no₆n[

Под надписью имеется следующий греческий текст: Ἀπολλωνία ἀνδρὶ καὶ υἱῷ μνήμης χάριν Διογένη[ς] πατρὶ καὶ ἀδελφῷ μνήμης χάριν. Приводится на основе Calder. *JHSt* 31, 204 и Haas, *S.* 122.

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 7: на прориси — два коротких горизонтальных штриха. Они могут быть и случайными, а расстояние между m и r достаточно мало, чтобы считать, что между ними вообще не было знака. Чтение e (Хаас) невероятно. Зн. 12: альтернативные чтения — r, u.

monan — вин. пад. ед. ч. существительного ‘жилище, обитель’, соответствующего или, что не менее вероятно, заимствованного из греч. μονή ‘id.’ (у христиан — ‘монастырь’). Едва ли верно понимать monan как причастие и сравнивать его со слав. *maniti (Diakonoff, *Neroznak*, p. 124.).

ml[-]ro — дат. пад. ед. ч. (в значении локатива); аббревиатура существительного /matero-/*храм, святилище Кибелы’. Таким образом, ml[-]ro /materoi/ тождественно ст. -фриг. mroy (см. B—01). Ту же аббревиатуру находим и в N—114: ... Ion mros sas ios[...

tiēion — вин. пад. ед. ч. прилагательного ‘божественный’, соотносительного с tio- ‘бог’, что подчеркивается близостью контекстов tieion egesit gegrimenon и gegreimenon...egedou tios ‘исполнит божественное начертанное (слово)’ в «стандартных» надписях. Напрашивается сопоставление tio- и tiēio- /tiyo-/ с греч. θεός и θεῖος, соответственно, особенно ввиду шаткости имеющих этимологий греческих слов (типа θεός < *θ₁εος). Возможно, однако, и иное объяснение, основой которого служит сопоставление tiēion с ст. -фриг. tiveia; действительно, и tio-, и tiēio- могут графически передавать /tivo-/ и /tiveyo-/, откуда и перспектива их сравнения с соответствующими анатолийскими словами вроде лув. tiyat-‘бог Солнца’, мил. ziw-‘бог’. Выбор той или иной версии, однако, не влияет на семантическую интерпретацию tiēion.

egesit — 3 л. ед. ч. буд. вр., практически совпадающее со ст. -фриг. egeseti (P—04a) ‘сделает, совершит’.

gegrimenon — вин. пад. ед. ч. медиального причастия (с редупликацией) от глагола ‘писать’, восходящего к и.-е. *ghreis-, ср. греч. χρίω ‘пачкать, красить, царапать’ (см. Haas, *S.* 86 f). Важен отмеченный Хаасом топоним Γριμενο-θύραι (Haas, *loc. cit.*), т. е., собственно, ‘портал

с надписями): памятник, на котором выполнена надпись N—58, как раз и есть такой портал.

Перевод: «... нанесет надпись на (или 'украшит надписью') божественную обитель в храме (Богини-)матери».

N—69 (Кадынханы, юго-восток).

einemadous xeune poir are opade₄n atō knou₅man [o]uekr₆ō dadōn e₇ion ousō ei₈roitēmen p₉atrs deous₁₀i as maneis₁₁dadōn ke₁₂okkaugoi₁₃ournos ae₁₄ni <i>os sai ka₁₅kon adda₁₆ket mank₁₇ai t{i ai} ni₁₈zōš ke p₁₉eis k<e>eti te₂₀tikmenos₂₁eitou

Надпись приводится на основе МАМА I, 33 и Haas, S. 107, 124, с некоторыми изменениями.

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 5—6: чтение лигатуры ma удостоверяется аналогичной лигатурой в ст. 16, где чтение ma(nkai) — единственно возможное.

Ст. 2. Зн. 4: возможны также чтения e, s.

Ст. 6. Зн. 7: возможно чтение s.

Ст. 7. Зн. 6—7: возможно чтение eia.

Ст. 8. Зн. 6: ошибочно общепринятое чтение al; знак представляет собой неаккуратно написанное m.

Ст. 9. Зн. 3: едва ли верно альтернативное чтение e.

Ст. 13. Зн. 4: не соответствует прориси чтение Хааса m. Зн. 5: возможно также s.

Ст. 17. Зн. 2: допустимо также n. Зн. 4—6: едва ли удачно видеть здесь два знака — os, так как интервал соответствует не двум, а трем знакам. Кроме того, ni после указательного местоимения встречается только в протасисе стандартных формул проклятия.

einemadous xeune — им. пад. мужского и женского имен. Имя einemadous содержит распространённую в Малой Азии ономастическую основу 'Ivva, ср. также ст. -фриг. имя ina-

poir — вин. пад. ед. ч. существительного 'огонь', в другой графической форме — poug (N—88). Родственно и с морфонологической точки зрения весьма близко к греч. πῦρ 'id'; как известно, это сходство отмечалось ещё у Платона (Kratylos 410).

are — возможно, служебный элемент, родственный греч. ἄρα. В любом случае, следование areopade- не может отражать греч. Ἀλεπάτη (Haas, S. 107).

opaden — 3 л. мн. ч. «имперфекта» от глагола 'давать, учинять (?)', адаптация греч. δάζω 'давать (в придачу)', ср. также ὀπηδέω, ὀπαδέω 'следовать, сопровождать'.

atō — дат. пад. ед. ч. существительного 'отец', см. N—49.

knouman — вин. пад. ед. ч. от knouma-, см. N—9.

[o]uekrō — дат. пад. ед. ч. существительного 'свекор', из и. -e. *sueku-ro-'id'. (Haas, S. 107) с регулярным развитием *su-> фриг. /w-/.

dadōn — 3 л. мн. ч. «имперфекта» <*dō- 'давать', соотносительное с презенсом daditi, см. N—9. Едва ли это личное имя (ср. Haas, S. 107).

eion — вин. пад. ед. ч. м.р. местоименной основы, о которой см. N—31, s. v. eian.

ousō — дат. пад. ед. ч. слова с неизвестным значением. Согласуется с [o]uekro.

eirotemen — вин. пад. ед. ч., объект глагола dadōn. Значение неясно.

patrs — им. пад. мн. ч. существительного 'отцы, родители', здесь, возможно, 'праотцы, предки (?)', ср. pateres в N—98. Фонетически

patrs = /pateres/. Та же основа представлена в «псевдомизийской» надписи (см. Bayun, Orel 1988): patriyioiś 'родственникам, потомкам'.

deousi — дат.-лок. пад. мн. ч. от субстантивированного прилагательного deo- 'небесное (божество)', ср. в иных графических вариантах — diounsин (N—88), diisin (N—55). Далее ср. формы дат. пад. мн. ч. на -s/-si в N—40, N—42 и др.

as — предлог 'в' (обычно с вин. пад.), см. N—34 и ст. -фриг. es'в'.

maneis — вин. пад. мн. ч. 'гнев (?)', ср. греч. μῆνις, μᾶνις 'божественный) гнев, негодование'. Едва ли это личное имя (Haas, S. 107), ввиду позиции после as.

dadōn — см. выше.

keokkaugoi — дат.-лок. пад. ед. ч., см. N—18.

ournou — видимо, локатив мн. ч. существительного 'небо' фонетически — /ur(a)pus(i)/, далее — к греч. οὐρανός, см. N—88.

aeni — графический вариант союза aini, см. N—18 (хотя последний обычно выступает как разделительный, а не вводящий союз).

<i>os — им. пад. ед. ч. местоимения *iō-. Начальный /y-/ опущен после ауслатного -i предшествующего слова.

sai — дат. пад. ед. ч. жр. указательного местоимения, совпадает с ст. -фриг. e-sai-t (W—01b). Ср. в другом графическом варианте sa = /sai/ (N—67).

ti/i — фонетический вариант союза eti (см. N—9), ср. варьирование ti/eti перед причастиями в «стандартных» надписях.

[ai]ni — см. выше.

zōs — как и zelos в N—97—аббревиатура zemelos 'земные (божества)' (подробное обоснование см. Heubeck 1987, S. 84). Прочие решения (см., например, Haas, S. 90) сугубо гадательны.

ke — сочинительный союз, см. выше.

peis — дат. пад. мн. ч. существительного 'демон (?)'. Как показал Хойбек, это слово (вариант которого peies в N—12, видимо, фонетически точнее) входит в ряд обозначений божеств. С историко-фонетической точки зрения недостоверно объяснение rei(e)s < *reik- 'злой, враждебный' (Diakonoff, Neroznak, p. 130).

eti — союз, см. выше. Перед причастием, видимо, выступает в роли десемантизированного преверба.

tetikmenos — им. пад. ед. ч. медиального причастия 'проклятый'. Восходит к и. -е. *(s)teig-, ср. греч. στίζω 'колоть' (Haas, S. 88). Синоним в греческой надписи, имитирующей фригийскую формулу проклятия, — κατηραμένος.

Контекст заставляет предполагать, что в 1-й части надписи речь идет о кремации. Вероятно также, что atō и [o]uekō обозначают разных лиц, а надпись составлена от имени Ксюны. Если же atō и [o]uekō — одно лицо, то Инемад и Ксюна скорее всего супруги. Перевод: «Инемад (и) Ксюна огонь вот (?) зажгли (букв.: воздали) для отца и гробницу эту дали для свекра. Его (или: это) ... предки небесным (божествам) в гневе (?) дали и ... небесам. Если кто этой стеле зло причинит, то (?) земными (божествами) и демонами (?) проклят да будет!».

N-88 (Баглыча, сев.-запад).

ios ni semoum knoumanei kake zaddaket aōrō ouenaouias ti g₄gegaritmeno(s) eitou pour ouana₃ktan ke ouranion isgeiket diounsин [...]

Надпись предшествует следующий греческий текст: Αἰρ. Μηνόφιλος Οὐενοῦστω καὶ Μανία Ἀντιόχου ἢ γυνὴ αὐτοῦ Ἄππη καὶ Οὐεναοὐίη τέκνοις ἀφοῖς καὶ ἑαυτοῖς μνήμης χάριν. После новофригийской надписи

имеется продолжение на греческом: καὶ Ἀφρ. Σώζονται Κανκάρου ἀνδρὶ τῆς Οὐρανοῦης.

Приводится на основе МАМА I, 413 и Haas, S. 88, 108.

ios ni semoun knoumaneī kake addaket — см. N—18.

āōrō — дат. пад. ед. ч. прилагательного 'преждевременный', из греч. ἄωρος 'id'. (ср. греческий текст).

oueпаουiас — род. пад. ед. ч. женского имени, широко представленного в греческих надписях Фригии (см. Zgusta. KPN, S. 396), из анатолийского *wapa-wija²⁰. Неубедительно объяснение из и. -е. *цeп-ац-ї-а 'полная любви, желанная' (Diakonoff, Neroznak, p. 142).

ti — вариант союза *eti*, см. N—69. Членение *tig gegaritmeno<s>*, предложенное Хаасом, несмотря на свои сильные стороны (*tig* < *tis* или *tid* перед *g-*), малоудовлетворительно комбинаторно и семантически. По Хойбеку (Heubeck 1987, S. 71) удвоенное *gg-* в причастии сопоставимо с аналогичным удвоением в *tetikmenos* (см. в разделе «стандартных» надписей).

ggegaritmeno<s> — им. пад. ед. ч. медиального причастия 'проклятый' (обычно — *gegaritmenos*). Возможно, прав Хаас, сопоставляющий это слово с греч. *θευχαρισμένος* 'devotus' (Haas, S. 96), что заставляет предполагать довольно часто наблюдаемое в сакральной лексике изменение значения от положительного к пейоративному.

eitou — см. N—48.

pour — им. пад. ед. ч. существительного 'огонь', см. N—69.

ouanaktan — вин. пад. ед. ч. существительного 'царь', тождественного ст. -фриг. *vanak* (M—04). Иначе — Haas, S. 109.

ke — сочинительный союз, см. N—18. Используется в конструкции имя + определение подобно ст. -фриг. *devos ke mekas* 'великие боги'.

ouranion — вин. пад. ед. ч. прилагательного 'небесный', из греч. οὐράνιος 'id'.

isgeiket — 3 л. ед. ч. «имперфекта» глагола 'сохранить', точно соответствует греческому перфекту ἔσχηκε, как ст. -фриг. *daſet* 'установит/л' — греческому ἔθηκε²¹. Таким образом, основа здесь **sg^h-ēk-*; *i-*, вероятно, протетическое, как и в других случаях. Весьма неудачно членение *isgei k et* (Haas, loc. cit.). Дьяконов и Нерознак (p. 109) выделяют префикс *is-* и возводят *geik-* к **g^h-hei-g/k-*, откуда, по их мнению, и слав. **žegti* 'жечь'; последнее, однако, бесспорно из **dheg^h-*.

diounsini — дат.-мест. пад. мн. ч., см. N—69. Заслуживает особого внимания появление -n, оформляющего флексию в точности, как в греческом.

Перевод: «Кто этой преждевременной гробнице Венавии зло причинит, (тот) да будет проклят. Огонь (да) сохранит небесного царя среди (или: для) небесных (божеств)».

N—98 (музей Дорилейона).

dakaren paterēs eukin argou

Надпись предшествует греческий текст: Κλωδία Σοφοκλέως θυγάτηρ καὶ Τερτίας. παρθένε χαῖρε.

Приводится на основе МАМА VII, табл. 28 и Haas, S. 112, 127.

dakaren — 3 л. мн. ч. перф., см. N—18. Наличие -en в данном случае может объясняться аналогией с 3 л. мн. ч. «Имперфекта» на -(e)n.

²⁰ См. Шеворошкин В. В. Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965. С. 262 (с литературой).

²¹ См. Kretschmer P. Χθών // Glotta. 1932. 20. S. 66.

paterēs — им. пад. мн. ч., см. N—69.

eukin argou — см. N—30.

Перевод: «Установили родители по обету».

N—116 (музей Афиона; беломраморная стела).

¹xeune ios«os» ke deton [-] ₂Ψ oðan ke tan saunaman[-] ₃knouman k akro d manke a[-] ₄d imon meiomon riditi tai t oðs [-] me onoman ias enar ke ermō₆[-]los knaiko ekatēas ₇[-]lōmousas ai pos ekanes aka[-] ₈deo pok gonion teutōsi ie[-] ₉nnou tais edaes pinketas d[-] ₁₀kerēs onoman iais ml[-]rou i[-] ₁₁knai kan edaes is argmena[-] ₁₂opari ko oan oe autai is ke e[-] ₁₃toisinioi knouman tian te₄κmar ðii detoi oinis

Самая ранняя новофригийская надпись (не позднее I в.н.э.), обнаруженная К. Бриксом в 1982 г. и первоначально находившаяся в Гезлер Кейю. Приводится на основе публикации С. Brixhe, G. Neumann // *Kadmos*. 1985. XXIV. P. 161—184 (с прорисью, фотографией и транслитерацией), но с некоторыми коррективами и с иным словоделением.

Палеографический комментарий.

Ст. 1. Зн. 9—10: типичная ошибка резчика, повторно выписавшего две последние буквы.

Ст. 2. Зн. 1: по Бриксу и Нойману — греческая *psi*; однако по виду знак разительно отличается от *psi* и совпадает со ст.-фриг. Ψ = /kh/или /x/.

Ст. 6. Зн. 2: наличие следов горизонтальной черточки заставляет предположить скорее а, чем l или d. Зн. 18: после этого знака — большая лакуна, свидетельствующая о конце синтаксического целого.

Ст. 10. Зн. 17: на фотографии интервал между зн. 16 и 18 незначителен и полностью поврежден. Не исключено, что здесь вообще не было знака. Если же верить прориси, следует читать i, а возможно, и любую другую букву с вертикальной чертой.

Ст. 12. Зн. 23—24: по Бриксу и Нойману, зн. 23 — п, за которым остается место для какой-либо узкой буквы; однако зн. 23 можно читать и как l с последующей достаточно широкой буквой.

xeune — дат. пад. ед. ч. женского имени, ср. N—15.

ios«os» ke — сочетание местоимения *ios* в им. пад. с союзом /частцей *ke*, ср. *ios ke* в N—48. Функционально и этимологически близко к греч. ὄστε и указывает на очевидный для пишущего субъект (мужа покойной). Едва ли допустимо видеть в *ios«os»* мужское имя (так Brixhe, Neumann, p. 169). Невозможно и одновременное сопоставление с *iosais* (G—117), которое на самом деле членится как *ios ais* 'который ...—л'.

deton — вин. пад. ед. ч. существительного 'могила', 'основание могилы', 'фундамент', см. N—31.

[-]Ψ oðan — вин. пад. ед. ч. прилагательного (определения к *deton*). Возможно, перед нами то же слово, что и в N—15, где находим *eix lukodan* как определение к *mankan*.

ke — союз 'и'.

tan — см. N—15.

saunatan — вин. пад. ед. ч. прилагательного (определения к *knouman*).

Значение и этимология неясны.

knouman — вин. пад. ед. ч. существительного 'гробница', см. N—9.

k — фонетико-орфографический вариант союза *ke*, см. выше.

akro — дат. (или род.?) пад. ед. ч. (в значении локатива) существительного 'верх, верхняя часть, верхушка', идентичного греч. ἄκρον 'id'. С той же греческой параллелью, но иным членением см. Brixhe. Neumann, p. 172.

d — вариант частицы *de*, см. N—31.

manke — род. пад. ед. ч. существительного 'стела, надгробие', вероятно, из /*mankes*/, ср. генитив *mankēs* в N—86. Далее см. N—9.

a[-]id — неясно. Возможно, группа частиц, например, /*ai de*/.

imop — вин. пад. ед. ч. существительного, соответствующего ст.-фриг. *imāp* 'культовый объект', см. (I). Трудность заключается в объяснении -*o*- на месте -*a*-. Переход -*o*- в -*a*- в позиции между двумя носовыми мог осуществиться фонетическим путем, ср. *monka* < *manka*- в N—6. С другой стороны, форма *imop* может свидетельствовать о переходе слова в продуктивный деклинационный тип — *o*-основы; это тем более вероятно ввиду явного расшатывания старой системы склонения в новофригийском, где *imop* может быть просто «неправильным» аккузативом от нормальной основы *imāp*.

meiōtop — вин. пад. ед. ч. определения к *imop*. Учитывая значение и функции «имана», перспективно видеть в *meiōto*- отглагольное прилагательное, соотносительное с греч. *μείω* 'уменьшать (в размерах) или непосредственно *μείων*, микен. *me-u-jo*, *me-wi-jo* '(наи)меньший'.

riditi — 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола 'укрепить, установить, поставить', этимологически родственного греч. *ἐρείδω* 'id'. и, возможно, тох. AB *rit*- 'искать' < **r(e)id*-.

tai — дат. пад. ед. ч. ж.р. указательного местоимения *to*-.

t — фонетический вариант частицы *tī*, см. N—69.

oa[-] — вин. пад. ед. ч. ж.р. местоименной основы /*wo*-/ 'свой', фонетически /*wāp*/ (заметим, что в N—116 /*w*/ регулярно передается как *o*). Ср. далее *oā* (N—2, N—33, N—36). Определение к *opoman*.

me — частица, см. N—18.

opoman — вин. пад. ед. ч. существительного 'имя', см. (I).

ias — род. пад. ед. ч. ж.р. местоименной основы **iō*-.

enar — им. пад. ед. ч. существительного 'муж', вариант слова *anar* 'id'. см. N—15. Труднообъяснимо начальное *e*- (диссимилиация или ошибка резчика?).

ke — см. выше.

ermō[-]os — им. пад. ед. ч. личного имени. Если зн. 6 — действительно *a*, можно предположить здесь имя Ἐρμόλαος.

knaiko — род. пад. ед. ч. существительного 'жена', отражает фонетически /*gnaikos*/ с дистантной ассимиляцией и идентично греч. род. пад. *γυναικός* 'id'. (см. Brixhe, Neumann, p. 174).

ekatēas — род. пад. ед. ч. женского имени, тождественного греч. Ἐκαταία (см. Brixhe, Neumann, p. 175). Вероятно, это новое имя дано Ксюне не случайно и связано с характером культа Гекаты.

otousas — им. пад. ед. ч. личного имени. Этимология неизвестна.

ai — союз и частица, см. N—18.

pos — по комбинаторным соображениям, частица того же типа, что и *bas* (см. N—48). Этимологически неясно. Может быть, связано с греч. *πός*, *πότ* и т. п. (см. Schwyzer II, S. 508; ср. Brixhe, Neumann, p. 175—176).

ekanes — 3 л. ед. ч. аор. (так — Brixhe, Neumann, p. 176) глагола 'произносить' (?), ср. греч. *χαίνω* 'говорить, произносить' < 'разевать рот'.

aka[-] — вероятно, **akalo* (ср. близкую трактовку — Brixhe, Neumann, *ibid.*), дат. пад. ед. ч. (или мн.ч.) прилагательного 'добрый, хороший, славный', см. N—30. Графическая передача форм /*akaloi*/ или /*akalos*/. Определение к *deo*.

deo — дат. пад. ед. ч. (или мн.ч.) от основы /*devo*-/ 'небесное (бо-

жество)', см. раздел «Стандартные надписи». Передача форм /devo'i/ или /devos/.

rok — фонетический вариант *ros* (см. выше) перед велярным (ср. также ниже об *ik*). Тот же тип сандхи широко представлен и в других надписях.

gonion — вин. пад. ед. ч. существительного 'молитва, поминание' (?), прямое дополнение к *ekanes*. Может продолжать и.-е. **goion-i-o-* (ср. греч. *γοῶν* 'издавать крики страдания, скорби' и его производные) или **g^uoion-i-o-* (ср. греч. *βοῆ* 'крик', *βοῶν* 'кричать, взывать').

teutōsi — дат. пад. мн. ч. (в значении локатива) существительного, идентичного *teutous* (N—33, N—36), см. Brixhe, Neumann, p. 177.

ie[-]n — вин. пад. ед. ч. определения к *gonion*. Смысл контекста делает правдоподобным предположение, что за *ie[-]n* скрывается **ie-gon* 'святой' <**isero* —, тождественное греч. *ἱερός*, микен. *i-je-ro* 'id'.

nou — частица/наречие 'ныне, теперь', ср. *nou* в N—42.

tais — дат. пад. мн. ч. ж. р. от местоименной основы *to-* (Brixhe, Neumann, p. 178).

edaes — см. (I): ст. — фриг. *edaes* 'посвятил'.

pinketas — им. пад. ед. ч. личного имени или титула (в пользу титула см. Brixhe, Neumann, *ibid.*).

d[-]keres — им. пад. ед. ч. личного имени или титула. Брикс и Нойман правы, отвергая возможность связи этого слова с перфектом типа н.-фриг. *dakar*.

onotan — см. выше.

iais — дат. пад. мн. ч. местоимения **io-*.

m[-]rou — аббревиатура, дат. пад. ед. ч. существительного 'храм (Кибелы), святилище', см. B—01. N—58.

ik — вариант предлога *is* (см. ниже) перед велярным.

knaikan — вин. пад. ед. ч. существительного 'жена', идентично греч. *γυναῖκα* 'id'.

is — предлог неясного значения ('от', 'из-за?') и этимологии <**ens*?).

argmena[-] — вероятно, **argmenan*, вин. пад. ед. ч. определения к *knaikan*. Возможно, причастие на **-men-* (Brixhe, Neumann, p. 180); может быть, прямо сопоставимо с греч. *ἄρχμενος* < *ἄρχω* 'управлять, вести'.

opari — неясно.

ko — фонетический вариант *ke* (см. выше) перед начальным *o* следующего слова.

oan — см. выше.

oe autai — дат. пад. ед. ч. ж. р. местоимения, представленного в старофригийском вин. пад. *ven avtun* 'себя самого', см. (I).

is — предлог, см. выше. Альтернативное объяснение последовательности *is ke* — сопоставление ее с *ios^{os} ke*.

ke — см. выше.

e[-]toisinioi — неясно словоделение.

knouman — см. выше.

tian — вин. пад. ед. ч. ж. р. прилагательного *tio-* 'божественный', см. N—58. Определение к *knouman*.

tektar — им. пад. ед. ч. существительного '(обетный) залог', идентичного греч. *τέκταρ* 'id.'; ср. еще ст.-фриг. *tektmog(-)*.

dii — дат. пад. ед. ч. от основы /devo-/ (см. выше) или, скорее, грецизм *Δί*, дат. пад. от *Ζεύς*.

detoi — дат. пад. ед. ч. (в значении локатива) существительного *de-to-*, см. выше.

oinis — им. пад. ед. ч. (или мн. ч.) существительного 'вино', ср. ст.-фриг. *voine*, *voine* 'id.', см. (I).

Перевод: «Для Ксюны он (sc. муж) ...-ую могилу и эту ...-ую гробницу (установил) и наверху памятника же уменьшенное (ее) изображение украсяет. Этому (изображению) ее имя (дает), которой жены Гекатеи муж Эрмолай. Омусас же произнес для славного божества в ...-ах священную молитву (?). Пинкет Д[.]кер дал имя тем (изображениям), которым в храме (богини-Матери) от (?) жены от ...-нной... и для нее самой он же (установил) ее божественную гробницу. Залог Зевсу — вино, (оставленное) на фундаменте (гробницы)».

«Стандартные» надписи

«Стандартные» надписи описываются синтаксическими блоками. При этом указываются конкретные реализации возможных синтаксических элементов (кроме слов, целиком или в значительной части реконструированных издателями). В конце каждого раздела дается условная реконструкция синтаксического блока (с максимальным количеством заполненных синтаксических позиций) и перевод.

1. Протасис

1.1. Подлежащее.

ios — N — 2, 3, 4, 6, 10, 14, 19—21, 25—29, 32—36, 39, 40, 42—45, 47, 53, 55, 57, 60—63, 65, 67, 68, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 81, 82, 84, 86, 87, 89, 92, 93, 95, 97, 99, 100, 102, 105—110, 112, 115. Варианты: *io* — N—4 bis; *eios* — N—12; *i* «s» *os* — N—37; *os* — N—54 (под влиянием греч. $\acute{\omega}\varsigma$?); *is* — N—5 (может пониматься и как форма мн. ч. при 3 л. мн. ч. «имперфекта» *adaken*, однако последнее объяснимо и из *adaket* с $t > \eta$ перед *m*- следующего слова). Лингвистический комментарий см. N—18.

kos — N—64, 72. Лингвистический комментарий см. N—18.

tis — N—71. Вероятно, из греч. $\tau\acute{\iota}\varsigma$. Значение аподосиса, однако, позволяет рассматривать *tis* как форму мн. ч.

1.2. Частицы.

1.2.1. Частицы перед подлежащим.

ai — N—64. Этот уникальный случай употребления *ai* объясняется тем, что данная синтагма фактически не начинает надпись, а продолжает предшествующий греческий текст. Лингвистический комментарий см. N—18.

1.2.2. Частицы после подлежащего.

ni — N—3, 4, 4 bis, 6, 10, 12, 14, 20, 25, 26, 28, 32, 33, 35, 39, 40, 42, 43, 47, 53, 60, 62, 63, 68, 73, 76, 82, 86, 87, 89, 92, 93, 97, 99, 102, 105, 106, 108, 109, 112, 115. Лингвистический комментарий см. N—18.

ke — N—5, 27, 34, 36, 37, 54. Варианты: *k<e>* — N—71 (перед начальным *e*— следующего слова). Лингвистический комментарий см. N—18. Здесь и далее не проводится различие между двумя омонимичными *ke* (сочинительным союзом и частицей при императиве), которые не всегда достаточно надежно различимы в новофригийском.

an — N—44. Вероятно, идентично греч. $\alpha\upsilon$. Едва ли предлог ($< as$, см. Haas, S. 120).

1.2.3. Частицы после указательного местоимения.

ti — N—67, 103. Возможно, идентично *ti* в N—88, но может рассматриваться и как модификация *toi*; см. далее Haas, S. 79.

toi — N—10, 39, 56, 61, 64, 82. Варианты: *to* — N—27; *t<o>* — N—76.

Видимо, из *tō, ср. греч. τῶ 'так' (см. Diakonoff, Negroznak, p. 136), или из *t(o)u- 'здесь, тут'.

1.2.4. Частицы непосредственно перед глаголом.

ti — N—39 (см. 1.2.3).

1.3. Указательное местоимение (при косвенном дополнении).

semoun — N—6, 10, 12, 14, 28, 29, 32, 33, 36, 37, 40, 43, 53—55, 57, 61, 63, 72, 78, 79, 86, 87, 95, 105, 106, 110. Варианты: *semon* — N—3, 4, 11, 26, 27, 39, 42, 51, 73, 91, 93, 97, 99, 102, 103, 112, 115; *semou* — N—4 bis, 19, 45, 65; *semin* — N—76, 100, 107; *semoun* — N—5; *simoun* — N—25; *semin* — N—34; *semin* — N—62. Лингвистический комментарий см. N—8.

sai — N—35, 69. Варианты: *sa* — N—21, 42, 67, 82, 94; *sas* (род. пад.) — N—56; *san* (вин. пад.) — N—60. Может выступать самостоятельно как косвенное дополнение (без сопутствующего существительного). Лингвистический комментарий см. N—69.

ta — N—2. Графическая передача формы /tai/, дат. пад. ед. ч. ж. р. местоимения *to*.

1.4. Косвенное дополнение (перед глаголом).

knoutanei — N—3, 10, 11, 14, 19, 20, 32, 33, 34, 43, 45, 47, 54, 55, 57, 61, 75, 79, 87, 88, 99, 106, 108, 110, 112, 115. Варианты: *knoumane* — N—6, 26, 28, 29, 37, 40, 63, 78, 90, 92, 93, 95, 97, 100, 102, 114; *knoutanei* — N—7, 12, 25, 36, 73, 86, 103; *knoummanei* — N—44, 53; *knoumanei* — N—101, 105; *knoumanei* — N—62; *kouminos* (sic!) — N—5. Лингвистический комментарий см. N—9.

mankai — N—2, 35, 60. Варианты: *manka* — N—82; *makka* — N—94. Лингвистический комментарий см. N—9.

skeledriai — N—67. Вариант: *skeredrias* (род. пад.) — N—56. Возможно, связано с *κελεβρά'λεπτά καί νεκρά κτήνη* (Нес.), *κενέβρια* 'труп, падала'. Маловероятные гипотезы см. Haas, S. 79: Diakonoff, Negroznak, p. 133.

sorou — N—21. Дат. пад. ед. ч. заимствования из греч. *σός* (в греческих надписях Малой Азии — 'погребальная урна').

rekteo — N—51. Дат. пад. ед. ч. (?) существительного. Возможно, из лат. *egestio* сооружение (Нерознак, с. 114), хотя отсутствие начального *e* неясно.

koussalon — N—72. Вин. пад. ед. ч. (в функции датива) существительного 'урна', ср. греч. *κωφέλη*, *κωφάλη* 'сосуд округлой формы'.

1.5. Прямое дополнение (перед глаголом).

kakoun — N—2, 4, 10, 13, 20, 25, 28, 29, 32—36, 39, 43, 47, 53, 54, 56, 57, 60, 63, 65, 67, 68, 76, 78, 80, 82, 86, 87, 90—92, 94, 95, 101, 105, 106, 113. Варианты: *kakou* — N—3, 12, 26, 27, 38, 61, 72, 93, 102, 112, 114, 115; *kakou* — N—11; *akeun* — N—45; *akun* — N—62, 74; *kaken* — N—40, 97; *kake* — N—21; *kaka*[—] — N—7. Лингвистический комментарий см. N—18.

tourou — N—100. Вин. пад. ед. ч. существительного 'безумие, безрассудство, дерзость', из греч. *ἰδῶν* 'id'. (Нерознак, с. 122).

1.6. Глагол

addaket — N—2, 10, 12, 33, 34, 39, 43, 53, 57, 59, 62, 69, 76—80, 82, 86, 88, 90, 101. Варианты: *adaket* — N—4, 14, 20, 21, 28, 36, 45, 61, 72, 87, 93, 94, 97, 99, 102, 105, 111, 112, 115; *addakek* — N—32; *addakem* — N—35; *adaken* — N—5 (ср. 1.1); *adoket* — N—106; *ad[al]ke* — N—51; *ad[da]lke* — N—60. Лингвистический комментарий см. N—18.

daket — N—26, 42, 56, 67. Вариант: *doket* — N—44, 54. Бесприставочное образование, ср. *addaket*.

addaketor — N—40, 63. Вариант: *adaker* — N—36. Семантически равнозначно «имперфекту» *addaket*, исторически — форма 3 л. ед. ч. медиа на -r-, неизвестного в старофригийском, ср. Haas, S. 239.

[*da*]kitor — N—72. Бесприставочное образование, ср. *addaketor*.

abberet — N—6, 11, 13, 91. Вариант: [a]ber — N—103. 3 л. ед. ч. «имперфекта» приставочного (с префиксом ab- < ad-) глагола от основы *bher- 'нести'.

abberetor — N—73, 75, 113. Вариант: *abbireto* — N—25 (см. специально Brixhe 1979. p. 179 ff.). Форма 3 л. ед. ч. медиа в активном значении, относящаяся к *abberet*. как *addaketor* к *addaket*.

egere[n] — N—71. Ввиду мн. ч. в аподосисе предполагаем здесь форму 3 л. мн. ч. «имперфекта». Лингвистический комментарий см. N—30.

1.7. Союз

aini — N—4, 25, 26, 29, 43, 73, 75, 86, 87, 91, 92, 97, 102, 112, 115. Варианты: a[i]nou — N—6 (перед m—?); aina — N—14 (возможно, из /aini a/). Форму *aini* можно усматривать также в [ni (N—100) и в ai [(N—13). Лингвистический комментарий см. N—18.

ai — N—42. Лингвистический комментарий. см. N—18.

bas — N—86. Видимо, здесь — в функции союза. Лингвистический комментарий см. N—48.

ake — N—7. Сочетание префикса ad- или частицы a с ke; если *ake* < *ad ke, ср. лат. atque.

1.8. Частицы/местоимения при союзе

da — N—14. Лингвистический комментарий см. N—18.

k(e) — N—92; см. далее 1.2.2.

a — N—102, 112. Может отражать /ai/ или /an/.

oi — N—4, 91. Возможно, особая частица или, что также вероятно, дат. пад. ед. ч. местоимения *iō- (ср. ниже).

ioi — N—86. Дат. пад. ед. ч. местоимения *iō-, референтом которого может быть осквернитель могилы или покойный.

me — N—86. Лингвистический комментарий см. N—18.

1.9. 2-й глагол (однородный член к 1.6)

[*er*etor — N—79. Отражает *beretor или *abberetor, см. далее 1.6.

beret] — N—86. 3 л. ед. ч. «имперфекта» глагола '(при)носить' из *bher-. Далее см. 1.6.

astat — N—91. 3 л. ед. ч. «имперфекта» из *ad-stat от основы *stā- 'стоять, ставить'. Здесь, вероятно, в значении 'переместить, сместить'.

1.10. Указательное местоимение при 2-м косвенном дополнении
sa — N—42, 91, 115 (дат. пад.). Вариант: *sas* — N—73 (род. пад. в функции датива). См. 1.3.

kin — N—100 (в постпозиции к дополнению). Вин. пад. ед. ч. местоименной основы *k^ui-; вероятно, в значении 'какой(-либо)', ср. несколько иначе Haas, S. 81.

1.11. 2-е косвенное дополнение (однородный член к 1.4)

manka — N—26, 29, 91, 97 (дат. пад.). Варианты: *mankes* — N—86 (род. пад.); *mon[ka]n* — N—6 (вин. пад.). Далее см. 1.4.

tiamas — N—87. Дат. пад. мн. ч. или род. пад. ед. ч. в функции датива. Варианты: *teamas* — N—112, 115; *teama* — N—14 (дат. пад.; чтение по Хойбеку); *team[a]* — N—102. Лингвистический комментарий см. N—18.

thalamei — N—4. Дат. пад. ед. ч. существительного 'склеп, святилище', из греч. *θάλαμος*, *θαλάμη* 'внутреннее помещение; (поздн.) святилище', см. Haas, S. 79.

mluei] — N—73. Хаас (S. 124) читает *mduei*]. Дат. пад. ед. ч. существ-

вительного 'стела (?)'. Возможно, адаптация лид. *mru(va)-'id'*. (Haas, S. 107), ср. далее. лик. В *mḡββα* 'слово, речь'.

tra[-]ze — N—42. Вероятно, дат. пад. ед. ч. заимствования из греч. *τράπεζα* (Haas, S. 80).

1.12. 2-е прямое дополнение (однородный член к 1.5)

kaḡoun — N—100. Далее см. 1.5.

partan — N—103. Вин. пад. ед. ч. Далее см. N—9.

mura — N—25. Вин. пад. ед. ч. или мн. ч. Далее см. 1.5.

bekos — N—86. Вероятно, выступает в данной синтаксической функции в результате смешения двух разных формул. Если все же появление *bekos* не случайно, эту форму следует рассматривать, видимо, как вин. пад. мн. ч.

1.13. Наречие

orou — N—92. Лингвистический комментарий см. N—48. Весьма вероятно, что далее следует читать *ou[eban egeret]* или *ou[eban adaket]* (см. Haas, S. 127), ср. N—48.

Условная реконструкция протасиса: *ios ni/ke semoun (ti) knoumanēi kaḡoun (ad)daḡet/(ab)beret aini sai mankaī*. Перевод: «Кто же этой гробнице или этой стеле зло сделает/принесет».

2. *Аподосис*

В аподосисе наличествует несколько несводимых друг к другу типов, которые могли определенным образом сочетаться друг с другом. Далее эти типы обозначаются прописными латинскими буквами. Те типы, которые представлены незначительным числом надписей, анализируются нами по той же схеме, что и «нестандартные» надписи.

Аподосис А

2.А.1. Подлежащее

tos — N—6, 25, 103. Им. пад. ед. ч. м. р. местоимения *to-*.

a[u]tos — N—72. Им. пад. ед. ч. местоимения. Сюда же, вероятно, *{a}ultos* (N—79). Лингвистический комментарий см. N—30.

ios — N—28, 114. Сюда же может относиться читаемое Бриксом в N—28 *ios* (см. Brixhe C., Drew-Bear Th. // *Kadmos*, 1978. XVII. P. 53). См. далее 1.1.

2.А.2. Союзы и частицы, вводящие аподосис

te — N—5, 6, 21, 96, 97, 103. Лингвистический комментарий см. N—18.

ai — N—53, 62, 67. См. 1.2.1.

ni — N—6, 25, 103. Далее см. 1.2.2.

k[a]i — N—53. Лингвистический комментарий см. N—49. Возможно, вариантом *kaī* является *kan* в N—62.

ke — N—12 (дважды). Далее см. 1.2.2.

de — N—4. Лингвистический комментарий см. N—18.

t<i> — N—53. Далее см. N—88 и 1.2.3.

2.А.3. Местоимение (соотносительное с подлежащим)

ioi — N—111. Дат. пад. ед. ч. местоимения. Вариант: *oi* — N—12. Далее см. 1.8.

2.А.4. Косвенное дополнение

deōs — N—40, 62, 63, 96, 97, 112. Варианты: *diōs* — N—4, 5; *deos* — N—6, 7; *dios* — N—39; *duos* — N—113; *θεōs* — N—92. Дат. пад. мн. ч. (в значении инструменталиса): субстантивированного прилагательного

‘небесное (божество)’, из и.-е. *deǵō- (Haas, S. 92). Идентично ст.-фриг. devo- (P—03) ‘бог’.

zemelōs — N—21, 40, 63, 96. Варианты: *zemelō* — N—4, 6; [z]omolō — N—5; [z]imelōs — N—25; *szemelōs* — N—39, 113; *zilmelō* — N—103; *ze⟨me⟩lōs* — N—97. С архаичной флексией — *zemelōsi* (N—75, 92). Дат. пад. мн. ч. субстантивированного прилагательного ‘(под)земное (божество)’, образующего семантическую оппозицию с *deōs*, ср. греч. θεοὶ οὐράνιοι : θεοὶ καταχθόνιοι (Calder — JHSt. 1911. 31. P. 260 f.). Ошибочна трактовка *zemelo-* как обозначения человека (Haas, S. 92 f.), см. далее Heubeck, 1987. S. 76 (с трактовкой форм типа *zemelō* как дат. пад. ед. ч.). Фриг. *zemelo-* восходит к *ǵhǵhǵhēmelo- и близко к греч. γῆραμαλός. Начальное *z-* отражает не *ǵh-, а группу *ǵhǵh-, и не может служить доказательством «сатемной» принадлежности фригийского.

atti — N—11, 44, 51, 54, 57, 65, 67, 72, 76, 77, 80, 85, 101, 106, 108. Варианты: *attie* — N—12, 45, 56, 61, 70, 100; *attiē* — N—39, 62, 86; *ati* — N—7, 87, 103 (в N—103 *ati* может быть вариантом частицы *eti*). Дат. пад. ед. ч. (в значении инструменталиса) теонима Аттис (греч. Ἄττις). В новофригийской традиции Аттис явно относился к хтоническим божествам, ср. N—62, где *attiē* замещает *zemelōs*.

as tian — N—14, 53, 99. Вин. пад. ед. ч. существительного *tia-* ‘богиня’ с предлогом *as* (см. Heubeck. S. 79 f.). Этимологически *tia* тождественно греч. θεά ‘id.’, см. далее *apodosic C*. Другие членения этой последовательности (Haas. S. 92) менее вероятны.

peies — N—12. Дат. пад. мн. ч. (в значении инструменталиса). Лингвистический комментарий см. N—69.

zeirai — N—106. Вариант: *zeira* — N—12. Дат. пад. ед. ч. существительного, по значению близкого к *zemelo-* и, возможно, этимологически связанного с греч. φθείρω ‘губить; гибнуть’ (Heubeck, *ibid.*). Предположительное значение — ‘преисподняя’. Неудачные объяснения см. Haas, S. 90 и Diakonoff, Negroznak, p. 144.

2.А.5. Союз при дополнениях

ke — N—6, 7, 39, 62, 69, 92, 96, 97. Вариант: *k* — N—12, 39, 40, 62, 69, 86, 92, 96, 97, 113 (перед начальным гласным следующего слова). Лингвистический комментарий см. N—18.

2.А.6. Определение к косвенному дополнению

teka — N—25. Возможно, дат. пад. мн. ч. /mekas/, ср. ст.-фриг. *teka-* (P—03 и др.) ‘великий’.

oi eiroi — N—7. Дат. пад. ед. ч. местоимения *iō- и эпитета Аттиса; вероятно, *eiro-* — адаптация греч. ἦρος ‘герой, полубог, местное божество’, выступающего, в частности, в функции обращения к божеству (Chantraine, p. 417). Альтернативное объяснение предполагает связь *eiro-* с *eiroka*, см. *apodosic G*.

2.А.7. Приглагольные частицы.

eti — N—2, 3 (дважды), 5, 7, 12, 14 (чтение Хойбека), 19, 26, 39, 40, 53, 56, 62, 63, 68, 75, 86, 90—92, 94, 96, 97 (дважды), 102 (дважды), 112, 113, 115. Варианты: *ēti* — N—114; *ati* — N—103 (дважды), ср., однако, 2.А.4; *ēti* — N—65; *atti* — N—94 (чтение Хойбека).

ti — N—2, 6, 20, 21, 25, 26, 28 (Brixhe, Drew-Bear. Op. cit., p. 53), 45, 57, 61, 63, 72, 75—77, 80, 82, 93, 99, 100, 106, 108, 112, 114, 115. Варианты: *te* — N—63; *tu* — N—79. Исторически тождественно *eti*. Далее см. 1.2.3.

ke — N—42. Далее см. 2.А.2.

2.А.8. Причастие в составе сказуемого.

(t)tetikmenos — N—2, 6, 10, 11, 14, 20, 21, 25, 26, 38—40, 45, 53, 56, 57, 61—63, 65, 67, 68, 71, 72, 75, 77, 78, 80, 82, 86, 90—94, 96, 97, 99, 100, 102, 106, 108, 112—115. Варианты: tetikmena — N—12; teteikmenos — N—19; tetoukmenos — N—28; titikmenos — N—103. Лингвистический комментарий см. N—69. Удвоение tt-, согласно Торпу, может объясняться ударностью предшествующей частицы.

gegaritmenos — N—64, 79. Лингвистический комментарий см. N—88.

2.А.9. Приглагольное дополнение:

aas knou[man] — N—20. Сочетание существительного knouma- с предлогом aas, вариантом as (см. N—31: as...knouman).

orboun — N—79. Вин. пад. ед. ч. существительного 'лишение, несчастье (?)', ср. лат. orbis 'лишенный', арм. orb 'сирота', греч. *ὄρφος, ὄρφανός 'id'.

2.А.10. Глагол

eitou — N—2, 4, 6, 8, 10, 14, 17, 19, 21, 25, 26, 28, 37—40, 53, 56, 62, 72, 75, 78, 82, 86, 90, 91, 93, 94, 96, 99, 102, 103, 112—115. Вариант: ēton — N—5 (собственно, *ētou). Лингвистический комментарий см. N—30.

adeitou — N—11, 39, 44, 45, 51, 54, 57, 61, 67, 72, 76, 77, 80, 85, 101, 106, 108. Префиксальное образование, соотносительное с eitou.

adeittnou — N—12. 3 л. мн. ч. императива, соотносительное с eitou.

innou — N—71. Предположительно, из *is-tnou, 3 л. мн. ч. императива глагола 'пребывать', ср. греч. ἵμαι 'сидеть', др.-инд. āste 'id.' < и.-е. *ēs-.

Условная реконструкция аподосиса А: (tos) ni me deōs (ke) zemelōs (ke) mekas (ke) (eiroi) atti (ti) eti tetikmenos (ad)eitou. Перевод: «Тот же великими (божествами) небесными и земными и (владыкой) Аттисом да будет проклят».

Аподосис В

Данный тип представлен всего двумя надписями, соответствующие части которых могут быть приведены целиком.

N—42 (Филели, запад)

₂] [ze]₃melōs ke [d]le[ō]s mekon nou ke isnio[u] ₄ai partēs N—87 (Бейкёй, сев.—запад)

₂(...)ouelas ke ₃tou ke isnou as toi partēs

[ze]melōs ke [d]le[ō]s mekon — см. 2.А.4—6. Конечное -n в mekon — результат ассимиляции с начальным n- следующего слова. Неверно членение Хааса me kounou, повлекшее за собой избыточную конъектуру *ke (вм. me) и перевод kounou как 'Himmel'.

nou — частица, соответствующая греч. νο, νόν (или вариант ni?).

ke — см. 2.А.5.

ai, as — варианты предлога as, см. 2.А.9.

partēs — род. пад. (?) ед. ч. или вин. пад. мн. ч. существительного 'зло; гнев (?)', см. далее N—9. Сомнительна трактовка airpartes как одного слова (так — Heubeck, S. 77).

ouelas — им. пад. мн. ч. существительного, относящегося к той же семантической сфере, что и deo-, zemelo-. Кажется вероятным сопоставление с греч. εἴλη 'солнечный жар' < *hFélā при лаконском *Félā, ср. βέλᾱ 'солнце, восход' (лакон.: Hes.), γέλᾱν (sc. Félāν) 'восход солнца' (Hes.).

tou — см. 1.2.3.

toi — дат. пад. ед. ч. местоимения to-.

В N—87 аподосис В следует за аподосисом А. Перевод: «Да пребудут (божества) небесные (или: солнечные) и (под)земные в гневе (?) (на оскорбителя)».

В большинстве надписей (N—32, 33, 34, 36, 59, 60, 105) текст аподосиса одинаков:

gegremeṇan egedou tios outan

В надписи N—76 за 1-м словом следует союз k. Более существенно отличается вариант в N—106:

gegremeṇon k egedou orouēnos outon

gegremeṇan, gegremeṇon — вин. пад. ед. ч. медиального причастия 'написанный', см. N—58.

egedou — 3 л. ед. ч. императива от основы eg- 'делать', обнаруживаемой также в egesit (N—58).

tios — им. пад. ед. ч. существительного 'бог', соответствующего греч. θεός (ср. Haas, S. 67). Выведение tios из *deijos (Diakonoff, Nergoznak, p. 136) фонетически невозможна.

orouēnos — им. пад. ед. ч. существительного 'небо', родственного греч. οὐρανός 'id.' < *(F)opFanos. Далее фригийское и греческое слова могут быть связаны, с одной стороны, с греч. οὐρός '(благоприятный) ветер' < *ōpFos, а с другой, с фриг. orou (см. еще Haas, S. 129; Diakonoff, Nergoznak, p. 127).

outan — вин. пад. ед. ч. существительного (?). Согласно Хаасу (S. 225) это не что иное, как греч. οὗτος 'этот (вот)'; таким образом, вся формула означает «да осуществит бог то, что написано». Мы не исключаем, однако, и связи outan с хетто-лув. *uta-г/п- 'слово, дело'. Тогда значение outan — 'слово; проклятие (?)'.

Перевод: «Да осуществит бог (или: небо) написанное слово/проклятие».

Аподосис D

Этот тип представлен единственной надписью N—2:

ike akala oouiteton oua

ike — единственный достоверный случай приглагольного отрицания в новофригийском. Соотвествует греч. οὐτά (или οὐχί?); см. Haas, S. 85.

akala — вин. пад. ед. ч. или мн. ч. ср. р. прилагательного, далее см. N—30.

oouiteton — 3 л. ед. ч. императива глагола 'видеть', из и.-е. *uēid- (см. Haas, ibid.).

oua — согласованное с akala possessivное местоимение или, что также возможно, scriptio defectiva ou<t>a, ср. написание ou<t>a в N—59, где имеется аподосис С. Похоже, впрочем, что outa- имеет пейоративный смысл ('проклятие' или нечто подобное).

Перевод: «И да не увидит (о) себе (или: для себя) доброго».

Аподосис E

Формула без каких-либо изменений представлена в N—33, 76 и 108:

akke oi bekos akkalos tidregroun eitou

akke — см. 1.7.

oi — дат. пад. ед. ч. местоимения *iо-.

bekos — им. пад. ед. ч. существительного 'хлеб', см. N—18.

akkalos — см. N—30.

tidregroun — вин. (или им.?) пад. ед. ч. прилагательного 'несъедобный (?)', образованного от и.-е. *dhreg^hh-, ср. греч. τρέφω 'кормить' (Haas,

S. 64). Словообразовательно *tidregroun* может продолжать **dis-dhreg^h*-го- с диссимиляцией начального **d* > *t*.

eitou — см. N—30.

Перевод: «И также хороший хлеб да будет ему несъедобен».

Аподосис F

Формула без изменений представлена в N—64 и 99.

me ke oi totoss eiti bas bekos

me ke oi totoss — см. N—18.

eiti — 3 л. ед. ч. наст. вр. фригийского глагола бытия *ei-*, ср. 1 л. ед. ч. в ст.-фриг. *eumi* (G—178).

bas — см. N—48.

bekos — см. N—18.

Перевод: «А также тому горек (?) (да) будет даже (?) хлеб».

Аподосис G

Этот тип обнаруживается в двух надписях.

N—33 (Синанли, центр)

autos ke oua k eroka gegaritmenos as batan teutous

N—36 (там же)

autos ke oua k oroka gegaritmenos a batan teutous

autos — им. пад. ед. ч., см. N—30.

ke, k — союз, см. N—18.

oua — см. аподосис D.

eroka, oroka — им. пад. ед. ч. существительного 'дети, потомство' (?), ср. греч. фесс. *ἐρέας* 'дети' (Hes.), см. Diakonoff, Nerosznak, p. 131. Весьма ненадежно.

gegaritmenos — см. N—88.

as, a — предлог, см. 2.A.9.

batan — вин. пад. ед. ч. существительного 'часть надгробия (?)', ср. ст.-фриг. *batan* (G—221, T—02b).

teutous — вероятно, дат. пад. мн. ч. (в функции инструменталиса) существительного, обозначающего какой-то вид божеств, см. N—116.

Перевод: «(Да будет) он сам и (его) потомство (?) проклят ... -ми в гробнице».

Аподосис H

Представлено в единственной надписи N—35:

as ananka ioi panta kena [i]nnou

as — предлог, см. выше.

ananka — вин. пад. ед. ч. ср. р. существительного 'несчастье', из греч. ἀνάγκη 'id.' (Haas, S. 119).

ioi — дат. пад. ед. ч. местоимения **io-*.

panta kena — грецизм *pánta kená* 'все пусты' (Haas, *ibid.*).

innou — см. 2.A.10.

Перевод: «В несчастье ему все да пребудет пусто».

Аподосис I

Представлено в единственной надписи N—55:

[]ioi pous[---]i diisin

ioi — см. выше.

pous[---]i — неясно. Может быть, следует читать *roug* 'огонь'?

diisin — дат. пад. мн. ч., идентично *diounsín* (см. N—88).

Перевод: «Тому огонь (??) (да будет) среди (или: для) небесных (божеств)».

Аподосис J

Эта формула сохранилась лишь в фрагментарном виде в N—111:

bas ioi bekos me beret [---]

bas — см. N—48.

ioi — см. выше.

bekos — см. выше.

me — см. N—18.

beret — см. 1.9.

Перевод: «Даже хлеб ему принесет...».

* * *

Несмотря на многочисленные неясности, связанные с недостаточной надежностью толкований, основанных на комбинаторных соображениях, и ряд трудностей чисто этимологического характера, лексика, извлеченная из фригийских надписей, предстает перед нами как достаточно ценный источник сведений о фригийцах и их языке.

Фригийский язык хорошо сохранил унаследованный словарный фонд. Общеиндоевропейский характер имеют основные имена родства (фриг. *matar* 'мать', диал. фриг. *brater*- 'брат', н.-фриг. *pater*- 'отец'), названия частей тела (ст.-фриг. *podas* 'ноги'), обозначения элементарных действий (фриг. *da*- 'давать'; ст.-фриг. (-)te-, *tiy(e)*- 'ставить'; ст.-фриг. *vid*-, н.-фриг. *ouite*- 'видеть' и т. д.). Обращает на себя внимание число лексических изоглосс, объединяющих фригийский с греческим²², ср. ст.-фриг. *ekte*- 'устанавливать, учреждать' ∞ греч. ἐκτίθημι 'устанавливать'; *vebru* 'проступок' ∞ греч. ἄβρις, 'дерзость; преступление'; н.-фриг. *bata*- 'молва' ∞ греч. φάτις, 'речь, молва', *arg*- 'управлять, владеть' ∞ греч. ἀρχή.

Длительные контакты с греками привели к проникновению в фригийский определенного числа греческих заимствований, часть которых может быть датирована весьма ранним (возможно, второй половиной II тыс. до н. э.) временем, ср. ст.-фриг. *lavageta*- 'лавагет, вождь' микен. *ga-wa-ke-ta*. В последних веках до н. э. и в первых веках н. э., когда имело место тесное этнокультурное взаимодействие греков и фригийцев в Малой Азии, количество заимствований должно было, естественно, резко возрасти, так как население большей части Фригии было уже двуязычным, а в Западной Фригии — практически грекоязычным. Тем не менее существенно, что в новофригийском заимствованная из греческого лексика составляет лишь 20% словаря. Это, как правило, терминология, связанная с погребальным культом (ср. н.-фриг. *latomeio*- 'надгробная плита' ∞ греч. λατόμιον 'каменоломня; каменная плита') либо со сферами интенсивных контактов греков и фригийцев, в частности, с торговлей (ср. н.-фриг. *agoa*- 'покупать' ∞ греч. ἀγοράζω 'ходить на рынок; покупать').

Лексика фригийского языка отражает активные контакты фригийцев с окружавшими их хетто-лувийскими народами. Число заимствований из

²² О греческо-фригийских фонетических и морфологических изоглоссах см., в частности, Орел В. Э. О старофригийском генитиве // Балканы в контексте Средиземноморья. М., 1987; Баян Л. С., Орел В. Э. Старофригийский глагольный строй в сравнительно-историческом освещении // Балто-славянские исследования. М., 1988.

хетто-лувийских языков относительно невелико; это, главным образом, лексика, относящаяся к ритуальной сфере, ср. ст.-фриг. *alu-* 'жрец' ∞ хет.-лув. **alwa-* 'магия'; н.-фриг. *outa-* 'проклятие' ∞ хет.-лув. **utar* 'слово'. В то же время подавляющее большинство личных имен фригийцев представляет собой заимствования у их малоазийских соседей.

Лексика семитского происхождения обнаруживается в области административной и сакральной терминологии в старофригийский период, ср. ст.-фриг. *rakra-* 'религиозная ассамблея; храмовое собрание' ∞ аккад. *ruhr*; финик. *m-phr-t* 'id.'; ст.-фриг. *kanutievais* 'хранитель' ∞ аккад. *kanutu* 'охраняемое, почитаемое'. Что касается латинских заимствований (отмечаемых только в новофригийском), то они появляются лишь в позднеэллинистическую и римскую эпохи, когда Фригия постепенно становится частью римской провинции Азии. Это почти исключительно имена собственные: *Gaius*, *Aurelia* и др.; из апеллативов возможным латинизмом является н.-фриг. *rekteo(n)-* 'памятник, сооружение' ∞ лат. *erectio*.

Фригийская лексика дает некоторое представление о религиозно-культурной жизни фригийцев и их социальной организации. Для понимания последней существенно сохранившиеся в надписях старофригийские титулы: *vanak* 'царь', *lavagetas* 'лавагет', *proitavos* 'предводитель'; обозначения высших чиновников: *arkiaevais* 'управляющий', *temevais* 'советник', в том числе лиц, ответственных за сохранность культовых памятников: *akenanogavos* 'хранитель памятников'.

В пантеоне старофригийского периода центральное место занимала Богиня-мать (*matar* с эпиклезами: *kubeleya*, *tiveia*, *imeneia*, *dumeya* и др.). Посвященные ей надписи ориентированы обычно на восток, а в Западной Фригии — также на юго-восток. В одной надписи из Вифинии упоминается параллельное мужское божество (возможно, Аттис), определяемое эпиклезой *evtev-* (ср. *evteveya-* — обозначение Кибелы). Наряду с Богиней-матерью в надписях встречаются некоторые второстепенные божества: *davos* 'Волк (?)', *pseuekos* 'Лев (?)', *apelan mekas* 'великий Аполлон', *surgastos* (ср. фрак. *Surgasteus*), *devos mekas* 'великие боги', *vaki* (ср. лид. *Vakiva-*, греч. *βάχος*).

В новофригийское время Богиня-мать почти полностью исчезает из надписей. Возможно, это связано отчасти с тем, что большинство новофригийских надписей — надгробные, и божества упоминаются обычно в заключительной части формулы проклятия потенциальным нарушителям гробницы; совершенно очевидно, что в число карающих божеств Богиня-мать не входила. Напротив, часто появляются Аттис и некие «безымянные» божества, которые обозначаются как *deōs* 'небесные', *zemelōs* 'земные', *ouelas* 'солнечные', *tios* 'боги'. Проведенный нами анализ новофригийских формул проклятия позволил установить географическое распределение двух основных вариантов, в основе которых, видимо, лежат две системы религиозных представлений: западнофригийская, характеризующаяся культом *deōs*, *zemelōs* и, возможно, *matar*, и восточнофригийская, включающая поклонение *atti-*, *tios*, испытавшая, вероятно, анатолийское влияние.

В старофригийских надписях сохранились обозначения религиозных объединений: *duma-*, связанное с культом Великой Богини-матери, и *rakra-* — слово неиндоевропейского происхождения, заимствованное из семитского.

Фригийские тексты свидетельствуют о ритуально-культурной значимости вина, уходящей корнями в глубокую древность, а в историческое время сохранившейся в греко-римской, хеттской и фригийской традициях. Ви-

но у фригийцев, в частности, оставлялось в качестве подношения божеству у гробницы.

Особое место в системе представлений фригийцев занимало понятие, обозначавшееся словом *īman* (н.-фриг. *īmon*). Оно употреблялось применительно к статуэткам людей или животных, стелам, которые выполняли роль своеобразного посредника между человеком и божеством. Фриг. *īman* обозначает ритуально «активный» предмет, который, будучи посвященным божеству, приобретает, по мысли древних, магическую силу этого божества, и ему адресуются те же просьбы о благополучии, процветании, с которыми обычно обращаются к высшей силе. Специфика понятия *īman* подчеркивается тем фактом, что в перечислении культово значимых объектов оно может предшествовать *devos mekas* 'великие боги'. В образе *īman* отражено динамическое сочетание различных представлений — от конкретных предметов и отношений, значимых в ритуальной сфере, до абстрактной идеи некоей магической силы, связывающей дедикатора с божеством и отчасти эквивалентной последнему.

Рассмотренный материал с очевидностью свидетельствует о древнейших генетических связях греческого и фригийского языков и их носителей. Их контакты не прерывались и в историческое время, следствием чего было появление в старофригийском греческой заимствованной лексики (начиная уже с микенской эпохи). Несомненно, имела место и обратная направленность культурного воздействия, которая на языковом уровне нашла отражение в проникновении фригийской лексики в греческий (например, ст.-фриг. *orito* — 'наказание'). Находясь в тесном контакте и взаимодействии с народами Передней Азии, носителями древнейших самобытных культур, фригийцы не могли не быть включенными в общий ареал преемственности культурных традиций. Но при этом их собственный потенциал оказался настолько значительным, что еще в первых веках нашей эры, когда соседние и отчасти синхронные старофригийскому поздние анатолийские языки — лидийские и ликийский — почти бесследно исчезают, наблюдается своеобразный «всплеск» фригийского этнического самосознания, выразившийся в появлении большого числа новофригийских памятников, в том числе и эпиграфических, в которых, несмотря на сильное греческое влияние, тем не менее сохранены многие архаичные черты языкового строя и духовного мира древних фригийцев.

Л. С. Баюн, В. Э. Орел

LA LANGUE DES INSCRIPTIONS PHRYGIENNES EN TANT QUE SOURCE HISTORIQUE. II

L. S. Bajun, V. E. Orel

Cet article constitue la deuxième partie de l'étude publiée dans *VDI* 1988 № 1. Il s'agit d'une analyse de la totalité du corpus des inscriptions phrygiennes: paléophrygiennes (VIIIe—IIIe ss. av. n.è.) et néophrygiennes (Ier — IIIe ss. de n.è.). Elle permet de dégager un ensemble de faits soit proprement linguistiques, soit d'ordre culturel et historique, susceptibles de préciser la place du phrygien parmi les autres langues européennes, d'identifier des éléments de l'organisation sociale, de l'activité administrative et de la pratique rituelle des Phrygiens, des traits particuliers de leurs rapports avec les peuples environnants.

La langue des inscriptions phrygiennes présente des caractères qui la rapprochent incontestablement du grec. Dans sa phonétique, c'est: l'absence d'assibilation des gutturales indo-européennes; un développement du vocalisme semblable à celui du grec. Dans sa morphologie: la conservation de deux génitifs (en *-osio et en *-oso); le futur en *-se/o- etc. Enfin, le lexique révèle 20 isoglosses gréco-phrygiennes spécifiques pour ces deux langues. Dans l'ensemble, tout le matériel étudié atteste avec évidence de l'existence de liens génétiques très anciens entre les langues grecque et phrygienne et leurs locuteurs. Leurs contacts se sont prolongés à l'époque historique, ce qui a eu pour effet l'apparition d'emprunts lexicaux grecs en paléophrygien (dès l'époque mycénienne). Toutefois, une influence culturelle en sens inverse est également certaine et s'est traduite au niveau de la langue par la pénétration de lexèmes paléophrygiens dans la langue grecque. Comme ils avaient des contacts étroits et en interaction avec les peuples d'Asie mineure porteurs de cultures originales très anciennes, les Phrygiens n'ont pas échappé à leur influence et se sont intégrés dans l'aire des traditions culturelles de la région. Mais leur potentiel propre s'est avéré si considérable qu'on observe pendant les premiers siècles de notre ère, alors que les langues anatoliennes voisines et en partie contemporaines du phrygien — le lydien et le lycien — disparaissent presque totalement, une sorte d'«explosion» de l'épigraphique phrygienne qui, malgré des influences grecques incontestables, préserve de nombreux traits archaïques du système linguistique et du monde spirituel des Phrygiens de haute époque.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРМАЗСКОЙ БИЛИНГВЫ (строки 7—8 арамейскографического текста)

Успешная дешифровка и скрупулезный анализ арамейскографического текста билингвы, найденной при археологических раскопках в Мцхета-Армази, осуществленные в 1941 г. выдающимся советским востоковедом академиком Г. В. Церетели¹, как известно, вызвали глубокий интерес широких кругов исследователей не только в области картвелологии, но и кавказоведения в целом. Более того, дешифровка арамейскографического текста этой надписи рассматривалась как значительное явление в мировой ориенталистике, в частности в семитской эпиграфике². Велико было ее значение для истории Грузии начала нашей эры. Наряду с известными ранее фактами, содержащимися в древнегрузинских исторических хрониках, а также в греческих, римских, древнеармянских и других письменных источниках, Армазская билингва обнаружила новые события и обстоятельства, во многом обогатив наши представления о политической истории Иберии (Картли), ее государственном строе, культурной жизни Грузии I—II вв. н. э. Сохранившиеся в билингве сведения исторического, социально-экономического и культурного характера подтвердили досто-

¹ Церетели Г. В. Армазская билингва. Двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази. Тбилиси, 1941 (далее — АБ.1941). Грузинский и английский варианты были опубликованы в 1942 г. в «Известиях ИЯИМК», т. XIII (далее — АБ. 1942).

² Современное состояние исследования надписи отражено в публикации КАИ 276 и комментарии к этой публикации (КАИ II. С. 328—330), принадлежащем перу Х. Доннера.

Последний знак в слове ħblyk/п	С т р о к и										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
к				ʾ	ʾ	ʾ	ʾ		ʾ		
п	ʾ	ʾ	ʾʾʾʾ		ʾ	ʾ	ʾʾ		ʾʾ	ʾ	ʾ

Таблица. Сравнение начертаний последнего знака в слове ħblyk/п и знаков к и п в арамейскографической части Армазской билингвы

верность соответствующей информации древнегрузинских нарративных источников.

Систематическое изучение Армазской билингвы, и в особенности ее арамейскографического текста, продолжалось и после опубликования этой уникальной надписи. Интерес к ней не ослаб и в наши дни, что вполне понятно: ряд вопросов общей интерпретации арамейскографического текста (язык надписи, истолкование некоторых слов, отдельных грамматических форм и т. д.) все еще нуждается в дальнейшем исследовании, тем более что некоторые группы слов с самого начала оставались не вполне ясными, на что указывал и сам издатель надписи³.

К числу таких неясных мест принадлежат строки 7—8 арамейскографического текста интересующей нас эпитафии, традиционно транслитерируемые так: (7)prsmn mlk ħbl ħblyk m' (8) zu rpnwš P' gmyr whkyn. Данные строки надписи Г. В. Церетели переводил следующим образом (АБ. 1941. С. 23; АБ. 1942. С. 16,57 сл.): «(7) Парсмана царя. Горе горя. Та, (8) что была (которая была) rpnwš (несовершенная, т. е. молодая?). И столь...» и т. д.

Как видно из перевода, слово ħbl понимается как «традиционный возглас боли» (АБ. 1941. С. 45), междометие «увь, горе», которое в тексте удваивается, а ко второму ħbl прибавляется суффикс -ук; слово rpnwš вообще оставлено без перевода. В комментарии по этому поводу говорится: «rpnwš, слово мне неизвестно. Очевидно, оно персидского происхождения, ибо идентифицировать его на семитической почве не представляется возможным. Быть может, это слово представляет собой композит из rpn и wš и связано с часто встречающимся на геммах персидским словом rpnwš, этимология которого, к сожалению, неизвестна... Возможно, авестийское значение rṣwš, rṣwš rpnwš „Urtyrus“ имеет какое-либо отношение к нашему слову, которое вместе с последующими P' gmyr представляет собой

³ В целом и в настоящее время остается справедливой характеристика исследований Армазской билингвы, данная акад. Г. В. Церетели в 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов: «Обзор связанной с билингвой литературы показывает, что основные выводы культурно-исторического характера, которые были сделаны при издании билингвы, в настоящее время можно считать общепринятыми. Вместе с тем те вопросы, которые тогда оставались неясными, до сих пор продолжают служить предметом обсуждения многих ученых разных стран» (Церетели Г. В. Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. I. М., 1963. С. 374).

соответствие греческому νεωτέρα и, кажется, также значит „молодая“⁴. Таким образом, начиная со слова ḥbl все связывается с безвременно ушедшей из жизни Серапит.

Интересующий нас фрагмент оживленно обсуждался в исследовательской литературе. Почти одновременно были опубликованы статьи Х. У. Бэйли и В. И. Абаева, которые, независимо один от другого, пришли к близким выводам. Х. У. Бэйли предложил интерпретировать рgnwš как модификацию в дефектном написании древнеиранского *арgnāyuš «не полных лет»⁵. В. И. Абаев указывал, что рgnwš по месту в арамейско-графичном тексте соответствует греч. νεωτέρα «молодая» и может быть сопоставлено с др.-иран. *арgnāyuš, авест. арэгәнāyus «молодой», букв. «неполнолетний»⁶. Развитие слова он представлял себе следующим образом: отпадение начального а- и стяжение трифтонга āyu > О. В целом он видит в рgnwš «параллельный синоним» к арам. Pgmug «nicht vollentwickelt». О сочетании ḥbl ḥblyk В. И. Абаев заметил, что в нем трудно усмотреть пехлевийское окончание -ik, которое здесь неуместно; по мнению В. И. Абаева, в данном случае перед нами арамейский местоименный суффикс 2 л. ед. числа, что дает перевод: «горе, горе тебе, которая была...». Х. С. Нюберг выделял в сочетании знаков ḥblḥblyk иранское окончание -uk, используемое при образовании прилагательных, а в ḥblḥbl видел «туземное имя иберов» («но я не знаю, — замечал он, — как его следует читать и объяснять»)⁷. В рgnwš он усматривал иранское farn с суффиксом -š в значении «жизнь». В целом предлагаемая им реконструкция среднеиранского текста и перевод гласят: xšā^h xblxbl-ik ka farn-ōš espuṛg «roi des xblxbl — lorsque sa vie n'était pas (encore) accomplie». А. А. Фрейман считает рgnwš «сложным словом обычного индоиранского типа»; по его мнению, в билингве нашла отражение древняя форма farn или же северное, парфянское или осетинское, диалектное farn⁸. Иное направление исследования избрал В. Б. Хеннинг⁹. Он связывает слово рgnwš с сир. рgnūš «старец» (в сирийский оно, видимо, заимствовано из парфянского); по его мнению, следует читать, не отделяя одно слово от другого: рgnwš P; в результате получается литота со значением «не старая», т. е. «молодая». Однако при такой интерпретации разрушается сочетание Pgmug, и слово gmug повисает в воздухе. Остается неясным, к чему его присоединить. Между тем точку зрения В. Б. Хеннинга поддержал Р. Н. Фрай, предложив перевод: «Sorrow of sorrows that she did not reach

⁴ АБ. 1941. С. 34; АБ. 1942. С. 24, 63. Позднее Г. В. Церетели предложил несколько измененный перевод интересующих нас строк: «царя Фарасмана. Горе, горе тебе, которая была молодая. И столь» (*Церетели Г. В. Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии // ВДИ. 1948. № 2. С. 50*). В данном переводе суффикс -uk рассмотрен им как местоимение «тебе», а выражение рgnwš Pgmug — как соответствие греческому νεωτέρα «молодая». Такой же перевод дан и в I томе «Грузинской Советской Энциклопедии» (Тбилиси, 1975. С. 576) с той только разницей, что в грузинском переводе опущено слово «тебе». Судя по этому грузинскому переводу, выражение рgnwš Pgmug окончательно было понято Г. В. Церетели как соответствие греческому νεωτέρα.

⁵ Bayley H. W. *Caucasica // JRAS. 1943. P. 1—4.*

⁶ Абаев В. И. Вокруг Армазской билингвы // *Сообщения АН Грузинской ССР. 1944. Т. 5. № 8. С. 825—829.*

⁷ Nyberg H. S. *Quelques inscriptions antiques découvertes récemment en Georgie // Eranos. V. 44 (Eranos Rudbergianus). Uppsala, 1946. P. 239—240.*

⁸ Фрейман А. А. Несколько замечаний к Армазской билингве Г. В. Церетели // *ИАН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 2. С. 163.*

⁹ Cp. Henning W. B. // *Handbuch der Orientalistik. Abt. I. Bd IV. Iranistik. Leiden — Köln, 1958. S. 38 f.*

full age»¹⁰; аналогично переводит и Б. М. Метцгер: «Woe, woe [for her] who did not reach full age, incomplete»¹¹. П. Грело также приводит в качестве параллелей сир. *parnūš* «старец» и *parnūšayā* «старый»¹². На эту же параллель указывал и Э. Бенвенист¹³. Наконец, критикуя В. Б. Хеннинга, Ф. Альтхейм¹⁴ связывал *prnwš* с евр.-арам. *parnūsā* и сир. *parnāsā* «пропитание», «содержание». Исправив *ḥblyk* на *ḥblyp*, он переводил: «Wehe über Wehe, was an (guter) Lebensführung blieb unvollendet». К этому близок и перевод, предложенный в КАИ II. S. 328: «Wehe über Wehe, dass (ihre) Lebensführung unvollendet blieb». Данный перевод набран курсивом; это означает, что переводчик (Х. Доннер) не уверен в такой интерпретации. Сочетание *ḥbl ḥblyk* он считает неясной конструкцией (КАИ II. S. 330); в остальном он следует за Ф. Альтхеймом, хотя и указывает на гипотетичность его построений.

Приведенные выше интерпретации интересующего нас текста вызывают определенные сомнения.

Во-первых, при истолковании слова *ḥbl* как «традиционного возгласа боли» ссылка на римский и неопунийский образцы представляется неуместной (Г. В. Церетели пишет о возгласе «горя по римскому и новопунийскому образцам»). Слишком мало вероятно, чтобы составлявший надпись писец в Армази был настолько эрудирован, чтобы ими воспользоваться. Другое дело — арамейские формуляры, на которые обратил внимание Г. В. Церетели: при обучении писца арамейскому языку и арамейской гетерографии их изучение было, конечно, обязательным. Обращаясь к арамейским палмирским надписям (далее цитируются по изданию CIS.2.III; указываются только номера), мы обнаруживаем, что интересующий нас текст формуляру палмирских надгробий не соответствует. Обычно возглас *ḥbl* либо открывает надпись, либо завершает ее. Так, 4133: «Увы (*ḥbl*)! Нурбел, сын Тайма[йа], <сына> Маттани»; 4129: «В месяц *канун*, год 426. Статуи эти две Элиши и Ба'алтаге сынов Бору, сына Шаббайа, сына Белшура, сына Хайрана. Увы (*ḥbl*)!». Иногда этот возглас стоит в начале и в конце надписи. Так, 4487: «Увы (*ḥbl*)! Маде, сын Неши. Увы (*ḥbl*)!»; 4225: «Увы (*ḥbl*)! Рефабол, сын 'Ате'акаба, сына Зебад'ате, <сына> Ариша. Увы (*ḥbl*)!». Однако ни в одном из таких известных случаев это восклицание не повторяется дважды подряд, и ни в одном случае оно не снабжено грамматическими формантами.

Особое внимание привлекают к себе надписи, где слово *ḥbl* находится внутри текста. Всего известно 28 таких надписей. Не имея возможности привести здесь все надписи, укажем наиболее характерные. 4507: «Увы (*ḥbl*)! Шулламат, мать. Увы (*ḥbl*)! Шулламат, дочь Шамшигерара. В месяц *элл*, год 495». 4359: «Мукайму, сын Хайры, <сына> Акакадийа. Увы

¹⁰ Frye R. N. *Pahlevi Heterography in Ancient Georgia? / Archaeologica Orientalia in memoriam E. Herzfeld. N. Y., 1952. P. 91—94.*

¹¹ Metzger B. M. *A Greek and Aramaic Inscription Discovered at Armazi in Georgia // JNES. 1956. P. 20—24.*

¹² Grelot P. *Remarques sur le bilingue grec-araméen d'Armazi // Semitica. 1958. V. VIII. P. 16—18.*

¹³ Benveniste E. *Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966. P. 80.* Относительно *parnūš* «старик» см. также Чхеидзе Т. Д. *Очерки по иранской ономастике. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.). С. 68.*

¹⁴ Altheim F., Stiehl R. *Supplementum Aramaicum. Baden-Baden, 1957. P. 80—81.* Впрочем, в дальнейшем Альтхейм признал чтение *ḥblyp* ошибочным и *ḥbl ḥblyk* переводил как «wehe, wehe über dich» (*Altheim F., Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achameniden. Lief. III. Frankfurt am Main, 1963. S. 270.*)

(hbl)! Прожил лет 16». 4527: «Статуя 'Агай, дочери 'Атешура, сына Кальбайя, сына Лишамша, сына Лайлийа. Увы (hbl)! В месяц *адар*, год 92». 4524 (*справа*): «Маратхон, дочь Таймарцу, сына Йадайя, сына Герабы. Увы (hbl)! (*слева*): Жена Ма'анийя, сына Бар'и». 4268: «На'оми, дочь Забды, сына Таймы, <сына> Халафты. Увы (hbl)! Жена Халафты, сына Забиды, сына Таймы сына Халафты. Забида, ее сын. Увы (hbl)! (*слева*) В месяц *кислул*, год 462». 4299: «Марийон, сын Элах[бе]ла, <сына> Хайрана. Увы (hbl)! То, что сделал для него (du 'bd lh) Хагигу, сын его». Как можно видеть, во всех этих и аналогичных случаях интересующее нас восклицание находится либо перед, либо, как правило, после имени погребенного. Грамматически с последующим текстом оно никак не связано. Это и не удивительно, поскольку последующий текст механически присоединяется к стандартной надгробной формуле.

Таким образом, предполагаемый текст hbl hbyuk m' zu и т. д. формуляру, известному нам по пальмирским надписям, не соответствует. Междометие hbl дважды повторяется подряд в одном мандейском тексте, но там оно фигурирует без каких-либо дополнительных элементов¹⁵. Появление суффикса -ук в сочетании со вторым hbl непонятно и необъяснимо. Еще В. И. Абаев, как уже говорилось выше, отрицал возможность его интерпретации как иранского окончания -ik, которое обычно указывает на происхождение или употребляется при образовании имен прилагательных. Но и местоименный суффикс 2 л. ед. числа, если исходить из арамейского языка, в данном контексте едва ли уместен. Форма hbyuk остается непонятной, и именно поэтому при переводе суффикс -ук обычно во внимание не принимается.

Явно бросается в глаза и то обстоятельство, что «традиционный возглас боли» в греческом варианте эпитафии отсутствует. На это обратил внимание еще Г. В. Церетели. Между тем в греческом варианте легко можно было бы поместить соответствующий «возглас боли» хотя бы в последний строке, где осталось неиспользованным достаточно свободного места.

Вместе с тем в греческой части надписи нет эквивалента и словам, стоящим непосредственно перед hbl, т. е. zu prsmn mlk «Парсмана-царя». Вообще в арамейскографичной и греческой частях надписи сведения об отце и муже Серапит, а также о царях, при дворе которых делали карьеру эти люди, изложены неодинаково. В арамейскографичной части фигурируют Зевах — отец Серапит, служивший при дворе Парсмана, и ее муж Йодманган, сын Агриппы; упоминается служба Йодмангана при дворе царя Ксефарнуга и служба Агриппы при дворе царя Парсмана. Составитель греческой части ограничивается анонимным указанием на то, что Зевах был *питиахшем*; при дворе какого именно царя — не сообщается. Имя мужа Серапит указано так: «Публикия Агриппы, сына Йодмангана, жена» (Ποῦπλιχίου Ἀγρίππα πιτιάξου υἱοῦ Ἰοδμανγάνου γυνή), причем говорится о службе последнего при дворе Ксефарнуга, но ни слова — о службе Публикия Агриппы при дворе Парсмана. Невольно напрашивается предположение, что слова hbl hbyuk опущены в греческом тексте надписи потому, что были опущены и предшествующие им слова prsmn mlk, т. е. потому, что составитель греческого текста стремился избежать всякого упоминания о царе Парсмানে.

Значение слова prnws (оно, по всей вероятности, иранского происхождения) до сих пор нельзя признать сколько-нибудь убедительно и

¹⁵ Drower E. S., *Mandaic R.* A Mandaic Dictionary. Oxf., 1963. P. 128.

окончательно установленным. Попытка возвести это слово к иранскому *arṇāyuš не представляется удачной уже потому, что в этом случае ожидался бы *protheticum: *ṛṇwš. Его истолкование в сочетании с P в значении «не старая, молодая» выглядит натяжкой; к тому же оно разрушает синтаксические связи. Попытка придать ему значение «старость», «зрелый возраст» (DISO. P. 236 с переводом контекста: «elle n'est pas parvenue à un âge mûr») также едва ли правомерна: не говоря уже о том, что между зрелым возрастом и старостью дистанция достаточно велика, ожидалось бы появление nomen abstractum: ṛṇwšw, ṛṇwšt'. Столь же натянута и попытка от значений «пропитание, содержание» прийти к переводу «жизненный путь».

Вообще предположение, что выражение ṛṇwš P gṃug является соответствием греческому νεωτέρα «молодая, очень молодая», кажется мало вероятным. Помимо интересующего нас текста слово νεωτερος встречается в греческой части надписи еще один раз (стк. 2), а именно в характеристике Зеваха: Ζηουάχου τοῦ νεωτέρου πιτιάξου; в арамейскографической части надписи (стк. 2) ему соответствует qlyl. Очевидно, при характеристике Серапит в качестве соответствия греческому νεωτέρα следовало бы ожидать скорее это арамейское слово. Между тем, обращаясь к заключительным фразам надписи (сткк. 7—10 греческого и 8—11 арамейскографического текста), мы обнаруживаем, что они в целом соответствуют друг другу, хотя и расположены в обратном порядке.

Греческий текст

ἀπέθανε νεωτέρα ἐτῶν κα'

ἥτις τὸ κάλλος ἀμείψητον εἶχε

«Она умерла очень молодой,
на 21 году,
та, которая красоту неподража-
емую имела».

Арамейскографический текст

whkyn ṭb wšpyr yhwḥ hṣk zy br 'ynš

P dm' yhwḥ mn ṭbwṭ

wm'yṭyn ḥšnt 21

«И так хороша и прекрасна она была,
что никто не был подобен ей красотой,
и она умерла на 21 году».

Как видим, там, где должно было бы находиться соответствие греческому νεωτέρα, а именно в заключительной фразе арамейскографического текста, где ожидалось бы: wm'yṭyn *qlyl ḥšnt 21 — там это соответствие отсутствует. Греческий текст не дает оснований полагать, что оно может быть обнаружено где-то в другом месте надписи.

Рассмотрим теперь сочетание P gṃug. Исходя из его внешнего облика, слово gṃug можно было бы понимать как причастие пассивной породы re'īl (модель qlyl). Однако написание m'yṭyn «она умерла», букв. «она умершая», где m'yṭ, вне зависимости от значения форманта -уп¹⁶, является активным причастием основной породы глагола mwt «умереть», показывает, что gṃug может быть определено также и как активное причастие основной породы. Использование применительно к Серапит в цитированном выше тексте прилагательных ṭb и šrug, равно как и причастия m'yṭ, показывает, что составитель арамейскографического варианта не отличал грамматический женский род от мужского, так что полностью исключить возможность того, что P gṃug относится к Серапиту, нельзя. Однако в любом случае P gṃug является сказуемым придаточного предложения, которое вводится сочетанием m' zu. Подлежащее

¹⁶ Кажется вероятным, что писец, воспринимая причастную форму в значении имперфекта (imperfectum consecutivum), несколько неожиданно присоединил к причастию показатель modus energicus -n.

естественнее искать среди слов, грамматически и синтаксически непосредственно, связанных с P gmur. В конце концов, все зависит от интерпретации сочетания ḥbl ḥblyk и слова rgnwš.

Как бы то ни было, все изложенное приводит к предположению, что в греческом варианте надписи отсутствует эквивалент 7-й — начала 8-й строки арамейскографичной версии (prsmn mlk ḥbl ḥblyk m' zu rgnwš P gmur) и что значение слова rgnwš следует искать в другой сфере, не там, где его искали до сих пор. В свете сказанного представляется необходимым пересмотр устоявшихся интерпретаций отдельных компонентов этого текста.

Начнем с ḥbl.

Как уже говорилось, его употребление в интересующей нас надписи не соответствует формуляру арамейскоязычных надгробных надписей из Пальмиры; это дает основания предположить, что данное слово представляет собой не «традиционный возглас боли», но может быть интерпретировано иным образом. Известно, что корень ḥbl широко распространен в семитских языках. В еврейском языке Ветхого Завета глагол ḥābal имеет значение «наносить вред, ущерб», но также в усилительной породе pi^cel 'губить, уничтожать'. В связи с интересующим нас текстом особое внимание привлекает Ис. 13.5:

«Они идут из страны далекой,
от края небес, —
Иахве и орудия Его ярости,
чтобы погубить (leḥabbēl) всю Страну».

Ср. также в основной породе Нехем 1.7: «Вредить мы вредили (ḥabōf ḥābalnū) Тебе»¹⁷. В связи с этим отметим также имя ḥābāl «разрушение, гибель» (Мих. 2.10; Иов. 21.17; Иов. 20, 23). В библейско-арамейском языке употребление этого глагола засвидетельствовано в интенсивных породах ra^cel и hiṣra^l; здесь он имеет практически те же значения. Так, Эзра, 6.12: «который протянет руку свою, чтобы изменить, чтобы разрушить (laḥabbālā) Дом Божий»; Дан 6.23: «Бог послал посланца Своего и заградил пасть львов, и они не погубили меня (ḥabbēlūnī)»; Дан. 4.20: «срубите дуб и уничтожьте его (ḥabbēlūhī)»; Дан. 2.44: «воздвигнет Бог Небесный царство, которое вовеки не разрушится (lā' tithabbal)»; аналогично Дан. 6.27 и 7.14. Такое же словоупотребление зафиксировано и для имперского арамейского¹⁸, а также для еврейской постбиблейской литературы¹⁹; оно же имеет место и в сирийском языке, где встречается и имя ḥabbālā' «губитель, опустошитель»²⁰. В аккадском языке глагол ḥabālu означает в интенсиве «вредить, разрушать»²¹. Наконец, в южно-аравийских надписях встречается слово ḥbl «развалины»²². Таким образом,

¹⁷ Ср. *Gesenius W. Hebraisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament*. Lpz, 1905. S. 189; *Koeler L., Baumgartner W. Lexicon in Veteris Testamenti Libros*. Leiden, 1958. S. 271 f.

¹⁸ *Вилликов И. Н. Словарь арамейских надписей // ПС. Вып. 7. С. 214; ср. DISO. P. 81 и надписи KAI 228A.12—13; KAI 260B. 6.*

¹⁹ *Levy J. Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim*. B., 1924. S. 4—5.

²⁰ *Payne Smith R. Thesaurus Syriacus*. T. I. Oxonii, 1879. P. 1175—1178.

²¹ Ср. CAD. 6, 1956. P. 14; ANWb. S. 301 f.

²² *Beeston A. F. L. etc. Sabaic Dictionary*. Louvain la Neuve — Beyrouth, 1982. P. 58.

есть все основания рассматривать слово hbl интересующего нас текста в свете указанного выше словоупотребления.

С точки зрения формальной это слово может быть интерпретировано следующим образом: либо как глагол 3 л. ед. числа муж. рода перфекта пород re^{al} , re^{il} и ra^{al} , либо как причастие пород re^{al} , а также re^{il} . Обращение к Библии показывает, что в еврейском библейском тексте глагол hābal употреблен в основной породе два раза и в интенсиве восемь раз; в арамейском библейском тексте глагол hābal в основной породе не употреблен ни разу, тогда как в породе ra^{al} четыре раза и в hitra^{al} — три раза. Следовательно, наиболее вероятно, что в Армазской билингве глагол hbl употреблен в интенсивной породе ra^{al} (hitra^{al} исключается из-за отсутствия необходимого префикса), и тогда перед нами спрягаемая форма глагола. Сопоставление со строками 3—4 арамейскографической части эпитафии, где упоминание о деяниях Йодмангана следует непосредственно за его именем ($\text{ywdmngn wnsyh wkyr 'rwst 'byd}$ «Йодмангана, — и он победоносен и велик в победных деяниях»), дает основания думать, что и в интересующем нас отрывке слово hbl и последующий текст должны относиться к Парсману-царю; предполагаемый перевод: «Парсманацаря, — он опустошил...». В обоих случаях отсутствует относительное местоимение zu «который», а в первом имеется явно плеонастическое w «и», показывающее, что употребление zu составителем текста не предусматривалось. В обоих случаях перед нами текст, механически присоединенный к предыдущему, как бы находящийся в скобках.

За hbl следует слово, которое традиционно читается как hbylk с суффиксом $-\text{uk}$. Однако, как уже отмечалось выше, такое чтение не дает удовлетворительного смысла. Кажется более вероятным иное чтение последнего знака этого слова: n , которое предложил еще Ф. Альтхайм²³ и принял П. Грело²⁴. Последний отметил, что в надписи формы знаков n и k плохо различимы, и в слове rpnwš знак n совпадает с тем, который нас в данном случае интересует. В такой формулировке это утверждение не вполне точно. Тем не менее конфигурация знаков весьма близка; как показывает таблица I, в ряде случаев (сткк. 4, 5, 8) их начертания практически не различимы или почти не различимы; они также не отличаются от последнего знака интересующего нас слова. Практически этот знак не отличается от n в hšurnwg (стк. 5) и rpnwš (стк. 8). В то же время очевидна разница в размерах между ним и находящимся рядом в той же строке 7 k (окончание слова mlk). Это дает основания вместо hbylk , не дающего удовлетворительного смысла, принять чтение hbyln . Заметим, что такое чтение считал возможным и Х. Доннер (см. комментарий к KAI): независимо от указанных выше авторов его предлагал в 1972 г. и З. Г. Кикнадзе²⁵. Если бы такая интерпретация подтвердилась, перед нами было бы имя или причастие мужского рода во множественном числе и абсолютном состоянии. Отталкиваясь от сир. hābbālā «губитель, опустошитель», мы считаем наиболее вероятным, что и в интересующем нас случае имеется

²³ См., в частности: *Altheim, Stiehl. Supplementum...* S. 80; *idem. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden.* Frankfurt am Main, 1963. S. 44 f. Однако ср. с. 270. Против этого взгляда выступил Р. Фрай (*BiOr.* 1954. V. XI. № 3/4. S. 134).

²⁴ *Grelot. Remarques...* P. 16—18.

²⁵ *Кикнадзе З. Г.* Рец. на кн.: *Бабаликашвили Н. И.* Еврейские надписи в Грузии (XVIII—XIX вв.). Тбилиси, 1971 // *Мацне. Серия языка и литературы.* 1972. № 4. (на груз. яз.). С. 182.

это же слово во множественном числе абсолютного состояния; тогда может быть предложен следующий перевод: «он опустошил опустошителей». Заметим здесь же, что причастием интенсива это слово быть не может; мало вероятно по причинам, о которых говорилось выше, и то, что оно является причастием основной породы.

Сочетание $m' zu$ «то, что» вводит дополнительное придаточное предложение. Ср. аналогичные конструкции в библейско-арамейском; Дан. 2.28: «и он поведал царю Навуходоносору то, что ($mā dī$) будет в конце дней»; Эзра, 7,18: «И то, что ($mā dī$) тебе и твоим братьям понравится из остатка серебра и золота сделать, по воле вашего Бога сделайте». В надписи Панаммувы, царя Йауди, датируемой серединой VIII в. до н. э. (КАИ 214), где интересующая нас формула передана через mz , читаем (сткк. 3—4): «и встал со мною Решеф, и то, что (mz) я захватывал рукою [своею], он предоставлял за службу [мне], и то, что (mz) я проси[л у] богов моих, они давали мне»; а также (сткк. 22—23): «и то, что (mz) он будет просить, пусть не даст ему Хадал». Отметим также набатейскую надпись CIS. II.199: «то, что ($mh dy$) выше написано». В палмирском пошлинном тарифе ²⁶ (137 г. н. э.) это сочетание встречается шесть раз; ср., например: «он постановил то, что (mdy) записано ниже» (I.16—17). Во всех случаях вводится фраза, играющая роль прямого дополнения. При использовании данной конструкции для введения косвенного дополнения к ней присоединяется вспомогательный предлог. Ср. в палмирском тарифе II.1.14 формулу $lm' d[y]$ «относительно того, ч[то]». Аналогично в Эзра. 6.8: «И от меня установлено поведение относительно

того, что ($lemā dī$) вы будете делать» ²⁷. Все изложенное позволяет думать, что сочетание $m' zu$ в рассматриваемом тексте вводит прямое дополнение, связанное с предшествующим глаголом $ḥbl$. Очевидно, оно уточняет содержание другого прямого дополнения, т. е. предшествующего слова $ḥblyn$.

Учитывая все сказанное, может быть предложен следующий перевод: «Парсмана-царя, — он опустошил опустошителей, то, что $rgnwš$ не завершил». При таком понимании текста оказывается, что слово $rgnwš$ является подлежащим данного придаточного предложения, где сказуемое — $P' gmyr$.

Как известно, последний знак этого слова традиционно транслитерируется как $š$, что оказывает решающее влияние на интерпретацию слова. Однако такая транслитерация не обязательна. Во всех ближневосточных системах письма, восходящих к финикийскому линейному письму и продолжающих его традиции, в том числе и в арамейской, знаку $š$ соответствуют два согласных: $š$ и $ś$. С течением времени произношение согласных $ś$ (*син*) и s (*самех*) перестало различаться, в связи с чем оказалось возможным употребление на письме одного знака вместо другого ²⁸. Примечательно, что в одном из эфептинских папирусов встречаются параллельные написания $rgnuš$ и $rgnys$ ²⁹, — несомненно, два варианта одного имени. Отсюда следует, что интересующее нас слово может быть транслитериро-

²⁶ Шифман И. Ш. Пальмирский пошлинный тариф. М., 1980; контексты указаны на с. 301 сл.

²⁷ О данной конструкции см. DISO. P. 74.

²⁸ Segert S. Altaramäische Grammatik. Lpz, 1975. S. 62, 94. Подробно см. Церетели К. Г. Арамейский язык. Тбилиси, 1982. С. 132.

²⁹ Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Oxf., 1923. № 51; ср. Винников И. Н. Словарь арамейских надписей // ПС. 1965. Вып. 13. С. 225.

вано как $\text{p}n\text{w}\acute{s}$. В этом случае можно предположить, что данное арамейскографичное написание соответствует хорошо засвидетельствованному в Иберии имени Парнаваз (Фарнаваз); тогда вся фраза переводилась бы: «то, что Парнаваз не завершил». Однако такое понимание сталкивается с филологическими трудностями.

Как известно, имя Парнаваз встречается в арамейском написании $\text{p}n\text{b}z\text{w}$ на монетах Парнаваза, бывшего сатрапом в царствование Дария II и Артаксеркса II³⁰, а также в греческом Φαρνάβαζος (см., например, Thuc. 8.6; Xen. Hell. I.1.6; Cass. Dio. 49,24 и т. д.). Однако в древнегрузинских исторических повествованиях этому соответствует древнегрузинское $\text{p}'a'n\text{avaz}$ ³¹, что объясняет появление в эпитафии Серапит знака w . Что касается арамейского b в $\text{p}n\text{b}z\text{w}$, то в соответствии с правилами

произношения согласных группы $\text{b}e\overset{v}{g}a\overset{v}{d}k\overset{v}{e}r\overset{v}{a}t$ в положении после гласного оно произносилось спирантизовано³²; таким образом, существовала реальная почва для эволюции произношения и написания $\text{b} \rightarrow \text{w}$. Греческое Φαρνάβαζος также может быть истолковано в свете гипотезы, согласно которой уже в середине I тыс. до н. э. имело место спирантизованное произношение β ³³; отсюда также прямой путь к реализации β уже в эллинистический период в качестве спиранта ν ³⁴. Таким образом, ни арамейское написание b , ни греческое β не являются препятствием для предлагаемой интерпретации слова $\text{p}n\text{w}\acute{s}$. Использование в конце этого слова знака \acute{s} с фонетическим значением \acute{s} соответствует засвидетельствованному в древнеармянских исторических повествованиях варианту $\text{p}a\text{p}n\text{u}\text{as}$, а также варианту $\text{p}a\text{p}n\text{aw}\text{as}$ ³⁵, причем последний является точным эквивалентом арамейскографичного $\text{p}n\text{w}\acute{s}$. Заметим в этой связи, что чередование s и z имеет место не только в эпитафии Серапит. Так, имя Парсмана, которое обычно пишется в древнегрузинских исторических источниках через s ³⁶, в ряде случаев пишется через z ³⁷; вообще параллельное употребление на конце слова z и s часто наблюдается в грузинском языке, особенно в заимствованных словах; ср. $\text{katalikoz-i//katalikos-i}$ — «католикос», $\text{angeloz-i//angelos-i}$ — «ангел», $\text{kwiparoz-i//kwiparos-i}$ «кипарис» и т. п. Параллельное употребление s и z засвидетельствовано и на семитской почве; так, в древнееврейском глагол «ликовать, веселиться» известен в формах $\text{'al}\text{as}$ и $\text{'al}\text{az}$, древнееврейскому $\text{z}\acute{a}k\text{ar}$ «помнить» соответствует финикийское skr и т. д.

³⁰ Винников. Словарь арамейских надписей. С. 225.

³¹ Картлис Цховреба. Т. I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз). С. 20—22, 27, 35 и т. д. Высказывалось предположение, согласно которому в основе этого имени лежит среднеиранское $*\text{farnavazd} < * \text{farnavast}$ (Андроникашвили М. К. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966. С. 499).

³² Segert. Altaramäische Grammatik. S. 95; Moscati S. etc. Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages. Wiesbaden, 1964. P. 57.

³³ Ср. соответствие $\text{'A}\text{p}\text{t}\text{a}\text{b}\text{a}\text{z}\text{o}\text{s} = * \text{Artavazda}$ у Геродота, предположенное Р. Шмиттом (Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot // ZDMG. 1967. Bd 117. Ht 1. S. 132).

³⁴ Ср. Priebatsch H. Y. Spiranten und Aspiratae in Ugarit und Hellas // UF. 1980. Bd 12. S. 321. Боровский Я. М. Краткий очерк греческой фонетики // Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 315.

³⁵ Ачарян Р. Словарь армянских личных имен. V. Ереван, 1962. (на арм. яз). С. 191.

³⁶ Картлис Цховреба. С. 44 сл., 50 слл. и др.

³⁷ Там же. С. 152. Интересно, что в древнегрузинских текстах (там же. С. 68) засвидетельствован параллелизм Pegoz // Pegoš , т. е. имеет место соответствие z и \acute{s} (ср. Андроникашвили. Очерки... С. 138, 144). Тогда перед нами ряд соответствий $\text{z // s // } \acute{s}$.

Таким образом, есть основания думать, что в Армазской билингве нашло отражение локальное произношение имени Парнаваз // Парнаваз ³⁸.

Таким образом, сткк. 7—8 арамейскографичного текста билингвы переводятся как: «Парсмана-царя, — он опустошил опустошителей, то, что Парнаваз не завершил». За этим, начиная со слова *whkyn*, следует новое предложение, где речь идет о красоте Серапит, и только за ним — предложение, где говорится о ее смерти. Упоминания о молодости или преждевременной смерти Серапит в арамейскографичном тексте нет, — ни там, где его пытаются реконструировать, ни там, где оно ожидалось бы, если следовать параллельному греческому тексту.

Если предлагаемая интерпретация строк 7—8 текста верна (а это выяснится впоследствии), они должны содержать информацию по истории Иберии соответствующей эпохи. Рассмотрим теперь, насколько она соответствует данным древнегрузинских и иных нарративных источников.

В настоящее время можно считать установленным, что Парсман-царь Армазской билингвы — это иберийский царь Парсман II, современник императоров Адриана (117—138) и Антонина Пия (138—161). О нем известно, в частности, что он отказался явиться в Рим по приглашению Адриана (*Ael. Spart. Nadr.* 13.9; 21.13), хотя и прислал ему свои дары (*Ael. Spart. Nadr.* 17.12). Адриан, послав Парсману II в свою очередь также огромные дары, постарался высмеять его подарки (*Ael. Spart. Nadr.* 17, 10—12). Очевидно в этом поступке Парсмана II стремление утвердить политическую самостоятельность Иберийского царства. В царствование Антонина Пия ситуация изменилась: Парсман II должен был явиться в Рим; Антонин Пий, по словам Диона Кассия, увеличил его царство, т. е., надо полагать, признал его завоевания (*τὴν τῆ ἀρχὴν ἐπληρέητε*), позволил ему принести жертву на Капитолии, воздвиг его конную статую в храме Беллоны и наблюдал воинские упражнения иберийского царя, его сыновей и знатных иберов (*Iul. Capit. Ant. Pius.* 9,6; *Cass. Dio.* 69. 15.3). Известно, что Антонин Пий организовал в 134 г., вторжение аланов в Мидию, Армению и Каппадокию (*Cass. Dio.* 69.15.1)³⁹. Особого внимания заслуживает отождествление этого Парсмана с Парсманом II «Квели» («Доблестный», «Благой») древнегрузинской исторической традиции. Согласно «Картлис Цховреба», Парсман II сохранился в народной памяти как мужественный воитель, борющийся против персов, которые вторглись на территорию Грузии⁴⁰. Кажется правдоподобным, что за этими свидетельствами античной традиции и в еще большей степени за грузинскими преданиями скрываются события, нашедшие отражение и в Армазской билингве во фразе: «он опустошил опустошителей».

Фраза «то, что Парнаваз не завершил» требует ответа на вопрос: кто такой этот Парнаваз, с деяниями которого сравниваются в надписи подвиги Парсмана II; что именно этот Парнаваз не мог, по представлениям составителя надписи, завершить.

Представляется прежде всего, что этим человеком должен был быть такой деятель древнегрузинской истории, память о котором сохранилась бы на протяжении многих поколений, который сыграл в жизни общества

³⁸ В связи с предлагаемым пониманием слова *rgnwš* заслуживает внимания мужское имя *rgnw*, засвидетельствованное в одном из арамейских папирусов и связываемое с иранским **farna(h)va* (см. *Kraeling E. G. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri.* New Haven, 1953. P. 278; *Винников.* Словарь арамейских надписей. С. 225).

³⁹ Подробно см. АБ. 1941. С. 48 сл.; АБ. 1942. С. 33. сл., 68 сл.; *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 357—360.

⁴⁰ Подробно см. *Меликишвили.* К истории... С. 360 сл.

решающую роль и сравнение с которым было бы почетным для того, кого сравнивают. По свидетельствам древнегрузинских источников и античной традиции, известны три человека, носившие имя Парнаваз и сыгравшие заметную роль в истории Грузии до II в. н. э.: Парнаваз I — царь Иберии, т. е. Картли, основатель династии Парнавазианов ⁴¹ (III в. до н. э.); Парнаваз II, царствовавший в Иберии в I в. до н. э. (ср. Cass. Dio. 49.24.4) ⁴²; спасет Парнаваз по прозвищу «Квели», назначенный на должность «спасета и правителя Шида Картли» Парсманом II Квели ⁴³.

Спасет Парнаваз не может быть упомянут в рассматриваемом тексте уже потому, что он был приближенным и царедворцем Парсмана II. Поэтому здесь может иметься в виду только один из царей, упомянутых выше.

Что касается Парнаваза II, то он известен в сущности только по упомянутому выше свидетельству Диона Кассия: зимой 36 г. до н. э. П. Канидий Красс совершил поход против иберов, победил в бою их царя Парнаваза и заключил с ним союз (*ἐς συμμαχίαν προσήγαγετο*), иначе говоря, заставил его признать свою зависимость от Рима. Едва ли это событие могло быть использовано для сравнения с деяниями Парсмана II в Армазской надписи. Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что древнегрузинской традиции царь Парнаваз II не известен; предполагается ⁴⁴, что он идентичен царю Б[а]рацману, упоминаемому в «Мокцевай Картлисай», который в свою очередь соответствует Бартому в «Картлис Цховреба». Если это так, то в Армазской билингве следовало бы ожидать одно из этих имен.

Все сказанное дает основания предположить, что в нашем тексте упоминается Парнаваз I, основатель династии Парнавазианов. Этот царь был героем народных преданий; по свидетельству древнегрузинской традиции ⁴⁵, он был освободителем Картли от чужеземного господства, овладел всей Картли, за исключением Кларджети, а позже — и этой областью, с помощью одного из селевкидских царей укрепил свою власть, совершил набег на Сабердзнети, т. е. Понт. Ему приписывается также создание административной структуры «наподобие Персидского царства»: разделение государства на округа — сазристао, во главе которых он поставил «эриставов», и назначение спасета — правителя Шида Картли; ему приписывается и укрепление своей столицы Мцхета, и воздвижение в Армази идола бога Армази, а также распространение в Картли грузинского языка и создание грузинской «грамоты». Перед нами, таким образом, деятель, оказавший, по представлениям древнегрузинской традиции, огромное влияние на всю жизнь древней Грузии, человек, предания о деяниях которого, несомненно, передавались из поколения в поколение и в конце концов были зафиксированы письменной традицией. Ясно, что упоминание такого человека в надписи для сравнения с Парсманом II, можно было и не называть его царем и даже не конкретизировать, какие именно подвиги Парнаваза I имеются в виду: каждый читатель надписи, знакомый с местными преданиями, должен был знать, о ком и о чем идет речь.

Если все изложенное справедливо, можно думать, что сопоставление Парсмана II с Парнавазом I должно было подчеркнуть важность деятельности первого; по своему месту в истории Иберийского царства, по значению его деятельности он занимает то же положение, что и основатель ди-

⁴¹ Там же. С. 38—40, 46—49.

⁴² Там же. С. 52—54.

⁴³ Там же. С. 456.

⁴⁴ Там же. С. 52—58.

⁴⁵ Там же. С. 280—283.

насти, и устроитель государства. Очевидно, составитель надписи делит историю Иберийского царства на два этапа: деятельность Парнаваза I, когда государство было освобождено от врагов, объединило в своих границах обширные территории и стабилизировалось, и деятельность Парсмана II, когда государство вело победоносную борьбу с внешними врагами и расширило свою территорию. Во всяком случае сказанное выше показывает, что сравнение двух выдающихся политических и государственных деятелей Иберии в рассмотренном тексте логично и оправдано.

Возможны ли иные интерпретации этого текста? То обстоятельство, что Парнаваз не назван царем и что в арамейскографичном тексте, как мы полагаем, отсутствуют указания на молодость Серапит, побуждают рассмотреть и иную возможность.

Если выражение $m' zu$ воспринимать не как два взаимосвязанных, но как два самостоятельных слова, то начало строки 8 $zu rpnwš/š$ дословно можно было бы перевести как «Парнаваза», т. е. «(родом) Парнаваза», иначе говоря, Парнавазиан, что не требует слова «царь». В интересующем нас контексте это дает следующее чтение: «(7) Парсмана-царя, — он опустошил опустошителей, — кто (есть) (8) (родом) Парнаваза», т. е. Парнавазиан. Напомним, что Парсман II, по свидетельству древнегрузинских источников, принадлежал к династии Парнавазианов. Тогда выражение P' gmuğ выступит уже в роли начала предложения, касающегося Серапит, и его можно было бы воспринимать как эквивалент греческого $\nu\sigma\tau\epsilon\rho\alpha$ и перевести «несовершенная, молодая» (АБ. 1941. С.23). За этим последует «И столь» и т. д.

Однако значение «кто» или «который» для m' , т. е. первого элемента выражения $m' zu$, пока не устанавливается документально, ввиду чего на нынешнем уровне исследования следует отдать предпочтение предлагаемому нами первому варианту интерпретации ⁴⁶.

Г. Г. Гиоргадзе, И. Ш. Шифман

INTERPRÉTATION NOUVELLE D'UN PASSAGE DE L'INSCRIPTION BILINGUE D'ARMAZI

(lignes 7—8 du texte à graphie araméenne)

G. G. Giorgadze, I. Š. Šifman

Les auteurs démontrent qu'il est incorrect, en interprétant le mot hbl dans la ligne 7 comme une «exclamation traditionnelle de douleur» («malheur, hélas»), d'invoquer des exemples romains ou néopuniques. Dans aucun cas connu l'interjection hbl n'est répétée deux fois de suite et dans aucun cas elle n'a de formants grammaticaux. L'apparition de hbl à l'intérieur du texte indique, dans les autres cas, soit que hbl précède directement, soit suit directement le nom du défunt et qu'il n'est pas lié grammaticalement au texte consécutif.

L'apparition de $hbl hbllyk$ où le second hbl est doté du suffixe $-yk$ est incompréhensible et inexplicable. Il saute aux yeux que l'«exclamation traditionnelle de douleur» fait défaut dans la variante grecque de l'épithaphe. Qui plus est, on ne trouve pas

⁴⁶ Данная статья была уже подготовлена к печати, когда была опубликована статья: Боголюбов М. Н. Армазская эпитафия // Ираноафразийские языковые контакты. М., 1987. С. 30—37. Автор статьи дает следующий, довольно оригинальный перевод интересующих нас строк арамейскографичного текста билингвы: «(7) царя Фарасмана. Муки (родов) погубили тебя, (8) подобную заре фарна, еще не разгоревшейся и такой» (с. 36). Свое отношение к этому переводу, как и интерпретации всего арамейскографичного текста, данной М. Н. Боголюбовым, авторы собираются рассмотреть в другой работе.

non plus dans la partie grecque de la bilingue d'équivalent des mots qui précèdent immédiatement *hbl*. Ceci suggère automatiquement que, les mots *hbl hbllyk* ont été omis dans le texte grec de la bilingue parce que les mots qui les précèdent, *prsmn mlk* n'ont pas non plus de corrélatifs grecs.

On ne peut toujours pas considérer que le sens du mot *prnwš* ait été définitivement établi de façon convaincante.

L'hypothèse selon laquelle l'expression *prnwš l'* correspondrait au grec *νεωτέρα* «jeune, très jeune» semble erronée. Si dans la l. 2 de l'inscription grecque le mot *νεωτέρα* a pour équivalent le mot *glyl* de la l. 2 du texte à graphie arméenne, le mot *glyl* n'apparaît plus en tant que corrélatif du mot *νεωτέρα* de la l. 8 de l'inscription grecque ni dans la l. 8, ni dans les lignes suivantes du texte à graphie arméenne.

Tout ceci conduit à l'hypothèse que la variante grecque omet l'équivalent des lignes 7 et 8 (début) du texte à graphie arméenne: *prsmn mlk hbl hbllyk m' zy prnwš l' gmyr*.

Les auteurs de l'article estiment nécessaire une révision de certaines composantes encore admises de l'interprétation du passage en question. Considérant *hbl* comme étant non l'interjection «malheur, hélas», mais une forme verbale de la 3e p. du sing. masc. du parfait intensif ou comme une forme participiale du verbe *hbl* signifiant «conduire à sa perte, détruire, anéantir, saccager» («il a saccagé» ou «le saccageur»), les auteurs supposent un lien contextuel de *hbl* avec les mots qui précèdent, à savoir (*zy prsmn mlk* «Il a saccagé/vidé le roi Pharsman...» ou «le roi Pharsman, le saccageur...») Ils corrigent la leçon traditionnelle *hbllyk* du mot qui suivait *hbl*, à l'instar de F. Altheim, P. Grellet et Z. G. Kiknadze, en *hblyn* et y reconnaissent le mot *habbālā* (du verbe *hbl* «saccager, détruire» etc.) au pluriel de l'état absolu: *hblyn* «les saccageurs». Ce qui donne comme traduction de *prsmn mlk hbl hblyn*: «le roi Pharsman, il a saccagé les saccageurs».

Les auteurs supposent que la locution *m' zy* «ce que» introduit le complément direct lié au verbe *hbl* et précise le sens de l'autre complément direct *hblyn*. A leur avis, *l' gmyr* est le prédicat de la proposition subordonnée. D'où cette traduction de la phrase *m' zy prnwš l' gmyr*: «ce que *prnwš* n'a pas terminé» où *prnwš* est sujet. Admettant qu'il est nécessaire de translittérer le mot *prnwš* sous la forme *prnwš*, les auteurs supposent que *prnwš* correspond au nom bien connu en Ibérie (Kartli = Géorgie orientale) de Pharnavaz, dont on trouve des variantes phonétiques *Parnuas* et *Parnawas* dans des textes historiques classiques arméniens. L'orthographe *prnwš* du texte à graphie arméenne est un équivalent exact de cette dernière forme.

La traduction des l. 7—8 du texte à graphie arméenne de la bilingue d'Armazi — «Pharsman le roi [objet direct] — il a saccagé les saccageurs — ce que Pharnavaz n'a pas terminé» — est en accord total avec les données des sources narratives géorgiennes anciennes et autres.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕР РАННЕИБЕРИЙСКОГО ГОРОДА (VIII — первая половина IV в. до н. э.)*

Предлагаемая работа посвящена изучению вопроса о происхождении и характере иберийского города раннего периода его истории. Работа построена на археологическом материале как ведущем в современной испанистике типе источников по нашей теме. Избранный хронологический

* Статья представляет собой расширенный и углубленный вариант наших выступлений на конференциях: «Историчность и актуальность античной культуры» (ТГУ, Тбилизи, 1980) и «Античный полис-V» (ЛГУ, Ленинград, 1984). Пользуясь возможностью, приношу благодарность Л. М. Глускиной, Ю. Б. Циркину, Э. Д. Фролову и О. Д. Лордкипавидзе, принявшим участие в обсуждении и высказавшим полезные для меня соображения.

период можно разделить на два этапа: I — формирование предпосылок раннеиберийского урбанизма, в чем ведущую роль играли местные стимулы (750—600 гг. до н. э.), II — консолидация раннего урбанизма в двух его вариантах: местно-континентальном и прибрежном, окрашенном греко-пунистским влиянием (600—350 гг. до н. э.). Период развития в Иберии собственно города, совпавший с оформлением государственности и тесным образом связанный с карфагенской и впоследствии римской колонизацией, требует специального рассмотрения. К тому же для его изучения существуют наряду с археологией различные виды письменных источников, которые также требуют самостоятельного анализа. География иберийских поселений раннегородского типа естественным образом совпадает с зоной распространения иберийской культуры соответствующей эпохи и охватывает прибрежную полосу Юго-Восточной Испании и Юго-Западной Франции, включая Западную Лангедок, а на западе приближаясь к Ла Манче, долинам Арагона и Гарумны¹.

В зарубежной испанистике вплоть до середины 1960-х годов господствовала романоцентристская идея о возникновении иберийского города, признававшая его естественным следствием романизации Пиренейского полуострова. Наиболее последовательным проводником этой теории являлся известный немецкий испанист А. Шультен². Новый методологический и источниковедческий уровень историко-археологической науки 1960—1980-х годов дает возможность выяснения внутренних закономерностей и специфических черт процесса урбанизации и «накопления» и синтеза основных, структурообразующих элементов урбанизма. В испанистике этого периода основополагающими продолжают оставаться работы второй половины 1960-х годов А. Гарсиа-и-Бельидо и Х. Малукера де Мотеса³, поскольку ученые последующих десятилетий концентрируют свои усилия на расширении источниковой и прежде всего археологической базы исследования, проводя систематические раскопки и разведки иберийских поселений и их некрополей, публикуя материалы и предпринимая их систематизацию и типологизацию⁴.

А. Гарсиа-и-Бельидо исходит из идеи существования в древнейшем Средиземноморье двух типов городов — «естественных» и «запланированных», а также превалирующей роли городов первого типа. Окраинный вариант естественно возникших городов исследуется автором на примере иберийского города, определяемого им как сообщество производителей,

¹ Основания для данной географии дают результаты археологического обследования этого региона, опубликованные в ряде сборников на рубеже 1970—1980-х годов: *Els pobles preromans del Pirineu. Puigcerdà*, 1978 (далее — PPP); *Els Orígens del món ibèric // Ampúries*. Barcelona, 1978. V. 36—38 (далее — OMI).

² *Schulten A. Numantia*. I—IV. B., 1912—1915; *idem. Geografía y Etnografía de la Península Ibérica*. I—II. Madrid, 1958—1960.

³ Синтез их представлений о древнеиберийском городе см.: *García y Bellido A. Problemas sociales del urbanismo antiguo en el Mediterráneo*. Madrid, 1970; *Maluquer de Motes J. El impacto colonial griego y el comienzo de la vida urbana en Cataluña*. Barcelona, 1966.

⁴ См., к примеру, такие ставшие классическими работы, как: *Tarradell M. El País Valenciano del Neolítico a la Iberización*. Valencia, 1962; *Almagro Gorbea M. El Pozo Moro y la Formación de la cultura ibérica*. Valencia, 1978; *idem. El Bronce final y el período orientalizante en Extremadura*. Madrid, 1977; *Llobregat Conesa E. Contestania Ibérica*. Alicante, 1974, а также конкретные исследования типа: *Arteaga O., Serna M. R. Los Saladares*. I // *NAH*. 1975. 3. P. 3 — 140; *Ginez V., Meseguer V. El poblado ibérico de El Puig, Benicarló*. Benicarló, 1976; *González Prats A. Estudio arqueológico del poblamiento antiguo de la Sierra de Crevillente (Alicante)*. Alicante, 1983; см. также материалы ранее указанных сборников и сборник: *Arqueología del País Valenciano y su estorno geográfico. Panorama y perspectivas*. Elche, 1983.

которые являлись сельскохозяйственными и «промышленными» работниками одновременно. По его мнению, симбиоз «город-деревня» существует в Иберии вплоть до ее глубокого освоения римлянами, поскольку местные ремесла никогда не поднимались выше уровня домашних⁵. Думается, что при всей актуальности попытки А. Гарсиа-и-Бельидо реконструировать процесс урбанизации и выяснить социально-экономические аспекты урбанизма в древности им допущена важная с точки зрения методологии ошибка: пунктом отсчета им избрано капиталистическое хозяйство и все последствия древнего урбанизма сведены к выяснению вопроса о том, насколько античная экономика была близка к капиталистической. В ином случае ученый вел бы речь не столько о симбиозе «город-деревня», сколько о дихотомии «деревня — город». Так, самим подходом он отсекает перспективу в развитии иберийского города и тем самым лишил себя возможности его объективного изучения.

Во второй половине 1960-х годов появилась работа другого исследователя иберийского города Х. Малукера де Мотеса, позиция которого явствует из самого названия его монографии⁶. Прекрасный знаток доримской археологии Испании, он справедливо считает возможным удреветить иберийский урбанизм⁷. Однако, будучи сторонником теории аккумуляции, Х. Малукер впадает в крайность, объявив иберийский город продуктом деятельности греков, хотя в ряде конкретных работ сам же отмечает наличие крупных поселений городского типа еще для эпохи поздней иберийской бронзы⁸. Думается, что источник заблуждений автора также следует искать в неверности методологической позиции, поскольку он не вполне точно определяет сущность таких фундаментальных понятий древности, как город и государство, и в результате допускает отождествление первого со вторым.

В отечественной литературе избранная нами тема не изучалась, хотя проблема древнего города всегда находится в поле зрения советских специалистов — востоковедов, антиковедов и прежде всего археологов. Из последних работ хотелось бы выделить статью Ю. В. Андреева, в которой предпринимается попытка выяснения исходного для древнейшего города типа поселения⁹. Автор определяет его как «квазигород» — «земледельческое поселение (или, по сути дела, деревню), обладающее некоторыми чисто внешними признаками, которые сближают его с городом» (с. 7), и лишь с течением весьма продолжительного времени перерастающее в «протогород» (с. 5), т. е. в «поселение с ярко выраженными признаками экономического, политического и идеологического центра определенного округа, района или даже целого государства» (с. 10). Ю. В. Андреев относит эти формы к разным типологическим рядам: «квазигород» к первобытному не-городу, или «городу-деревне» (с. 5), а «протогород» — к собственно городу (с. 10), стремясь, таким образом, обосновать идею об эволюционном, а не скачкообразном (спиралевидном? — В. К.) характере процесса возникновения древнейшего города (с. 5). Принимая в целом конкретные характеристики форм, привлечших внимание исследователя,

⁵ *García y Bellido*. Op. cit. P. 19.

⁶ *Maluquer de Motes*. Op. cit.

⁷ *Ibid.* P. 23

⁸ См., к примеру: *Maluquer de Motes J.* Los pueblos Ibéricos // *Historia de España*. I. Barcelona, 1970. P. 213.

⁹ *Андреев Ю. В.* Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1. С. 3—18. Пользуясь приглашением редколлегии ВДИ принять участие в обсуждении данной статьи, остановившись на исследовании Ю. В. Андреева подробнее, чем того требует предпринимаемый нами историографический обзор.

позволим себе предложить иной исторический контекст функционирования этих форм. То поселение, которое Ю. В. Андреев называет «квазигородом», вероятно, вполне может сохранить и свое традиционное обозначение «деревни-города», *Stadtdorf*, т. е. деревни с элементами урбанизма, или урбанизированной деревни, так как *Stadtdorf* является, по нашему мнению, не «сдвоенным термином» — ибо по правилам немецкого словообразования «сдвоенность» на письме обозначается дефисом и в нашем случае это выглядело бы как *Dorf-Stadt*, а сложным словом, составленным из двух простых форм, смысловая нагрузка в котором в соответствии с правилами немецкой грамматики падает на вторую, фонетически ударную часть, в то время как первая имеет уточняющий характер, и переводящимся как «деревня, имеющая некие урбанистические черты»¹⁰. Из множества иных первобытных земледельческих поселений действительно именно «деревня-город» оказалась призванной дать жизнь городу, однако секрет особой продуктивности этого организма мы искали бы не в той по существу арифметической сумме социоэкологических причин, которые выделяются Ю. В. Андреевым (с. 8—9), а в возникшей по причине земельного голода именно у его жителей потребности развивать ремесла: добывающие (глину, металлы и т. д.) и строительные (в частности военно-инженерное, поскольку малый коллектив собственников мог противостоять внешнему врагу не количеством сочленов, как это имело место в земледельческих общинах, а скорее своими оборонительными сооружениями). Поэтому наиболее репрезентативными археологическими характеристиками данного вида поселения представляется целесообразным считать, наряду с выделенными Ю. В. Андреевым, следы ремесленной деятельности и наличие укреплений в любом из их вариантов — стен, убежищ, холма и т. п. (или комбинаций этих вариантов, допустим, по типу: холм + стена). Признание данных признаков в качестве определяющих позволит протянуть связующую нить к протогороду, который, развивая их и постепенно возвышаясь — в прямом и фигуральном смысле этого слова — над морем рядовых деревень, действительно приобретает со временем характер объединительного центра и даже подкрепит его созданием единого религиозного святилища. Сам процесс развития мы определили бы как прогрессивный, спиралевидный по своему характеру. Это противоречит мнению Ю. В. Андреева (с. 5), но, как кажется, объясняет механизм раннего этапа урбанизации, ибо эволюционность в развитии — это стадия медленных, незаметных и только количественных накоплений, в то время как развитие по спирали осуществляется в виде то вспыхивающей, то затухающей борьбы двух единств — непрерывности (= эволюционности) и прерывности (= скачка), дающей коренные качественные изменения предмета. И если признать основным качеством «квазигорода» и «протогорода» не-сельскохозяйственную деятельность, благодаря которой данная историческая категория является

¹⁰ Ср. толкование этого термина в работе Э. Эннен (*Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953. S. 21 f.*), которую приводит в своей статье Ю. В. Андреев. Попутно заметим, что и другая форма, заимствованная Ю. В. Андреевым у этого же автора, — *Ackerburg* — переводилась бы нами не как синоним к *Stadtdorf*, а как «укрепление с пашней при нем». Она скорее всего должна рассматриваться как собирательное понятие, под которым — в зависимости от конкретно-исторического контекста — можно иметь в виду и укрепленную сельскохозяйственную усадьбу, и феодальный замок с принадлежащей ему пашней, когда речь идет об эпохе средневековья. В отечественной литературе о дихотомическом характере категории «деревня-город» говорит, в частности, Г. А. Кошеленко (Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 11), принимая ее как исходную в процессе формирования раннего греческого города.

таковой, то именно это качество и должно будет обновляться путем само-накопления и скачкообразного перехода в новое состояние — в собственно город, который станет действительно устойчивой полифункциональной формой территориальной консолидации гетерогенного населения, занятого прежде всего не в сфере сельскохозяйственного производства, и прямая протечка которого, протогород, будет примыкать к нему гораздо ближе и, следовательно, отстоять гораздо дальше от «квазигорода», чем это представляется Ю. В. Андрееву (с. 9). Подводя итог своим рассуждениям, укажем, что традиционная характеристика механизма становления собственно города, известная для его разных вариантов благодаря работам В. М. Массона, И. М. Дьяконова, Е. М. Штаерман, Т. В. Блаватской, Г. А. Кошеленко и др.¹¹ и базирующаяся на скачке, подкрепляет сделанный еще Ф. Энгельсом вывод о том, что формирующийся город действительно как бы подводит «итоговую черту под многотысячелетним развитием первобытнообщинной формации»¹², и представляется вполне приемлемой и поныне. В то же время существует объективная необходимость в конкретном и последовательном изучении переходных форм, в своем развитии приведших к становлению собственно города. Эта необходимость делает исследование Ю. В. Андреева весьма своевременным и полезным.

Рост поселений, совершенствование хозяйственного опыта и навыков, прогресс в области средств производства, обусловленные внедрением железа (вторая четверть I тыс. до н. э.), приводят к расшатыванию родовой формы собственности и постепенному разложению родового коллектива земельных собственников. Археологическим выражением этого процесса служит появление в Иберии нового типа поселений. Прежде всего бросается в глаза их расположение в зонах концентрации ставших жизненно необходимыми металлов. Так, только для одного из двух традиционно выделяемых больших регионов «Восточная Андалузия — юго-восток Пиренейского полуострова» археологи фиксируют появление к концу VIII в. до н. э. (по хронологии М. Альмагро Горбеа, это праиберийский период¹³) около двух десятков относительно крупных поселений типа Лос Саладарес, Серра де Кривильенте, Серро дель Реаль и т. п., а для Каталонии и Леванта — более 60¹⁴. Очевидной является также их локализация в зоне прохождения основных дорог и, как правило, на небольших возвышенностях, господствовавших над долинами рек. Этот принцип был соблюден при основании по крайней мере 40% поселений Северной Иберии¹⁵. Обычным становится также расположение поселений в поле видимости друг друга, на склонах холмов, соседствовавших между собой либо разделявшихся небольшими долинами. Наш вывод особенно хорошо документируется археологическими материалами андалузской провинции Хаэн, известной своими запасами разнообразных руд. Эти руды служили тем магнитом,

¹¹ См., к примеру: Массон В. М. Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. Л., 1977; Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. // Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973; Штаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. 1973. № 34; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1963; Кошеленко. Полис и город...

¹² Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 147; ср. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 169.

¹³ *Almagro Gorbea*. El Bronce... P. 149.

¹⁴ См. соответственно: *Arteaga O*. Problemática general de la iberización en Andalucía Oriental y en el Sudeste de la Península // Ampurias. 1976—1978. 38—40. P. 45—48; *Pericot L*. El arte Ibérico // Historia de España. I. Barcelona, 1970. P. 238.

¹⁵ Цифровой материал подробнее см. в работе: *Maya González J. L.* Análisis de la situación anterior al establecimiento de la cultura ilergeta // Ampurias. 1976—1978. 38—40. P. 450.

который притягивал к себе иноземцев и окрестное туземное население. В зоне залегания руд рано возникли поселения, а к очагам их добычи протянулись дороги, всегда привязывавшиеся к водным — речным или морским — артериям. Одна из активно функционировавших дорог начиналась от мыса Гато (залив Альмерии), другая составляла испанский отрезок названной впоследствии римлянами *Via Heraklea*¹⁶, третья проходила по долине Гуалентина от Мурсии и т. д. О. Артеага указывает на наличие в эпоху поздней бронзы по крайней мере шести дорог, ведущих в Хаэн, для одного только юго-восточного региона Пиренейского полуострова¹⁷. На первой из них располагались такие раннеурбанистические центры, как Серро дель Райо, Пеньон де ла Рейна¹⁸, на второй — Серро дель Реаль¹⁹, на третьей — Эль Кастельяр²⁰ и т. д. Их топографию отражают данные археологами названия: Серро «холм, гора», Рейбон «скалистая гора, скала» и т. п.

Особого внимания заслуживает появление фортификаций. Сомнений в вопросе о времени их зарождения в Иберии у археологов обычно не возникает, так как, во-первых, их наиболее древние остатки расположены под собственно иберийским слоем и, во-вторых, в их развалинах встречается исключительно лепная керамика²¹. Так, в исследованном Ф. Хорда поселении Ла Балагера²² остатки стен находятся в слое, легко датируемом концом VIII — началом VII в. до н. э. благодаря наличию в нем позднегаллштаттской керамики. Фортификация обычно представляла собой комбинацию двух элементов — скалы, заглубленной по периметру, и возведенной внутри на небольшом расстоянии от нее стены, к которой вплотную примыкали жилища²³. Нередко поселение обосновывалось на небольшом плато, отделявшемся от долины цепью холмов. Фортификации типа Эль Макалона (слой IA VIII в. до н. э., по стратиграфии М. Альмагро Горбеа²⁴), по способу организации обороны называемого обычно крепостью²⁵, встречались нечасто. Расположенное на высоте 1250 м, это поселение было практически недосыгаемым с юга и запада, и поэтому его стена была возведена лишь в восточной части. Она была двойной и состояла из хорошо пригнанных друг к другу камней²⁶. К этому же времени относится наиболее ранняя стена североваленсийского поселения Беникарло (слой PS, по стратиграфии его исследователей Ф. Гуси и Э. Саммарти²⁷),

¹⁶ Fletcher D., Pla E., Gil-Masarelli M., Aranegui C. La iberización en el País Valenciano // *Ibid.* P. 84.

¹⁷ Arteaga. Op. cit. P. 46—47.

¹⁸ *Ibid.* P. 46. Not. 162—163.

¹⁹ Pellicer M., Schule W. El Cerro del Real, Galera (Granada) // EAE. 1966. 52. P. 12 sg. Заметим, что О. Артеага относит это поселение к числу наиболее репрезентативных в плане изучения проблемы эволюции иберийского протогорода в собственно город (Op. cit. P. 23).

²⁰ Это поселение подвергнуто в основном визуальному обследованию, однако и оно дало интересный материал: наряду с раннеиберийской лепной керамикой известна находка финикийского гончарного круга конца VIII в. до н. э. (Arteaga. Op. cit. P. 47. Not. 174).

²¹ *Almagro Gorbea*. El Bronce . . . P. 149.

²² Jordá Cerdá F. Los restos ibéricos de la Balaguera // AEA. 1955. P. 107 sg.

²³ Maya González. Análisis . . . P. 455.

²⁴ *Almagro Gorbea M.* La iberización de las zonas orientales de la Meseta // OMI. P. 115 sg.

²⁵ García Guinea M. Excavaciones estratigráficas en el poblado ibérico de El Macalón (Nerpio, Albacete) // RABM. 1960. 68. P. 711.

²⁶ *Almagro Gorbea*. La iberización . . . P. 115.

²⁷ Gust Jener F., Sanmartí Grego E. Asentamientos indígenas preibéricos con materiales fenicio-púnicos en el área costera del Baix Maestrat // OMI. P. 364—366.

возведенная из больших каменных блоков, положенных насухо на плотно утрамбованный грунт.

О повышении уровня урбанизма свидетельствует рост территории поселений, хотя количество небольших поселков-хуторов, даже если они и располагались в географически выгодных местах (например, в долинах судоходных рек), не сокращается; в Северной Иберии сохраняются даже обитаемые пещеры. Растет количество жилых построек, что следует связывать с увеличением в них населения. Однако сами эти строения в большинстве остаются хижинными, имеют глинобитные или грубо выложенные из камня стены, каменный фундамент и крыши из ветвей, скрепленных обычно глиняным раствором и поддерживавшихся деревянными балками²⁸. В то же время наблюдается увеличение размеров жилищ, стены которых могут достигать теперь 5 м в длину. Примечательно появление вырубленных в скале под фундаментами хижин подвалов, использовавшихся для хранения излишков продукции и прежде всего зерна, обуглившиеся остатки которого обнаруживаются в большом количестве в толстостенных тинах — кувшинах высотой до 1 м. Инвентарь жилищ крайне беден, но в него всегда входит набор ручных мельниц. Металлические изделия встречаются редко и характеризуются примитивизмом форм и техники изготовления. Клады весьма немногочисленны и скромны по составу²⁹. Социальный статус их «владельцев» определить трудно, но поскольку большую часть изделий составляют ювелирные украшения, можно считать, что либо происходил процесс расслоения населения либо, если эти люди принадлежали к так называемым бродячим ремесленникам, то видно стремление их к оседанию в поселениях, без чего осуществление таких операций, как плавка, штамповка и др., представляется затруднительным³⁰. Об этом же свидетельствуют находки непосредственно на территории поселений форм для плавки и изготовления топоров и иных инструментов³¹. Вплоть до конца эпохи бронзы керамика изготавливается вручную, однако разнообразие форм и орнамента отражает не только технологический прогресс, но и рост потребностей в керамических изделиях, которые используются как кухонная посуда, в качестве тары, входят в состав votивных даров, становятся необходимыми при совершении прогребального обряда. Катализатором прогресса в керамическом производстве явилось введение гончарного круга финикийцами южноиспанских центров, совпавшее по времени с внедрением железа (750—675-е гг. до н. э.). Первая гончарная продукция на местном круге датируется VII в. до н. э. и свидетельствует об отделении гончарства от сельскохозяйственного производства. Судя по типологии и декору керамики этого времени, в Иберии быстро возникает множество самостоятельных мастерских. Этот факт дает основания считать, что мастерские не были сколь-либо значительными и основывались на труде гончаров, представлявших своего рода семейные династии. Первые мастера-ремесленники были так же бедны, как и остальные обитатели. Они ютились в хижинах и имели крайне ограниченные запросы: хоронили их с бедным, однотипным инвентарем. Не отличались богатством и торговцы, даже если они осуществляли регулярные операции с иноземцами, постав-

²⁸ Конкретные примеры см.: *Almagro Gorbea*. La iberización . . . P. 102; *Solier Y.* La culture ibéro-languedocienne aux VI—V siècles // OMI. P. 227; *Maya González*. Análisis . . . P. 454, 456.

²⁹ См., например, *Almagro Gorbea*. La iberización. . . P. 103 sg.

³⁰ Ср. *Almagro Gorbea*. El Bronce . . . P. 489, где поддерживается традиционная точка зрения о специалистах по золоту и другим металлам как о странствующих мастерах.

³¹ См. о них *Rauret A. M.* La metalurgia del Bronce en la Península Ibérica durante la Edad del Hierro. Barcelona, 1976. P. 82, 85, 110, 124.

ляя им металлоносное сырье в обмен на керамику высокого качества, ювелирные и другие изделия. Но фундамент социальной структуры поселений продолжали составлять земледельцы, целью которых оставалось «самостоятельное обеспечение своего существования и воспроизводство себя как членов общины»; появление относительного достатка еще не вытеснило эту цель³².

В условиях отсутствия письменной традиции особенно трудно выявляется этнический облик обитателей раннеиберийского города. Основным источником следует считать материалы туземных некрополей³³. Первое, что бросается в глаза при обращении к ним, это смена погребального обряда. К началу эпохи железа в Иберии повсеместно распространяется кремация. С учетом способа погребения и на основе анализа погребального инвентаря современная археология выделяет несколько самостоятельных этнокультурных зон. Если практиковался обычай неполного сжигания трупа, то обуглившиеся останки оборачивались тканью и закапывались в яму, прикрывавшуюся камнями, над ней иногда сооружались саркофаг или оградка из плохо обработанных каменных плит. Погребальный инвентарь включал набор лишь наиболее необходимых для «новой жизни» предметов. Такой способ погребения был широко распространен от Нижнего Арагона до южных окраин провинции Валенсия. Когда труп сжигали полностью, пепел собирали в урну, которая помещалась либо в простой яме, либо в яме под курганом. Для подкурганных погребений было характерно наличие урны с крышкой типа гальштатт, окружавшейся несколькими плитами с целью ее сохранения. В силу долговременности использования обоих типов погребения возникали соответственно поля погребальных урн и курганные поля, причем эти вторые, как считают испанские археологи, просуществовали недолго — до рубежа VIII—VII вв. до н. э.³⁴ По мнению М. Альмагро Горбеа, ранее всего обряд кремации проявляет себя на Месете и лишь впоследствии распространяется по всей приморской Иберии. Его колыбелью считается зона Уэльвы протоориентализирующего периода, получившая его в свою очередь в наследство от восточносредиземноморских народов³⁵. А. Гонсалес допускает влияние на его формирование «народов моря», осуществлявшееся якобы одновременно с влиянием запаирейских этносов Аквитании и Лангедока, для которых культура погребальных урн была естественной еще для эпохи бронзы II³⁶. Если принять эти конкретные выводы археологов, то становится очевидным, что результатом процесса формирования древнейшего, или праиберийского, этноса явилась амальгама туземного и иноземного элементов, причем окраску ей придавали пришельцы — из Европы и Восточного Средиземноморья. Думается, что в состав восточносредиземноморских народов входили не только «народы моря», но и обитатели Северной Сирии, принесшие в Южную Испанию еще до начала регулярной финикийской колонизации основы своей строительной техники, ряд металлургических навыков, новые религиозные идеи. Вероятно, их следует

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 467.

³³ Мы сознательно опускаем материалы из детских погребений, хотя они хорошо изучены (*Beltrán Lloris M. Enteramientos infantiles en el poblado ibérico de la Romana. (La Puebla de Híjar, Teruel) // OMI. P. 307—315; там же литература*), поскольку типологически они идентичны детским могильникам всего Западного Средиземноморья.

³⁴ *Almagro Gorbea M. Los campos de túmulos de Pajarroncillo (Cuenca). Aportación al estudio de los túmulos de la Península Ibérica // EAE. 1973. 83. P. 103; Maya González J. L. Las necrópolis tumulares iberdenses // PPP. 1978. P. 78; idem. Análisis . . . P. 460*

³⁵ *Almagro Gorbea. La iberización . . . P. 104.*

³⁶ *González Prats. Estudio arqueológico . . . P. 270.*

назвать протоориентализирующим этнокультурным элементом, подготовившим собственно ориентализирующий период истории Южной Испании, открытый финикийцами во второй половине VIII в. до н. э. Их влияние на туземцев осуществлялось не прямым, а опосредованным через тартесийскую культуру образом. Состав европейских пришельцев также не был однородным. К такому выводу можно прийти на основе сопоставления материалов погребального инвентаря³⁷. Видимо, этнически родственными следует считать носителей культуры погребальных урн большой зоны «Каталония — Валенсия — Ла Манча» и Западный Лангедок, освоивших перевалы Восточных Пиренеев. Маргинальные этносы Южной и Восточной Месеты развивали курганную культуру Аквитании, ассимилировавшую в эпоху раннего гальштатта некоторые элементы культуры Рейна и, возможно, Северо-Западной Швеции. Основной путь их проникновения пролегал через Центральные Пиренеи — в долину Эбро и вплоть до Аквитании³⁸. Решающую роль в завершении процесса этногенеза протоиберов и формирования истоков их протогородской культуры сыграли выходцы из Центральной Европы (Восточные Альпы), рано освоившие металлургию железа и включавшие изделия из него в состав погребального инвентаря. Основным проявлением их культурного влияния служит распространение мечей с «антенной» в воинских и иногда юношеских погребениях по восточным границам формирующегося иберийского мира. Их обоснование на Пиренейском полуострове отмечено появлением двух наиболее крупных локальных культур: Коготас-II в центральной и затем южной частях Месеты и Альто Халон — в верховьях Халона и Тахо.

Указанные характеристики модели раннего города Иберии позволяют сделать вывод о континуитете как главной закономерности его возникновения и о дихотомии формирующегося раннего города и традиционной деревни как основном механизме этого процесса. VII век до н. э. при этом следует считать переломным, поскольку под влиянием внешних импульсов наблюдается синтез всех накопленных предшествующим развитием внутренних потенций, давший своим результатом город в собственном смысле³⁹. Заморские влияния становятся регулярными и особенно продуктивными после обоснования финикийцев на Ибиссе, а фокейцев — в зоне Лионского залива, когда были упрочены прямые контакты восточных и западных средиземноморцев. Интересы иноземцев, как и прежде, были направлены на рудные богатства Пиренейского полуострова и Аквитании, но достижение их в этот период было возможным лишь путем торговли с туземными центрами. Колонизация побережья этого времени может рассматриваться как второе из двух доступных средств приближения к рудному сырью.

Современная археология дает значительный материал для изучения основных социально-экономических, градостроительных и культово-религиозных характеристик иберийского города II периода его ранней истории, который, по нашему мнению, вполне может соответствовать протогороду.

³⁷ Его описание см. в работе: *Almagro Gorbea. La iberización . . .* P. 105.

³⁸ Подробнее о нем и карту см. *González Prats. Estudio arqueológico . . .* P. 131—133; *Gil Mascarell M. Yacimientos ibéricos en la región Valenciana. Estudio del poblamiento. Tesis doct. Valencia, 1971.* P. 15.

³⁹ Под собственно городом мы понимаем особый общественный организм, возникший как результат процесса разделения труда в ремесленном производстве, роста профессионализма и специализации, ориентации на рынок, направленности этого процесса на становление частной формы собственности на основные средства производства. Непременным «атрибутом» города остается сельская округа.

Уровень развития экономики определяют теперь такие ремесленные производства, продукция которых обменивается на натуральный продукт, а впоследствии на деньги. Основным товаром продолжает выступать рудное сырье Уэльвы, Хаэна, Галисии, Аквитании. Не без влияния финикийцев иберы средиземноморского побережья усовершенствовали свою технологию железа, что позволило им поставлять на рынок не только полуфабрикаты, но и готовые металлоизделия. Распространение железа привело к чрезвычайно важному сдвигу в экономике иберийских протогородов; по характеру специализации отныне выделяются глубинные центры, занимающиеся прежде всего добычей руд и их первичной переработкой, и прибрежные, основной обязанностью которых становится перепродажа поставляемой из хинтерланда продукции. Являющееся традиционным делением иберийских протогородов по принципу их расположения в зонах современных испанских провинций⁴⁰ представляется устаревшим, не отражающим конкретно-исторической действительности, хотя на ранних стадиях археологического изучения иберийского города оно, вероятно, было единственно приемлемым. Если первая категория центров обнаруживает непрерывность культурного слоя и, следовательно, жизни поселения начиная с эпохи бронзы или даже энеолита, то вторые в большинстве своем возникают заново. В первую очередь это может быть отнесено к протогородам севера Старой Валенсии и Восточной Каталонии, особенно выгодно располагавшимся на путях циркуляции рудного сырья⁴¹. Связующим звеном выступали (при всей условности используемого нами термина) «предприбрежные», т. е. находившиеся в зоне между производящими и дистрибутивными, центры, развивавшие собственную металлообработку, гончарное производство и нередко ткачество с целью самостоятельного участия в последующем обмене. Этот тип протогородов Иберии включал наиболее автаркичные экономические системы, и, пожалуй, именно он, сочетавший производственную и непроизводственную сферы деятельности, явился особенно устойчивым и продуктивным в процессе формирования собственно города.

Для характеристики глубинных поселений типа Майлхак, Каркасон, Сигарральехо и др. остановимся на Колина де Лос Кемадос, подвергнутом специальному археологическому изучению в последние 20—25 лет⁴². Установлено, что это поселение возникло в эпоху развитой бронзы на холме высотой 15—20 м на правом берегу Среднего Гвадалквивира, т. е. к юго-западу от будущей римской колонии Кордовы. Вплоть до IX в. до н. э. его характеризует распространенная повсеместно в Южной Испании — Португалии темно-серая лощеная керамика высокого качества. От VIII в. до н. э. сохранился слой с круглой хижинкой и большими керамическими сосудами — тинахами и горшками с горлышком в виде колокола, использовавшимися для хранения зерна и иных сельскохозяйственных продуктов. Особую важность имеют находки в этом же слое каменных молотков, фрагментов кварцита, содержащего медь, слитки меди и отходы от ее плавки в виде шлаков. Следы медно-бронзовой «индустрии» являются наиболее многочисленными именно в этом слое и могут свидетельствовать о зарож-

⁴⁰ См., к примеру, *Arribas A. Los iberos. Madrid, 1978. P. 123—139; Blázquez J. M. Pueblos ibéricos // Historia de España antigua. I. Madrid, 1983. P. 157—162; Llobregat Conesa. Contestania . . . P. 62; Tarradell. El País Valenciano...P. 62—64, 71.*

⁴¹ См. о них соответственно *Maya González. Análisis...P. 449 sg; Fletcher D. et alii. La iberización . . . P. 78—79.*

⁴² Общие результаты раскопок см.: *Marcos Pous A. Aportaciones a la localización y conocimiento de la Corduba prerromana // OMI. P. 415—422.* Свои выводы мы строим на основе приводимого в данной статье археологического материала.

дении еще в VIII в. до н. э. специализации поселения на металлургии. Основным видом продукции были слитки, поставлявшиеся на экспорт по Гвадалквивиру. Очень возможно, что со временем пунийцы основали здесь свою факторию, которая впоследствии переросла в форпост карфагенского господства в этом богатом регионе. Уже в VIII в. до н. э. Колина де Лос Кемадос превращается в наиболее значительный из всех известных для доримской Испании протогородской центр. Вполне вероятно, что руда поставлялась из соседнего поселения (совр. Трасьера), бывшего сугубо горняцким по своей структуре и давшего при раскопках большое количество керамики типа «Колина де Лос Кемадос». В VII в. до н. э. появляется керамика, изготовлявшаяся на быстро вращающемся гончарном круге и расписывавшаяся черными линиями по красному фону. В отдельных случаях, — видимо, под влиянием выходцев из Восточного Средиземноморья — фиксируется наличие широко распространенной в Эгееде росписи в виде концентрически смыкающихся кругов. Основными типами керамики являются расписные горшки и сероглиняные блюда с тонкими стенками, но с утолщением изнутри по венчику. Сложную картину развития показывает слой VI в. до н. э., в котором обнаружены два наслаивающихся друг на друга жилища с прямоугольными основаниями, принадлежащие к разным, но сопредельным уровням столетия. Нижнее содержит два вида керамики — высококачественную ориентализирующую и посредственную, выполненную по местным образцам ориентализирующей керамики в туземных мастерских. В верхнем, более позднем жилище археологи выявили гончарную печь с керамикой переходного к собственно иберийскому стилю; в основном это тонкостенные блюда из серой и светлой пасты. В V и особенно IV в. до н. э. наряду с массой иберийской керамики присутствуют фрагменты аттических киликов, что можно интерпретировать как свидетельство торговых интересов афинян к этой зоне. В 500 м к западу от жилищ обнаружены остатки ранних оборонительных стен и раннепунийская керамика, а также грубо обработанный сосуд с ножкой в виде рюмки, украшенный простым ямочным орнаментом, который археологами определяется как кельтский⁴³. Не свидетельствует ли он о присутствии центральноевропейцев в этом поселении еще в раннеархаический период? К такому выводу приходит и М. Гимбутас на основе изучения письменной традиции о кельтах⁴⁴. Руины стен и остатки круглых хижин и вымосток прослеживаются и дальше на расстоянии километра: не означает ли это, что поселение существовало в своих прежних больших размерах вплоть до начала романизации, но одновременно не свидетельствует ли о замедлении урбанизации, надолго сохранившей «приверженность» к строениям хижинного типа?

Еще более яркий пример прогресса протогорода являет Эль Кастильяр (пров. Аликанте), в отличие от Колина де Лос Кемадос специализировавшийся на гончарном производстве и торговле. Благодаря раскопкам поселения, начатым в 1976 г.⁴⁵, существует возможность составления общей схемы его развития. Оно возникает в середине эпохи бронзы как земляночное и полуземляночное поселение, но к середине VI в. до н. э. в нем появляется ряд прямоугольных в плане строений на каменном цоколе и со специальными помещениями для гончарных печей. Жилища были небольшими по размерам, всегда ориентированными своим входом на северо-

⁴³ Подробности см.: *Marcos Pous. Aportaciones . . .* P. 421.

⁴⁴ *Gimbutas M. Bronze Age Cultures in central and eastern Europe. L., 1965. P. 339.*

⁴⁵ Археологический материал известен из работы: *González Prats. Estudio arqueológico . . .* P. 3. Not. 4.

запад, демонстрируя тем самым зарождение линейно-уличной планировки. Стены были глинобитными или кирпичными, выложенными небрежно, но обязательно на фундаменте из камня, скрепленного глиной, и с нижним рядом крупных блоков — ортостатов. Дверными проемами обычно служили два вбитых в землю камня, а порог сооружался из мелкого камня. Крыша была плоской или иногда наклонной, на балочной основе. Интерьер домов нередко расписывался в красный цвет. В западном секторе раскопано здание с мегароном 10×2 м и с очагом. Соседствовавшее с ним сооружение сохранило остатки водостока, представлявшего собой ряд камней, выложенных параллельно основной стене. Различные размеры и планировка зданий, наличие мегарона и водостоков — все это очевидные признаки урбанизации поселения. О его оборонительных сооружениях говорить преждевременно, хотя от VI в. до н. э. сохранились куртины более массивных и лучше выложенных, нежели у обычных зданий, стен, которые делили город этого времени на несколько массивов-блоков. На восточной террасе выявлено строение, прошедшее два строительных периода в VII—V вв. до н. э. Помещение, относящееся ко второму периоду, оштукатурено крупными каменными плитами, врытыми в землю, содержало четыре круглых и полукруглых в плане сооружения диаметром от 1,0 до 1,4 м. Наличие в них нескольких слоев обожженной глины вперемежку с фрагментами керамики и большой, чем это было принято для хлебных печей, диаметр, а также тенденция к его стандартизации по всему юго-востоку Пиренейского полуострова — все это позволяет, по нашему мнению, назвать эти сооружения гончарными печами. По соседству находилось большое помещение жилого типа, которое было воздвигнуто еще в начале VII в. до н. э. и просуществовало по крайней мере до 550—535 гг. Думается, что этот комплекс следует интерпретировать как гончарную мастерскую с жильем при ней. Поскольку для мастерской было выделено специальное помещение, тогда как в предшествующий период гончарные печи функционировали в едином с жильем здании, то можно заключить, что гончарное производство переросло рамки домашнего, став индустриальным, а Эль Кастельяр раннеиберийского времени становится одним из центров по производству керамики, среди которой кружальная составляет 80—85% от общего количества. Ведущим типом являются большие амфоры диаметром до 0,45 м и высотой 0,65 м, изготавливавшиеся из светлой глины, одним из побочных эффектов обжига которой нередко служила сероглиняная прослойка, хотя температура в печи поднималась до 1000° . Производилось также много высококачественной сероглиняной керамики с блестящей поверхностью — столовой посуды и светильников. Найдено немало дорогостоящей чернолощеной и краснолаковой керамики. Наблюдается резкий рост количества расписной керамики. Если в первой четверти I тыс. до н. э. она не превышала 10%, а техника росписи была несовершенной⁴⁶, то теперь она легко конкурирует с сероглиняной лощеной и краснолаковой, получив распространение как в самом Эль Кастельяре, так и за его пределами. Можно думать, что расписные изделия котировались на местном рынке, так как известны даже их клады⁴⁷. Разнообразие типов, технологических приемов и орнаментики позволяет высказать предположение

⁴⁶ Ее подробное описание и таблицы см.: *González Prats. Estudio arqueológico . . .* P. 152—171, 230.

⁴⁷ См., к примеру: *Gil Mascarell M. Bronze final y Bronze tardío en el País Valencià* // *MLAV. 1981. 1. P. 24. Ряд амфор этого типа, датируемых рубежом VII—VI вв., обнаружен в Макалоне (Almagro Gorbea. La iberización . . . P. 112) и Вильярикосе (Astruc M. La necrópolis de Villaricos // JM. 1951. 25. P. 71).*

о наличии на поселении не одной, а нескольких гончарных мастерских, имевших собственную ориентацию и, возможно, потребителей и принадлежавших отдельным семьям. О наличии частной собственности в протогороде VII—VI вв. свидетельствуют также надписи и граффити на керамике. К настоящему времени известна целая коллекция таких знаков, признающихся наиболее древними в Испании⁴⁸. На ранних амфорах чаще всего встречается клеймо мастера-гончара, наносившееся на необожженную поверхность в виде какого-либо значка на плечике, венчике, доньшке или, реже, над ручкой. По своему характеру клейма наминают знаки финикийских гончаров, а не греческих, хотя и эти были не менее известны в западно-средиземноморском торговом мире. Если к тому же учесть факт близости типологии и технологии изготовления местных амфор к финикийским, то можно допустить вывод о прямом участии в их производстве выходцев из Тира (или их западных потомков), работавших в туземном городе и на местных сортах глины и изготавливавших продукцию на заказ. Наличие у них собственного клейма можно рассматривать как отражение процесса зарождения конкуренции в туземном мире на различные виды их керамических изделий. Граффити обычно встречаются на блюдах и представляют собой значок в виде крестика, интерпретируемый как ТА южноберийского алфавита⁴⁹. Поскольку в пределах Эль Кастьяра аналогией ему служат знаки на столовой посуде из серебра, то во всех этих обозначениях следует видеть знаки собственности. Аналогичный способ ее маркировки известен для Меделлина VII в. до н. э. и раннего Карамболо⁵⁰. По простоте исполнения эти знаки всегда отличаются от надписей, оставившихся на своей собственности финикийцами — обитателями Эль Кастьяра или его посетителями⁵¹.

Изделий из бронзы VII — начала VI в. найдено мало. Это набор украшений (подвески, браслеты, фрагменты кольца, бляшки), пинцеты-депиляторы, иглы, пряжки, колечки для конской сбруи, а также группа небольших стрелок⁵². Обнаружено несколько золотых предметов — бусин, состоящих из двух полых секций, соединенных небольшим шпешком. В жилом помещении выявлено четыре костяных пряслица, таган и несколько бусин из терракоты, головка баранчика от второго таганка и несколько бусин из синей стекловидной пасты без орнамента, идентичных бусам из Аталайи (пров. Альгарве) и датирующихся рубежом VIII—VII вв.⁵³ Из предметов труда сохранились каменные пластины-зернотерки, тесло из хорошо отшлифованного камня и парные формы для штамповки металлических колец для конской упряжи. Впоследствии импорт из Восточного Средиземноморья

⁴⁸ *González Prats. Estudio arqueológico ...* P. 230 sg.

⁴⁹ *De Hoz J. La epigrafía prelatina meridional en Hispania // I Congreso de Lenguas y Culturas prerromanas de la Península Ibérica. Salamanca, 1976. P. 291 sg.*

⁵⁰ *Almagro Gorbea. El Bronce ...* P. 270 sg.; *Carriazo de Mata J. Tartessos y El Carambolo. Madrid, 1973. P. 646.*

⁵¹ Классификацию надписей см.: *González Prats. Estudio arqueológico...* P. 231.

⁵² *González Prats. Estudio arqueológico ...* P. 172—178.

⁵³ Литературу о других аналогиях см.: *González Prats. Estudio arqueológico...* P. 138 sg. Их распространение совпадает с западносредиземноморскими «оловянными» путями (*Louis M., Taffanell J. et al. Le premier Age du Fer Languedocien. Bordinghera—Montpellier, 1960 (Les tumules). P. 379*) и связывается ныне с деятельностью не только финикийцев, но и греков (*González Prats. Estudio arqueológico...* P. 138; *Jehasse J. et L. La nécropole préromaine d'Aleria. 1960—1968 // Gallia. 1973. Suppl. XXV. P. 499*). Ж. и Л. Жеасс даже указывают на возможность их изготовления на Делосе, в то время как бусины с апотропейским орнаментом продолжают считаться ими финикийскими (Op. cit. P. 499). А. Гонсалес, в свою очередь, более склоняется к тому, что их производили в Тироле (*Estudio arqueológico...* P. 138).

и Центральной Европы резко возрастает, а местное производство развивается по-прежнему медленно, за исключением, пожалуй, златокузнечества. В Эль Кастельяре известны диадемы из местного золота со сложно-чеканенным орнаментом, а также специальные инструменты и формы для его исполнения. Сохранилась серия местных бронзовых орудий и ряд предметов быта из железа. Местный по происхождению металл⁵⁴ и техника, характерная для финикийских торевтов, не исключают вывода А. Гонсалеса об участии финикийцев в становлении этого вида ремесленного производства⁵⁵. Скучность местных некерамических изделий служит дополнительным аргументом в пользу нашего вывода о ведущей роли гончарного ремесла в экономике Эль Кастельяра. Обработка металлов имела второстепенный характер и строилась в основном на привозном сырье. Торговля носила предметно-обусловленный характер, так как служила целям восполнения недостающих видов сырья и готовых изделий, а в обмен поставлялась сельскохозяйственная продукция; о стремлении более продавать ее, чем сберечь в подвалах, говорит рост амфорного производства в ущерб ранее широко практиковавшемуся изготовлению тинах и кувшинов. С учетом выгодности местоположения поселения на перекрестке больших и малых дорог его можно было бы назвать внутренним эмпорием иберов. Видимо, этим объясняется функционирование в его округе многочисленных малых деревень.

Интенсивное урбанистическое развитие Эль Кастельяра было прервано в последней трети VI в. до н. э., о чем свидетельствуют серия разрушений и пожаров на городище, находки ряда кладов и прекращение жизни практически на столетие. Возможно, что все это связывается с активизацией пунийцами своей деятельности не только в Южной Испании, но и в Западном Средиземноморье в целом, приведшей к угасанию Тартесса и ведущих южноиберийских центров, к резкому сокращению контактов иберов с греческим миром.

Прибрежных иберийских протогородов можно выделить немного. Вероятно, серьезные препятствия их появлению чинили финикийцы и греки, аккумулировавшие городскую жизнь в своих центрах путем создания системы колоний и факторий. Их наиболее значительным туземным контрагентом следует, по нашему мнению, считать Ульястрет⁵⁶, раскопки которого были начаты на рубеже 1940—1950-х годов, но до сих пор далеки до завершения⁵⁷.

Ульястрет долгое время признавался урбанистическим образованием греков и идентифицировался с Кипселей; основными аргументами служили аналогичная греческой техника фортификации и обилие аттической керамики, хотя все это известно лишь для IV в. до н. э. Происшедший к концу 1970-х годов пересмотр традиционной точки зрения зафиксирован теперь даже в работах общего характера⁵⁸. На месте классического Ульястрета первоначально, т. е. к 600-м годам, существовало два находившихся на расстоянии 900 м друг от друга поселения, наиболее ранним и развитым из которых было Илья де Рейна. Именно оно дает пример всех этапов естественного перерастания туземного центра в собственно город. От этого вре-

⁵⁴ Результаты соответствующих анализов, осуществленных Национальной лабораторией Мадрида см.: *González Prats. Estudio arqueológico...* P. 287—289.

⁵⁵ *Ibid.* P. 260 sg., 274.

⁵⁶ Возможно, что это относится и к Сагунту, который — подобно Ульястрету — был сильно эллинизован ко времени оформления собственно города.

⁵⁷ Подробнее см. *Arribas. Los iberos.* P. 127 sg.

⁵⁸ *Blázquez J. M. Pueblos Ibéricos // NEA. I. P. 162.*

мени сохранилась лишь керамика, входящая в гальштаттскую группу полей погребальных урн Восточной Каталонии — Западного Лангедока и изготовленная вручную, но очень разнообразная по форме и декору. Проблемы стандартизации форм и технологии ее изготовления еще не существовало, а производство носило домашний характер. Поскольку ранняя керамика была распространена на большой территории, то можно предположить, что поселение изначально занимало значительную площадь, достигнув впоследствии 11 га ⁵⁹, и что его застройка носила хаотичный характер. Дома имели собственный очаг, и одно такое сооружение на полу из плотно утрамбованной глины фиксируется в едином с ранней керамикой слое ⁶⁰. Уже в это время (600—575 гг.) появляется импортная керамика — финикийские амфоры наиболее распространенного в Западном Средиземноморье типа ⁶¹. Вторая фаза (575—550/540 гг.) жизни поселения представлена множеством керамики и единственным пока во всей провинции Ампурдан слитком железа. Доминирует лешной материал, развивающий традиции начала века, однако наблюдается также рост гончарной керамики, соотносящейся с лепной как 1 : 4 по сравнению с соотношением 1 : 9 предшествующего времени и являющейся в основном импортированной. Это ионийские кубки типа В2, сероглиняная керамика типа 2 и одна этруская амфора типа ЗА 2 из коричневой глины с черными вкраплениями и с плохо сохранившимся светло-кремовым ангобом ⁶². Финикийский материал пока отсутствует. Такой состав керамики приводит к вполне однозначному выводу о росте товарного элемента в местной экономике, создавшей возможности реализации на рынке излишков сельскохозяйственной продукции и собственного амфорного производства. Основным партнером следует считать фокейскую Массалию, активно осуществлявшую в это время свои торговые операции на рынке Эмпориона и вытеснившую оттуда финикийцев. В торговле участвовали также этруски, чьи амфоры широко представлены в Эмпорионе ⁶³.

В третьей фазе жизни поселения (550/540—525 гг.) основную массу его керамики составляет расписная иберийская, изготовленная на гончарном круге. Многочисленность находок, известная стандартизация форм, высокое качество, наличие декора и, главное, применение гончарного круга — все это свидетельства усложнения производства, разделения труда, специализации и кооперации, высокой степени профессионализма ремесленников-гончаров. К этому же времени достигает расцвета строительное дело, когда типичным становится многокомнатный дом с каменным фундаментом и кирпичными стенами, с плотно утрамбованным глиняным полом, в ряде случаев с расписанными стенами, а сами жилища группируются по блочному принципу. С запада поселение было защищено стеной, возведенной в циклопической кладке, традиционной для широкой зоны при-

⁵⁹ *Martín Ortega M. A.*, Ullastret. *Guía de las excavaciones y su museo. Gerona*, 1977. P. 3.

⁶⁰ *Oliva M.* Excavaciones arqueológicas en el yacimiento prerromano de Ullastret, Bajo Ampurdán (Gerona) // *NAH. Arqueología IV*. Madrid, 1976. P. 735 sg.; *Martín Ortega M. A.* Los orígenes de la iberización en la zona contera del nord-este de Cataluña // *OMI*. P. 188.

⁶¹ *Martín Ortega M. A.*, *Sanmartí E.* Aportaciones de las excavaciones de la «Illa den Reinach» al conocimiento del fenómeno de la iberización en el norte de Cataluña // *OMI*. P. 442, 437. Fig. 10.

⁶² *Ibid.* P. 439. Fig. 7,6.

⁶³ *Blázquez J. M.* La colonización griega de la Península Ibérica en el cuadro de la colonización griega en Occidente // *Simposio Internacional de colonizaciones. Barcelona*, 1974. P. 69.

режной Иберии. Из других ремесел следует указать на наличие горного дела и металлургии. Помимо каменоломни, обнаруженной на восточной окраине Ульястрета, об этом говорят находки фрагментов шлака и заготовок железных орудий, выявленных в весьма важном в этом плане погребении закрытого типа, которое датируется его первооткрывателями серединой VI в. до н. э.⁶⁴ Нет сомнений, что оно принадлежало ремесленнику-металлургу. Можно даже допустить, что он был не только мастером, но и владельцем мастерской, ибо его захоронение, вопреки норме, сопровождается богатым погребальным инвентарем, состоящим к тому же преимущественно из предметов импорта. С точки зрения этнической, умершего следует считать туземцем, поскольку захоронение осуществлено на основе местных традиций (кремации с сохранением пепла в оссуарии, тризны с помещением одной амфоры с вином на могиле) и в погребальный инвентарь входит местная кружальная и лепная керамика. Высокого уровня достигло в Ульястрете и изготовление оружия, основные типы которого известны благодаря, правда, более поздним по времени, но многочисленным стандартным изображениям воинов-иберов в полной боевой выкладке. Значительный уровень развития ремесленного производства позволяет высказать предположение о наличии территориального размещения ремесел в иберийском протогороде, т. е. о формировании Керамикоса и тому подобных кварталов.

Для завершения характеристики иберийского протогорода представляется целесообразным специально остановиться на вопросе обмена и его организации. Если на первом этапе он осуществлялся на жизненно необходимые предметы потребления, то с течением времени по крайней мере часть продукта начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. Что касается существа обмена, то он был организован по принципу «товар — товар», а позже — «товар — деньги — товар». Иными словами, речь должна идти о предметно-обусловленном обмене и торговле на рынке, так как, видимо, не случайно Тит Ливий говорит, что иберы вплоть до появления римлян выменивали у греков заморские товары на продукцию с собственных земель (Liv. XXXIV. 9). Очевидно, что в данном случае деньги как бы срастались, по К. Марксу, с одной, определенной формой товара, а именно, с основными продуктами питания⁶⁵. Особенно многочисленны археологические источники, свидетельствующие о характере обмена с чужеземцами — греками Малой Азии, Коринфа и Южной Италии, а также с этрусками и кельтами. Для подтверждения обратимся еще раз хотя бы к набору инвентаря из закрытого погребального комплекса Ульястрета. Одновременно заметим, что данное свидетельство можно использовать также для вывода о существовании внутренней торговли, ибо логично допустить, что содержащаяся в погребении ремесленника-металлурга кружальная керамика не им самим была изготовлена. Рынок оформляется в Ульястрете, и это находит впоследствии свое отражение в его урбанистике: для V—IV вв. археология фиксирует наличие площади с портиками и рядом лавок размером 10 × 7 м. Консолидации рынка способствует заинтересованность греков в торговом партнерстве с иберами. Тем самым они выступают в роли катализатора в развитии торговли и внедрении в обиход собственно денег. Картографирование монетных находок свидетельствует о том, что основные иберийские центры побережья рано узнали греческую монету, а на заключительной стадии II периода раз-

⁶⁴ Arribas A., *Trías de Arribas G.* Un interesante «hallazgo cerrado» en el yacimiento Ullastret // АЕА. 1961. 34. P. 24—25.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 98—99.

вигия города в Иберии появляется местная монета, изготовлявшаяся в подражание драхме основного греческого центра Северо-Восточной Иберии — Эмпориона⁶⁶. Наличие торговых кладов из предметов импорта, обилие заморских изделий в быту и обиходе следует рассматривать как очевидные признаки роста благосостояния тех, кто был связан с торговой деятельностью, и об ускоренном процессе образования частной собственности. В то же время основная масса населения иберийского протогорода-II не принадлежала к зажиточным слоям. Этому выводу соответствует мысль Тита Ливия (I.8) о том, что в древности обитатели городов вообще имели низкое происхождение; жилища в большинстве своем были однотипными и скромными, как и погребения ремесленников-горожан.

Подводя итоги изучения II периода истории раннего иберийского города, отметим, что комплексное исследование его экономической системы показывает значительный прогресс в урбанизации, создавший необходимые предпосылки для следующего этапа, связанного с историей города в собственном смысле слова. Но даже в этот период горожане не порывают с занятиями сельским хозяйством, иначе античные авторы не говорили бы об обмене иберами продукции со своих земель на заморскую продукцию.

Начиная с середины IV в. до н. э. в Иберии повсеместно возникают укрепленные *oppida* — небольшие по территории поселения, располагавшиеся на холмах и осуществлявшие функции контроля над окружающими их долинами рек⁶⁷. Их оборонительный характер не способствовал перерастанию их в собственно города, которые концентрировали бы в своих руках наиболее доходные отрасли несельскохозяйственного производства и торговлю и служили бы центрами единения окружающих их иберийских племен. Однако сам факт их появления служит отражением далеко зашедшего в своем развитии процесса урбанизации, когда становится необходимым осуществление мер по охране частной собственности и институционализации власти. Иными словами, иберийский мир этого времени стоит на пороге создания собственной государственности. Следует отметить, что это было необходимо для выполнения тех задач, которые, как мы увидели ранее, становятся основными для экономической структуры протогорода IV в. до н. э., а именно: организации воспроизводства основного и прибавочного продукта, осуществления его обмена на рынке и контроля за его реализацией со стороны производителя. Таким образом, при изучении судеб иберийского города следует выявлять степень его участия в процессе становления государства: вопрос, который требует самостоятельного внимания. Говоря в общих чертах, для этого периода представляется возможным выделить три группы городов. Традиционный вариант являют глубинные центры, которые ко времени прихода римлян консолидируют под своей властью окрестные племена, сочетая формирующиеся органы своего управления с властью племенного вождя (Strabo. III. 4.8). Известно, что во время второй Пунической войны римляне, занятые борьбой с карфагенянами, были вынуждены считаться со стремлением иберов к самостоятельности

⁶⁶ Подробнее см.: *De Guadán A.* Numismática ibérica e íbero-romana. Madrid, 1969. P. 156. Из последних работ см. *Domínguez Monedero A. J.* Reinterpretación de los testimonios acerca de la presencia griega en el Sudeste peninsular y Levante en época arcaica // *Homenaje a Luís Siret.* Madrid, 1985. P. 606.

⁶⁷ Подробнее о них см.: *Arribas.* Los iberos. P. 119—121; *Blázquez.* Pueblos ibéricos... P. 157—162; *Almagro Gorbea.* La iberización ... P. 128. Поскольку этот период выходит за хронологические рамки нашей темы, то позволим себе ограничиться лишь выделением основных характеристик механизма формирования собственно города.

и вступали с ними в союзнические отношения. Впоследствии, в процессе романизации, римляне ограничились размещением в этих центрах своих гарнизонов либо, если те не противились, превращали их в опорные пункты своей политики. Другой вариант социально-политического прогресса протогорода дает Ульястрет, который, как показывает археология, с середины IV в. до н. э. активно переживает процесс оформления полисных отношений. Его явно греческий облик свидетельствует о том, что в этом процессе большую роль — если не сказать определяющую — играли греческие колонисты, получившие, несомненно, право на поселение в туземном центре. Они возвели внутреннюю стену укреплений по всем правилам своего фортификационного искусства, застроили город в соответствии с нормами ортогональной планировки, в его центральной части соорудили каменные дома с портиками и мощеным двором с водосборными цистернами. Все это — элементы греческого города. В то же время на акрополе Ульястрета обнаружены остатки храма IV в. до н. э. в чисто иберийском стиле *in antis* с обилием туземных вотивных терракот. Рядом вскрыта самая большая в городе цистерна, обеспечивавшая храм водой. Контакт иберов с греками оказался в конечном счете губительным для города. К концу III в. до н. э. его экономика пришла в упадок, не выдержав, видимо, конкуренции с соседним Эмпорионом, а население покинуло его территорию. Так, проникновение греческой полисной структуры в местную городскую структуру, вероятно, не вполне вызревшую для ее ассимиляции, не просто замедлило развитие последней, но и привело ее к упадку. Третий тип города представляет Индика. Она также прошла путь от раннего города до собственно города и даже полиса в тесном соседстве и сотрудничестве с греческим Эмпорионом. Ко времени Катона оба центра разделялись только стеной⁶⁸. Однако их экономика не предполагала их автономного существования, ибо Эмпорион строил свое благополучие на посреднической торговле-эмпорией, в то время как Индика, лишенная собственных выходов к какой-либо водной артерии, не могла обойтись без контактов со своим прямым соседом. Так, развитие городской структуры Индики продиктовало ей компромиссный вариант организации политической власти: она создает собственное правительство, но соглашается на политический контроль Эмпориона. Так мы интерпретировали бы определение Страбонам (III. 4.8) Эмпориона (не Индики!) в качестве диполиса. Такое срастание местной городской и полисной структуры с греческим полисом оказалось перспективным для иберийской Индики, ибо она длительное время просуществовала со статусом автономии. Однако количество аналогий ей в Иберии незначительно — Рода, Сагунт и их туземные города-«спутники». Одна из причин этого феномена — серьезного по глубине, но ограниченного по охвату территории греческого влияния на историю иберийского города — кроется, видимо, во всегда сложной международной ситуации в Западном Средиземноморье, где велась бесконечная борьба за господство между греками, пунийцами и впоследствии римлянами. Она сохраняла раздробленность иберов, препятствовала завершению урбанизации с переходом от городов к самостоятельным государствам.

В. И. Козловская

⁶⁸ Причем и стена, и калитка всегда хорошо охранялись, так как в городе бывали волнения (*Liv.* XXX.IV.9).

L'ORIGINE ET LE CARACTÈRE DE LA VILLE IBÉRIQUE
DE HAUTE EPOQUE

(VIIIe — première moitié du IVe ss. av. n. è.)

V. I. Kozlovskaja

S'appuyant sur le matériel archéologique, l'auteur étudie les problèmes de l'origine et du caractère de la ville ibérique de haute époque. La naissance de l'urbanisme en Ibérie apparaît comme étant le résultat logique du développement interne des sociétés indigènes qui, grâce à une variante approfondie de division sociale du travail entre les productions agricole et artisanale encore à l'âge du bronze, ont su transformer certains de leurs nombreux villages ordinaires de type agricole en des «villages-villes», puis, sur leur base, en «protovilles-1». L'évolution subséquente de l'urbanisme ibérique (VIe — 1re moitié du IVe ss. av. n. è.) fut conditionnée par l'influence d'étrangers: Phéniciens, Grecs, Celtes. Un degré différent de combinaison de ces influences a provoqué l'apparition des deux catégories principales de «protovilles-2»: le type continental européen, se spécialisant dans l'extraction de minerais et leur transformation primaire, et le type côtier dont le niveau de développement était déterminé par l'échelle de la revente de la production arrivant de l'arrière-pays. Si les établissements du premier type ont une couche culturelle continue et ont donc existé sans interruption depuis l'âge du bronze, voire plus rarement de l'Enéolithique, ceux du second renaissent en grande majorité et, vers le début de la colonisation romaine de l'Espagne, en sont presque à l'époque de genèse de l'Etat. Une place à part est occupée par les centres urbains intermédiaires. Ils furent particulièrement vivaces, leur économie ayant assimilé dans une mesure égale la production et la répartition des produits.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«НАСЕЛЕНИЕ И КУЛЬТУРА КРЫМА В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н.Э.»

Отв. редактор Т. Н. Высотская. Киев, 1983

Вероятно, покажется несколько странным или по крайней мере неожиданным, что в качестве объекта рецензии выбрана не солидная монография, не красочная и фундаментальная публикация, а довольно скромное как по формату, так и по тиражу издание. Но первые, как правило, не остаются незамеченными; что же касается вторых, то наше внимание к ним объясняется рядом причин.

Начнем с того, что подобные издания (а аналогичные книги, посвященные Северо-Западному Причерноморью, выходили и раньше) просто необходимы. Нет нужды говорить о том, как стремительно пополняется новый археологический материал и как сильно отстают сроки его публикации и ввода в научный оборот. Особенно заметен здесь контраст между регионами античного Боспора и остальным Крымом и особенно Северо-Западным Причерноморьем. В обоих районах работают десятки отрядов и экспедиций, расходуются большие средства, привлекаются ведущие специалисты. Но если о «делах» на Боспоре известно по редким публикациям чрезвычайных находок, кратким информациям в «Археологических открытиях» и выпускам «Кратких сообщений», то новые данные о раскопках в Ольвии становятся достоянием специалистов регулярно и в довольно большом объеме (в меньшей степени это касается Херсонеса и остального Крыма). Приводимая в сборниках информация, как правило, — оперативная. Время раскопок и публикаций редко превышает 3—5 лет. Даже в более или менее обобщающих статьях используются материалы самых недавних раскопок. Примечательно, что организаторы этих изданий привлекают не только специалистов Киева, но и сотрудников местных музеев, Харькова, Москвы, Симферополя (в полной мере это относится к рецензируемому сборнику «Население и культура Крыма в первые века н. э.»), публикуют в сборниках статьи, разнообразные по тематике, — а ведь ни одна серьезная работа по античной археологии Северного Причерноморья не может быть написана сегодня без сопоставлений памятников и даже ситуаций в разных регионах. Наконец, и это немаловажно, сборники выходят регулярно¹ (почти раз в год), и благодаря требовательности редакторов и рецензентов и ответственному подходу авторов статьи написаны на достаточно высоком научном уровне. В целом издание подобной серии очень ценно и своевременно и безусловно является большой заслугой антиковедов Института археологии АН УССР.

Обратимся теперь непосредственно к книге, посвященной античному Крыму (при этом мы вовсе не задаемся целью дать подробный разбор всех статей, а лишь, приводя их оценку в целом, хотим более детально остановиться на некоторых из них, наиболее близких нам по тематике). Пожалуй, одно из немногих замечаний касается самого названия. Оно практически не соответствует территориальному охвату содержащихся в нем статей. Действительно, из 11 статей лишь одна посвящена непосредственно боспорскому материалу. В остальных этот район совершенно не затронут. Между тем нет

¹ См., например: Античная культура Северного Причерноморья / Отв. редактор С. Д. Крыжицкий. Киев, 1984; Античная культура Причерноморья в первые века нашей эры / Отв. редактор В. А. Анохин. Киев, 1986.

нужды напоминать, что Боспор, вернее его европейская часть, играл в истории Крыма не меньшую роль, чем другие центры и территории. Но здесь уже вступает в силу административный фактор. Хотя издание этого сборника — дело антиковедов Украины, для науки это собственно безразлично, и охват всего Крыма был бы все-таки желательным. Какие любопытные тут открывались бы параллели, увидим ниже.

Сборник начинается статьей Т. Н. Высотской «Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму». В ней рассмотрены особенности погребального обряда поздних скифов, домостроительные традиции, специфические черты фортификационного искусства, лепная керамика, некоторые элементы культуры и искусства. Убедителен и справедлив, как нам кажется, вывод о том, что основными носителями позднескифской культуры были скифские элементы; иными словами, они, несмотря на влияние и вселение иных народов, оставались этническим ядром позднескифского государства (с. 25).

Раскопки позднескифских городищ в Крыму и сельских поселений европейского Боспора последних лет поставили, на наш взгляд, принципиальный вопрос об их сходстве и различиях. Наряду с анализом некрополей тех же регионов ответ на него может иметь очень большое значение: сопоставления открывают возможность решения проблемы «поздние скифы и Боспор», которая до этого поднималась весьма робко (до сегодняшнего дня исследователи ограничивались констатацией некоторых фактов, почерпнутых из письменных источников, или вообще упорно рассматривали только ранний период в этих отношениях). Убежден, что уже сейчас есть основания говорить о значительно большей роли и месте поздних скифов в боспорской истории, чем это принято было считать. На наш взгляд, чрезвычайно важны отмеченные Т. Н. Высотской особенности оборонительных сооружений и домостроения, в частности широкое распространение землянок и полуземлянок (это подтверждается новейшими раскопками). В этой связи обращает на себя внимание и то обстоятельство, что на удаленных от моря скифских городищах цитадель — укрепленная часть поселения — далеко не всегда была местом наиболее интенсивной застройки, а скорее представляла собой временное убежище. Это не правило, но и не исключение (вспомним Неаполь Скифский). Напротив, пригороды этих поселений были в достаточной степени обжиты. В свою очередь, это заставляет внимательнее отнестись к раскопкам «пригородов» поселений в хоре европейского Боспора — не исключено, что именно здесь мы можем встретиться с землянками (к сожалению, автором упущен вопрос о назначении и месте зольников, столь характерных для большинства поселений как Крыма, так и Керченского полуострова).

Анализ погребального обряда могильников поздних скифов, проведенный Т. Н. Высотской, выявил ряд локальных особенностей. Они могут объясняться и социальными, и имущественными, и этническими причинами. Думается, они отражают какие-то исконные различия (пусть и не столь существенные) между несколькими основными группами (племенами?), входившими в состав позднескифской этнической общности. В предшествующий период эти различия, видимо, были заметнее: вспомним хотя бы о давно отмеченном своеобразии скифских памятников Восточного Крыма. Существовали подобные различия и среди варварского населения европейского Боспора в первые века н. э., но мы только начинаем их выявлять.

Наконец, следует заметить, что статья Т. Н. Высотской заставляет еще раз обратиться к рассмотрению лепной керамики боспорской хоры. И в целом это исследование не только, как подчеркивает и сам автор, впервые подводит определенный итог, но и наводит на многие новые мысли и сравнения.

В сборник включены также статьи: И. В. Яценко, совместная — Т. Н. Высотской и О. А. Махневой, исследования В. А. Кутайсова, С. Г. Колтухова и А. Е. Пуздровского, В. Л. Мыц, К. К. Орлова, Б. Ю. Михлина и А. С. Бирюкова. Они посвящены новым археологическим памятникам, но в силу того, что затронутые в них проблемы выходят за сферу наших интересов, мы не будем на них подробно останавливаться. Отметим лишь, что специфические черты строительной техники и планировки, выявленные И. В. Яценко при раскопках скифских слоев на городище «Чайка»,

неожиданно нашли очень близкие аналогии на поселении «Полянка» в Восточном Крыму (I в. до н. э.). Здесь также при общем низком уровне строительного дела обращают на себя внимание аморфно-иррегулярный характер планировки, обилие камня и кривизна стен. Весьма схожий облик построек усиливают аналогии в лепной керамике.

Статья Э. И. Соломоновича «Несколько памятников с сарматскими знаками» знакомит с новыми памятниками, несколько расширяя ареал их распространения и представляя неизвестные типы.

Очень обстоятельна статья В. М. Зубаря и В. Ф. Мещерякова «Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н. э.)» — в известном роде пример привлечения и анализа такого источника, как погребения.

Большая статья Т. А. Матковской посвящена особенностям композиционных решений боспорских надгробных рельефов первых веков н. э., но, разумеется, и в ней невозможно было дать всесторонний анализ столь сложного, многогранного и многочисленного источника. Напомним, что до сих пор (со времени выхода известного свода Кижерицкого — Ватцингера²) практически нет обобщающего исследования по этой теме. Исключение представляет очень хорошая, но, к сожалению, почти совершенно неизвестная специалистам (в том числе, видимо, и Т. А. Матковской) работа Л. И. Давыдовой³. Между тем эта тематика успешно разрабатывается антиковедами Румынии, Болгарии, Югославии и других стран, коллекция же Керченского музея по праву считается в этом отношении самой представительной. Статья Т. А. Матковской ценна и тем, что в ней делается серьезная попытка систематизации боспорских надгробных рельефов, которая позволит перейти к их дальнейшему углубленному изучению. Не со всеми положениями автора можно полностью согласиться, к тому же предложенная классификация не во всем убедительна (быть может, здесь уместно попытаться применить метод факторного анализа или комбинационно-статистический: массовость источника и его информативность позволяют надеяться на интересные результаты), но, повторяем, она необходима. Можно только подивиться трудолюбию исследовательницы и от всей души пожелать ей успехов.

В заключение подчеркнем, что сборник производит самое хорошее впечатление, интересен и в высшей степени полезен как специалистам, так и всем, кого привлекают вопросы античной истории и археологии.

А. А. Масленников

² Kiezeritzky G., Watzinger C. Griechische Grabrelief aus Südrusslands. В., 1909.

³ Давыдова Л. И. Боспорские надгробные рельефы первых веков н. э. // Проблемы развития зарубежного искусства. Вып. 9. Л., 1979.

К ДВУХСОТЛЕТИЮ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПАПИРОЛОГИИ *

Двести лет тому назад, в 1788 г., был опубликован первый документальный папирус, ныне знаменитая «Charta Borgiana»¹, положивший начало документальной папирологии и папирологии как науки в целом. В 1778 г. египетские феллахи предло-

* Подробнее о документальной папирологии см. Филман И. Ф. Введение в документальную папирологию М., 1987. (Далее отсылки к книге даются указанием в квадратных скобках соответствующих страниц.) Поскольку «Addenda» к книге [с. 503—518] были составлены летом 1986 г., то в статье в ряде случаев приводятся новейшие публикации текстов и монографические исследования, которые автор не смог учесть при составлении «Addenda». Таким образом, статья помимо своей основной задачи выполняет и функцию выборочного дополнения к «Введению...».

¹ Charta Papyracea Graece scripta Musei Borgiani Velitris qua series incolarum Ptolemaidis Arsinoiticae in aggeribus et fossis operantium exhibetur edita a Nicolao Schow Academiae Volscorum socio. Cum adnotatione critica et palaeographica in textum chartae. Romae apud Antonium Fulgonium, 1788.

жили итальянскому кушцу 40 или 50 свитков папирусов. Он отказался, купил только один из свитков, а феллахи якобы сожгли остальные ради приятного аромата². Купец, имя которого осталось неизвестным, подарил свиток кардиналу Стефану Борджиа, проявлявшему живой интерес к Египту и коштам³. Кардинал поместил папирус в свой музей и поручил его издание датскому ученому Нильсу Иверсену Шову. Хотя филологу-классику впервые пришлось иметь дело с греческим документальным папирусом из Египта, Н. И. Шов блестяще, по тому времени, справился и с палеографической транскрипцией⁴ и с критическим комментарием. Текст этот — список лиц из фаюмской деревни Птолемаиды Орму, работавших на дамбах с 10 по 14 *мехира* 193 г., — не привлек к себе в свое время того внимания, которого заслуживал из-за своего «нелитературного» характера (ученые мечтали тогда об обнаружении папирусов с литературными текстами) и только много позднее стал использоваться при изучении различных сторон социально-экономической жизни римского Египта [см. с. 31, прим. 3]. И хотя документальные папирусы приобретались и публиковались в течение первых двух третей XIX в., лишь во второй его половине и особенно к концу века ученые осознали их огромное значение. Начались раскопки в целях обнаружения папирусов, массовая их публикация и изучение, что привело к окончательному оформлению папирологии, в том числе документальной, в самостоятельную научную дисциплину⁵. Хронологической же датой, с которой можно начинать ее историю, остается 1788 г.⁶

Документальная папирология является подразделением общей папирологии. Поэтому, прежде чем попытаться подвести какие-то итоги пройденному документальной папирологией пути и достигнутых ею результатов, следует вкратце остановиться на том, что такое папирология. Слово «папирология» появилось намного позже, чем зародилась сама наука, а именно в 1898 г., и означает дословно «наука о папирусах», что весьма нечетко определяет ее предмет. Хотя в свое время было предложено обозначение «папирография», более соответствующее, но тоже не полностью адекватное, термин «папирология» закрепился в научном обиходе, несмотря на то, что, как указал Ф. Кенъон, единство писчего материала не определяет единство научной дисциплины. Домен папирологии сложился исторически и оправдан внутренней связью текстов, общей методикой их исследования. Имеется ряд определений папирологии⁷ в зависимости от подхода исследователя, объема и характера включаемых им в домен папирологии источников, подлежащих изучению. Мы будем исходить из того, что папирология — это антиковедная историко-филологическая дисциплина, занимающаяся «дешифровкой» (прочтением), публикацией и исследованием текстов на папирусе и, как мы увидим ниже, на родственных ему по предназначению других материалах.

Поскольку без знания палеографии нельзя ни прочесть папирус, ни проверить правильность чтения, предложенного другими, некоторые исследователи (например, В. Мартэн, А. Батай, Н. Н. Пикус, А. Д. Люблинская) считают, что папирология — подразделение палеографии. Но как верно отметил Х. Х. Юти⁸, папирология не

² По вопросу, издавали ли папирусы при сожжении ароматные запахи см. литературу: *Preisendanz K. Papyrusfunde und Papyrusforschung*. Lpz, 1933. S. 70 f.

³ Об этом подробнее: *Donadoni S. La Charta Borgiana* // *Par. Pass. Fasc. 208*. 1983. P. 8.

⁴ Текст был переиздан по транскрипции П. Фирека в SB. I. 5124.

⁵ «Празднованию столетия папирологии в качестве классической дисциплины» посвящен вышедший в 1985 г. XXVIII том YCS, озаглавленный «Papyrology». Дата, конечно, условная, что отметил и сам издатель Н. Льюис: «это не означает, что дисциплина возникла полностью зрелой в определенный момент» (on any certain date).

⁶ Поэтому сборник статей, приуроченный к XVII Международному конгрессу папирологов, и был озаглавлен: *Dalla Charta Borgiana al Papiro di Derveni. Studi raccolti per il XVII Congresso Internazionale di Papirologia Napoli 19—26 Maggio 1983* // *Par. Pass. Fasc. 208*. 1983.

⁷ См. подробнее: *Montevocchi O. La Papirologia*. Torino, 1973. P. 3—5; *Gallo I. Avviamento alla papirologia greco-latina*. Napoli, 1983. P. 18—20; С. 16—17].

⁸ *Youtie H. C. The Papyrologist: Artificer of Fact* // *GRBS*. 1963. V. IV. P. 26 = *Youtie H. C. Scriptiunculae*, I. Amsterdam, 1973. P. 17.

ставит перед собой задачу изучения истории письма в качестве самоцели, а только применяет палеографические знания на деле, т. е. является «практической палеографией». Другие исследователи полагают, что папирология — подразделение классической филологии, поскольку без глубокого и тонкого знания языка нельзя ни прочитать текст на папирусе (чтение — не механический процесс «идентификации» букв), ни тем более восстановить и интерпретировать текст. К тому же часть дошедших до нас на папирусе текстов — литературные, а большинство папирологов — специалисты по классической филологии. С другой стороны, У. Вилькен, ученый, способствовавший более чем кто-либо другой оформлению папирологии в самостоятельную научную дисциплину, в исторической части своего написанного совместно с Л. Миттайсом четырехтомного классического руководства по папирологии (не потерявшего своего значения и ныне) «Основы папирологии и хрестоматия» исключил литературные тексты из домена папирологии, полагая, что их изучение входит в задачу истории греческой и римской литературы, за исключением вопросов внешнего оформления. А. Кальдерини и О. Монтевекки считают, что папирология — это «дисциплина, принадлежащая к историческим наукам», и что ее главным специфическим объектом исследования являются документальные папирусы⁹. Но и литературные папирусы должны изучаться папирологией как по техническим причинам (одни и те же методы дешифровки и публикации), так и по существу, поскольку литературные папирусы «являются памятниками культуры и эпохи»¹⁰. Учитывая разнообразие самих текстов и их значение для истории и филологии, думается, что папирологию следует считать историко-филологической антиковедной дисциплиной¹¹.

Если папирус сперва применялся в качестве материала для письма только в древнем Египте, то со временем он стал основным писчим материалом для всего Средиземноморья, а в каждой стране писали на местных языках. И хотя до нас дошли тексты далеко не на всех языках, на которых писали на папирусе (папирусы сохранились только при наличии определенных, благоприятных условий), мы все же располагаем текстами, написанными на сравнительно большом числе языков: на египетском (так называемые иероглифические — иератические, демотические папирусы), арамейском, древнееврейском, набатейском, греческом, латинском, коптском, арабском, сирийском и других языках. Естественно, что папиролог не может читать и интерпретировать тексты, написанные на столь разных языках. Папирология занимается изучением текстов, написанных на греческом и латинском языках, причем только тех текстов, что были написаны в античное время¹², в то время как изучением папирусов, содержащих тексты на других языках, занимаются соответствующие специалисты — египтологи, семитологи, коптологи, иранисты, арабисты и т. д. Поскольку основная масса папирусов дошла до нас из эллинистического, римского и византийского Египта, где официальным языком был греческий, то подавляющее большинство папирусов содержат тексты на греческом языке. Латинские папирусы не только немногочисленны (сопоставительно с греческими), но и менее репрезентативны: в основном это документы, относящиеся к администрации (прежде всего высшей) и армии.

⁹ «Папирология существовала бы в качестве самостоятельной дисциплины даже при отсутствии литературных папирусов, но ее бы не было в таком качестве, если бы существовали одни литературные папирусы» (*Montevecchi. La Papirologia. P. 10*).

¹⁰ *Montevecchi. La Papirologia. P. 10; Calderini A., Montevecchi O. La Papirologia // Introduzione allo studio della cultura classica. V. III. Scienze sussidiarie. Milano, 1976. P. 42; см. также Manfredi M. Cultura letteraria nell'Egitto greco-romano // Egitto e storia antica. Atti del Convegno Torino 8/9 VI — 23/24 XI. 1984. Milano, 1985. P. 271—285.*

¹¹ Ср. формулировку О. Монтевекки: «дисциплина, принадлежащая к наукам о классической античности» (*La Papirologia. P. 3*).

¹² Средневековые греческие и латинские папирусы относятся к области медиевистики. Поэтому А. Кальдерини (*Calderini A. Papiri I. Guida allo studio della papirologia antica greca e romana. Milano, 1962. P. 13—14*) выделяет средневековую папирологию.

Причины, обусловившие ограничение папирологии изучением только греческих и латинских папирусов древнего мира, привели вместе с тем и к некоторому расширению круга источников, исследованием которых она занимается. Папирология изучает в греческие и латинские тексты, относящиеся к тому же историческому времени, но написанные на другом материале, например на пергамене, острака, дереве (восковые таблички, таблички к мумиям), тканях и т. д., так как это тексты одного и того же происхождения, родственные по тематике, по характеру, предполагающие ту же методику исследования. Как отметил В. Шубарт, они образуют группу «источников из первых рук», дошедших до нас «без посредников или промежуточных ступенек» и являющихся «неприкрашенными или непроизвольными свидетелями» эпохи¹³.

На папирусе, как отмечалось, можно было писать на любом языке и о чем угодно, т. е. разнообразие текстов было практически неограниченно¹⁴. Все же, если отвлечься от частностей, папирусные тексты можно разделить на две большие группы, грань между которыми не всегда легко установить¹⁵: на документальные (деловые) и литературные. Литературные папирусы при всем их значении¹⁶ составляют только незначительную часть папирусов, ставших достоянием науки, основную же массу (около 90%) составляют документальные папирусы. Со временем в связи с резким увеличением числа изданных папирусов (и литературы о них) и усложнением требований к их квалифицированному изданию и изучению единая ранее папирология все более раздробляется — в зависимости от содержания текстов и подхода к их исследованию — на литературную папирологию и документальную папирологию. Первой занимаются в основном филологи, второй — историки, юристы, экономисты и т. д. В документальной папирологии в связи с тем, что понимание юридических аспектов документов в сильной мере зависит от знания формальной стороны документов (тип, структура, формулировки, способ оформления, регистрации, хранения и т. д.) и правовых представлений и норм, оказавших влияние на составление документов, довольно рано возникло и рас-

¹³ Schubart W. Einführung in die Papyruskunde. В., 1918. S. 9. Этим объясняется (а не только тем, что к моменту оформления папирологии как науки эпиграфика уже давно существовала в качестве самостоятельной научной дисциплины), что изучение лапидарных надписей не входит в круг прямых интересов папирологии. Хотя на папирусе писались любые тексты, в том числе официальные распоряжения и объявления, которые вывешивались для всеобщего ознакомления, чаще всего папирусные тексты составлялись только для внутреннего употребления, для определенных лиц (должностных, частных), доступ посторонних не только не предполагался, но практически очень часто бывал невозможным (контракты, записки, письма). На камне же высекались тексты, представлявшие общественный интерес, рассчитанные на всеобщее обозрение не только современниками, но и потомками. «Надпись сама по себе средство огласки и пропаганды» (*Montevicchi O. La Papirologia nella cultura italiana // Egitto e storia antica... P. 109*). Но между надписями и папирусами имеется много общего в плане содержания текстов и методики их публикации и исследования, поэтому папиролог не может обойтись без привлечения эпиграфического материала, в частности греческих и латинских надписей из Египта, которые иногда сохраняли тексты, не дошедшие на папирусах, и часто дополняют и поясняют данные папирусов, в особенности в том, что касается администрации, армии, лексики, просопографии и т. д. Между папирологами и эпиграфистами осуществляется тесное сотрудничество, принимающее самые различные формы, в ряде случаев папирологи являются одновременно и эпиграфистами.

¹⁴ Это относится к любому виду писчего материала, но в древности у папируса был ряд преимуществ: портативность, удобство писания, возможность писать тексты любого размера (листы папируса подклеивались).

¹⁵ В состав литературных текстов включаются религиозные и научные, в состав документальных — письма. Имеются тексты, которые, не являясь литературными в настоящем смысле слова, в то же время не могут считаться документальными, например, школьные упражнения, магические заклинания и т. д.

¹⁶ Папирологам удалось найти и опубликовать большое число ранее неизвестных текстов классической литературы, иногда вернуть к жизни произведения ряда авторов (блестящий пример — Менаандр).

цело, особенно благодаря вкладу немецких и итальянских ученых, особое направление — юридическая папирология.

В силу причин, связанных с климатическими и иными условиями, подавляющее большинство папирусов, следовательно и документальных, было обнаружено в Египте¹⁷. Исключительно разнообразные по происхождению, содержанию, оформлению, документальные папирусы освещают различные стороны государственной, общественной, частной и религиозной жизни Египта в эллинистическое, римское, византийское и раннеарабское время и являются особо ценным источником по его социально-экономической и социально-идеологической истории, позволяющим взглянуть на ее особенности не только «сверху» — с позиций интересов и целей администрации, но и «снизу» — с точки зрения нужд, забот и чаяний управляемых. Документальные папирусы дают возможность исследователю видеть не только парадное полотно, созданное официальной пропагандой, но и заглянуть «вовнутрь», в суть явлений, рассмотреть «механизм» в работе со всеми присущими ему особенностями и противоречиями. Поскольку основная масса папирусов найдена в Египте и происходит из Египта, то они прежде всего — ценнейший источник по истории этой страны в эллинистическое, римское, византийское и в какой-то мере раннеарабское время. Это предполагает тесную связь папирологии с теми дисциплинами, которые занимаются изучением соответствующих аспектов жизни египетского населения в доэллинистическое и после-византийское время, прежде всего с египтологией в широком смысле слова, коптологией и в известной мере арабистикой (подробнее см. [с. 28—29]). В то же время папирусы, составляющие объект исследования документальной папирологии, относятся к тому периоду, когда Египет входил в состав эллинистического, римского, византийского мира, поэтому папиролог не может обойтись без глубокого знания истории, культуры, экономики, права всего региона в указанное время и должен уметь пользоваться достижениями всего комплекса антиковедных исторических дисциплин¹⁸. Но говоря о связи документальной папирологии с этими дисциплинами, следует еще более подчеркнуть тот неоценимый вклад, который внесла папирология в их развитие, предоставив в распоряжение исследователей огромную массу ранее неизвестных данных, не только дополняющих, уточняющих, исправляющих традиционные представления, но приведших в ряде случаев к созданию новых отраслей и разделов науки, возникновение которых было бы невозможно без папирусов, например, античной палеографии, античной дипломатики и т. д. Папирология полностью оправдала пророческие слова Т. Моммзена о том, что подобно тому как XIX век стал веком эпиграфики, XX век станет веком папирологии.

Главной задачей папирологов стало прежде всего накопление (путем покупок, целенаправленных раскопок) папирусов и их публикация и изучение. Благодаря этой

¹⁷ Эти условия не были одинаковыми на всей территории Египта, поэтому папирусы сохранились не везде, так, например, до нас почти не дошли папирусы из Дельты, в частности из Александрии, что особенно досадно, если вспомнить, что в течение более чем тысячелетия это был главный политический, административный, экономический и культурный центр страны. Но папирусы дошли до нас (в значительно меньшей мере) и из других регионов античности (например, из Палестины, Месопотамии, Италии, Греции и т. д.). Кроме того, в Египте были найдены папирусы, написанные в других районах древнего мира, но потом случайно оказавшиеся в Египте, в том числе из таких дальних стран, как Индия, см., например, недавно изданный папирус: *Har-rauer H., Sijpesteijn P. J. Ein neuer Dokument zu Roms-Indienhandel. P. Vindob. G. 40822 // Österr. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl. Anzeiger 122. Jg. 1985. Wien, 1985. S. 124—155. Об этом тексте см. также: Thür G. Hypotheken-Urkunde eines Seedarlehens für eine Reise nach Muziris und Apographe für die Tetarte in Alexandria (P. Vindob. G. 40.822) // Tyche. Bd II. 1987. S. 229—245. Подробнее о неегипетских папирусах см. [с. 28].*

¹⁸ С. Донадони (La Charta Borgiana... P. 9) считает, что папирология это своего рода «египтология на греческом языке», что является недооценкой значения папирологии для антиковедных наук и всесторонних связей с ними.

непрекращавшейся деятельности (даже во время обеих мировых войн)¹⁹ мы располагаем сейчас более чем 30 тысячами изданных папирусов и многими тысячами опубликованных острака, не считая переизданий в хрестоматиях, корпусах, архивах и других видах публикаций²⁰. Одновременно разрабатывались методы реставрации и консервации папирусов и острака [с. 71—75, 506], принципы отбора и публикации [с. 75—84], создавались национальные папирологические центры [с. 67—68], международные папирологические организации [с. 67—70, 140—141, 505—506, 509], составлялись руководства [с. 136—137, 508]²¹, хрестоматии [с. 137—138], библиографии [с. 133—136, 508], хронографии [с. 123—126, 508], корпуса [с. 138—140, 159], огромное число разнообразных справочных изданий, представляющих большой интерес и являющихся незаменимым рабочим инструментом не только для папирологов, но и для широкого круга специалистов [с. 89—148, 506—510]²² и т. д., причем все это делалось и делается на основе использования новейших достижений современной техники [с. 73—74, 132—133, 141, 508]. Параллельно, тщательно и плодотворно, изучалась политическая, административная, правовая, социальная, экономическая и культурная история Египта [с. 142—214]²³, которые предстали перед нами с такой полнотой и достоверностью,

¹⁹ Список публикаций папирусов, расположенных в хронологическом порядке, см. *Oates J. F., Bagnall R. S., Willis W. H. Checklist of Editions of Greek Papyri and Ostraca* 2. Missoula, 1978. P. 59—61 (BASP. Suppl. 1).

²⁰ См. [с. 85, прим. 72, 389—392, 395—414, 517—518]. Новые публикации острака: O. Cair. GPW — *Gallazzi Cl., Pintaudi R., Worp K. A. Ostraka greci del Museo Egizio del Cairo*. Firenze, 1986 (Pap. Flor. 14); O. Douch. I — *Cuvigny H., Wagner G. Les ostraca grecs de Douch (O. Douch)*. Fasc. I (1—57). Le Caire, 1986 (DFIFAO. 24). Новые публикации папирусов: CPR. X — *Hasitzka M., Müller M., Rom B., Hameter W., Palme B., Taeuber H., Diethart J., Harrauer H., Worp K. A. Corpus Papyrorum Raineri*. Bd X. Griechische Texte, VII. Textband. Tafelband. Wien, 1986; CPR. XII — *Hasitzka M. R. M. Corpus Papyrorum Raineri*. Bd XII. Koptische Texte. Textband. Tafelband. Wien, 1987; CPR. XIII — *Harrauer H. Corpus Papyrorum Raineri*. Bd XIII. Griechische Texte IX. Neue Papyri zum Steuerwesen im 3. Jh. v. Chr. Textband. Tafelband. Wien, 1987 (CPR. XI еще не вышел); P. Freib. IV — *Daniel R. W., Gronewald M., Thissen H. J. Griechische und demotische Papyri der Universitätsbibliothek Freiburg*. Mitteilungen aus der Freiburger Papyrussammlung. Bd IV. Bonn, 1986 (PTA. 38); P. Gen. II — *Wehrli Cl. Les Papyrus de Genève*. V. II (N°s 82—117). Textes littéraires et documentaires. Genève, 1986; P. Hels. I — *Papyri Helsingiensis I. Ptolemäische Urkunden (P. Hels. I) / Bearb. von Frösén J., Hohti P., Kaimio J., Ziliacus J.* Helsinki, 1980 (SSF, CHL, 80); P. Nephros — *Kramer B., Shelton J. C., Browne G. M. Das Archiv des Nephros und verwandte Texte*. Mainz am Rhein, [1987] (Aegyptiaca Treverensia, 4); P. Oxy. LIII — *The Oxyrhynchus Papyri*. V. LIII / Ed. by M. W. Haslam. L., 1986 (GRM. 73); P. Oxy. LIV. — *The Oxyrhynchus Papyri*. V. LIV. / Ed. by Coles R. A., Maehler H., Parsons P. J. with Contributions by Bremer J. M., Carden R. J. D. L., 1987 (GRM, 74); P. Strasb. [IX, 3] — *Papyrus grecs de la Bibliothèque Nationale de Strasbourg N°s 841 à 860 par J. Schwartz*. Strasbourg, 1987 (PBNU. IX — 3); вышел и указатель к P. Strasb. [VI] — [VIII] — *Papyrus grecs de la Bibliothèque Nationale et Universitaire de Strasbourg*. N°s 501 à 800. Index par B. Kramer. Strasbourg, 1986 (BNU. X); SB. XVI. 3 — *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten/Hrsg. v. H.-A. Rupprecht unter Mitarbeit v. J. Hengstl*. Sechzenter Bd. Drittes Heft (Nr. 12720—13084). Wiesbaden, 1988. В ближайшее время выйдут P. Köln, VI; P. Prag. I.

²¹ Руководство И. Галло (*Avviamento...*) вышло в Лондоне в 1986 г. в английском переводе, руководство по юридической папирологии Л. Мильярди Цингале [см. с. 380, s.v. *Migliardi Zingale*, 1984] вышло вторым изданием в Турине в том же году.

²² Например, общезыковые, терминологические, ономастические, географические словари, исследования по палеографии, языку, хронологии, метрологии, нумизматике, просопографии, демографии, праву, дипломатике и т. д.

²³ Новые работы: *Bowman A. K. Egypt after the Pharaohs*. 332 B.C.— A. D. 642, from Alexander to the Arab conquest. L., 1986; *Lewis N. Greeks in Ptolemaic Egypt*. Oxf., 1986; *Lukaszewicz A. Les édifices publics dans les villes de l'Égypte romaine*. Problèmes administratifs et financiers. Warszawa, 1986; *Sijpesteijn P. J. Nouvelle liste des gymnasiarques des métropoles de l'Égypte romaine*. Zutphen, 1986; *Bastianini G., Whitehorn J. Strategi and Royal Scribes of Roman Egypt*. Chronological List and Index. Firenze, 1987 (Pap. Flor. 15).

о которых и думать нельзя в отношении других эллинистических государств или восточных провинций Римской и Византийской империй.

Таким образом, хотя папирология возникла в качестве научной дисциплины позднее, чем другие вспомогательные дисциплины античности, а может быть, именно поэтому, она сумела выработать такую стройную и строгую систему научно-методических средств исследования, обзавестись таким количеством справочных и вспомогательных изданий, добиться столь выдающихся результатов, что в настоящее время ее справедливо считают самой организованной из антиковедных наук, с которой теперь стараются брать пример смежные дисциплины. Приведем в данной связи высказывания С. Донадони (не папиролога, а египтолога): «Папирология — это своего рода грань алмаза классического исследования: она стремится к совершенству метода, который в том, что касается транскрипции, способа издания текстов, формирования технического языка, критериев и совершенства указателей, организации публикационной деятельности, точности инструментального аппарата (словарей, библиографий, парадигматических хрестоматий, грамматик, уточнений и исправлений) представляет, по моему мнению, недостижимый образец... папирология... определяет новый опыт, новый подход не только к познанию Египта, но всего эллинистического мира и еще больше римского и византийского»²⁴.

И. Ф. Физман

²⁴ *Donadoni S. Egitologia e Papirologia // Egitto e società antica... P. 126—127.*

Cl. VIAL. Délös indépendante. BCH. Suppl. X. Athenes: Ec. fr. d'Athènes, 1984. 424 p.

Работа французской исследовательницы Клод Виаль «Независимый Делос» подводит итог более чем столетнему изучению интереснейшего периода делосской истории, так называемой «эпохи независимости», продолжавшейся с 314 по 167/6 гг. до н. э. Несмотря на последовательное археологическое изучение острова, которое с 1873 г. ведет Французская археологическая школа в Афинах, обилие найденных и опубликованных материалов¹, в том числе многочисленных эпиграфических документов², и постоянный интерес археологов и историков к различным сторонам жизни Делосского полиса, потребовались долгие годы, чтобы к ставшей уже в своем роде «классической» работе П. Русселя, в которой дан блестящий анализ истории острова после 166 г. до н. э.³, присоединился достойный труд, схожий по постановке вопросов и широте охвата проблем. Анализ ранней (до V в. до н. э.) истории острова в прекрасной, построенной в основном на археологическом материале монографии А. Галле де Сантерра⁴, а также объявление о скором выходе в свет книги Ж. Купри по классическому периоду истории острова⁵, позволяют с удовлетворением признать, что многолетние труды французских исследователей, «доменом» которых стал Делос, увенчались успехом. Их совместными усилиями все важнейшие периоды истории знаменитого острова наконец-то серьезно проанализированы и осмыслены.

Для характеристики исследования Кл. Виаль вряд ли подходит определение «обобщающее»: за его пределами остались многие стороны жизни Делосского полиса,

¹ К настоящему времени издано уже более 30 объемистых томов «Exploration archéologique de Délös», где материал эпохи независимости занимает отнюдь не последнее место.

² Корпус делосских надписей насчитывает около 3000 эпиграфических документов, причем более трети из них (№ 105—1349) относится к рассматриваемому в рецензируемой работе периоду.

³ *Roussel P. Delos, colonie Athenienne. P., 1916.*

⁴ *Gallet de Santèrre H. Délös primitive et archaïque. P., 1958.*

⁵ *Athènes et Apollon Délien. Recherches sur l'histoire de Délös de l'époque de Pisistrate à l'époque d'Alexandre.*

уже получившие освещение в ряде других работ⁶. Его скорее можно назвать «завершающим», так как он завершает определенный этап исследования, расставляет по местам многие ранее недостающие акценты в понимании Делоса как полиса, в представлении о его внутренней структуре, особенностях политических институтов и общественного устройства⁷. Работа состоит из трех больших разделов: I. Население Делоса (исследование права и установлений); II. Делосская полития (изучение политических учреждений Делоса); III. Население Делоса (изучение данных об обществе). Во введении четко обосновывается структура работы. По мнению исследовательницы, неравномерно изучать жизнь того или иного человеческого коллектива, не «определив ее официальные структурные элементы: нельзя исследовать особенности организации полиса, не зная численности населения, не представляя юридических норм, регулирующих взаимоотношения людей, не выяснив принципов и особенностей деления по родовым, возрастным и подобным им группам; бессмысленно давать определение политического режима, не изучив политическую структуру; нельзя анализировать полисные институты, не понимая внутренней организации граждан; рассмотрению обычаев должен предшествовать анализ политического устройства и т. п. (с. 6—7).

Кл. Виаль довольно убедительно обосновывает наличие на Делосе в первой трети II в. до н. э. около 1200 взрослых граждан — мужчин (с. 20), что позволяет ей в дальнейшем определить общую численность гражданского коллектива (*la totalité de la communauté délienne*) в 5000 человек (с. 289). К сожалению, здесь сразу же возникает вопрос о рабах, метеках и живущих на острове в это время чужеземцах (например, строителях многочисленных монументальных делосских сооружений). Каково соотношение между учтенными Кл. Виаль жителями острова и теми, кто остался за пределами «учета»? Каково все же, хотя бы приблизительно, общее число людей, реально живущих на острове, как в начале, так и в конце полуторастолетнего периода? Есть ли какая-нибудь возможность проследить динамику численности? Нам известно, что сведения делосских надписей о рабах, метеках и временно живущих на острове чужеземцах слишком конкретны и малочисленны, но все же какие-то предположения, на наш взгляд, можно было бы сделать.

Рассмотрение в первом разделе делосских фил, фратрий и третий приводит Кл. Виаль к выводу, что в III—II вв. до н. э. они сохраняли свой активный характер, но только в сфере культа (участие в торжественных жертвоприношениях, праздничных состязаниях, при посвящении даров в святилища и т. п.), в чем проявилась важность в практической жизни и сознании делосцев всего традиционно связанной с религиозной стороной их жизни. Обращение к исследованию делосской семьи (в частности, права наследования и юридических норм, регулирующих родственные отношения) убеждает исследовательницу в большой значимости для делосцев семейных и родственных связей. Это проявлялось помимо всего прочего и в том, что внутрисемейная практика наследования проецировалась на полис в целом: наследовались не только недвижимость, долговые обязательства или обязанности в отношении святилища, но и полисные магистратуры (наследники умершего магистрата продолжали выполнять его долж-

⁶ См., например специальные работы по аренде храмовых земель: *Kent J. H. The Temple Estates of Delos, Rheneia and Mykonos // Hesperia. 1948. 17. P. 245—338; Cavagnola B. I locatari delle proprietà fondiare del dio Apollo a Delo. Istituto Lombardo. Rendiconti. Class. di lett. e sc. Mor. e Stor. 1972. 106. P. 51—115; монографию о делосских домах: *Molinier S. Les «maisons sacrées» de Délos au temps de l'indépendance de l'île (315—166 av. J.-Ch.) P., 1914, а также вышедшую уже после работы Виаль статью Д. Хеннинга (*Henning D. Die heiligen Häuser von Delos // Chiron. 1983. XIII. P. 411—474*); исследование религиозной жизни на острове Ф. Бруно (*Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale. P., 1970*), упоминаемую Виаль (с. 5) диссертацию М.-Ф. Базле о положении иностранцев на Делосе и др.**

⁷ То есть затронуты те вопросы, которые последний раз были предметом анализа в 1889 г. (*Schoeffer V. von. De Deli insula rebus. B., 1889*), когда еще не было готово ни одного тома Корпуса делосских надписей.

ные функции вплоть до истечения срока полномочий). По мнению Виаль, пребывание на Делосе в V—IV вв. до н. э. амфикионов, управлявших святилищами, не повлияло на структуру и функции внутриполисных подразделений и не сделало их подобием афинских: филы не играли никакой роли при распределении политических, административных и прочих должностей и функций. В семейном праве делосцев также нет следов какого-либо влияния афинских правовых норм.

В разделе II исследуется деятельность Совета, Народного собрания, судебных органов и всех прочих полисных магистратур, известных по документам. В последнем случае исследовательницу интересуют не только компетенции и функции архонтов, казначеев, гиеропеев, агораномов, астиномов, ситонов и других более мелких должностных лиц, но и карьера людей, занимавших эти посты. Функции государственных органов и полисных магистратов по сравнению с предшествующим периодом претерпели ряд серьезных изменений: гиеропеи, которые до 314 г. до н. э. были помощниками амфикионов, теперь сосредоточили в своих руках все вопросы, связанные с управлением храмовым комплексом; Совет, ранее решавший только вопросы, связанные с городским управлением, теперь контролировал сакральную, финансовую и строительную деятельность святилища и т. д. Делос был в это время демократическим государством: суверенная власть находилась в руках Народного собрания, и каждый гражданин полиса мог принимать участие в решении общегосударственных вопросов и выполнять различные административные функции (определенный имущественный ценз требовался только для таких связанных с финансами должностей, как гиеропеи и казначеи). Особенностью делосской ситуации, по мнению Виаль, было сочетание малых размеров полиса и малочисленности жителей с чрезвычайно сложным и разветвленным государственным аппаратом и многими полисными магистратурами, что было связано с необходимостью одновременного управления святилищем общегреческого масштаба и портом, выполнявшим роль важного эмпория для прилегающего региона. Что касается политического сознания граждан маленького полиса, то здесь, как полагает исследовательница, ярко проявлялось чувство солидарности, что нашло отражение в различных, в том числе и государственных, формах поручительства и определенной преемственности политической и административной деятельности, хотя в конечном итоге многое опять упиралось в институт семьи и значимость родственных связей.

Вообще в рецензируемой работе Делосский полис предстает перед нами конгломератом семей, совокупностью родственных линий, что иллюстрируется и приведенными в ней 37 подробнейшими стеммами (столько удалось проследить делосских семей. В начале раздела III она обращается к семье с точки зрения внутрисемейных связей; исследует количественный состав семей, изучает нашедшие отражение в эпиграфических документах отношения мужей и жен, отцов и детей, братьев и сестер в финансовой, политической, экономической и религиозной сферах. Под углом зрения внутрисемейных отношений рассматривается в работе делосская ономастика — несколько выпадающее, на наш взгляд, из общего контекста, но чрезвычайно интересное и оригинальное маленькое эссе. В этом же разделе анализируются источники доходов делосцев: сельское хозяйство, рыболовство, ремесло, торговля, доходы от сдачи в аренду недвижимости и др. Последний разбираемый вопрос — имущественное положение и заемные операции делосцев, причем, как считает Виаль, своеобразие делосской ситуации был не только долговременный характер обязательств и то, что в качестве заимодавца выступало святилище (с. 374), но и использование полученных денег представителями наиболее богатой части населения для существенного расширения своей экономической деятельности (с. 378).

Работа завершается тремя подробнейшими индексами. В первом из них — эпиграфическом — перечисляются все цитируемые или использованные в работе надписи, отдельно приводится перечень эпиграфических документов, в которые исследовательница внесла уточнения или исправления. Во втором — протонепрографическом — при-

веден обширный алфавитный список всех упоминаемых в работе делосцев, что при отсутствии общего индекса к Корпусу делосских надписей и разбросанностью материала по отдельным работам (например, у Дж. Х. Кента, С. Молинье, В. Каванболл и др.) окажет неоценимую помощь будущим исследователям. Третий индекс носит общепредметный характер.

Кл. Виаль взяла на себя очень трудную задачу — на основании многочисленного, но чрезвычайно специфического по характеру содержащихся в нем сведений делосского эпиграфического материала разобраться в том, что представлял собой Делос в социально-политическом плане. Благодаря тщательности анализа, вниманию к мельчайшим деталям и оригинальной общей концепции исторического развития Делосского полиса в период независимости, которые мы находим в этой работе, перед нами вырисовывается картина чрезвычайно сложного и не совсем типичного (хотя, что можно считать нормой — хорошо исследованные лишь в отдельные периоды их существования афинское или спартанское государственные устройства?) полисного организма. Делосские документы сохранили нам уникальные статистические данные, благодаря которым воссоздаются политические карьеры многих делосцев, становятся ясными принципы и реальная практика управления, деятельность различных магистратов, финансовые функции Совета. Значение делосского материала, осмысленного, а иногда и переосмысленного Кл. Виаль и в таком новом виде введенного в активный оборот, трудно переоценить. Несмотря на различный характер полученных сведений, его вполне можно сравнить с афинским материалом эпохи классики. Будущее использование созданной Кл. Виаль детализованной, но в то же время несомненно цельной картины функционирования конкретного полисного организма в сравнительно-исторических исследованиях по греческому полису, на наш взгляд, несомненно.

Нам все же хочется поделиться некоторыми своими размышлениями по поводу реконструированных исследовательницей ряда особенностей делосского гражданского общества. Чрезвычайно интересный подход к делосской семье, в которой Кл. Виаль видит одну из основ гражданского коллектива острова еще и в изучаемое ею время, в отдельных конкретных моментах анализа (в построении ряда стемм) становится несколько зыбким и допускает амбивалентное толкование. То же самое можно сказать и о реконструкции политических карьер отдельных делосцев. Дело в том, что особенностью делосских документов (особенно это относится к мелочной хозяйственной храмовой документации) является частый пропуск патронимиков должностных лиц и лиц, вступающих в различные деловые отношения со святилищем. Несмотря на то, что в большинстве случаев возникает интуитивное ощущение возможности отождествления тех или иных персонажей, оно ни в коей мере не носит безусловного характера. Не решаясь спорить с исследовательницей по какому-то конкретному случаю, мы лишь обращаем внимание на возможное в будущем уточнение отдельных деталей. В анализе источников доходов делосцев нам кажется незаслуженно забытой такая, на наш взгляд, важная сфера их деятельности, как обслуживание многочисленных паломников и гостей острова, которую вполне можно было бы выделить в отдельную отрасль. Но более всего хотелось бы видеть в исследовании Кл. Виаль динамику развития гражданской общины. Все-таки полтора столетия — немалый период, период жизни нескольких поколений, и несмотря на подчеркивание в работе консервативного и традиционалистского характера делосского общества, изменения во всех сферах жизни гражданского коллектива не могли не происходить. И их интересно было бы проследить не только в колебаниях численности героев или появлении или исчезновении ряда коллегий магистратов, но и в такой прозаической стороне жизни Делосского полиса, как ремесло и торговля. Это тем более необходимо, что нам так мало известно о средних и низших прослойках делосского общества.

Высказанные нами соображения общего характера ни в коей мере не умаляют значения проделанного Кл. Вваль колоссального труда и ее мастерства исторического анализа. В большинстве своем эти (сеем надеяться, ненавязчивые) мысли вслух порождены несовершенством делосского источникового материала, на основе которого исследовательница все же создала блестящую историческую реконструкцию.

О. Б. Лопухова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ «ТОЙБНЕРОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ».

ЛЕЙПЦИГ, 1987

BIBLIOTHECA TEUBNERIANA 1987

AEGRITUDO PERDICAЕ. Ed. L. Zurli (Perugia). 48 p. ISBN 3—322—00436—8

Первое отдельное издание поэмы, обычно публикуемой среди сочинений Драконтия (последнее издание 1914 г.— «*Poetae Latini minores*»). Обширный комментарий включает обзор рукописной традиции и анализ метрики с приложением исчерпывающего указателя лексики памятника.

C. IULIUS CAESAR. COMMENTARII RERUM GESTARUM. Vol. I. Bellum Gallicum. Ed. W. Hering. 416 p. ISBN 3—322—00351—5

Новое издание — итог более чем тридцатилетних исследований В. Херинга, снабдившего текст обильной информацией о рукописной традиции «Галльской войны». *THEODORUS GAZA. M. TULLII CICERONIS LIBER DE SENECTUTE IN GRAECUM TRANSLATUS*. Ed. G. Salanitro (Catania). 145 p. ISBN 3—322—00360—4

Новое издание греческого перевода книги Цицерона «О старости», выполненного византийским филологом Теодором Газой (1398—1478) и в последний раз выходявшего в 1833 г., снабжено комментарием, греко-латинским и латино-греческим указателями, а также исследованием переводческого метода Теодора Газы.

HERODAS. MIMIAMI CUM APPENDICE FRAGMENTORUM MIMORUM PAPIRACEORUM. Ed. I. C. Cunningham (Edinburgh). 128 p. ISBN 3—322—00353—1

Первое издание «Мимиаμβов» Герода в «Тойбнеровской библиотеке» с 1914 г. (когда вышло 5-е издание О. Крузисуса). Издание следует современным стандартам публикации папирусных текстов и основано на новом прочтении Лондонского папируса с привлечением новых источников. Аппарат отличается полнотой информации о палеографических и орфографических особенностях папируса. В Приложении к тексту Герода опубликованы папирусные фрагменты, отнесенные издателем к миму и родственным жанрам. Издание снабжено лексическим указателем ко всем опубликованным текстам.

HERODOTUS. HISTORIAE. Vol. I. Libri I—IV. Ed. H. V. Rosén (Jerusalem). 400 p. ISBN 3—322—00359—0

Издатель нового Геродота пересмотрел всю рукописную традицию, обратившись, в частности, к *Laurentianus 70.3* — рукописи, привлекавшейся к старому изданию в неудовлетворительном состоянии. В критическом аппарате обращается внимание на материалы, почерпнутые из цитат и антологий и дающие более полное представление об истории текста.

MARCUS AURELIUS ANTONINUS. AD SE IPSUM LIBRI XII. Ed. J. Dalfen (Salzburg). 208 p. ISBN 3—322—00355—8

Второе, исправленное издание (1-е изд.— 1979 г.).

NEMESIUS EMESEUS. DE NATURA HOMINIS. Ed. M. Morani (Milan). 192 p. ISBN 3—322—00358—2

Издатель известен как автор книги «Рукописная традиция сочинения Немесия „О человеческой природе“» (*La tradizione manoscritta del «De natura hominis» di Nemesio*. Milano, 1981) и к настоящему изданию привлек все доступные сегодня материалы, включая армянский перевод, выполненный с одной из самых ранних грече-

ских рукописей. Издание богато критическим и справочным аппаратом и появляется впервые с 1802 г., когда вышло в свет издание Маттея.

PHOTIUS PATRIARCHA CONSTANTINOPOLITANUS. EPISTULAE ET AMPHILOCHIAE. Vol. VI. *Amphilochiorum pars tertia.* Ed. L. G. Westerink (Buffalo, N. Y.). 320 p. ISBN 3—322—00361—2

Настоящий том завершает издание писем и «Амфилохий» патриарха Фотия. Текст (223—329 «Амфилохий») снабжен сводными указателями ко всему изданию, ставшему значительным событием для византинистов, историков греческого языка и религии. *POETAE EPICI GRAECI. Testimonia et fragmenta. Pars I.* Ed. A. Bernabé (Madrid). 208 p. ISBN 3—322—00352—3

Новое издание фрагментов эпических поэтов, сменяющее в «Тойбнеровской библиотеке» собрание Кинкеля 1877 г., выполнено по образцу издания элегиков Джентили/Прато (Gentili/Prato). Настоящий том охватывает период от Киклических поэм до Херила Самосского (V в. до н. э.). Запланированный на 1991 г. второй том будет включать свидетельства и фрагменты орфиков и близких к ним поэтов, Мусея, Эпименида, Абариса и Ономакрита.

Г. Ч. Г.

Заказы на издания «Тойбнеровской библиотеки» принимаются в магазинах, торгующих книгами из социалистических стран.

Полное название издательства: BSB B. G. TEUBNER VERLAGSGESELLSCHAFT. LEIPZIG. DDR.

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Ленинская премия в области науки в 1988 г. присуждена Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову за двухтомное фундаментальное монографическое исследование «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984). Наивысшая награда — признание заслуг этих советских ученых, чье творчество отличается необычайной глубиной, масштабностью решаемых проблем, глубиной и оригинальностью выводов.

Тамаз Валерианович Гамкрелидзе — действительный член АН СССР и Грузинской ССР, директор Института востоковедения АН Грузинской ССР, профессор общего и сравнительного языкознания Тбилисского государственного университета, почетный член Американской академии искусств и наук, член-корреспондент Британской академии и Австрийской академии наук, почетный член Американского лингвистического общества и Немецкой ассоциации индоевропеистов — широко известен своими трудами в области теоретической лингвистики, типологии, исторического языкознания, древневосточных языков и письменностей, индоевропеистики, сравнительно-исторических исследований кавказских и семитских языков.

Вячеслав Всеволодович Иванов — доктор филологических наук, профессор теоретической лингвистики и семиотики, заведующий сектором структурной типологии славянских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР, вице-президент Международной семиотической ассоциации, член-корреспондент Британской Академии, почетный член Американского лингвистического общества — автор многочисленных трудов в области теоретической лингвистики, семиотики, литературоведения, сравнительно-исторического языкознания, типологии, структурной лингвистики, древневосточных языков, кавказоведения, индоевропейских и древнеперднеазиатских языков и письменностей, сравнительной мифологии.

«Индоевропейский язык и индоевропейцы» — результат совместных исследований, которые велись авторами с начала 70-х годов и нашли отражение в ряде публикаций, вызвавших оживленный интерес научной общественности. Для этого капитальный труд характерны отказ от традиционных представлений об индоевропейском праязыке и древнейших территориях расселения его носителей, новый подход к разработке многих важных аспектов грамматической структуры индоевропейского праязыка, его временных и ареальных характеристик и т. д. (см. работы: Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Предварительные материалы конференции по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972; Реконструкция индоевропейских формул // *Phonetica*. 1973. 27 (на нем. яз.); Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3; Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. (последние две статьи переведены на англ. яз.); К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления // ВДИ. 1984. № 2). Эти исследования постепенно складывались в цельную концепцию индоевропейского языкового строя, социальной организации, материальной и духовной культуры древних индоевропейцев, их этногенеза, в наиболее полном виде изложенную и обоснованную в указанном труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Глубокие сдвиги, которые характеризуют современный этап в развитии науки о языке и в которых немалая роль принадлежит обоим авторам книги, нашли яркое отражение в этом труде. Авторам удалось убедительно показать связь динамической синхронии с целостным охватом основ праязыка, его эволюционных сдвигов, внутренней дифференциации и поочередных скрещиваний с соседними языковыми ареалами. Именно исследование взаимных связей и соотношения индоевропейского праязыка со смежными праязыками может стать, согласно их выводам, одним из наиболее весомых аргументов для локализации индоевропейской прародины и определения путей расселения носителей индоевропейских диалектов.

Сейчас в лингвистике все более весомое место занимает проблема о внутриязыковых отношениях, и не случайно внимание лингвистов сосредоточено в первую очередь на неразрывной взаимосвязи между частями и целым, и главное — на соотношении инварианта и вариации, центральной темы современной лингвистики. Эта проблематика лежит в основе реконструкции авторами индоевропейской языковой структуры. Нельзя не упомянуть в этой связи типологические работы авторов о сочетаниях дифференциальных признаков фонем в синхронии (Гамкрелидзе Т. В. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция // ОЛЯ. 1977. 38/3) и о разнovidностях симметрических отношений, лежащих, как показал в ряде работ Вяч. Вс. Иванов, в основе языкового строя. В число задач праязыковой реконструкции авторы включают также индоевропейскую поэтику, в частности метрику.

По глубине и масштабу поставленных и решаемых проблем исследование Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова занимает исключительно важное место в истории отечественной и мировой науки, оно открывает новые горизонты для плодотворных дискуссий и без сомнения явится стимулом для дальнейших исследований языка и смежных дисциплин. К ней постоянно будут обращаться специалисты по древнему Востоку и антиковеды.

* * *

Среди лауреатов Государственной премии СССР 1987 г. — Елена Михайловна Штаерман, крупнейший советский специалист по истории древнего Рима. Так заслуженно отмечен ее значительный вклад в подготовку 13-томной «Всемирной истории», в частности II тома, для которого ею написаны основные главы и разделы по истории Римской республики и Римской империи. На основе огромного фактического материала с присущими Елене Михайловне научной глубиной, новаторством и блеском показаны основные исторические события, социально-экономические процессы, явления в области культуры, религии, идеологии, эпохи расцвета, кризиса и крушения рабовладельческого строя в Риме от полисных форм до зарождения феодальных отношений. Таким образом, была воссоздана целостная картина древнеримской истории, и она в основных своих чертах остается общепринятой в советской науке и по сей день.

II том «Всемирной истории» увидел свет в 1956 г. Прошедшие с тех пор три с лишним десятилетия всесторонне высветили его роль в развитии советского антиковедения. Сегодня нам видны как плодотворное общеметодологическое значение этого издания, впервые поставившего своей целью воссоздать ход всемирной истории на основе единой методологии, с марксистских позиций, что обусловило оригинальные, убедительные решения ряда новых и сложных конкретно-исторических вопросов, так и определенная ограниченность этого исследования, вызванная условиями той эпохи. Но минувшее время показало главное — это издание, пусть и не вполне свободное от некоторых недостатков, дало мощный импульс дальнейшим научным исследованиям, направленным на преодоление догматизма, на углубленную разработку ключевых проблем древней истории.

Свидетельство тому — творческая деятельность Е. М. Штаерман. В 1957 г. выходит ее монография «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» — фундаментальное исследование форм собственности, позиций различных социальных сил в ходе событий III в. и их отражения в идеологии, оригинальная интерпретация кризиса III в. Е. М. Штаерман присуще стремление понять и изучить историю Рима во всей ее хронологической и тематической полноте — проверить экономику и политику идеологией и культурой и наоборот; существенно, что и то и другое никогда не сливается и не смешивается, но и не существует в отдельности. Так, книга «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи» (1961) — во многом новаторское в советской и мировой науке исследование идеологии низших социальных слоев Римской империи — стала заметным вкладом в изучении сельской общины в эпоху античности.

Развитие советского антиковедения и в особенности работа над «Всемирной историей» выдвигали на первый план проблему рабовладельческих отношений, плодотворное изучение которой было значительно продвинуто серий «Исследований по истории рабства в античном мире». В работах, вышедших в рамках этой серии, а также в книге «Древний Рим. Проблемы экономического развития» (1978) Елена Михайловна разработала целостную концепцию института рабства в древнем Риме на всем протяжении его развития, связав его с судьбами уклада, базировавшегося на античной форме собственности и гражданской общине, что и делало римский классический рабовладельческий путь развития во многом уникальным. В развиваемой и отстаиваемой Е. М. Штаерман концепции древнеримской истории освещение самых разных аспектов культуры играет важную структурообразующую роль. Об этом свидетельствуют ее книги и статьи,

но в особенности специально посвященные этой проблематике («Кризис античной культуры», 1975; «Социальные основы религии древнего Рима», 1987; разделы для «Культуры древнего Рима», 1985).

В творчестве Е. М. Штаерман счастливо сочетаются широта мысли, вкус к теоретическим проблемам и скрупулезная работа с самыми разнообразными источниками на основе нестандартных ею выработанных подходов; строгий академизм научных выводов и сопряженность их с самыми волнующими вопросами современности, сколь бы отдаленными они ни казались вначале. И сегодня из-под пера Елены Михайловны выходят и главы I тома «Истории Европы» (1988), посвященные Римской империи, в которых суммируются новые, достигнутые уже современным антиковедением результаты, и работы на остродискуссионные темы зарождения и развития государства в Риме, и оригинальные конкретные исследования — разделы «Эллинизм в Риме» и «Судьбы римского крестьянства» для коллективных монографий.

* * *

Государственная премия СССР за 1987 г. присуждена видному советскому востоковеду доктору исторических наук Магомеду Абдул-Кадировичу Дандамаеву за цикл работ по социально-экономической и политической истории Ирана и Месопотамии: монографии «Иран при первых Ахеменидах» (М., 1963), «Рабство в Вавилонии» (М., 1974), «Культура и экономика древнего Ирана» — в соавторстве с В. Г. Луконым (М., 1980), «Вавилонские писцы» (М., 1983), «Политическая история Ахеменидской державы» (М., 1985).

Капитальные исследования М. А. Дандамаева, которые велись в течение многих лет и получили признание мировой научной общественности, посвящены изучению одного из важнейших периодов истории древней Передней Азии — Месопотамии и Ирана в VII—IV вв. до н. э. Труды М. А. Дандамаева дают всестороннюю картину политической истории, социально-экономических институтов и культурных традиций Ирана и Месопотамии, основанную на тщательном исследовании огромного числа клинописных текстов и античных источников. Цикл работ М. А. Дандамаева представляет собой крупный вклад в изучение социально-экономической истории и культуры древнего Востока и антиковедения в целом.

В своих работах, оригинальных и глубоких, М. А. Дандамаев выясняет процессы возникновения культурно-исторического единства на огромной территории от Египта до Северо-Западной Индии и Средней Азии, творческого общения десятков различных народов, обмена культурными и техническими достижениями, исследует уровень грамотности населения, методы школьного обучения, архивное дело, проследживает судьбы отдельных людей и целых семей на протяжении ряда поколений, их повседневную жизнь и быт, культурные традиции и пути их последующего заимствования европейской цивилизацией. Особое внимание в книгах уделено выяснению механизма функционирования экономической системы, изучения административного устройства и многообразных социальных институтов, рассмотрению влияния экономического базиса на формирование социальных структур и процессов обратного воздействия политических и идеологических представлений на экономическую структуру общества. В целом труды М. А. Дандамаева — своего рода энциклопедия клинописной цивилизации. Эти книги получили признание не только в нашей стране, но и в мировой науке: на них опубликованы десятки положительных рецензий в зарубежных журналах. Книга «Иран при первых Ахеменидах» была переведена и издана в 1973 г. в Иране на персидском языке, в 1976 — в ФРГ на немецком. В 1984 г. в США вышло расширенное издание на английском языке книги М. А. Дандамаева «Рабство в Вавилонии», где учтены все новые источники и научная литература со времени выхода первого издания. В настоящее время издательство Академии наук ГДР осуществляет перевод книги «Политическая история Ахеменидской державы» на немецкий язык. В Италии и Японии готовится издание книги «Вавилонские писцы» в переводах на английский и японский языки. В Англии готовится издание книги «Культура и экономика древнего Ирана».

Широкое международное признание трудов известного советского ученого выразилось также и в том, что М. А. Дандамаев был избран в 1984 г. почетным членом Американского Восточного общества, членом Французского Центра клинописной информации, Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока, членом Венгерского общества классических древностей. В 1976 г. за книгу «Иран при первых Ахеменидах» Французская Академия надписей и изящной словесности присудила М. А. Дандамаеву свою международную премию.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОНОВ — ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР ЧИКАГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

18 марта 1988 г. крупнейшему советскому востоковеду, историку, филологу и лингвисту, главному научному сотруднику Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, доктору исторических наук Игорю Михайловичу Дьяконову были вручены в Чикагском университете диплом и мантия почетного доктора гуманитарных наук.

Восточный институт этого университета — весьма авторитетное в мире научное учреждение в области истории и филологии древнего Ближнего Востока. Именно этот институт издает монументальный «Чикагский словарь ассирийского языка», без которого в настоящее время немыслима работа ассириолога. Поэтому и высокие почетные звания, присуждаемые Чикагским университетом за достижения в области ассириологии, египтологии, семитологии, иранистики и т. п., считаются наиболее престижными.

В своей вступительной речи проф. Дж. Грегг (он был еще студентом, слушавшим лекции И. М. Дьяконова в 1963 г., когда Игорь Михайлович был «визитинг-профессором» в Чикагском университете), сказал: «Проф. И. Дьяконов — один из крупнейших и наиболее разносторонних исследователей древнего Ближнего Востока в наше время. Под его руководством и влиянием воспитано целое поколение советских ученых, работающих в этой области науки. А для научного мира в целом результаты его работы, не имеющей равных по качеству и разнообразию, выразились в монументальных изданиях текстов и исследовательских монографиях, оказавших большое влияние на ход изучения истории и языков древнего Ближнего Востока...».

В дипломе о присвоении И. М. Дьяконову почетной ученой степени отмечается, что эта степень вручена ученому, который возродил ассириологическую науку в Советском Союзе и действовал как связующее звено между советской и западной наукой, человеку, чьи исторические, социально-экономические, филологические и лингвистические исследования не имеют равных как по широте охвата, так и по качеству.

Эти характеристики научных заслуг Игоря Михайловича Дьяконова вполне заслуженны. Нет ни одной отрасли классического востоковедения (к перечисленным выше необходимо прибавить создание поэтических переводов, великолепных по точности и литературным достоинствам), в которой он не создал бы работ, обозначивших собой этапы развития науки. Почти два десятка его монографий, начиная с первой, вышедшей без малого 40 лет назад, сразу же стали и до сих пор остаются настольными книгами и незаменимыми пособиями для всех, кто работает в соответствующей отрасли исследований. Точно так же более чем 200 опубликованных им статей сохраняют и еще долго будут сохранять свою научную ценность.

У И. М. Дьяконова — десятки учеников и еще больше продолжателей его дела, почитателей его таланта в нашей стране и во многих других странах мира. Игорю Михайловичу удалось сохранить юношескую любознательность, стремление воспринимать все новое, и это в сочетании с огромной эрудицией и опытом, накопленным за полвека научных занятий, делает его общепризнанным главой своего рода «невидимого колледжа» — неформального объединения ученых-востоковедов разных возрастов и всех рангов. Творческая атмосфера этого «колледжа», дух служения только научной истине, свободной дискуссии и равноправного товарищества без различия возраста и чина, сказывается и на индивидуальных работах этого «колледжа», на возникших благодаря этому редкому сочетанию коллективных работах — таких, например, как трехтомная «История древнего мира» и «Сравнительно-исторический словарь афразийских языков». «История древнего мира» выходила в свет уже дважды. Сейчас печатается ее третья, исправленное и дополненное издание, а также готовится к выходу в свет в США ее английский перевод. Намечено также и американское издание «Сравнительно-исторического словаря», к работе над которым изъявили желание присоединиться многие крупные зарубежные ученые.

У нас не существует «индекса цитирования», как в естественных науках. Но каждый, кто занимается древним Ближним Востоком, знает, что И. М. Дьяконов, по самой скромной оценке — один из наиболее цитируемых авторов. Влияние его идей велико и плодотворно. Международное признание его заслуг выразилось в избрании И. М. Дьяконова почетным членом Британской академии, Британского Королевского общества, Американской Академии Наук и искусства, Американского Востоковедного общества, Французского Востоковедного общества, ряда других национальных научных обществ и международных научных организаций. Можно сказать, что творческий путь И. М. Дьяконова — заметное явление в науке и культуре, его разносторонняя научная деятельность — важный этап в отечественной и мировой ориенталистике.

Редакция ВДИ сердечно поздравляет Игоря Михайловича Дьяконова с новым международным признанием его заслуг в развитии востоковедения и желает ему доброго здоровья и новых трудов, которые, несомненно, обогатят нашу науку.

АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ СССР И ЕЕ ЗАДАЧИ

21 апреля 1988 г. Отделение истории АН СССР приняло решение о воссоздании Ассоциации антиковедов СССР. Был учрежден оргкомитет, которому поручили на основе типового устава АН СССР разработать Положение об Ассоциации антиковедов СССР.

В результате проведенной оргкомитетом работы 8 июня 1988 г. состоялось организационное заседание ассоциации, на котором присутствовали представители различных учреждений Москвы, Ленинграда и ряда других городов. Сроком на 5 лет были избраны: президентом — Е. С. Голубцова, ученым секретарем — Е. В. Ляпустина, избрано также бюро сроком на 1 год в следующем составе: С. С. Аверинцев, Ю. В. Андреев, Г. М. Бонгард-Левин, Г. С. Кнабе, Г. А. Кошеленко, Л. П. Маринович, И. Л. Маяк, А. В. Подосинов, И. С. Свенцицкая, В. Н. Ярхо.

Принят устав ассоциации, согласно которому основными целями и задачами ассоциации являются: всемерное содействие развитию советской науки в области антиковедения и привлечение ученых к решению актуальных научных проблем древней истории и культуры; популяризация достижений отечественной науки о древности; оказание научной и методической помощи в постановке преподавания античной истории в высшей и средней школе; осуществление научных связей со специалистами зарубежных стран.

В соответствии с этими задачами предполагается проводить всесоюзные конференции и научные заседания по актуальным проблемам антиковедения, привлекая также ученых из зарубежных стран, обмениваться литературой, готовить совместные труды, публиковать сообщения о своих заседаниях на страницах журнала «Вестник древней истории». Членами ассоциации могут быть как отдельные лица, так и коллективы — вузы, институты, музеи, библиотеки, а также их подразделения, содействующие развитию деятельности ассоциации.

На заседании было выдвинуто предложение о целесообразности вступления ассоциации антиковедов СССР в Международную Ассоциацию классических исследований (ФИЭК). Вновь избранным органам ассоциации было поручено составить план работы и рассмотреть его на общем собрании осенью 1988 г., а также разослать всем антиковедам СССР приглашение вступить в члены ассоциации и принять активное участие в ее работе.

На том же заседании был заслушан доклад главного редактора «Вестника древней истории» Г. М. Бонгард-Левина об основных направлениях и задачах работы журнала.

Е. С. Голубцова

ПРИЛОЖЕНИЕ

PALAEOPHATI DE INCREDIBILIBUS

ПАЛЕФАТ О НЕВЕРОЯТНОМ

Перевод с древнегреческого и комментарии
В. Н. Ярхо

XX. О СКИЛЛЕ*

Говорят о Скилле, что было в Тиррении некое чудовище — до пупа женщина, остальное тело — змеиное, а от поясицы росли собачьи головы³⁹. Представить себе такое создание природы — огромная глупость. Истина же вот в чем.

* Окончание. Начало см. ВДИ. 1988. № 3. С. 216—237.

³⁹ Наиболее раннее описание Скиллы — *Гом.* Од. XII. 85—100, где она изображена чудовищем с шестью головами и двенадцатью лапами. Представление о Скилле, у которой верхняя половина тела — женская, а от пояса растут псы, у Овидия (*Метам.* 730—733), и в схолиях к «Государству» Платона (IX. 588 с.). Здесь же она названа дочерью Тиррена, — вероятно, потому, что Скиллу часто локализовали в Мессанском проливе (между Сицилией и Италией; на итальянском берегу был даже город Скиллей), который соединяет Сицилийское море с Тирренским. Облик Скиллы, в котором соединяются женщина, рыба и шесть песьих голов, — у Гигина (фаб. 125.14).

Были у тирренцев корабли, которые плавали вокруг Сицилии и по Ионийскому заливу. И была тогда среди них быстроходная триера под названием Скилла⁴⁰ — так и было написано на носу. Эта триера, часто захватывая другие корабли, вымогала себе съестные припасы, и много о ней было разговоров. От этого-то корабля бежал Одиссей, воспользовавшись сильным попутным ветром, и на Коркире рассказал Алкиною⁴¹, как его преследовали и как он избежал опасности, и расписал вид этого судна. Потом присочинили миф.

XXI. О ДЕДАЛЕ

Говорят, что Дедал изготовлял статуи, которые сами собой передвигались⁴². Мне представляется невозможным, чтобы изображения ходили сами собой. Истина здесь в следующем.

Мастера, которые тогда изготовляли статуи и изображения людей, делали их с плотно сомкнутыми ногами и с руками, прижатыми к телу. Дедал же первым сделал статую, выставившую вперед одну ногу. По этому люди и говорили: «Дедал заставил эту статую идти, а не сделал стоящей на месте», как и теперь мы говорим: «Нарисованы эти люди сражающимися» и «кони — скачущими», и «корабль — терпящим крушение». Так и про него говорили, что он делал статуи идущими.

XXII. О ФИНЕЕ

Про Финей повествуют, что Гарпии уносили у него еду, некоторые же полагают, что это были крылатые чудовища, расхищавшие пищу со стола Финей⁴³. Истина же вот в чем.

Финей был царем в Пеонии⁴⁴. В старости он утратил зрение, а сыновья его умерли. Были у него две дочери — Эрасия и Гарпирея⁴⁵ <...>, они проматывали его состояние. Итак, граждане говорили: «Несчастный Финей: Гарпии отравляют ему жизнь». Зет и Калаис, сыновья Борея (человека, не ветра), будучи согражданами Финей⁴⁶, жалели его и пришли к нему на помощь: они изгнали из города его дочерей и, собрав вместе его деньги, назначили их распорядителем какого-то фракийца.

⁴⁰ Вслед за Палефатом считал Скиллу тирренской триерой Иоанн из Антиохии (FHG. IV. 539). Иначе объяснял миф о Скилле более поздний, чем Палефат, рационалист — Гераклит (гл. II). В его изображении Скилла была прекрасной гетерой, жившей на острове в окружении шести прожорливых и псообразных прихлебателей, вместе с которыми она поедала чужеземцев.

⁴¹ О локализации феаков на Коркире см.: Фукидид. I.25.4; ср. также *Аполл. Род.* IV. 982—998; *Аполлод.* I.9, 25; *Страбон*, VI.269; VII.299 (отождествление Коркиры с гомеровской Схерией).

⁴² См. *Еврипид.* Гекуба. 838 и схолия, в которых содержатся отсылки к его недошедшей трагедии «Еврисфей», фр. 373, и к афинским комедиографам Кратину (фр. 74) и Платону (фр. 188). Ср. также у философа Платона (Менон, 97d—e) и у Диодора Сицилийского (IV.76.2).

⁴³ См. *Аполл. Род.* II. 178—193; *Аполлод.* I.19.21.

⁴⁴ Пеония — область в Северной Македонии. Обычно, однако, Финей считается царем Салмидесса, на фракийском побережье Черного моря.

⁴⁵ Здесь Феста предполагает лакуну: «У варваров их обоих звали Гарпиями». Ср. ниже, где употреблено имя Гарпий. О небольших расхождениях в варварских и греческих именах собственных см. гл. XXXVII.

⁴⁶ По обычной версии Калаис и Зет приплыли в Салмидесс вместе с аргонавтами и прогнали Гарпий. См. прим. 43.

О Местре, дочери Эрисихфона ⁴⁷, говорят, что она меняла свою внешность, когда хотела. Смехотворная история! Разве возможно, чтобы девушка обратилась в корову, а потом в собаку или птицу? Истина же вот в чем.

Эрисихфон был фессалийцем: растратив свое имущество, он стал бедняком. И была у него красивая и цветущая дочь по имени Местра. Кто бы ее ни видел, страстно в нее влюблялся. В те времена люди не сватали себе невест за деньги, а давали кто лошадей, кто волов, кто овец и коз или что еще пожелает Местра. Фессалийцы, видя, как собираются у Эрисихфона средства к существованию, говорили: «От Местры получаются у него и конь, и вол, и все прочее». Откуда и присочинили миф.

XXIV. О ГЕРИОНЕ

Про Гериона говорят, что он о трех головах. Однако невозможно, чтобы у одного тела были три головы. Было на самом деле вот что.

На Евксинском понте есть город, называемый Трехглавие ⁴⁸. Среди людей того времени Герион был очень известен, выделяясь богатством и всем прочим. Имел он и удивительное стадо коров, — за ним пришел Геракл и убил Гериона, пытавшегося оказать ему сопротивление. Видевшие, как Геракл гнал по всему свету коров, очень дивились, ибо ростом они были малы, а от головы до крестца длинны и горбаты, безрогие, но с крупными и широкими бедрами. Итак, отвечая на вопросы, люди стали говорить: «Это Геракл гонит по свету коров, принадлежавших Гериону из Трехглавия». И кто-то понял эти слова так, что у Гериона было три головы.

XXV. О ГЛАВКЕ, СЫНЕ СИСИФА

Говорят, что и он ⁴⁹ был растерзан лошадьми, но при этом не понимают того, что, держа лошадей, делая ради них большие расходы и несколько не заботясь о домашних делах, он совсем сошел на нет и лишился жизни.

XXVI. О ГЛАВКЕ, СЫНЕ МИНОСА

И эта история совершенно смехотворная. Будто бы Главк умер, утонув в бочке с медом, а Минос поместил вместе с ним в гробнице сына Керана Полиида, происходившего из Аргоса, потому что тот видел, как одна змея воскресила другую, приложив к ней травы. То же самое проделал Полиид с Главком и вернул его к жизни ⁵⁰. Это, однако, невозможно,

⁴⁷ История фессалийца Эрисихфона, наказанного вечным голодом за порубку священного дерева Деметры, и его дочери Местры, способной изменять свое обличье, была известна уже Гесиоду — см. фр. 43 (а—с) MW. Об Эрисихфоне, вне связи с Местрой, — у Каллимаха (Гимн Деметре. 24—115); соединение обеих версий — Овидий. Метам. 739—874.

⁴⁸ Ни в каких других источниках такой город не засвидетельствован.

⁴⁹ См. вступительную статью. По содержанию гл. XXV примыкает к гл. VII, но кем-то из переписчиков была, вероятно, перенесена сюда, чтобы три рассказа о трех Главках следовали один за другим. Несмотря на достаточно отрывистое изложение, можно сопоставить этот рассказ со свидетельствами Вергилия (Георг. III. 267 сл. с коммент. Сервия) и Гигина (фаб. 250; 273, 11). О Главке была трагедия у Эсхила (фр. 36—42 а R).

⁵⁰ Ср. *Аполлод.* III.3. 1; *Гигин.* фаб. 136. Сюжет получил обработку у Софокла (фр. 389 а — 400 R) и Еврипида (фр. 634—646 N).

чтобы змея воскресила умершего человека, да и никакому другому существу это не под силу. Произошло же что-то в таком роде.

Напившись меда, Главк испортил себе желудок, так что произошло разлитие желчи и он лишился сознания. Пришли всякие врачи в надежде заработать деньги и среди них Полиид, знавший какую-то целебную траву, — научил его пользоваться ею некий врач по имени Дракон. Применяв эту траву, Полиид вылечил Главка, когда тот был уже почти при смерти. И вот стали говорить люди: «Главка, опившегося до смерти медом, воскресил Полиид с помощью травы, о которой узнал от Дракона». На основании этого поэты сочинили миф.

XXVII. О МОРСКОМ ГЛАВКЕ

И про этого Главка говорят, что, отведав как-то травы, он стал бессмертным и теперь живет в море⁵¹. Однако совершенно нелепая история, будто один только Главк мог напасть на такую траву и чтобы человек или любое земноводное существо могло жить в море, коль скоро какое речное животное не может жить в море и, напротив, обитатели моря — в реке. Истина же вот в чем.

Главк был рыбаком, родом из Анфедона⁵², и к тому же ныряльщиком, превосходившим в этом искусстве остальных. Нырял он в гавани, на глазах у горожан и, нырнув в каком-нибудь месте, скрывался из поля зрения своих земляков на несколько дней; потом, снова нырнув, он показывался на поверхности воды. Когда его спрашивали, где он провел столько дней, Главк говорил: «В море». И наловив рыбы и заперев ее в садках, он зимой, когда никто из рыбаков не мог наловить рыбы, спрашивал у граждан, какую рыбу добыть им по их желанию, и доставлял, какую они хотели. Потому и прозвали его морским Главком, как и сейчас зовут горным того человека, который живет в горах и является хорошим охотником. Так и Главка, проводившего большую часть времени в море, прозвали морским Главком. Он погиб, встретившись с морским чудовищем, и так как больше не появлялся на поверхности моря, люди выдумали, что и до сих пор он живет в море, проводя там остаток жизни.

XXVIII. О БЕЛЛЕРОФОНТЕ

Говорят, что Беллерофонта носил крылатый конь Пегас. Мне же представляется, что никогда не мог существовать такой конь, даже если бы он позаимствовал все крылья у птиц. Если бы когда-нибудь и было такое животное, оно существовало бы и теперь. Еще говорят, что Беллерофонт сразил Амисодару Химеру⁵³. А была та Химера

Среди львом, сзади змеей и козой посредине⁵⁴.

⁵¹ См. *Овидий*. *Метам.* XIII. 916—963. «Морской Главк» Эсхила (фр. 25с — 31R) был скорее всего драмой сатиров. См. *Ярхо В. Н.* О папирусных фрагментах сатирических драм Эсхила // ВДИ. 1959. № 4. С. 148—152.

⁵² Поселение на побережье Евбеи, на берегу Еврипа.

⁵³ О борьбе Беллерофонта с Химерой сообщает уже «Илиада» (VI.179—183), хотя и не упоминает в этой связи Пегаса. Все более поздние источники связывают победу над Химерой с помощью, оказанной Беллерофонту Пегасом: *Гесиод*. Теог. 321—325; *Пиндар*. Ол. XIII. 63—65; 84—90; *Аполлод.* II.3. 1—2; *Гигин*. Фаб. 57. Химера, по Гесиоду (Теог. 319 сл.), порождена Тифоном и Ехидной; Амисодар же, карийский царь, ее выкормил (*Гом.* Ил. XVI. 328 сл.).

⁵⁴ *Гом.* Ил. VI.181.

Некоторые полагают, что это было чудовище о трех головах на одном теле. Однако невозможно, чтобы змея, лев и коза употребляли одинаковую пищу. И глупо думать, чтобы существо, смертное от природы, выдыхало огонь. А какой из трех голов соответствовало тело? Истина же вот в чем.

Беллерофонту, коринфянину благородного происхождения, пришлось стать беглецом⁵⁵. Построив большой корабль, он грабил прибрежные земли и разорял их. Название же его корабля было Пегас (как и теперь у каждого корабля есть свое название; и на мой взгляд, имя Пегас больше подходит кораблю⁵⁶, чем коню). У реки Ксанф на какой-то высокой горе жил царь Амисодар; к горе примыкал Телмисский лес, а на самую гору были два пути: один спереди, из города ксанфиев, другой сзади, из Карики. Среди высоких крутых утесов есть глубокая пропасть, из которой вырывается огонь. Название же этой горной местности — Химера. И вот, как рассказывают местные жители, тогда случилось так, что на передней дороге жил лев, на задней — Дракон, которые похищали дровосеков и пастухов. Тогда пришел Беллерофонт, гору поджег, Телмисский лес спалил и чудовищ погубил. Итак, местные жители стали говорить: «Явившись со своим Пегасом, Беллерофонт сгубил Амисодарову Химеру». Такие произошли события, к которым присочинили миф.

XXIX. О ПЕЛОПЕ И ЕГО КОНЯХ

Говорят, что Пелоп явился в Пису на крылатых конях, чтобы просватать за себя Гипподамию, дочь Эномаю⁵⁷. Я же по этому поводу утверждаю то же самое, что о Пегасе. Эномай, если бы он знал, что у Пелопа крылатые кони, не позволил бы своей дочери взойти к нему на колесницу. Итак, следует говорить, что Пелоп прибыл на корабле, на борту которого было написано «Крылатые кони»; похитив девушку, он бежал вместе с нею⁵⁸. И люди стали говорить, что Пелоп, похитив дочь Эномаю, бежал на крылатых конях. Потом присочинили миф.

XXX. О ФРИКСЕ И ГЕЛЛЕ⁵⁹

Про Фрикса повествуют, что баран предсказал ему намерение отца принести их обоих в жертву. Тогда Фрикс вместе со своей сестрой сели верхом на барана и через Эгейское море прибыли (на берег) Евксинского понта, проделав весь путь за три или четыре дня. Однако невероятно, чтобы баран плыл быстрее корабля, да к тому же обремененный двумя людьми. И откуда бы взялись еда и питье для него самого и для его ноши (не могли же они, конечно, провести столько времени без еды)? Затем, говорят, барана, который указал Фриксу путь спасения и сам же его спас, он заколол, содрал с него шкуру и отдал Эту⁶⁰, который тогда царствовал в тех местах, в качестве дара, сватаясь за его дочь. Смотри только, как цеп-

⁵⁵ О нечаянном убийстве, совершенном Беллерофонтом, — *Аполлод.* II.3.1—2; сх. Пеца к Ликофрону. 17; сх. к Ил. VI. 155.

⁵⁶ Имя Пегаса Палефат, как видно, сближает с глаголом *πήγνυμι* — «колотить, приколачивать».

⁵⁷ *Пиндар.* Ол. I. 67—87.

⁵⁸ Связное изложение истории сватовства Пелопа — *Аполлод.* Эпит. II. 3—9.

⁵⁹ Изложение мифа о бегстве Фрикса и Геллы — *Диод. Сиц.* IV.47; *Аполлод.* I, 9.1.

⁶⁰ Сход. к «Облакам» Аристофана. ст. 257; *Гигин.* Фаб. 3.

ны были тогда овечьи шкуры, что царь взял руно как выкуп за свою собственную дочь! Или он считал, что ничего другого дочь его недостойна? Поэтому некоторые, желая избежать такого смехотворного вывода, говорят, что шкура была эта золотой. Но если шкура и была золотой, не следовало царю принимать ее от чужеземца. Говорится, что и Ясон ради этого руна снарядил «Арго» с самыми доблестными героями из эллинов⁶¹. Однако и Фрикс не был настолько неблагодарен, чтобы убить своего благодетеля, и не поплыл бы «Арго» за этим руном, даже если бы оно было бриллиантовым. Истина же состоит вот в чем.

Афамант, сын Эола, внук Эллина, царствовал во Фтии, и при нем был человек, попечитель его имущества и власти, которого он считал самым верным и очень высоко его ценил. Имя же этому человеку было Баран⁶². Когда умерла жена Афаманта, он, уже будучи стариком, передал власть Фриксу⁶³ <...> Узнав об этом, Баран Афаманту ничего не сказал, а обратился к Фриксу, советуя ему вырваться из этой земли. Сам он снарядил корабль, погрузив на него то, чем Афамант особенно дорожил, и наполнив его всяким добром и сокровищами. Среди них было золотое изображение, которое мать Метропа⁶⁴, дочь Гелиоса (имя ее было Ко), сама сделала в свой рост за собственный счет (статуя была из сплошного золота, и слава об этом шла повсюду). Итак, Баран взял на корабль все это, и Фрикса, и Геллу, и отплыл. Во время плавания Гелла заболела и умерла (ее именем и был назван Геллеспонт). Баран же и Фрикс, прибыв к Фасису, живут здесь, и Фрикс женится на дочери царя колхов Ээта, дав в качестве свадебного подарка золотое изображение Ко. Впоследствии, после смерти Афаманта, Ясон плывет на «Арго» за этой золотой статуей Ко, а не за шкурой барана. Вот какова истина.

XXXI. О ДОЧЕРЯХ ФОРКИСА

И о них передают совершенно смехотворную историю, что у Форкиса были три дочери, которые имели один глаз на троих и пользовались им по очереди⁶⁵. Та, которой приходил черед,ставляла его в голову и так им смотрела. И таким образом, передавая глаз одна другой, все они смотрели. И вот Персей, подойдя к ним сзади тихими шагами и взяв их глаз, сказал, что не отдаст его, если они не скажут, где находится Горгона.

⁶¹ Наиболее подробное изложение мифа о походе Ясона — «Аргонавтика» Аполлония Родосского.

⁶² Как сообщает схолий к *Аполл. Род.* I. 256, уже Гекатей знал о том, что баран Фрикса был наделен человеческой речью (ἑλάλησεν); другие же передавали, что Фрикс плыл на корабле, украшенном головой барана (κροπρωρον σκῆφος). Версию Палефата о том, что Крий был воспитателем Фрикса, находим у Дионисия Скитобрахиона (вероятно, II в. до н. э.), — может быть, она была тоже у Гекатея? См. также *Диод. Сиц.* IV. 47.5.

⁶³ По традиционной версии Афамант женился второй раз на Ино, которая пыталась известить его детей от первого брака, — см. *Аполлод.* I. 9.1; *Гигин.* Фаб. 2. В лакуне, отмеченной <...>, как раз и должен был содержаться рассказ о злоумышлении Ино против детей Афаманта от первого брака.

⁶⁴ Μέροπος — конъектура Фесты, Πέλοπος — в рукописи Мероп был царем о-ва Кос, и имя Ко (Κῶς) носила его дочь, а не мать. Либо в рукописи что-нибудь напутано, либо Палефат привлекает ближе неизвестную родословную.

⁶⁵ *Эсхил.* Пром. 794—797. По традиционной версии, Форкиды (или Граи), дочери Форкиса и Кето, являлись вечными старухами, сторожившими путь к своим сестрам Горгонам. Звали их Энио, Пефредо и Дио. Персей, отобрав у них единственный глаз и зуб, узнал таким образом путь к нимфам, которые снабдили его для борьбы с горгоной Медузой крылатыми сандалиями и шапкой-невидимкой. См. *Гесиод.* Теог. 270—273 (две дочери Форкиса); *Аполлод.* I. 2, 6; II.4.2; *Овидий.* Метам. IV. 774—777.

(Так, по крайней мере, говорят.) А он отрубил ей голову, явился на Сериф и, показав голову Полидекту, превратил его в камень. И это тоже смешотворно, чтобы живой человек, увидев голову мертвого, окаменел. Что это за сила у мертвеца? Произошло же что-то в таком роде.

Форкис был кернейцем, а кернейцы по происхождению эфиопы и живут на острове Керне за Геракловыми Столпами⁶⁶; они возделывают землю у Ливии, у реки Анноны вблизи Карфагена и очень богаты.

Итак, наш Форкис был царем на трех островах за Геракловыми Столпами. Он изготавливает золотую статую Афины размером в четыре локтя. Кернейцы же зовут Афины Горгоной, как фракийцы Артемиду — Бендидой, критяне — Диктинной, спартапцы — Уцией⁶⁷. И вот Форкис умирает, прежде чем поставить статую в храме. Остались после него три дочери — Сфено, Евриала и Медуза⁶⁸. Они не захотели ни за кого выходить замуж, а поделили имущество, и каждая царствовала на одном острове. Горгону же они решили не посвящать в храм и не поделить, но по очереди держали ее у себя в качестве сокровища. Между тем у Форкиса был друг, благородный и достойный человек, и сестры во всяком деле доверяли ему как собственному глазу. Персей же, бежав из Аргоса⁶⁹, стал грабить, рыская по морям с небольшими кораблями и какой-то свитой. Узнав от нее, что существует такое царство во главе с женщинами и к тому же очень богатое золотом и бедное мужами, он является туда. И прежде всего, встав на якорь в проливе между Керной и Серпедонией⁷⁰, Персей захватывает Глаз, плывущий от одной девушки к другой. Тот сообщает Персею, что у них нечего взять достойного упоминания, кроме Горгоны, и называет количество пошедшего на нее золота. Сами же девушки, когда Глаз не явился по договоренности в свою очередь, сошлись вместе и стали обвинять одна другую. И так как каждая отрицала, что задержала его у себя, стали недоумевать, что бы такое могло случиться.

В это время подплывает к ним, собравшимся вместе, Персей и говорит, что он держит у себя Глаз и не отдаст им его, если они не укажут, где находится Горгона. Вдобавок он еще угрожает убить их, если откажутся отвечать. И вот Медуза сказала, что не покажет местонахождение Горгоны, а Сфено и Евриала показали. Тогда Медузу Персей убивает, а оставшимся отдает Глаз. Получив Горгону, он разрубил ее на части. Снарядив триеру, он погрузил на нее голову Горгоны, а корабль назвал «Горгона». На этом корабле он объезжал острова и требовал у местных жите-

⁶⁶ Существование о-ва Керны за Геракловыми Столпами подвергал сомнению Страбон, полемизируя с Эратосфеном (I.47). Помимо этого, Ливия и Карфаген несомненно находятся по эту сторону Гибралтара, не говоря уже об эфиопах, которых греки локализовали на востоке Африки — в Египте и Аравии. Что касается реки Анноны, то она возникла, по-видимому, из имени Ганнона, карфагенянина, совершившего в начале V в. путешествие вдоль западного берега Африки и оставившего его описание. В целом география в этой главе — весьма путаная.

⁶⁷ Культовые прозвища Артемиды засвидетельствованы и другими источниками: Бендиды — Лук. Зевс траг. 8 и схол.; Диктинна — Евр. Иф. Тавр. 126 сл.; Арист. Ляг. 1356—1360; Каллим. Гимн Артем. 205; Диод. Сиц. V. 76.3; Уция — Каллим. Гимн Артем. 204, 240. Отождествление же Афины с Горгоной легко выводится из того, что голова Горгоны обычно считалась украшением щита Паллады.

⁶⁸ Обычно это имена Горгон.

⁶⁹ О бегстве Персея из Аргоса из других источников ничего не известно. Вероятно, Палефат домыслил этот эпизод на основании сообщения о том, что Персей, нечаянно убив Акрисию, поменялся царством с Мегаренфом, отдав ему Аргос и взяв Тиринф. Ср. Павс. III. 15.4; 16. 3; Аполлод. II. 4.4.

⁷⁰ *Σαρπεδονίας* — конъектура Фесты; в рукописи *Σαρδοίος*. Феста имел в виду, очевидно, остров в Атлантическом океане, упоминаемый Геродианом, Судой и Зенобием.

лей деньги, а если кто не давал, тех убивал. Так он стал требовать деньги и у жителей Серифа ⁷¹, приплыв к ним. Они попросили у него несколько дней сроку, чтобы собрать деньги, и, свезя на агору камни ростом с людей, установили их там, а сами покинули остров. Когда Персей приплыл снова за требуемыми деньгами и явился на агору, он не нашел там ни единого человека, а только камни в человеческий рост. Итак, когда другие островитяне не хотели давать ему денег, Персей говорил: «Смотрите, как бы с вами не произошло то же, что с серифянами: ведь они превратились в камни, взглянув на голову Горгоны».

XXXII. ОБ АМАЗОНКАХ

И про амазонок я утверждаю следующее: это были не воинственные женщины, а мужчины-варвары, которые носили хитоны до пят, как фракиянки, на головах — митры, а бороды сбрасывали, как и теперь патариаты, живущие у Ксанфа ⁷². Поэтому враги и звали их бабами. Вообще же амазоны были племенем доблестным в сражениях. А чтобы когда-нибудь существовало женское войско, невероятно, и сейчас нигде такого нет.

XXXIII. ОБ ОРФЕЕ

Лживая история и то, что рассказывают про Орфея, будто [звери, и пресмыкающиеся, и птицы, и] ⁷³ деревья следовали за ним, когда он играл на кифаре. Я думаю, дело обстоит следующим образом.

В Пиерии безумствующие вакханки разрывали на части мелкий скот и творили много всяких насилий, а потом направлялись на гору и там проводили дни. Пока они там оставались, граждане, боясь за жен и дочерей, послали за Орфеем и просили его придумать какой-нибудь способ, чтобы увести вакханок с горы. Принеся Дионису священную жертву, он игрой на кифаре совлек вакханок вниз. Только тогда они стали спускаться с горы, неся в руках нарфеки и ветви от различных деревьев. Когда люди смотрели на это, им показалось удивительным, что движутся деревья, и стали говорить: «Орфей игрой на кифаре и лес с горы ведет». Из этого и сочинили миф.

XXXIV. О ПАНДОРЕ

Невыносима история о Пандоре, что, будучи вылеплена из земли ⁷⁴, она и всех остальных наделила таким обликом. Я в это не верю. Пандора была эллинской женщиной, очень богатой, и когда выходила из дома, украшалась и сильно мазалась растертой землей. Ведь именно она придумала мазать этим кожу (как и теперь делают многие женщины; из-за частого употребления никто этому не придает значения). Вот как обстоит дело, а ее история граничит с бессмыслицей.

⁷¹ По традиционной версии на о-в Сериф вынесло ларец с заключенными в него Данаей и Персеем. Выросшему Персею царь Серифа Полидект дал поручение доставить ему голову горгоны Медузы, рассчитывая, что Персей погибнет при выполнении этого задания. При возвращении с головой Медузы Персей с ее помощью обратил в камень Полидекта и его приближенных. См. *Аполлод.* II. 4.3.

⁷² Переведено по предложению Фесты: *οἱ Παταρίῃται παραξάνθιοι*, хотя название такого племени нигде не засвидетельствовано. Известен город Патара в Ликии, жители которого должны называться, однако, патарейцами (*Παταρείς*).

⁷³ Феста считает, что слова, заключенные в скобках, следует изъять, так как в дальнейшем объясняется только, откуда возник миф о следовавших за Орфеем деревьях.

⁷⁴ *Гесиод.* Теог. 571 сл.; Труды, 60—63.

XXXV. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЮДЕЙ ИЗ ЯСЕНЕЙ

И много других рассказывали нелепостей, в том числе — что первое поколение людей возникло из ясеней. Я же считаю невероятным, чтобы люди возникали из деревьев. На самом деле был какой-то человек по имени Ясень и по нему были названы его сородичи, как эллины — от Эллина и ионийцы — от Иона. Но это племя целиком погибло, и имя его сгинуло. А железных и медных людей вообще никогда не было, но все это пустая болтовня.

XXXVI. О ГЕРАКЛЕ

(Текст испорчен до невразумительности)

XXXVII. О КИТЕ

О Ките говорят, что он являлся к троянцам, выходя из моря, и, если ему на поедание давали девушек, уходил, если же нет — осквернял их землю. Кто, однако, не знает, насколько глупо было бы людям заключать договор с рыбами? На самом деле было вот как.

Некий великий царь наряду с огромным войском владел большим флотом, так что подчинил себе всю береговую полосу Азии; ее жители платили ему форо́с, который называют еще данью. Впрочем, тогда люди употребляли для этого не деньги, а движимое имущество. Одним городам было приказано поставлять коней, другим — быков, третьим — девушек. Имя этому царю было Китон, но варвары звали его Кит. Итак, в назначенное время он объезжал берега, требуя дани, и у тех, кто ее не давал, разорял землю. В Трою он является в то самое время, когда туда пришел Геракл с эллинским войском. Царь Лаомедонт нанимает его помочь троянцам⁷⁵. Китон, высадив войско с кораблей, отправляется в путь. Навстречу ему вышли Геракл и Лаомедонт, каждый со своим войском, и убили его. Так было дело, а к нему присочинили миф.

XXXVIII. О ГИДРЕ

И о Лернейской гидре говорят, что это была змея о пятидесяти головах на одном теле, и когда Геракл сшибал у нее одну голову, взамен вырастали две⁷⁶. И явился-де краб⁷⁷ на помощь Гидре. И тогда Иолай защищает

⁷⁵ По традиционной версии Аполлон и Посидон, воздвигшие стены вокруг Илиона, не получили от Лаомедонта обещанной платы. За это Посидон наслал на Трою морское чудовище (χίτος), похищавшее троянцев. Чтобы откупиться от него, Лаомедонт готов был отдать ему на растерзание собственную дочь Гесиону. Когда же Геракл по договору с Лаомедонтом убил чудовище и освободил девушку, тот снова нарушил обещание и не заплатил Гераклу. Оскорбленный герой пошел походом на Трою, взял ее, убил Лаомедонта и всех его сыновей, кроме одного. См. *Гом.* Ил. V. 640—642, 648—654; *Аполлод.* II. 5. 9; 6. 4; *Диод. Сиц.* IV. 32. 42; *Овидий.* *Метам.* XI. 202—214; *Гигин.* *Фаб.* 89.

⁷⁶ *Аполлод.* II.5. 2; *Гигин.* *Фаб.* 30, 3 — называют 9 голов; *Диод. Сиц.* IV.11. 5 сл. и *Овидий.* *Метам.* IX. 69—74 — увеличивают число голов гидры до 100. Ср. также *Еврипид.* *Геракл.* 419—421, где определение *πεντακεφαλον* не следует понимать буквально, и 1274 сл.; *Квинт Смирн.* VI. 212—219. Трезво мыслящий Павсаний, не отрицая существования Гидры, считает, что у нее была только одна голова, остальное — поэтическая выдумка (II.37. 4).

⁷⁷ *Псевдо-Эратосфен.* Созвездия. 11, со ссылкой на «Гераклею» Паниасида; *Аполлод.* II.5.2.

Геракла, так как и Гидру защищал Краб. Если кто-нибудь верит, будто что-нибудь из этого было на самом деле, тот пустой человек. Смешная картина! И каким образом Геракл, когда он сшибал одну голову, не был съеден остальными и не пострадал от них? Было, конечно, вот что.

Лерн был царем этого места, которое и называлось по его имени. (А жили все люди тогда по деревням, и этим местом и ныне владеют аргивяне.) Города же были тогда такие: Аргос, Микены, Тиринф, Лерна, и над каждым из них был поставлен свой царь. Но все цари подчинялись Еврисфею, сыну Сфенела и внуку Персея, который владел самым большим и многолюдным городом — Микенами. Однако Лерн не захотел ему подчиниться, и из-за этого воевал с ним. Почти у самой границы царства Лерна была у него надежная крепость; ее сторожили пятьдесят храбрых лучников, которые находились на стенах непрерывно день и ночь. Называлась эта крепость Гидра. Итак, Еврисфей посылает Геракла, чтобы разорить крепостцу Гидру, и люди из войска Геракла стали метать огонь в лучников, находившихся на стене. И если один из стрелков, сраженный огнем, падал, на место одного заступали двое, особенно если ранее сраженный был храбрым человеком ⁷⁸. Когда же Геракл стал теснить войной Лерна, тот подрядил себе в помощники карийских наемников, и к нему явился во главе своего войска человек огромного роста и воинственный по имени Краб. Вместе с ним Лерн выступил против Геракла. Затем на помощь Гераклу приходит его племянник Иолай, сын Ификла, с войском из Фив. Подступив к башне, стоявшей перед Гидрой, он ее сжег, и вместе с этим войском Геракл уничтожает Лерна и Краба, Гидру захватывает и войско истребляет. После такого происшествия Гидру изображают змеей и приносят миф.

XXXIX. О КЕРБЕРЕ

Рассказывают о Кербере, что был он псом о трех головах. Однако ясно, что и он был назван по городу Трехглавию, как и Герийон ⁷⁹, ибо говорили люди: «Велик и прекрасен пес из Трехглавия». Еще рассказывают о нем, будто Геракл вывел его из Аида ⁸⁰, — это выдумка. Произошло же что-то в таком роде.

У Герийона при его стадах были огромные молодые псы по кличкам Кербер и Орф. Из них Орфа Геракл убивает в Трехглавии, прежде чем угнать стада, Кербер же следовал за коровами. Некому микенцу по имени Молосс пес очень понравился, и он сначала стал просить Еврисфея отдать ему Кербера. Поскольку Еврисфей не соглашается, Молосс уговаривает пастухов продать ему пса и запирает того в какой-то пещере на Тенаре ⁸¹ в Спарте для продолжения породы и велит пускать к нему сушек. Между тем Еврисфей посылает Геракла на поиски пса. Обойдя весь Пелопоннес, он пришел туда, где, как ему было сказано, находится пес, и, спустившись в пещеру, выводит его наверх. Вот и стали говорить люди: «Проникнув через пещеру в Аид, Геракл вывел оттуда Кербера».

⁷⁸ Автор, по-видимому, хочет сказать, что заменить особо храброго человека могли только двое других.

⁷⁹ См. гл. XXIV.

⁸⁰ Миф известен уже из достаточно ранних источников: *Гом.* Ил. VIII. 366—369; *Од.* XI. 623—626; *Вакхилид.* Эпивик. V. 56—63; *Еврипид.* Геракл. 23—25; 1276—1278.

⁸¹ На Тенарском мысу локализовали один из входов в Аид.

Об Алкестиде рассказывают трагическую историю, что она, когда Адмету пришла однажды пора умереть, предпочла умереть за него и что Геракл из благочестия отнял ее у Смерти и вернул Адмету ⁸². По моему же мнению, никому не под силу сделать так, чтобы умерший ожил. Произошло здесь что-то в таком роде.

Когда Пелия умертвили собственные дочери ⁸³, его сын Акаст преследовал их, желая отомстить им смертью за смерть отца, и захватил всех, кроме Алкестиды. Она бежит в Феры к Адмету, своему двоюродному брату, и так как она села у очага, то Адмет не мог выдать ее Акасту, хотя тот и просил об этом. Акаст, осадив город большим войском, начал его поджигать. Выйдя ночью из города, Адмет натолкнулся на вражескую засаду и был взят в плен. Акаст грозился убить его, если он не выдаст Алкестиду, хотя она и молила о защите. Алкестиды, узнав, что Адмету предстоит из-за нее смерть, вышла из города и отдалась в руки брата. Тогда Акаст Адмета отпускает, ее же берет под стражу. Итак, люди стали говорить: «Отважная женщина Алкестиды: она добровольно согласилась умереть за Адмета». Того же, о чем повествует миф, не было.

Примерно в это же время откуда-то явился Геракл, гоия кобылиц Диомеда ⁸⁴. Его по пути принял как гостя Адмет, который очень горевал о несчастье, постигшем Алкестиду. Чтобы вернуть ее, Геракл нападает на Акаста и уничтожает его войско. Всю добычу он делит среди своего войска, Алкестиду же вручает Адмету. И вот люди стали говорить, что Геракл, оказавшись здесь, вырвал Алкестиду из рук смерти. Вот как это случилось, а миф сочинили.

XLII. О ЗЕТЕ И АМФИОНЕ

О Зете и Амфионе Гесиод и многие другие повествуют, что с помощью кифары они возвели фиванские стены ⁸⁵. Некоторые считают, что пока они играли на кифаре, камни сами по себе поднимались на стены. Истина же вот в чем.

Братья были знаменитыми кифаредами и показывали свое искусство за плату. Денег у людей тогда не было. И вот свита Амфиона стала приказывать людям, если кто хочет их послушать, прийти и потрудиться на строительстве стены. Ибо, конечно, не камни повиновались звукам кифары, слушая ее. Итак, разумно говорили люди, что с помощью лиры была возведена стена.

XLIII. ОБ ИО

Говорят, что Ио из женщины превратилась в корову, и гонимая оводом, прибыла из Аргоса в Египет ⁸⁶. Однако невероятно, чтобы Ио <...> ⁸⁷ и столько дней оставалась без пищи. Истина же вот в чем.

⁸² См. «Алкестиду» Еврипида.

⁸³ Пелий, царь фессалийского Иолка, имел сына Акаста и четырех дочерей. Погиб же он оттого, что Медея уговорила его дочерей погрузить отца в котел с кипящей водой, обещая вернуть ему молодость. См. *Овидий*. Метам. VII. 297—349.

⁸⁴ Убийство Диомеда и угон его лошадей (ср. гл. VII) — восьмой подвиг Геракла.

⁸⁵ Ни в одной из сохранившихся поэм Гесиода, равно как и в фрагментах, на это никаких указаний нет. Первое в хронологическом отношении свидетельство о том, как Амфион приводил в движение скалы игрой на лире, — *Аполл. Род.* I. 735—741. Павсаний (IX. 5. 6—8) относится к этому достаточно критически.

⁸⁶ Древнейшие свидетельства — *Эсхил*. Молящие, 291—324, 538—585; Прометей. 589—611, 673—686, 705—735, 788—815, 846—852.

⁸⁷ Как видно, вышло повествование о маршруте Ио.

Ио была дочерью аргосского царя, которой горожане оказали честь быть жрицей аргивской Геры. Когда она забеременела, то, убоясь отца и граждан, бежала из города. Аргивяне, выйдя на розыски, захватили ее, где нашли, и содержали в темнице. И вот они говорили: «Убегает она, как корова, гонимая оводом» <...>⁸⁸. И, наконец, она отдается на милость каким-то чужеземным купцам и умоляет увезти ее в Египет⁸⁹. Прибыв сюда, она разрешается от бремени. Потом присочинили миф.

XLIII. О МЕДЕЕ

Про Медею говорят, что она делала стариков молодыми, погрузив их в кипящую воду⁹⁰, но не показывает никого, кого бы она сделала молодым, ибо, кого погружала в кипяток, бесповоротно убивала. Происходило же нечто в таком роде.

Медея первой нашла краску меднокрасного и черного цвета, и делала так, что старики из седых становились черноволосыми и с волосами цвета яркой меди; искупав их, она делала так, что их белые волосы становились черными и цвета меди. <Кроме того> Медея первой открыла, какую пользу приносит людям парная баня. Итак, она парила желающих в бане, но втайне, чтобы никто из врачей не научился этому средству, а после парной бани брала клятву с прошедшего ее никому не рассказывать. Поскольку после этого средства люди становились легче весом и здоровей, то другие, видя, как Медея орудует огнем и котлами, поверили, что она кипятит людей. А Пелий, старый человек и больной, умер от горячего пара. Отсюда и пошел миф.

XLIV. ОБ ОМФАЛЕ

Рассказывают про Омфалу, что Геракл находился у нее в услужении⁹¹. Это — нелепая история, ибо скорее он мог господствовать над нею и надо всем ей принадлежащим <...>⁹². Происходило же что-то в таком роде.

Омфала была дочерью лидийского царя Иардана. Услышав про силу Геракла, она притворилась будто любит его. Сойдясь с ней, Геракл был пленен ее страстью, а она родила от него сына. Наслаждаясь Омфалой, Геракл делал все, что она приказывала. Глухие же люди поняли это так, что он находится у нее в услужении.

XLV. О РОГЕ АМАЛФЕИ

Говорят, что Геракл повсюду носил с собой так называемый рог Амалфеи⁹³, из которого по его просьбе появлялось все, что бы ни захотел. Истина же вот в чем.

⁸⁸ Здесь, очевидно, выпало сообщение о том, что Ио пыталась бежать, но ее всякий раз задерживали.

⁸⁹ Ср. *Геродот.* I. 1—3; *Эфор.* Фр. 79.

⁹⁰ См. прим. 83.

⁹¹ По традиционной версии, Геракл был отдан Зевсом в услужение Омфале за то, что убил эхалийского царевича Ифита. — *Софокл.* Трахин. 248—253, 274—280. Ср. также *Диод. Сиц.* IV. 31. 5—8; *Аполлод.* II. 6. 2—3.

⁹² Лакуну постулирует Феста.

⁹³ По традиционной версии Амалфея — либо коза, питавшая своим молоком малютку Зевса, либо нимфа, владевшая этой козой. Рог Амалфеи-козы по воле Зевса стал рогом изобилия. Сообщение об этом было уже у Ферекида — см. *Аполлод.* II. 7. 5. Там же — о том, как рог Амалфеи попал к Гераклу от побежденного им речного бога Ахея.

Находясь вместе с Иолаем, своим племянником, в отлучке из Беотии, Геракл останавливается на отдых в какой-то гостинице в Феспиях, где хозяйкой была женщина по имени Амалфея, очень красивая и пышная. Наслаждаясь ею, Геракл долгое время оставался у нее в гостях, а Иолай, тяжело переживая его увлечение, замышляет украсть средства Амалфеи, хранившиеся в роговой шкатулке, — ведь на эти средства он покупал, что хотел, себе и Гераклу. Итак, их спутники стали говорить: «У Геракла был рог Амалфеи, из которого он добывал себе, что бы ни пожелал». К этому и присочинили миф, а писатели, изображающие Геракла, добавляют к его облику рог Амалфеи.

XLVI. РАССКАЗ ПРО ГИАКИНФА⁹⁴

Гиакинф, сын Амикла, был красивым отроком. Заметил его Аполлон, заметил и Зефир. Оба увлеклись его красотой и стали соревноваться перед ним, в чем каждый был способен. Аполлон стрелял в цель, Зефир поднимал ветер. Первый доставлял удовольствие пением, второй внушал страх и смятение. Отрок склоняется к богу, а Зефира, объятого ревностью, побуждает этим к войне. Потом были занятия Гиакинфа гимнастикой и месть со стороны Зефира. Средством убийства юноши послужил диск — Аполлон его метнул, а Зефир перехватил (<и направил в юношу>). И тот погиб, но Земля не предала забвению несчастье: вместо отрока вырастает цветок, принимающий его имя, и говорят, что на листьях начертана его начальная буква.

XLVII. РАССКАЗ ПРО МАРСИЯ

Марсий был деревенским жителем, и был ему присущ музыкальный дар⁹⁵. Однажды Афина возненавидела авл, ибо он чуть не лишил ее красоты. Увидев свое изображение в ручье, она поняла, что случилось. Итак, богиня отбрасывает авл в сторону, в то время как при этом оказывается Марсий. Схватив авл, пастух приближает его к губам, и авл стал звучать с божественной силой даже вопреки воле употреблявшего его. Марсий счел эту силу за признак своего искусства. Он отправляется к Музам, отправляется к Аполлону, говоря, что не хочет больше жить, если не одолеет бога. В этом соревновании он терпит поражение, после которого с него сдирают кожу. Я видел во Фригии реку, называющуюся Марсий, и фригийцы говорили, что она из крови Марсия.

XLVIII. О ФАОНЕ

Жизнь Фаона проходила в челноке на море, где была переправа. Никто его ни в чем не упрекала, так как был он достойный человек и брал деньги за перевоз только с богатых. Его образ жизни был предметом восхищения у жителей Лесбоса, и богиня его хвалила. (Под богиней разумеют

⁹⁴ Главы XLVI—LII имеются только в одной группе рукописей и явно присоединены к сочинению Палефата из какого-то мифологического справочника, вовсе не ставившего своей целью критику мифов. С Палефатом эти главы в какой-то мере сближает только нетрадиционное изложение мифа в гл. XLVII. К мифу о Гиакинфе см. *Овидий*. *Метам.* X. 162—219; *Павс.* III. 19.4.

⁹⁵ По обычной версии Марсий — сатир. В остальном изложение мифа приближается к традиционному. См. *Геродот.* VII.26; *Диод. Сиц.* III. 59, 2—5; *Овидий*. *Метам.* VI. 382—400.

они Афродиту.) Приняв человеческий облик, а именно — уже состарившейся женщины, она договаривается с Фаоном о плавании. Он же был всегда готов и переправить <седока> и ничего не попросить за это. И что же после этого сделала богиня? Говорят, что Фаон преобразился и из старика стал молодым красавцем⁹⁶. Таков был Фаон, свою любовь к которому часто воспевала Саффо⁹⁷.

XLIX. РАССКАЗ ПРО ЛАДОНА⁹⁸

Гея решила прийти к реке Ладону, чтобы соединиться с ним. И когда они сошлись, Гея беременеет и родит Дафну, а ее полюбил Пифийский бог и говорил девушке любовные речи. Однако Дафна хранила благоразумие. Итак, пришлось ему ее преследовать, и он пустился бежать за ней. Прежде чем отказать богу, она на бегу просит свою мать принять ее в себя и сберечь ее такой, какой она была. Гея так и поступила, приняв Дафну в себя, а взамен нее тотчас выросло дерево. Аполлону, настигшему его в разгаре страсти, не оставалось ничего другого, как уйти прочь от дерева. Однако руки его потянулись к ветвям, и одна из них навеки украсила его голову. Говорят, что в Беотии⁹⁹ установлен и треножник, увитый лавром, на месте, где Дафну поглотила Земля.

L. О ГЕРЕ¹⁰⁰

Аргиевляне считали своей градодержлицей Геру и потому совершают установленное для нее празднество. Порядок его следующий. Берется повозка, запряженная белыми быками, а на повозке положено восседать жрице вплоть до достижения храма. Святилище же находится за пределами города. Вот однажды наступило время праздника, но обычай не мог быть выполнен из-за отсутствия быков. Трудность разрешила жрица — мать двух юношей, которых она впрягла в повозку вместо быков. Когда, таким образом, обязанность быков была выполнена ее детьми, жрица, встав против кумира Геры, стала просить награды за труд. И богиня, говорят, ее дала: охватил юношей тот сон, который стал концом их жизни.

LI. ОБ ОРИОНЕ

Орион — сын Зевса, Посидона и Гермеса¹⁰¹. Гирией, сын Посидона и Алкионы, одной из дочерей Атланта, жил в Танагре, в Беотии, и, будучи очень гостеприимным, как-то принял у себя богов. Хорошо принятые им

⁹⁶ См. *Лукиан*. Разговоры мертвых. IX.9; *Элиан*. Пестрые рассказы. XII. 18.

⁹⁷ Легенда о любви Саффо к Фаону (нигде в ее дошедших отрывках, впрочем, не упомянутому) составила содержание XV «Героиды» Овидия.

⁹⁸ Название случайное, так как речь идет в дальнейшем не о Ладоне, а о Дафне. Наиболее подробное изложение мифа — *Овидий*. *Метам.* I. 452—567, где, однако, Дафна названа дочерью речного бога Пеней и к нему же обращает свою мольбу. Дафна — дочь Ладона и Геи — аркадская версия, изложенная у Павсания (VIII.20.2—4); общаемая здесь история о влюбившемся в нее Левкиппе подробнее воспроизводится в «Любовных историях» Парфения (гл. XV), где отцом Дафны назван Амикл.

⁹⁹ Каким образом Дафна попала в Беотию, если она считается дочерью аркадского речного бога Ладона, не ясно.

¹⁰⁰ Пересказ истории о Клеобисе и Битоне, известной из Геродота (I.31). Прямого отношения к мифу и тем более к его критике она не имеет.

¹⁰¹ Следующая далее история достаточно подробно изложена Овидием (*Фасты*. V. 493—544) и коротко — *Гигином* (фаб. 195). По традиционной генеалогии, восходящей к Гесиоду (фр. 148), Орион — сын Посидона и дочери Минноса Евриалы.

Зевс, Посидон и Гермес, желая выказать ему свое благоволение, приказали просить, чего он хочет. Он же, будучи бездетным, попросил себе сына. Тогда боги, взяв шкуру от принесенного им в жертву быка, испустили в нее семя и приказали Гириею спрятать ее под землей и достать через десять месяцев. Когда этот срок прошел, родился Урион, названный так потому, что боги помочились ¹⁰² <в шкуру>; затем его переименовали в более благозвучного Ориона. Охотясь вместе с Артемидой, он попытался ее изнаsilовать; разгневанная богиня вызвала из земли Скорпиона, который укусил его в ногу у лодыжки, и тот умер ¹⁰³. Зевс, сжалившись, превратил его в звезду.

ЛИИ. О ФАЭТОНЕ

Фаэтон, сын Гелиоса, возмев неразумное желание взойти на отцовскую колесницу, долгими мольбами и слезами упросил его об этом. Когда же он взшел на колесницу и начал погонять лошадей, он не сумел ими хорошо править. Он не был способен ни вскочить верхом на коней, чтобы обуздать их, ни сохранить самообладание. Влекомый со страшной силой конями и побужденный собственной дерзостью, он оказался вблизи земли, был сброшен в реку Эридан и утонул, спалив огромную часть окрестностей ¹⁰⁴.

¹⁰² Имя *Ὀβρίων* сближается здесь с глаголом *ὀβρέω* «мочиться».

¹⁰³ См. *Аполлод.* I.4. 3—5; согласно Эратосфену (Созвездия. 32), Скорпиона насладила на Ориона Гея. О превращении Ориона в звезду см. также *Арат.* Явления. 634—646.

¹⁰⁴ Изложение традиционное, хотя и не совсем связное: кем был сброшен Фаэтон в Эридан? Судьбе Фаэтона и его сестер была посвящена несохранившаяся трагедия Эсхила «Гелиады» (фр. 68—73 а R). Более значительные отрывки дошли от «Фаэтона» Еврипида (фр. 771—786). Наиболее подробно о гибели Фаэтона — *Овидий.* Метам. II.1 — 339.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник
 ВОН — Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
 ИАН — Известия Академии наук СССР
 ИФЖ — Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 СА — Советская археология
 СВД — *А. П. Рифтин*. Старовавилонские документы. М.—Л., 1947
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 ТКАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции
 АЕА — *Archivo Español de Arqueología*
 AfO — *Archiv für Orientforschung*
 АНw — *Akkadisches Handwörterbuch*
 AJA — *American Journal of Archaeology*
 ANS MN — *The American Numismatic Society. Museum Notes*
 AnSt — *Anatolian Studies*
 ATR — *H. Torczyner*. *Altbabylonische Tempelrechnungen*. Wien, 1913
 BAR IS — *British Archaeological Reports International Series*
 BE — *The Babylonien Expedition of the University of Pennsylvania*
 CAD — *Chicago Assyrian Dictionary*
 CAH — *The Cambridge Ancient History*
 CHI — *The Cambridge History of Iran*
 DME — *A Debreceni Déri Museum évkönyke*. Debrecen
 EA — *S. Mercer*. *The Tell El-Amarna Tablets. V. I*. Toronto, 1939
 EAE — *Excavaciones Arqueológicas de España*
 IM — *Informes y Memorias*
 JAOS — *Journal of American Oriental Society*
 JCS — *Journal of Cuneiform Studies*
 LB — *Linguistique Balcanique*. Sofia
 MLAV — *Monografías del Laboratorio de Arqueología de Valencia*
 NAH — *Noticiario Arqueológico Hispánico*
 NC — *The Numismatic Chronicle*
 OMI — *Els Orígens del món Ibèric. Simposi Internacional // Ampurias, 36—38*. Barcelona, 1976—1978
 Or — *Orientalia*
 PPP — *Els Pobles preromans del Pirineu*. Puigcerdà. 1978
 RA — *Revue d'Assyriologie*
 RABM — *Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos*
 RN — *Revue numismatique*
 SAC — *Studies in Ancient Civilization*
 TCL — *Musée du Louvre. Département des Antiquités. Textes Cuneiformes. V. IX*. Paris, 1926
 UDBD — *F. E. Peiser*. *Urkunden aus der Zeit dritten babylonischen Dynastie*. Berlin, 1905
 UET — *Ur Excavations Texts. . . VII*. London, 1974
 UM — *University of Pennsylvania. The Museum Publications of the Babylonian Section. V. II/2*. Philadelphia, 1912
 WZJ — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena*
 ZA — *Zeitschrift für Assyriologie*

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» АН СССР за 1988 год

<i>Алексеева Е. М.</i> (Москва) — Горгипия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры	2	66
<i>Алиев И. Г.</i> (Баку) — Изучение проблем древней истории, филологии и археологии в Азербайджане в 1977—1987 годы	1	56
<i>Дьяконов И. М., Зеймаль Е. В.</i> (Ленинград) — Правитель Парфии Андрагор и его монеты	4	4
<i>Иванов Вяч. Вс.</i> (Москва) — В. И. Вернадский и история древности	4	38
<i>Колосовская Ю. К.</i> (Москва) — Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии	4	20
<i>Коптев А. В.</i> (Вологда) — О времени прикрепления сельских рабов к имению в Римской империи (<i>К вопросу об использовании памятников римского права в качестве исторического источника</i>)	3	30
<i>Кузьмина Е. Е.</i> (Москва) — Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы	2	35
<i>К 80-летию со дня рождения Сергея Львовича Утченко</i>	4	66
<i>Павловская А. И.</i> (Москва) — Отражение социально-политической борьбы в Египте в конце III в. в частной переписке и петициях	1	43
<i>Печатникова А. Г.</i> (Ленинград) — Неодамоды в Спарте	3	19
<i>Сазонова Н. Е.</i> (Ленинград) — К вопросу о сложении города	2	60
<i>Сайко Э. В.</i> (Москва), <i>Янковская Н. В.</i> (Ленинград) — Ремесленный тип организации труда на Ближнем Востоке в IV—II тыс. до н. э.	3	3
<i>Самодурова З. Г.</i> (Москва) — З. В. Удальцова — исследователь, организатор науки, педагог	1	5
<i>Сидоров А. И.</i> (Москва) — Арианство в свете современных исследований	2	86
<i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации	1	17
<i>Утченко С. Л.</i> — Основные направления и перспективы изучения истории античного общества (<i>Из архива</i>)	4	73
<i>Чипирова Л. А.</i> (Орджоникидзе) — Земельные отношения в семейной общине по «Обелиску Маништушу»	2	3

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Большаков А. О., Ильина Ю. И.</i> (Ленинград) — Египетские скарабеи с острова Березань	3	51
<i>Зубарь В. М.</i> (Киев) — Новое латинское клеймо из Ольвии	1	78
<i>Иванчик А. И., Петерс Б. Г.</i> (Москва) — Греческая надпись из раскопок Патрея в 1986 г.	2	119
<i>Касумова С. Ю.</i> (Баку) — Новые находки среднеперсидских надписей в Дербенте	1	88
<i>Наумов В. И.</i> (Николаев) — Клад литых ольвийских монет из с. Куцуруб Очаковского района	4	
<i>Никитин А. Б.</i> (Ленинград) — Перечеканка медных монет в Парфии (<i>Монеты I в. н. э. из музейных собраний Москвы и Ленинграда</i>)	1	82
<i>Никulina Н. М.</i> (Москва) — Эгейская печать из коллекции В. В. Павлова	2	98
<i>Пуцко В. Г.</i> (Калуга) — Два произведения пальмирской портретной скульптуры	3	68
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Декрет из раскопок 1985 г. в Памтикарее	4	81

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Арешян Г. Е.</i> (Ереван) — Индоевропейский сюжет в мифологии населения Междуречья Куры и Аракса II тысячелетия до н. э.	4	84
<i>Баюн Л. С., Орел В. Э.</i> (Москва) — Язык фригийских надписей как исторический источник. I	1	173
<i>Баюн Л. С., Орел В. Э.</i> (Москва) — Язык фригийских надписей как исторический источник. II	4	132
<i>Вогословская И. В.</i> (Ленинград) — Одежда кочевых и мигрирующих народов Ханаана по древнеегипетским изображениям XIV—XII вв. до н. э.	1	126
<i>Виц-Маргулес Б. Б.</i> (Гродно) — Взгляды Демокрита на социально-политическую организацию общества	2	143
<i>Вулих Н. В.</i> (Ухта), <i>Неверов О. Я.</i> (Ленинград) — Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа	1	162

<i>Гацбов В. А., Кошеленко Г. А., Новиков С. В.</i> (Москва) — Исследование памятников эллинистического времени на острове Файлака	2	183
<i>Гиндин Л. А.</i> (Москва) — Проблема славянизации карпато-балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского.	2	173
<i>Гиоргадзе Г. Г.</i> (Тбилиси), <i>Шифман И. Ш.</i> (Ленинград) — К интерпретации Армазской билингвы (строки 7—8 арамейскографичного текста)	4	168
<i>Егоров А. Б.</i> (Ленинград) — Проблемы титулатуры римских императоров	2	161
<i>Каплан Г. М.</i> (Москва) — К вопросу об изобретении античных токарных устройств для обработки камня, цветных металлов и сплавов	3	94
<i>Козловская В. И.</i> (Владимир) — Происхождение и характер раннеберийского города (VIII — первая половина IV в. до н. э.).	4	181
<i>Крюков В. М.</i> (Москва) — Надписи на западножюуских бронзовых сосудах из Фуфана	1	96
<i>Ломоури Н. Ю.</i> (Тбилиси) — О «Политии фасиспев» Гераклида	3	123
<i>Маразов Иван</i> (София) — К толкованию изображения на арибалле из кургана Куль-оба	4	103
<i>Мирзоев М. Н.</i> (Баку) — О рабстве в касситской Вавилонии	4	109
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа	1	156
<i>Сапрыкин С. Ю.</i> (Москва) — К ольвийской надписи IOSPE I ² 38	1	147
<i>Снитквуене А. П.</i> (Каунас) — Очерки по истории собирания египетских древностей в Литве	3	75
<i>Спейдл М. П.</i> (Гонолулу) — Капитаны и центурионы в Херсонесе Таврическом	3	119
<i>Тодуа Т. Т.</i> (Тбилиси) — Крепости Митридата VI Евпатора в Колхиде	1	139
<i>Устинова Ю. Б.</i> (Ленинград) — Родосские Агетории	2	157
<i>Фролова Н. А.</i> (Москва) — Проблемы монетной чеканки Боспора VI—II вв. до н. э. (По поводу выхода книги В. А. Анохина «Монетное дело Боспора». Киев, 1986)	2	122
<i>Эдаков А. В.</i> (Новосибирск) — Реформы Амасиса и их судьбы в позднесаисское время	1	112
<i>Шпилевский А. В.</i> (Москва) — Альмагест и хронология (Альмагест как источник по древней хронологии).	3	134

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Азбунов М. В.</i> (Москва) — П. О. Карышковский, И. Б. Клейм а н. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев, 1985	1	211
<i>Андреев Ю. В.</i> (Ленинград) — А. И. Зайцев. Культурный переворот в древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.	3	161
<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — Н. А. Померанцева. Эстетические основы искусства древнего Египта. М., 1985	1	201
<i>Вигасин А. А.</i> (Москва) — O. S t e i n. Kleine Schriften. Hrsg. von F. Wilhelm. Stuttgart, 1985	1	226
<i>Грандмезон Н. Н.</i> (Севастополь) — В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986	2	216
<i>Г.Ч.Г.</i> (Москва) — Новые издания «Тойбнеровской библиотеки». Лейпциг, 1987	4	
<i>Илюшечкин В. Н.</i> (Москва) — J. H o r n b l o w e r. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981	2	229
<i>Климов О. Ю.</i> (Мурманск) — R. E. A l l e n. The Attalid Kingdom: A constitutional history. Oxford, 1983	2	221
<i>Ланцов С. Б.</i> (Симферополь), <i>Павленков В. И.</i> (Евпатория) — Э. И. Солоник. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.	3	178
<i>Лисовой И. А.</i> (Львов) — L. W i n n i c z u k. Ludzie, zwyczajе, obyczajе starozytnej Grecji i Rzymu. Warszawa, 1983.	1	245
<i>Лопухова О. Б.</i> (Москва) — Cl. V i a l. Délos independante. BCH. Suppl. X. Athènes, 1984.	4	
<i>Масленников А. А.</i> (Москва) — Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.	4	
<i>Немировский А. И.</i> (Москва) — D. B r i g u e l. Les Pélasges en Italie. Recherches sur l'histoire de la legende. Roma, 1984	2	225
<i>Редер Д. Г.</i> (Москва) — История древнего Востока. Зарождение классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983	2	202

<i>Ртееладзе Э. В., Сагдуллаев А. С.</i> (Ташкент) — И. Н. Хлопкин. Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад, 1983	2	212
<i>Самозина Г. С.</i> (Петрозаводск) — А. С. Шофман. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984	1	215
<i>Скржинская М. В.</i> (Киев) — J. F. Kindstrand. Anacharsis. The Legend and the Aporhtegmata. Uppsala, 1981	3	202
<i>Согомонов А. Ю.</i> (Москва) — Раннегреческий полис и «героический век»: столкновение двух эпох в VIII в. до н. э. (Обзор материалов II Международного симпозиума при Шведском институте в Афинах)	1	230
<i>Сухачев Н. Л.</i> (Ленинград) — И. Н. Хлопкин. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983	1	221
<i>Тогмасъев С. Р.</i> (Ленинград) — Э. И. Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984	3	167
<i>Фихман И. Ф.</i> (Ленинград) — К 200-летию документальной папирологии	4	
<i>Шифман И. Ш.</i> (Ленинград) — Новые исследования по истории и истории культуры Финикии (Studia Phoenicia. V. III. Leuven, 1985; V. IV. Namur, 1986).	3	188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Аскарлов А.</i> (Самарканд), <i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Советско-французский коллоквиум по истории Средней Азии	2	235
Ассоциация антиковедов СССР и ее задачи	4	218
<i>Богословский Е. С., Зайцев А. И., Анфертьев А. Н., Левинская И. А.</i> (Ленинград) — Об этике научного работника (Письмо в редакцию)	2	254
<i>Гамкрелидзе Т. В., Вяч. Вс. Иванов</i> — лауреаты Ленинской премии	4	214
<i>Гизолашвили Е. Г.</i> (Тбилиси) — IV Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья	1	247
<i>М. А. Дандамаев</i> — лауреат Государственной премии СССР	4	216
<i>И. М. Дьяконов</i> — почетный доктор Чикагского университета	4	217
<i>Зайцев А. И., Верлинский А. Л., Гаврилов А. К.</i> (Ленинград) — Памяти Г. А. Стратановского	2	254
<i>Виноградов Ю. Г.</i> (Москва) — Петр Осипович Карышковский (1921—1988)	3	209
<i>Кобзев А. И.</i> (Москва) — Древнекитайская культура в докладах и сообщениях на XVII научной конференции «Общество и государство в Китае»	3	206
К 80-летию академика Бориса Борисовича Пиотровского	2	241
<i>Левинская И. А.</i> (Ленинград) — Заседание, посвященное 90-летию Я. М. Боровского	1	250
Научные чтения памяти С. Л. Утченко	2	247
<i>Сафонов М. С.</i> (Ленинград) — Сессия по проблемам культуры стран древнего Востока, Гатчина (15—19 декабря 1986 г.)	2	245
<i>Семина К. А.</i> (Москва) — IV Научные чтения памяти В. Д. Блаватского	2	250
<i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — Научная конференция «Фракийский клад из села Рогозен»	2	243
<i>Е. М. Штаерман</i> — лауреат Государственной премии СССР	4	215

ПРИЛОЖЕНИЕ

С к л а к К а р и а н д с к и й. Перипл обитаемого моря. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии <i>Ф. В. Шелова-Коведяева</i> (Москва)	1	253
То же (окончание)	2	260
П а л е ф а т. О невероятном. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии <i>В. Н. Ярхо</i> (Москва)	3	216
То же (окончание)	4	219
Указатель материалов, помещенных в «Вестнике древней истории» АН СССР за 1987 год	1	268
Указатель материалов, помещенных в «Вестнике древней истории» АН СССР за 1988 год.	4	235

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Журнал «Советская этнография» — единственное общесоюзное периодическое издание, рассматривающее широкий круг проблем этнографической науки: от происхождения народов мира и самых разных сторон истории культуры до этнических процессов в современном мире.

Сейчас, когда резко возрос интерес общественности к «белым пятнам» в отечественной истории и к межнациональным отношениям в нашей стране, которые по существу относились в недавние времена к зонам, закрытым для свободного обсуждения, журнал предполагает открыть новую рубрику «Национальные процессы сегодня», провести круглые столы, посвященные назревшим вопросам языковой и культурной политики в масштабах Союза ССР и отдельных его республик. К этим публикациям мы будем привлекать виднейших советских специалистов в данных областях — этнографов, историков, культурологов, философов.

Мы намерены внимательно рассматривать и такую важную сторону жизни нашей страны, как взаимодействие между культурой и природной средой, в частности, традиционной народной культурой и изменяющимся в условиях современного хозяйственного строительства природным окружением (например, на Крайнем Севере и на Дальнем Востоке). Широко будут представлены также материалы, исследующие культурные традиции народов СССР как таковые (хозяйство, жилище, одежда, пища, праздники, досуг, этикет, традиционная медицина и т. п.), их сохранение и использование в современных условиях.

Журнал будет по-прежнему предоставлять свои страницы для освещения таких животрепещущих проблем, как развитие семьи и социализации молодого поколения, история и современные судьбы народного искусства у нас в стране и за ее пределами.

Должное место будет уделяться сегодняшним этнокультурным процессам в зарубежном мире; истории отечественной и мировой этнографической науки; этносоциологическим исследованиям; этнографическому музееведению. Для освещения всех этих вопросов мы рассчитываем широко привлекать не только советских исследователей, но и авторитетных зарубежных коллег.

Наконец, мы намерены и далее информировать читателей о самых заметных новейших публикациях в СССР и во всем мире, в которых рассматриваются самые разнообразные проблемы этнографии, а также о событиях научной жизни в Советском Союзе и в других странах.

Журнал «Советская этнография» выходит 6 раз в год. Цена подписки на год 11 р. 40 к. Индекс журнала 70845.

Подписка на журнал принимается без ограничений во всех отделениях связи страны.

Редколлегия

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ ВДИ

Редколлегия и редакция журнала напоминают, что статьи принимаются объемом не более 2-х печатных листов, т. е. 46 страниц машинописного текста (независимо от числа авторов), в 3-х экземплярах вместе со списком сокращений, текстом резюме и списком специальных терминов на английском языке, встречающихся в резюме. Объем резюме для публикаций — до 2 страниц, для прочих статей — от 1,5 до 2,5 страниц в зависимости от объема статьи.

Текст статьи и примечания (внизу страницы) должны быть напечатаны через 2 интервала, нумерация сносок — валовая. Иностранный текст следует печатать на машинке. При оформлении сносок настоятельно просим придерживаться правил, принятых в ВДИ.

Редакция

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Дьяконов И. М., Зеймаль Е. В.</i> (Ленинград) — Правитель Парфии Андрагор и его монеты	4
<i>Колосовская Ю. К.</i> (Москва) — Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии	20

Из истории отечественной науки

<i>Иванов Вяч. Вс.</i> (Москва) — В. И. Вернадский и история древности	38
К 80-летию со дня рождения Сергея Львовича Утченко	66
<i>Утченко С. Л.</i> — Основные направления и перспективы изучения истории античного общества (<i>Из архива</i>)	73

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Наумов В. И.</i> (Николаев) — Клад литых ольвийских монет из с. Куцуруб Очаковского района	76
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Декрет из раскопок 1985 г. в Пантикапее	81

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Арешян Г. Е.</i> (Ереван) — Индоевропейский сюжет в мифологии населения Междуречья Куры и Аракса II тысячелетия до н. э.	84
<i>Маразов Иван</i> (София) — К толкованию изображения на арибалле из кургана Куль-оба	103
<i>Мирзоев М. Н.</i> (Баку) — О рабстве в касситской Вавилонии	109
<i>Баюн Л. С., Орел В. Э.</i> (Москва) — Язык фригийских надписей как исторический источник. II	132
<i>Гиоргадзе Г. Г.</i> (Тбилиси), <i>Шифман И. Ш.</i> (Ленинград) — К интерпретации Армазской билингвы (строки 7—8 арамейскографического текста)	168
<i>Козловская В. И.</i> (Владимир) — Происхождение и характер раннеберийского города (VIII — первая половина IV в. до н. э.)	181

КРИТИКА. ОБЗОРЫ. БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Масленников А. А.</i> (Москва) — Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983	200
<i>Фихман И. Ф.</i> (Ленинград) — К 200-летию документальной папирологии	202
<i>Лопухов О. Б.</i> (Москва) — C. l. V i a l. Délos independante. BCH. Suppl. X. Athènes, 1984	208
<i>Г.Ч.Г.</i> (Москва) — Новые издания «Тойбнеровской библиотеки». Лейпциг, 1987	212

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Наши лауреаты:</i>	
Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов — лауреаты Ленинской премии	214
Е. М. Штаерман — лауреат Государственной премии СССР	215
М. А. Дандамаев — лауреат Государственной премии СССР	216

И. М. Дьяконов — почетный доктор Чикагского университета	217
Ассоциация антиковедов СССР и ее задачи	218

ПРИЛОЖЕНИЕ

П а л е ф а т. О невероятном. Перевод с древнегреческого и комментарии <i>В. Н. Ярхо</i> (Москва) (<i>окончание</i>)	219
--	-----

Указатель материалов, помещенных в «Вестнике древней истории» АН СССР за 1988 год	235
К читателям журнала «Советская этнография»	238
Вниманию авторов и читателей ВДИ	238

